

Иногда смерть — это благо...

Ирса
Сигурдарттир
ВОЗЬМИ
МОЮ ДУШУ

КОРОЛЕВА

СКАНДИНАВСКОГО

ДЕТЕКТИВА

Холодное и прекрасное побережье Исландии. Дорогой спа-отель. ОТЕЛЬ, рядом с которым снова и снова находят трупы жертв жестоких ритуальных убийств...

По подозрению в преступлениях арестовывают владельца отеля Йонаса, и его адвокат и талантливый детектив-любитель Тора Гудмундсдоттир, решает помочь ему доказать свою невиновность.

Она начинает собственное расследование — и постепенно понимает: мотивы убийства следует искать в далеком прошлом. В страшной трагедии, лежащей в основе таинственных слухов и легенд, что связаны с местом, где построен отель Йонаса...

Ирса Сигурдардоттир

«Возьми мою душу»

Посвящается моему новорожденному внуку, не названному Манасоном.

Особая благодарность тебе, Пол Кьяртанссон, Гроза Почтальонов Урса.

Девочка поежилась, от холода по ногам и спине поползли мурашки. Сидя в кресле рядом с водителем, она вытягивала шею, стараясь рассмотреть занесенные снегом окрестности, но животных не увидела. «Еще слишком холодно, и скотину на улицу не выпускают», — подумала она. Ей очень хотелось выбраться из машины и зайти в дом, но она не осмеливалась спросить разрешения. Пока сидевший рядом мужчина пытался завести мотор, из глаз ее выкатилось несколько слезинок.

Сжав губы, она отвернулась. «Он может сильно рассердиться, поэтому пусть лучше не заметит, что я плачу». Она разглядывала дом, возле которого стояла машина, надеясь увидеть другую девочку, но из всех живых существ только домашний пес Ровер спал на ступеньках. Услышав шум мотора, он на мгновение поднял голову и взглянул на девочку. Она слабо улыбнулась, но пес равнодушно положил морду на лапы и закрыл глаза.

Мотор в конце концов затарахтел, и мужчина откинулся на спинку сиденья.

— Пора отправляться, — произнес он хриплым голосом, трогаясь с места, и кинул быстрый взгляд на девочку. — Давай немного покатаемся.

Дорога была неровной, и девочка, ерзая в кресле, завертела головой, стараясь не выпускать из виду дом.

— Держись крепче. И не вертись, — проговорил мужчина, не глядя на нее.

Наконец они добрались до шоссе и двинулись по нему в молчании. Девочка смотрела в окно, надеясь увидеть лошадей, но вокруг была пустота. Сердечко ее забило быстрее, когда показались знакомые места.

— Мы едем домой? — прошептала она, широко раскрыв глаза.

— Ну в общем, да, — ответил мужчина.

Девочка выпрямилась в кресле, пристально глядя в окно. Вдали возвышалась скала. Мать рассказывала, что очень давно в нее превратилась жена тролля. Вдали, на вершине крошечного холма, появилась встречная машина. Девочка непроизвольно подалась вперед, впившись взглядом в приближающийся армейский грузовик. Мужчина сбавил скорость и приказал ей пригнуться. Привыкшая прятаться и повиноваться, она тут же юркнула вниз. Мужчина напоминал ей дедушку, все время ворчавшего на солдат. «От армии ничего хорошего не жди», — частенько повторял он. Мама же шептала ей, что солдаты — люди замечательные, такие же, как дедушка, только молодые и красивые. «Как ты», — говорила она, и улыбка ее становилась прекрасной.

Послышался нарастающий шум приближающейся машины, потом они разъехались, и звук, постепенно отдаляясь, угас.

Девочка завертелась в кресле.

— Сиди спокойно, — сказал мужчина, и она, послушно затихнув, приникла к окну. — Ты знаешь сколько тебе лет?

— Четыре года. — Она старалась выговаривать слова четко, как учил ее дедушка.

Мужчина фыркнул:

— Уж больно ты тощая. Недокормленная.

Девочка, хотя и не знала последнего слова, догадалась, что быть недокормленной — плохо. В машине повисла тишина.

— Хочешь снова увидеть маму?

Глаза девочки расширились. Увидеть маму? От одной этой мысли она почувствовала себя лучше и энергично закивала.

Ноги уже не болели от холода. Она встретится с мамой, и все опять станет замечательно. Они свернули на хорошо знакомую узкую дорогу, ведущую к ферме. Девочка заулыбалась, впервые за долгое время. Машина подъехала к дому и остановилась. Девочка зачарованно смотрела на красивое высокое строение. Дом выглядел печально. В окнах не было света, из трубы не шел дым.

— Мама здесь? — удивилась она. Все было очень странным. Когда она в последний раз видела маму, та лежала в кровати, в доме мужчины, который привез ее сюда. Она болела. А перед этим заболел дедушка. Мама лежала, только девочка не могла ей помочь. Может быть, мама вернулась домой в ту ночь, исчезнув из своей постели? Но зачем она оставила ее с этим мужчиной? Нет, мама никогда бы так не поступила.

— Мама твоя не совсем здесь. Но вы все равно встретитесь. И ты останешься с ней навсегда. — Он натянуто улыбнулся, но девочка ничего не заметила, радуясь предстоящей встрече. И даже сейчас не осмелилась расспросить мужчину. Он вылез из машины, обошел ее спереди и распахнул дверцу.

— Вылезай. Скоро отправишься в маленькое путешествие к своей мамочке.

Девочка осторожно выбралась из машины и огляделась в надежде увидеть кого-то близкого, но вокруг было пусто.

Мужчина сжал ее ладошку в мягкой рукавичке.

— Пошли. Сейчас я тебе кое-что покажу.

Он шел быстро, большими шагами, и, чтобы не отставать от него, ей приходилось бежать. Они направились к сараю для скота, стоявшему за домом. В воздухе висел тяжелый запах навоза. Девочка хотела было зажать нос, но побоялась рассердить мужчину. По выражению его лица она догадалась, что и он чувствует зловоние. Приблизившись к сараю, мужчина приткнулся к одному из окон и, прикрыв рукой рот, отшатнулся. Девочка надеялась, что он не увидел в сарае ничего ужасного и с коровами все в порядке. «А почему там так тихо? — вдруг подумалось ей. Из сарая не доносилось ни звука. — Может быть, коровки спят?» Мужчина потянул ее за собой.

— Ну и запах. Того и гляди стошнит, — прохрипел он. Немного отойдя от сарая, мужчина резко остановился, окинул взглядом небольшую заснеженную поляну и выпустил руку девочки. — Да где же ты, черт подери? — раздраженно произнес он.

Опустив голову, она водила по снегу мыском ботинка, исподтишка наблюдая за ним. Он лихорадочно расшвыривал сапогами снег, явно что-то выискивая. Она пригорюнилась. Мамы в доме не оказалось. Не может же она быть под снегом? Ведь она болела.

Едва сдерживая рыдания, девочка прошептала:

— Где же моя мама?

— Она у Бога, — ответил мужчина, продолжая копать.

— У Бога? — смущенно повторила Кристин. — А что она у него делает?

Мужчина хмыкнул.

— Она умерла. Сейчас и ты пойдешь к Богу.

Девочка не поняла значения его слов. Она ни разу не встречалась с мертвыми.

— А Бог ведь хороший, правда? — Она и сама не знала, зачем обратилась к мужчине. Мама и дедушка часто говорили о Боге. Рассказывали, какой он хороший. Очень хороший.

— Мама от него вернется? — с надеждой спросила она.

Мужчина торжественно воскликнул:

— Вот он, нашел! — Нагнувшись, он руками в перчатках счистил остатки снега. — Нет, от Бога никто не возвращается. Раз хочешь увидеть мамочку, отправишься к нему.

Девочка оцепенела, ничего не понимая. Она смотрела, как из-под снега появляется стальная крышка люка. Мама строго-настрого наказывала ей не ходить сюда. Она никогда не отдалялась от дома. «Может быть, там сидит Бог?» — недоумевала Кристин.

Мужчина выпрямился, набрал в легкие побольше воздуха и второй раз за сегодня улыбнулся девочке, потом снова нагнулся, пытаясь поднять тяжелую крышку.

Она смотрела на него, и ей хотелось, чтобы он не делал этого. И перестал улыбаться. Он открыл люк и поманил ее к себе. Кристин нехотя подошла к большой черной дыре в земле.

— Бог там, внизу? С мамой? — проговорила она дрожащим голосом.

Мужчина продолжал ухмыляться.

— Нет, сейчас его там нету. Но он придет за тобой чуть попозже и возьмет к себе. Иди сюда. — Он положил руки на ее худенькие плечики и подтолкнул к дыре. — Хорошо, если бы тебя окрестили. Бог забирает только крещеных. Будем надеяться, что это так и Бог тебя запомнил. Церковные книги он не читает. — Усмешка его стала невыносимо холодной. — Хотя, — помедлил он, — давай-ка на всякий случай еще разок проведем церемонию. Мне будет жаль, если Бог откажется взять тебя к себе.

Не понимая происходящего, девочка словно замороженная взирала на разверзнувшееся перед ней отверстие в земле. «Мама никогда в такую дыру не полезет», — размышляла Кристин. Она слышала, как мужчина что-то бормочет себе под нос, разобрала слова «краткий обряд крещения», но подняла голову, только когда он развернул ее лицом к себе, сгреб ладонью горсть снега, приложил к ее лбу и сказал:

— Крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Он впился взглядом в лицо девочки. Лоб ее ломило от холодного снега, но она не чувствовала боли, испуганная выражением его страшных сверлящих глаз. Кристин отвернулась, сунула руки в карманы теплой куртки с капюшоном. Она начинала мерзнуть, теплые рукавички спасали ее ладошки от порывистого студеного ветра. В правом кармане куртки Кристин нащупала какой-то предмет и сразу же вспомнила про письмо. Мрачное предчувствие охватило ее, на несколько мгновений заслонив страх перед мужчиной. Она обещала маме доставить конверт, но не сдержала слова. Мама просила обязательно отнести конверт. Очень важный конверт. Это были ее последние слова. И теперь получалось, что она подвела свою маму. Девочка почувствовала, как по щекам побежали слезы. Довериться мужчине она не могла, потому что мама запретила показывать ему конверт. Закусив нижнюю губку, девочка стояла, не зная, плакать ей или молчать. Она зажмурилась, мечтая исчезнуть отсюда, очутиться в кровати, рядом с мамой, чтобы все стало как раньше. Когда она открыла глаза, перед ней был все тот же мужчина. Охваченная безысходностью, она беззвучно заплакала, слезы ручьями полились по щекам, исчезая в шарфике.

Мужчина потряс ее за плечи.

— Бог с радостью встретит тебя. Ты молитвы какие-нибудь знаешь?

Девочка отчаянно кивнула.

— Вот и хорошо. — Он заглянул в отверстие. — Я опущу тебя туда, а попозже Бог придет за тобой. А ты молись, пока он не появится. Поначалу будет холодно, но ты не бойся. Скоро ты уснешь и сразу же окажешься рядом со своей мамочкой в раю.

Как она ни старалась сдержать себя, плач перешел в громкие рыдания. «Ну почему, если

Бог такой хороший, он не придет за мной сейчас? Ведь мне не хочется опускаться в эту страшную дыру. И мама не позволяла ходить сюда». Девочка посмотрела на мужчину и поняла: выбора у нее нет. Неожиданно для себя она умолкла и замерла. Мужчина подхватил ее под мышки, приподнял и начал медленно опускаться в отверстие в земле. Девочка повернула головку, чтобы в последний раз увидеть ферму. Взгляд ее упал на чердачное окно. Она вздрогнула, заметив, что кто-то стоит там и смотрит на нее. Окно было грязным и находилось далеко, она не узнала стоявшего, а посмотреть второй раз не успела, уже через секунду очутившись в холодной полутьме. Она ничего не видела и лишь изо всех сил сдерживала страх. «Бог — хороший. А в окне был не призрак. А Бог — хороший». Едва люк закрылся, она услышала скорбные завывания. Плач мертвых детей. Но девочка старалась не думать о них.

— Бог — хороший. Так мама говорила, — прошептала она.

В дыре оказалось холоднее, чем на улице. Кристин попыталась было сесть, но пол промерз хуже кресла в машине, на которой ее привезли. Она обхватила себя руками. Перед тем как опустить крышку, мужчина сказал:

— Удачи. Передай привет своей мамочке. И Богу. Не забывай молиться. Много молись.

Девочка погрузилась во мрак. Она старалась не дрожать, дышать размеренно, но мешали рыдания. Однако больше всего ее мучила мысль о неотданном конверте. Она зажмурилась, потому что воображаемый свет успокаивал. «Может, кто-нибудь вытащит меня отсюда. Хотя бы тот, кто смотрел из чердачного окна. Вот было бы хорошо... хорошо... как хорошо». Ей вовсе не хотелось оставаться здесь. Она сложила ладошки и принялась молиться:

Я ложусь и засыпаю,
Душу Господу вверяю.
Если я умру во сне,
Пусть возьмет ее к себе.

Вторник, 6 июня 2006 года

— Письмовое отверстие, — поправила их Тора с вежливой улыбкой. — Так в распоряжении называется прорезь, в которую опускаются письма. — Она ткнула пальцем в лежащую перед ней компьютерную распечатку и, перевернув ее, пододвинула к сидящей напротив паре. Посетители нахмурились еще больше, и, прежде чем мужчина успел разразиться очередной тирадой, Тора поспешила продолжить: — Когда в две тысячи третьем году постановление об основных почтовых услугах за номером пятьсот пять от тысяча девятьсот девяносто седьмого года заменили постановлением номер восемьсот пять о всесторонних почтовых услугах, статья двенадцатая, касавшаяся почтовых ящиков, была отменена.

— Видишь?! — воскликнул мужчина и торжествующе посмотрел на жену. — Как я тебе и говорил. Теперь они не имеют права отказать нам в доставке корреспонденции. — Он повернулся к Торе, выпрямился и скрестил на груди руки.

Тора откашлялась.

— К сожалению, не все так просто. Новые правила соотносятся со строительными установлениями, касающимися расположения письменных отверстий. В них говорится следующее: «Письмовое отверстие должно быть расположено таким образом, чтобы нижний край его находился от земли на расстоянии не менее метра и не более метра двадцати сантиметров». — Она быстро перевела дыхание. Задерживаться не стоило, иначе мужчина снова перебьет ее. — Закон о почтовой службе номер двенадцать от две тысячи второго года гласит: «Служба доставки корреспонденции имеет право вернуть письмо отправителю, если расположение письменного отверстия не соответствует пункту в строительных правилах». — Дальше прочитать она не смогла, поскольку мужчина, возмущенно подпрыгнув на стуле, заголосил:

— А ну-ка постойте! Уж не хотите ли вы сказать, что мне больше корреспонденцию не будут доставлять, да еще и лишают права протестовать? — Он фыркнул и театрально замахал в воздухе руками, словно отражая атаку невидимых бюрократов.

Тора пожала плечами.

— Вы всегда можете перевесить почтовый ящик повыше.

Мужчина испепелил ее взглядом.

— Я, признаться, надеялся найти у вас поддержку, особенно после вашего обещания вникнуть в суть моего заявления.

Торе очень хотелось швырнуть распечатку в красную как гранат физиономию мужчины, но она лишь сжала зубы и продолжила:

— Я так и сделала, тщательно осмыслив ваше требование. — Она вымученно улыбнулась. Тора ожидала сразить пару своим энциклопедическим знанием актов, постановлений, инструкций и законов и невероятной способностью разбираться в них. Хотя, конечно же, подозревала, с какими сложностями столкнулась. Перед ней лежало одно из тех скучных дел, где хоть лоб расшиби, а толку не добьешься. Ее должно было насторожить странное волнение, звучавшее в голосе позвонившего ей мужчины. Сбивчиво, перескакивая с одного на другое, он поведал о своем несчастье, умоляя вмешаться в долгую муторную тяжбу, которую они на пару с женой вели с почтовой службой. Они только-только переехали в новый дом, отличный, сборный, доставленный из самой Америки. Строительная

конструкция включала в себя все детали, вплоть до самых мелких. Среди прочего имелась, разумеется, и дверь с почтовым ящиком. Его-то расположение и нарушало все правила. И вот однажды приходит жена домой и видит на двери записку, написанную от руки и сообщавшую, что корреспонденция им доставляться не будет, поскольку почтовый ящик расположен слишком низко. В будущем им предлагалось забирать приходящие письма на почте.

— Могу лишь посоветовать вам наилучший выход из создавшейся ситуации. Возбуждать дело против почтовой службы не рекомендую. Бесплезно также подавать в суд на представителя строительного комитета.

— Заказывать новую входную дверь — те же дополнительные расходы. И почтовый ящик я тоже перевешивать не стану, — заявил мужчина. — Я вам уже говорил об этом. — Супруги гордо переглянулись.

— Входная дверь встанет вам в гораздо меньшую сумму, чем судебные расходы. — Тора вручила паре последний документ из подготовленной к их приезду и лежавшей перед ней стопки. — Вот посмотрите. Это я написала, от вашего имени.

Оба потянулись к бумаге, но муж оказался проворнее.

— Почта или почтальон допустили процедурную ошибку. Вам, то есть каждому из вас, почтовая служба обязана была выслать заказным письмом официальное уведомление о неправильном расположении вашего почтового ящика и оставить время на ознакомление с ним. До момента полного ознакомления доставку писем прекращать нельзя.

— Доставку заказной корреспонденции! — выпалила женщина. — Как мы ее получим, если они не собираются нам ее приносить? — Она взглянула на мужа, довольная собой. Однако его ответ охладил ее радость, и лицо женщины снова приобрело тот сердитый вид, с которым она вошла в кабинет Торы.

— Ты хоть здесь-то не пори чепуху, — недовольно проворчал он. — Заказные письма не в почтовый ящик суют, а вручают лично. Ты за них расписываешься. — Он повернулся к Торе. — Продолжайте.

— Здесь содержится требование к почтовой службе соблюдать установленную процедуру — выслать заказное письмо со своими претензиями и определить срок на ознакомление с ним. Я запрашиваю два месяца. — Тора указала на бумагу, которую мужчина, прочитав, передал жене. — По прошествии данного времени мы больше ничего не сможем сделать, так что рекомендую вам перевесить почтовый ящик повыше. Если же это невозможно и менять дверь вы не собираетесь, то купите накладной почтовый ящик и повесьте в соответствии с правилами. Приколавив его, во избежание дальнейших недоразумений советую воспользоваться рулеткой или метром. — Тора оглядела супругов и сухо улыбнулась.

Мужчина свирепо смотрел на нее, о чем-то размышляя, и неожиданно осклабился.

— Хорошо, я согласен. Значит, говорите, два месяца почтальон будет доставлять нам письма независимо от того, на какой высоте находится почтовый ящик? — Тора кивнула. — Отлично. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Мы отошлем ваше письмо. Немедленно. Потом я оторву почтовый ящик и прибью его у самого порога, где он и будет висеть два месяца. А когда срок истечет, куплю другой. Пойдем, Герда.

Тора проводила их до двери, супруги поблагодарили ее и вышли. Мужчина горел желанием как можно скорее отправить письмо и начать второй этап битвы с почтальоном. Возвращаясь к столу, Тора покачала головой, изумляясь воинственности человеческого духа.

Оставалось только пожалеть почтальонов. Раньше их зарплата казалась ей высокой, но теперь она сочла ее незаслуженно низкой. Не успела Тора поудобнее устроиться в кресле, как в кабинет заглянул Браги, ее партнер по бизнесу и совладелец небольшой адвокатской конторы. Пожилой опытный юрист, он специализировался на разводах, а Тора сторонилась подобных дел. Ей по горло хватило собственного бракоразводного процесса. Браги же в этой области чувствовал себя как рыба в воде, и чем запутаннее и непонятнее было дело, тем охотнее он за него брался. Великолепно ориентируясь в супружеских отношениях, он умел разговорить супругов и заставить общаться без скандала и без рук.

— Как идет дело о почтовом ящике? — осведомился он. — Застопорилось? Будем обращаться в Верховный суд?

Тора усмехнулась.

— Нет, они согласились обдумать мое предложение. Но счет нужно послать им с курьером. Лично я не уверена, что почта согласится доставлять им корреспонденцию на их условиях.

— Как было бы замечательно, начни они разводиться, — мечтательно произнес Браги, потирая ладони. — Склока получилась бы — загляденье. — Он вытащил из кармана листок бумаги для записей. — Этот человек звонил тебе, пока ты разбиралась с губителями почтальонов. Просил связаться с ним, как только освободишься.

Тора посмотрела на листок и вздохнула, увидев имя: Йонас Юлиуссон.

— Забавно, — сказала она, глядя на Браги. — Он не сообщил, зачем я ему понадобилась?

Чуть больше года назад Тора помогла преуспевающему бизнесмену средних лет составить контракт на льготное приобретение земельного участка и фермы в Снайфелльсне. Йонас быстро разбогател где-то за границей, скупая радиостанции, находящиеся на грани банкротства, модернизируя и продавая с большой выгодой. Тора так и не поняла — всегда ли он был малость со сдвигом или неожиданно свалившееся богатство сделало его столь эксцентричным. На момент их встречи Йонас увлекался философией нью-эйдж и планировал построить громадный центр или спа-отель, где постояльцы могли бы и отдыхать, и, с помощью альтернативной терапии, лечиться от своих немощей, как физических, так и душевных. Тора покачала головой, вспоминая их первый разговор.

— Скрытые дефекты здания, так я понимаю, — резюмировал Браги. — Он выражал серьезное недовольство покупкой. — Компаньон улыбнулся. — Позвони ему сама, со мной он разговаривать не будет. Он считает тебя отличным адвокатом, приносящим успех, поскольку твоя Венера господствует в созвездии Рака. — Браги пожал плечами. — Кто его знает — может, для него хорошая астральная карта важнее диплома?

— Либо псих, либо гомик, — констатировала Тора, протягивая руку к телефону. Йонас действительно, прежде чем начать переговоры, попросил у Торы ее астральную карту. Тора ее сделала, и, по мнению Йонаса, она оказалась замечательной. Именно поэтому, как подозревала Тора, он предпочитал иметь дела только с ней. А еще она подозревала, что крупные адвокатские конторы отказали Йонасу в предоставлении астральных карт своих сотрудников, оттого ему и пришлось обращаться в мелкие. Иного объяснения в голову не приходило. Тора посмотрела на листок, принесенный Браги, и набрала номер.

— Але, — ответил мягкий баритон. — Йонас слушает.

— Привет, Йонас. Говорит Тора Гудмундсдоттир из «Сентрал лойерз». Ты просил позвонить.

— Да, все правильно. Не представляете, как я рад вас слышать! — Он испустил горестный вздох.

— Браги, наш сотрудник, с которым вы разговаривали, упомянул о некоем скрытом дефекте в приобретенной вами собственности. В чем он выражается? — спросила Тора и взглянула на Браги. Тот утвердительно кивнул.

— Тора, можете мне поверить: это не дефект, это ужас. Всплыл совершенно неожиданно, но владелец о нем отлично знал, уверяю вас. Знал и ни словом не обмолвился. Думаю, мне придется отказаться от своих планов.

— Сначала расскажите, какой дефект вы обнаружили и каким образом, — предложила удивленная Тора. Собственность проверяли уважаемые юристы и налоговые инспекторы, с их выводами Тора ознакомилась лично. Отчет исключал любые неожиданности и не выявлял ничего подозрительного. Площадь соответствовала заявленной к продаже, все права указывались, договор включал в себя большой участок земли и две фермы, очень старые, не подлежащие ремонту и требующие полной переделки.

— Дефект? — переспросил Йонас. — Он проявился на одной из старых ферм, где я построил отель. Она называется «Киркьюстетт».

— Да, я помню ее, — сказала Тора. — Видите ли, когда речь идет о недвижимости, сумма устранения скрытого дефекта должна составлять десять процентов стоимости; если она меньше, то теряется право требовать компенсацию. Трудно представить наличие подобного дефекта в здании, пусть и очень большом, но слишком старом. Кроме того, дефект обязан быть именно скрытым, невидимым для глаза. В отчете, предоставленном оценщиками, прямо говорится: здание требует полной переделки. Скрытых дефектов там, по-моему, просто быть не может.

— Обнаруженный дефект ставит под сомнение все мои предполагаемые операции с приобретенной собственностью, — твердо произнес Йонас. — И мне не важно, до какой степени он был скрыт и почему его не заметили оценщики. Мне это безразлично. Он есть — и этого достаточно.

— Йонас, вы можете, в конце концов, назвать этот дефект? — спросила заинтригованная Тора. Она вспомнила случай, услышанный несколько лет назад: в центре дома в Хверагерди неожиданно забил гейзер. Правда, насколько ей было известно, никакой геотермальной активности в тех местах отродясь не наблюдалось. А больше в голову ничего не приходило.

— Вы, как мне известно, вещами духовного плана не увлекаетесь и верить им не склонны, — тихо и вкрадчиво заговорил Йонас. — Мой рассказ вас, несомненно, изумит, но умоляю мне поверить. — Он немного помолчал и изрек: — Дом проклят. Он населен призраками.

Тора закрыла глаза. «Ну конечно. Как я могла забыть».

— Понимаю, понимаю... — Она взглянула на Браги и повертела пальцем у виска. Коллега сразу понял, что дело у Йонаса из ряда вон выходящее, и, наклонившись, приник ухом к трубке, чтобы не упустить ни слова.

— Я знаю, вы отнесетесь к моему сообщению скептически, — пробормотал Йонас, — только независимо от вашей реакции я все равно прав. О призраках, бродящих по дому, поговаривают все местные жители. Разумеется, продавцу было об этом известно, но он промолчал. Я называю подобное поведение жульническим, особенно учитывая осведомленность продавцов о моих целях относительно покупки. Я указывал, что собираюсь

сделать здесь спа-отель для особенных людей. Мои постояльцы, да и служащие, весьма восприимчивы ко всему трансцендентному и расстроены происходящим.

Тора прервала его:

— Не могли бы вы объяснить, как и в чем выражается проклятие дома?

— У него плохая аура. По комнатам блуждает злобный призрак — исчезают разные предметы, посреди ночи вдруг слышатся необъяснимые звуки, а кто-то видел силуэт маленькой девочки.

— Вот как? — Она не находила в перечисленном ничего странного. В ее доме тоже необъяснимым образом пропадают вещи, и довольно часто, особенно ключи от машины. И шумов вполне хватает. И дети то и дело появляются откуда ни возьмись.

— Речь идет не о ребенке, Тора, — терпеливо пояснил Йонас. — Здесь вообще нет никаких детей. Эта девочка не из нашего мира. Я увидел ее позади себя, когда смотрелся в зеркало, и уверяю — на свете нет таких слов, чтобы объяснить, насколько она нереальна.

По спине Торы пробежал холодок. Йонас явно не сомневался, что на самом деле столкнулся с необъяснимым фактом и невероятным существом.

«Так или иначе, каким бы невероятным существом ни было, Йонас его видел», — размышляла Тора.

— И как я, по-вашему, должна поступить? — осведомилась она. — Связаться с покупателями и обсудить возможность скидки? Вы к этому клоните? Только сразу предупреждаю: экзорцизмом я не занимаюсь и воздействовать на призраков не умею.

— Приезжайте сюда на уик-энд, — внезапно предложил Йонас. — Мне хотелось бы показать вам старые вещи, которые мы нашли в подвале, — может, они как-то помогут вам во всем разобраться. Номер уже подготовлен, заодно и здоровье восстановите — все процедуры к вашим услугам. Массаж на камнях и остальное. Разумеется, бесплатно. Вернетесь отсюда обновленная.

Тора и сама чувствовала — обновление ей не помешает. Правда, идее полноценного отдыха противоречила мысль о пребывании в доме, якобы населенном привидениями. Жизнь Торы в данный момент вертелась преимущественно вокруг внука, которого должна была вскоре родить подружка ее шестнадцатилетнего сына. Ситуацию усугубляли натянутые отношения с экс-супругом, упорно считавшим ее плохой матерью, неспособной воспитывать своего несовершеннолетнего сына. Всю вину за случившийся роман он возлагал не на гормоны, бушевавшие в парне, а на нее. И своими соображениями не преминул поделиться с родителями будущей матери, едва достигшей пятнадцатилетнего возраста. Тора вздохнула. Сколько же камней потребуется массажисту, чтобы избавить от забот ее бедную, измотанную душу?

— И что я должна смотреть? Может, ваше старье отправить сюда?

Йонас холодно рассмеялся.

— Это нереально, Тора. Мы обнаружили несколько ящиков, забитых старыми вещами — книгами, рисунками, фотографиями, всякими безделушками.

— А почему вы думаете, будто вся эта ерунда имеет какое-то отношение к скрытому дефекту? — усомнилась она. — Сам-то ты вещи рассматривал?

— Не могу. Попытался и бросил. Как только подхожу к ящикам — сразу в дрожь бросает. Вы же личность приземленная, наверняка ничего не почувствуете.

С подобным аргументом Тора более или менее соглашалась. Ауры, эльфы, призраки и прочая нечисть ее пока не беспокоили. Для частичной потери разума и появления судорог ей

не требовалось уходить в область нереального — материального мира хватало за глаза.

— Позвольте мне обдумать ваше предложение, Йонас. Я сверюсь с расписанием и завтра сообщу, когда смогу приехать. Такой вариант вас устроит?

— Да, конечно. — Йонас на секунду умолк, затем нерешительно продолжил: — Вы спрашивали, почему я считаю старые вещи относящимися к делу? — Он снова помолчал и медленно произнес: — В одном из ящиков я обнаружил фотографию маленькой девочки.

— И что? — спросила Тора.

— Той самой, отражение которой мельком увидел в зеркале позади себя.

Тора достала папку с документами на покупку собственности в Снайфельснесе, но, просмотрев их, ничего нового для себя не выяснила, по крайней мере не нашла ни единого намека на некий специфический скрытый дефект. Обычная сделка, если не считать многочисленных требований Йонаса относительно дат. Он, к примеру, настаивал на окончательном подписании в субботу. Боясь нарваться на лекцию по астрологии, Тора старалась не задавать ему лишних вопросов. Сделка не содержала в себе каких-либо примечательных деталей. Рядовая покупка-продажа земли и всего находящегося на ней, включая недвижимое имущество и ресурсы. В качестве продавцов выступали брат и сестра, Бёркур Тордарсон и Элин Тордардоттир, пятидесяти с лишним лет. Действовали они по поручению матери, давным-давно унаследовавшей землю от своего отца. Цену запросили умеренную, и Тора вспомнила, как позавидовала Йонасу. Для нее, крайне нуждавшейся тогда в деньгах, выкладываемая им сумма была целым состоянием.

Она улыбнулась при мысли о необходимости каким-то образом довести стоимость скрытого дефекта, в данном случае — привидения, до десяти процентов от суммы сделки, поскольку только в этом случае могла говорить с бывшими владельцами земли о компенсации. Однако перестала улыбаться, представив свой разговор с ними — ведь ей придется убеждать их в справедливости выдвинутых требований.

Фактически она общалась с братом, сестру видела всего однажды, во время подписания договора. С матерью же не встречалась вовсе — по словам Бёркура, та была совсем старенькой, к тому же прикованной к постели. Сам он произвел на Тору отвратительное впечатление своей наглостью, упрямством и тупостью. Зато сестра его, Элин, была женщиной скромной, неразговорчивой и уступчивой. Как показалось Торе, она в отличие от брата совсем не горела желанием избавиться от собственности. Вспоминая переговоры с ними, Тора несколько не сомневалась — Бёркур и слышать не захочет ни о какой компенсации. Она отложила в сторону папку с документами и, скрестив два пальца, пожелала, чтобы Йонас переменял решение, иначе ей понадобится все ее красноречие, дабы убедить его отступить.

Она проверила бумаги по текущим делам, немногочисленным, надо сказать, и неотложных среди них не обнаружила. Все ее клиенты могли подождать. Вообще адвокатская практика Торы не отличалась обширностью. Она в очередной раз посетовала на свою бесхозяйственность и глупость. В конце года она работала с одним богатым немцем, щедро отблагодарившим ее, и, будь у нее хотя бы капелька здравого смысла, вполне могла бы расплатиться со всеми своими долгами. Однако вместо этого залезла в новые, купив себе шикарный внедорожник повышенной проходимости и дом-автоприцеп. Тора и сама не знала, зачем загнала себя в столь жесткие финансовые рамки. Видимо, ее смутили мечты о будущих летних поездках по сельской местности, идиллические картинки путешествующей семьи: разведенная мамочка с двумя детьми — маленькой дочкой шести лет и шестнадцатилетним сыном-подростком, который сам скоро станет папашей. На момент покупки внедорожника, навевавшего розовые мечтания, малыш в картину не вписывался, поскольку Торе еще только предстояло навещать его каждый второй уик-энд. А как прикажете сочетать поездки к малышу и визиты ее детей к своему отцу по выходным? Предстояло лавировать между субботаами и воскресеньями, единственными разрешенными

днями. «Вот задачка для группы социологов-исследователей: составить график посещения ребенка несовершеннолетним отцом, который сам еще должен проводить четыре выходных со своим папашей. Кругом отцы выходного дня», — усмехнулась Тора.

Покончив с делами, она вошла в Интернет, ради интереса поискала информацию о Снайфелльсне и расположенных там старых фермах, «Киркьюстетт» и «Креппа», ныне принадлежавших Йонасу, но ничего достойного внимания не обнаружила. Никаких значительных событий ни прежде, ни в недавнем прошлом там не происходило. Пожав плечами, Тора решила проверить электронную почту и, уже уставшая, с некоторым неудовольствием увидела письмо от Мэтью, немецкого бизнесмена, с которым познакомилась, занимаясь его делом, принесшим ей в итоге внедорожник, комфортабельный дом-автоприцеп и новые долги. Честно говоря, они познакомились не просто, а, как говаривала ее бабушка, интимно, и вот теперь он загорелся желанием ее навестить. Мэтью спрашивал, не смогут ли они встретиться во время его предполагаемого краткого визита в Исландию. Тора была бы рада повидаться с ним, вот только свободный денек у нее появится не раньше 2020 года, когда ее дочери стукнет двадцать. «Так долго Мэтью ждать не станет», — усмехнулась она и решила не отвечать сразу, подождать до утра. Она поднялась, навела на столе порядок. «Интересно, зачем он сюда приезжает? Опять что-то серьезное?» — подумала она. На самом деле она отлично знала причину своего дурного настроения — по пути из кабинета ей предстояло пройти мимо Беллы, их секретарши. «Адской секретарши», как называла ее Тора. Беллу хитростью навязали им с Браги в качестве обязательного приложения к договору об аренде помещения.

Тора внутренне напряглась и покинула кабинет.

— Я уйду! — бросила она через плечо, минуя стол с Беллой, молодой женщиной, настолько непривлекательной, что иногда хотелось удлинить ножки стола, чтобы ее не видеть. Невольное чувство вины перед секретаршей заставило Тору выдавить слабую улыбку, получившуюся фальшивой. — До завтра, — сказала она как можно приветливее.

Белла приподняла густые брови и метнула в Тору неласковый взгляд, сопроводив его брезгливой усмешкой.

— Вы еще тут? Вау.

— При чем тут «вау»? А где же еще я должна быть? — удивилась Тора. — Вы видели, как я после ленча входила в кабинет и с тех пор не покидала его. Следовательно, я здесь. Вылетать в окно еще не научилась.

Торе показалось, будто секретарша прошептала ей вслед: «Очень жаль».

— Ваш бывший звонил, но я ему ответила, что вас нет. Сообщений он не оставил, — уже громче прибавила она.

Звонки от Ханнеса приступов радости у Торы не вызывали. В то же время ей не хотелось давать Белле поводов позлорадствовать над отрицательными моментами ее жизни. Поэтому она решила прекратить разговор, признавая бесполезность дискуссии. Послав Белле еще одну улыбку, она сняла с вешалки плащ. Она уже подошла к двери и взялась за ручку, когда Белла вдруг откашлялась, показывая, что для Торы есть кое-что еще.

— Да, чуть не забыла. Звонили из автомагазина. Вы просрочили очередной взнос за дом-автоприцеп.

Тора даже не оглянулась и спокойно вышла в коридор, тихо прикрыв за собой дверь. Сейчас она бы с удовольствием сделала массаж, обещанный Йонасом, хоть каменный, хоть любой другой.

Бирна тяжело вздохнула и осмотрелась. Сквозь легкий, плывущий над морем туман она понаблюдала за парой чаек, нырявших за рыбой, стараясь обогнать друг друга. Однако птицам не везло и, шумно хлопая крыльями, они взмывали вверх с пустыми клювами. Вскоре чайки скрылись в густой, как вата, пелене, повисшей у берега. Был отлив, на камнях валялись мокрые водоросли. Береговая линия выглядела необычно — песка нигде не было, повсюду лежали лишь гладкие камни разной формы и размеров. Бирна стояла у величественно красивой небольшой бухты, окруженной с трех сторон высокими базальтовыми утесами, похожими на ребристые колонны. Их будто специально создали для гнезд. Каждый выступ полнился птичьим гомоном. Бирна направилась дальше, туда, где утесы образовали следующую бухту, примыкавшую к этой. Приливная волна добиралась сюда через длинную каменную арку, выступавшую в открытое море, остальную часть бухты ограждали скалы. Увидеть ее можно было только сквозь просветы в каменных стенах, голоса же птиц разносились оттуда по всему побережью.

Бирна остановилась. Туман внезапно сгустился, уменьшив видимость до двух метров. Она снова глубоко вдохнула, вбирая особый аромат морского побережья. Будь у нее такая возможность, она бы спала здесь, на открытом воздухе, закутавшись в туман. Возвращаться в отель абсолютно не хотелось. «Но и так тоже бизнес не ведут», — размышляла она. Здание ей нравилось, всякий раз, глядя на него, она испытывала детскую гордость за свое творение — даже сейчас, когда оно еще только строилось и будущий вид можно было угадать лишь по мелким деталям. Бирна обожала даже вырытый котлован для фундамента. Место, выбранное для возведения отеля, захватило ее воображение в первый же приезд сюда. Оно возвышалось над морем в южной части Снайфелльснеса, но располагалось вдалеке от других и разглядеть его можно было, только подойдя вплотную. Сооружался отель на куске земли, поросшем густой травой, на шероховатом лавовом плато, простиравшемся почти от края воды. Простой и в то же время эффектный пейзаж вдохновлял, как и старый дом. Йонас нанял ее для разработки и строительства огромной пристройки, которая не должна была нарушать композицию. Поставленное условие создавало массу проблем, потому что Бирна терпеть не могла архитектурную скромность. Ее коньком всегда были размах и величественность сооружения.

Нынешний проект вызывал незнакомые чувства. Как бы она ни любила архитектуру, прежние работы оставляли ее равнодушной. Отель Йонаса призван был стать самым удачным ее проектом. Едва сделав первые наброски в своей студии в Рейкьявике, она сразу поняла, что нашла идеальное решение и находится на верном пути. Здание было лучшим из всего созданного ею ранее. «Оно принесет мне имя, сделает популярной», — думала Бирна.

Она и сама не могла понять, почему отель захватил ее воображение и получался идеально красивым. Ни в местном ландшафте, ни в самом старом доме не было ничего примечательного; правда, для своего времени он явно считался просто великолепным. Здесь около полувека никто не жил, но сохранился он отлично. «Кто-то наверняка присматривал за ним, — решила Бирна. — Возможно, намеревался использовать коттедж летом или даже уехать из города и там поселиться». По крайней мере внутреннее убранство оставалось старым, ничто не напоминало о современности. Повсюду толстым слоем лежала пыль, хотя кое-где стояли мышеловки, свидетельствуя о стремлении незримого владельца избежать лишних повреждений. Когда Бирна впервые вошла в дом, ее передернуло при виде маленьких скелетиков, распластанных у мышеловок, в остальном же коттедж произвел

самое благоприятное впечатление как внутри, так и снаружи.

Бирна посмотрела на часы. «Что стряслось? Опять его задержали на этом дурацком сеансе? Ведь в сообщении все ясно сказано, — подумала она и, вытащив из кармана мобильник, снова прочитала текст. — Все правильно. „Встретимся у бухты в девять“. Какого черта он опаздывает?»

Прежде чем убрать телефон в карман, она осмотрелась. Это место всегда ее раздражало, поскольку мобильная связь здесь была крайне неустойчива.

Она решила вернуться поближе к бухте. «Может, он уже пришел и ждет меня там?» Обзор отсюда был плохой, и даже если бы тот, с кем у нее назначена встреча, давно ждал, она бы его не заметила. Да и шагов не расслышала бы — любой посторонний шум тонул здесь в резких криках птиц. Она направилась к берегу, внимательно глядя на поскрипывающие под ногами гладкие камни, боясь оступиться. Бирна радовалась, что он наконец-то согласился с ней, понял ее замысел.

Сколько сил она потратила, пытаясь втолковать ему свою мысль! Честно говоря, она и сама засомневалась в своем проекте, уж очень яростно и убедительно он возражал. Теперь, когда он оценил ее задумку, Бирна могла гордиться собой — свое решение он переменял благодаря ее стараниям. Ей пришлось уступить и переспать с ним. Хотя бы во имя достижения желаемого результата, раз уж удовольствия получить не удалось. Бирна стремилась завладеть будущими проектами, заранее нейтрализовав конкурентов, поскольку он задумывал развернуть здесь крупное строительство. Хотя, в общем, она, можно сказать, и застолбила за собой участок, следовало и впредь держать его в жестких рамках, не допуская возражений. Одним словом, унылый акт являлся для нее обременительной неизбежностью.

«Ну что такое бесславный любовник в общей массе? Одним больше, одним меньше. Какая разница? Зато весь Рейкьявик заговорит обо мне», — с улыбкой подумала Бирна.

Пронзительные крики, донесшиеся с утеса, вывели ее из мечтательного настроения. Казалось, все птицы спустились с небес и разом заорали. Возможно, таким образом они пытались напомнить лежащему в тумане миру о своем существовании. Бирна вздохнула и потуже запахнула свой анорак. Становилось холодно. Лето выдалось просто отвратительное. Она подошла к бухте и, никого там не увидев, позвала его, но ответом ей было молчание. Прошло десять минут. «Даю ему еще пять и — ухожу», — решила Бирна, сожалея, что пришла сюда. Закипающий в ней гнев, согривал ее.

«Да как он смеет заставлять меня ждать так долго?! — негодовала она. — Это же не теплое кафе в Рейкьявике. Там хотя бы можно время убить за журналами, а тут-то что делать?» Прекрасный вид, как, впрочем, и везде на полуострове, настроения не улучшал — повсюду стоял туман. Пять минут истекут, и она уйдет. Обязательно уйдет. Потому что мочевого пузыря у нее того и гляди лопнет. Ей вдруг пришла в голову странная мысль, не имеющая ничего общего ни с ее бесцельным блужданием по берегу, ни с негодованием, ни с одиночеством в холодном тумане. Внезапно ее охватила грусть — она так мало узнала о геологии Снайфелльснаса вообще и данной местности в частности. Вот как, например, образовалась Киркьюфелл, гора, совершенно очаровавшая ее? Она поднималась из моря, у северного побережья полуострова, одиноко возвышаясь над ним, и, насколько смогла выяснить Бирна, имела невулканическое происхождение. Жаль, что в школе она не проявляла большого интереса к учебе. Бирна пообещала себе по возвращении домой немедленно восполнить недостаток образования. Пообещала так же твердо, как и в первый свой приезд сюда, потому что гора сразу же поразила ее, вот только обещание и по сей день

оставалось невыполненным.

Она стояла, привалившись к утесу. Птицы наверху яростно загомонили, и Бирна, вздрогнув от неожиданности, отступила от камня на пару шагов. Ее вдруг охватило беспокойство, она поежилась. Уже не раз она чувствовала себя здесь неуютно. Было в этом месте нечто странное, хотя и не связанное с мрачными рассказами шизанутых работников отеля, называвших себя духовными наставниками постояльцев, по мнению Бирны, таких же стеганутых. Нет, никакого страха тут не ощущалось. Только постоянно нарастающий дискомфорт, непонятно чем вызванный. Он появился в первый же ее приезд сюда. Едва Бирна вошла в дом и наткнулась на крошечные скелетики мышей, по спине побежали мурашки. Мало-помалу дискомфорт перерос в беспочвенную, неотступную тревогу. Причину Бирна затруднялась объяснить. Она была далека от суеверий и не усматривала связи между своим состоянием и бреднями о блуждающих привидениях. Бирна считала, что все эти рассказы персонал отеля выдумывает специально, с непонятными ей целями. Ее пробил озноб, она снова поежилась, на этот раз, чтобы, стряхнув неприятные мысли, придать своим рассуждениям логичность. «Ну и сукин же сын! Решил дешевую мелодраму разыграть», — подумала Бирна. Друзья и подруги считали ее личностью сильной, но несколько скучноватой, за прагматизм и непреклонное стремление оставаться реалисткой. Работы для нее здесь было — непочатый край. Йонас мечтал максимально развернуть свой бизнес, понастроить отелей для таких же придурков, что собрались у него сейчас. И потребность в отелях была, и перспективные постояльцы имелись в неограниченном количестве. «Откуда у этих идиотов столько денег? — удивлялась Бирна. — Йонас со своей идеей не расстанется, я уверена. Не зря же он сюда зазвал всю эту обслуживающую духовную шатию-братию. Да, наставнички из них — хоть куда».

Бирна вспомнила Эйрикюра, одного из постояльцев, специалиста по чтению ауры, и улыбнулась. Не успев войти в отель, он впился в нее взглядом, схватил за руку и прошептал: «У вас темная аура, берегитесь. Смерть бродит рядом с вами». Бирна поморщилась — у специалиста изо рта отвратительно пахло.

Все. Пять минут прошло. Можно со спокойной совестью уйти и снова приняться за работу. Время у нее было ограничено. Если бы не полученное сообщение, она бы и сейчас сидела над чертежами нового здания и — кто знает? — возможно, нашла бы приемлемое решение. Строение предполагалось возвести рядом с главным корпусом, но Бирна пока не нашла для него подходящего места. Не нравилась ей территория — куда ни смотри, все кажется неудобным. Почва вроде бы нормальная, рельеф — тоже, и тем не менее что-то Бирну смущало. Не устраивал ее этот участок, чувствовалась в нем какая-то дисгармония, но какая — она и сама не понимала. Куда бы она ни пыталась пристроить новое здание, не вписывалось оно ни в рельеф, ни в пейзаж — и все тут.

«Наверное, я просто устала. Слишком много думала, навоображала разной ерунды. Последние полтора года вкалывала не разгибаясь», — уныло подумала она. Йонас искал архитектора с определенным знаком зодиака, способного полностью сосредоточиться на проекте. Он попросил ее приехать, она согласилась и вот уже неделю безвыездно жила здесь, пытаясь выведать у служащих, не видят ли они чего-то странного, но безуспешно. В большинстве случаев ей задавали встречный, еще более простой и очевидный вопрос: «Почему бы не выбрать другое место, если территория вокруг главного корпуса вас так настораживает? Земли тут много». Они не понимали ее. Разбирались только в расположении созвездий. Бирна же, в свою очередь, разбиралась в расположении зданий. По ее мнению,

новое строение следовало возводить рядом с главным корпусом, и нигде больше.

Крик чаек, и без того громкий, все усиливался, но Бирна не слышала его. Впав в глубокую задумчивость, она ничего не замечала вокруг. Осторожно ступая по камням, она направилась к тянувшейся вдоль берега широкой тропинке, посыпанной гравием. И внезапно остановилась как вкопанная, внимательно прислушиваясь. Позади нее скрипнули камни. Она собиралась уже было обернуться, обжечь его гневным взглядом и высказать свое недовольство, накопившееся за время бесцельного ожидания. Ведь из-за него она бездарно истратила чертову уйму времени. Начав движение, она заметила его. Он стоял совсем рядом. Полностью повернуться она не успела. Сквозь истошный крик птиц на утесе Бирна явственно слышала свист рассекаемого морского воздуха, краем глаза успела заметить стремительно приближающийся к голове крупный камень и в тот же миг почувствовала страшный удар в лоб. Больше она ничего в этой жизни не увидела. Зато многое почувствовала. Погрузившись в смутное состояние, напоминавшее полусон, она ощутила, как ее волокут по грубой земле. Ощутила холод тумана и мурашки по всему телу, с которого сползала одежда, привкус крови на губах и тошноту. Ноги пронзила жуткая боль.

«Что происходит?» — изумлялась она, словно в полусне, непонятном и неуловимом. В ушах звенел знакомый голос, но почему этот человек так поступал с ней? Она попыталась заговорить, но не смогла вымолвить ни слова. Станный хрип вылетел из ее горла. Происходящее казалось невероятным.

Прежде чем провалиться во тьму, она вспомнила, что так ничего и не прочитала о происхождении горы Киркьюфелл. Это было самое неприятное из всех ощущений.

Пара нырявших в воду чаек, за которыми Бирна наблюдала совсем недавно, сидела на берегу, глядя на нее сквозь туман. Птицы терпеливо ждали, когда вновь воцарится тишина. Все здесь живут своей жизнью, сами о себе заботятся. И никто не должен голодать.

Пятница, 9 июня 2006 года

— Не представляю, что могло случиться с Бирной, — пробормотал Йонас, потянувшись к чашке с напитком, чудодейственные свойства которого только что воспевал Торе.

Это был особый отвар из смеси местных трав, способных, по словам Йонаса, излечивать всевозможные боли и немощи. Тора пригубила настой и по отвратительному вкусу сразу поняла: снадобье обладает исключительной пользой.

— Я так хотел познакомить вас, — прибавил Йонас, отпил глоток и осторожно опустил на блюде тонкую, китайского фарфора, чашку с изящно изогнутой ручкой. В громадной его лапище она выглядела наперстком, а блюде — расплющенной монеткой. «Какой нелепый вид, — подумала Тора. Йонас, высокий и широкоплечий, крупный, но не толстый, с обветренным загорелым лицом, скорее напоминал бывалого рыбака. — Ему бы прихлебывать на борту траулера горячий кофе из обливной кружки, а не лакать несусветное травяное варево из наперстка после занятий йогой».

Тора улыбнулась и поудобнее устроилась в кресле. Они сидели в офисе Йонаса, в отеле, спина ныла после долгой поездки на запад от Рейкьявика. Движение в пятницу было крайне интенсивным. Кроме того, ей пришлось завозить детей к их отцу, и хотя Гардабаэр, где стоял его дом, находился по пути, на выезде из города, минутная остановка принесла получасовую потерю времени. Вереница машин едва тащилась по забитой автостраде. Казалось, все жители столицы выбрали именно это направление. Официально уик-энд еще не наступил, но Ханнес предложил Торе чуть сдвинуть время, поскольку собирался на будущей неделе отправиться за границу на какую-то медицинскую конференцию и график посещения все равно бы сбился. Она решила и детей к отцу отправить пораньше, и поймать Йонаса на слове, воспользовавшись его приглашением посетить отель нью-эйдж в Снайфелльсне. Хотелось объединить приятное с полезным — отдохнуть, расслабиться под обещанным хваленым массажем на камнях и проверить опасения Йонаса. На самом же деле Тора собиралась любой ценой отговорить его от требований компенсации в связи с происходящими в доме странностями. Покончить с этим делом как можно быстрее, отправиться в свою комнату и поспать.

— Ну, раз она должна прийти, значит, придет, — сказала Тора, только чтобы поддержать разговор. Архитектор вполне могла оказаться хронической алкоголичкой, вывалиться в пьяном виде из машины, попасть в больницу и не появиться в отеле еще месяц.

Йонас недовольно фыркнул.

— Не похоже на нее. Мы собирались сегодня утром обсудить эскизы, — проговорил он, явно раздраженный поведением архитектора.

— Возможно, она отправилась в Рейкьявик за какими-нибудь документами? — предположила Тора, в душе желая закончить наконец разговор об архитекторе. Боль в спине начала распространяться на плечи.

Йонас покачал головой.

— Ее автомобиль стоит возле отеля. — Он хлопнул ладонями по краю столешницы. — Ладно, не будем больше ее ждать. В конце концов, вы — здесь. Тогда с вас и начнем, — слабо улыбнулся он Торе. — Правда, хотя я и сгораю от нетерпения рассказать вам о призраке, придется подождать более удобного времени. Сейчас мне нужно заняться текучкой. Я взял за правило в конце каждого дня беседовать со своими служащими. Мне

легче ориентироваться в делах и решать проблемы, если я буду знать о них с момента возникновения. Можно вмешаться сразу и все исправить.

Тора поднялась, радуясь передышке.

— Да, конечно. Не волнуйтесь, поговорим завтра. Я здесь останусь на все выходные, у нас еще будет время все обсудить. — Закидывая на плечо сумку, Тора ощутила неприятный запах и поморщилась. — Что это так воняет? — спросила она Йонаса. — Уже на автостоянке чувствуется. Здесь нет поблизости рыбокомбината?

Йонас повел носом, с шумом втянув воздух, и недоуменно посмотрел на Тору.

— Я ничего не чувствую. Может быть, сам давно пропах? Хотя постоите, неподалеку на берег выбросило мертвого кита. Когда ветер дует в нашем направлении, действительно немного пахнет.

— И что же? — поинтересовалась Тора. — Вы ждете, пока туша совсем не сгниет? — До нее снова долетел тошнотворный запах, и она поморщилась. «Было бы замечательно, если бы скрытый недостаток представлял собой нечто подобное. Такую мелочь мы разрешим в несколько минут».

— Вы привыкнете, — пообещал Йонас, поднял трубку и набрал номер. — Привет. Направляю к вам Тору. Проводите ее и запишите на вечерний массаж. — Йонас попрощался и положил трубку. — Идите к администратору. Я оставил для вас лучший номер с великолепным видом. Уверен: вы не разочаруетесь, что приехали сюда.

До номера Тору провожала молоденькая девушка. Очень маленькая, едва достававшая ей до плеча. Тора пожалела малютку, когда та тащила ее тяжелую сумку, но свою помощь не предложила. В конце концов, она взяла куда меньше вещей, чем обычно, но все равно много. Тоже как всегда. Выходные, по мнению Торы, отличались от будней тем, что позволяли носить одежду, которая в другие дни пылилась в платяном шкафу, однако заканчивались всегда одним и тем же — в субботу и воскресенье она одевалась как обычно. Тора шла за девушкой по длинному коридору, казавшемуся шире благодаря застекленной крыше. Солнце играло в тоненьких светлых волосах ее провожатой.

— Замечательное место. Работать здесь, наверное, одно удовольствие, — попыталась она завязать разговор.

— Да ну его, — ответила девушка не оборачиваясь. — Я ищу другую работу. Здесь я временно, пока не подвернулось что-нибудь получше. Нет тут ничего замечательного.

— Вот как? — искренне удивилась Тора, не ожидавшая столь откровенного ответа. — Люди не нравятся? Или работа скучная?

Не сбавляя скорости, девушка покачала головкой.

— И да и нет. Люди в основном нормальные, но есть и полные суки. — Она остановилась возле одной из дверей, выудила из кармана пластиковую карточку и открыла номер. — Хотя я не слишком разбираюсь в той хрени, которую они навязывают всем своим гостям.

«Репутация отеля только выиграет, если они будут держать эту девчужку подальше от постояльцев, — подумала Тора. — Иначе она всех распугает».

— Значит, из-за них ты и собираешься уходить? — продолжила она свои расспросы.

— Не совсем, — отозвалась девушка, пропуская Тору вперед. — Из-за другого, только не знаю, как это объяснить. В общем, место здесь плохое.

Тора вошла в номер и не видела лица девушки в момент произнесения последней фразы — его скрыла дверь. Она не поняла, говорит ли та серьезно, но, судя по голосу, горничная не

шутила. Оглядев действительно отличный номер, Тора подошла к громадному, во всю стену, окну, выходявшему на океан.

— Плохое? — повернулась она к девушке. — В каком смысле?

Идиллический вид за окном свидетельствовал об обратном; сверкающие пенистые волны с тихим шорохом набегали на берег.

Горничная пожалала плечами.

— В обычном смысле. Просто плохое. Тут всегда было плохо, и все это знают.

Тора удивленно вскинула брови.

— Так уж и все? И кто же именно?

«Если местечко пользуется дурной славой и продавцу данный факт известен, то шанс требовать компенсацию есть, хоть и мизерный», — мелькнула у нее мысль.

Девушка посмотрела на нее с выражением изумленного подростка.

— Как кто? Да я же сказала — все. Все здешние работники.

Тора улыбнулась. Она хоть и не знала нравов обитателей южного побережья Снайффельснаса, но понимала; значение слова «все» немного отличается от обычного.

— И что же такое вы знаете?

Девушка внезапно замолчала, разглядывая ботинки и сунув руки в карманы своих не по размеру широких джинсов.

— Мне идти нужно, — пробормотала она. — Не стоило вам этого говорить. — Горничная развернулась и вышла в коридор. — Потом, может быть, — бросила она и, остановившись в дверях, обернулась, умоляюще глядя на Тору. — Вы только Йонасу ничего не говорите, а то мне нагоняй будет. Ему не нравится, когда я слишком много болтаю с гостями. — Она потерла ямку между большим и указательным пальцами на левой руке. — Он же мне будет писать рекомендацию. Я хочу найти работу в Рейкьявике, тоже в каком-нибудь отеле.

— Не волнуйся, я не обычный гость. А Йонасу скажу, что ты очень трудолюбивая и крайне любезная девушка. И попрошу у него разрешения поговорить с тобой. Сюда я приехала по просьбе Йонаса, чтобы помочь ему в решении некоторых вопросов. Полагаю, наша беседа пойдет на пользу и мне, и ему. — Тора не сводила с горничной глаз. Та посмотрела на нее с сомнением. «Кстати, как же я ее завтра найду?» — подумала Тора и спросила: — А как тебя зовут?

— Сольдис, — ответила та, на секунду задержалась возле двери, словно размышляя, как поступить, затем смущенно улыбнулась Торе, попрощалась и ушла.

Бергюр Кетилссон хоть и знал, что дома его ждет жена с вечерним кофе, особенно не спешил. Вечера он предпочитал проводить не в угнетающей тишине дома, сидя напротив жены и изображая семейное счастье, а вне его, на природе. От одного воспоминания ему становилось дурно. Женаты они уже двадцать лет, отношения сложились неплохие, но между ними никогда не было истинной страсти, даже в период короткого ухаживания. И склонности к бурному проявлению чувств жена не проявляла. Потребность в страсти он обнаружил у себя совсем недавно.

Немного поздновато для неполных сорока лет. Жизнь его, вне всякого сомнения, сложилась бы иначе, раскрой он свой характер, прежде чем встретился с Розой, своей будущей супругой, размером и весом напоминавшей малотоннажную баржу. Узнай он о своей пылкой натуре пораньше, вместо женитьбы уехал бы в Рейкьявик. В юности он очень

любил исландский язык, правда, никому не признавался в своем увлечении. Какой прок от него в Богом забытом уголке? И какое образование он мог получить на старой ферме? Пришлось приспособливаться. Он уныло очищал гагачьи гнезда, собирая пух. Недавние морозы сказались на птицах. Потомства они вывели мало, и количество гнезд заметно упало. А в будущем году, по мнению Бергюра, их будет еще меньше.

Он шел неторопливой походкой. Вдали, над макушками гор, показалась крыша отеля. Бергюр попытался представить, чем сейчас занимаются его постояльцы. И не смог. Поежился и двинулся дальше. Настроение было подавленное, поэтому он решил удлинить дорогу домой — пройти кружным путем, вдоль бухты.

Бергюр отклонился от обычного маршрута отчасти по причине вполне практической — хотел проверить, как перенесли холода наседки. Погруженный в свои думы, он ускорил шаг. По сути, до эмоционального кризиса его довел отель, построенный здесь. Бергюр примирился бы со своим пресным существованием, без радости, но и без отчаяния. Поэтому он так и не смог бы сформировать о нем твердого мнения, не испытав ни счастья, ни горя в количестве, достаточном для целостных логических выводов. Заметив гнездо, он осторожно приблизился и увидел двух мертвых птенцов. Гагары поблизости не было, и Бергюр подумал, что и ее тоже убил холод.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в бухте. В немногих гнездах находились птенцы. Вид их несколько его утешил. «Значит, на будущий год гагар и птиц-санитаров будет поровну», — подумал он и, обогнув утес, побрел к ферме. Ступал он тяжело и медленно, решительно не желая туда идти. Даже невыносимая вонь гниющего на берегу кита расстраивала его меньше, чем мысль о доме. Тошнотворный запах соответствовал настроению. Бергюр пошел чуть быстрее. Наверное, ему следовало бы бежать, влететь в комнату и сообщить Розе, что он нашел другую женщину. Повеселее, поумнее, покрасивее и помоложе, более ему подходящую. Во всех отношениях превосходившую Розу. На мгновение такой поворот событий показался ему самым разумным. Он все оставит жене — ферму, скот, лошадей, птичью колонию. Он никогда ни на что не станет претендовать, поскольку отправляется в мир радости и счастья. Однако чудесное озарение скоро растаяло. Роза одна не справится с хозяйством, так что его предложение вряд ли ее обрадует. Говоря по совести, она никогда не любила ни сельскую жизнь, ни ферму, безразлично взирая на все, что ее окружало. Если кто-то и мог всколыхнуть ее чувства, так это их кот. Точно так же она относилась и к супружеской жизни: никогда не испытывала от нее восторга, не наслаждалась в постели. Странно, но сам он был таким же. Теперь же стал совершенно другим.

В центре пляжа он вдруг споткнулся и удивленно посмотрел вниз. Здешние места он знал как свои пять пальцев, двигался всегда уверенно и мог бы пройти вслепую, не задев валунов и не оступившись на валявшихся камнях. Приглядевшись, он заметил на земле выпуклость, которую никогда прежде не видел. На кучу намытых водорослей она мало походила, поскольку имела довольно внушительные размеры. Во-первых, был слишком толстым слой водорослей, а во-вторых, из-под них виднелась человеческая рука. Вне всяческих сомнений. Так сжать пальцы не додумается никакой производитель кукол и манекенов. Бергюр нагнулся, и в нос ему ударил резкий запах крови. Он отскочил. Запах, возможно, копился под водорослями и вырвался наружу, когда Бергюр расшевелил их мыском ботинка, — столь сильный, что перебил даже вонь, исходившую от гниющего неподалеку кита. Бергюр прикрыл ладонью нос, чтобы не дышать трупной гнилью, и

выпрямился, поскольку помочь лежащему под водорослями человеку уже не мог. Он обвел глазами очертания тела и, приглядевшись, обнаружил проглядывавшие тут и там белые пятна плоти. Странно, что он не заметил этого сразу. Поскольку мобильный телефон Бергюр никогда с собой не брал, оставалось только мчаться домой и вызывать полицию. Или вначале Службу спасения, стремившуюся быть в гуще всех событий, а уже потом — полицейских. Он стоял в раздумьях, прикрыв лицо рукавом. Внезапно Бергюр вздрогнул и напрягся. Он узнал кольцо на распухшем безымянном пальце левой руки. Торопливо опустившись на колени и не чувствуя вони, он принялся обеими руками разгребать водоросли. Счистив их с ледяной руки, он впился в нее взглядом, чтобы удостовериться. Это было то самое кольцо. Он часто задышал и несколькими быстрыми взмахами сбросил с тела последние пучки водорослей. И не увидел лица. Его не было. Зато остались волосы, немного, но вполне достаточно, чтобы сразу понять — мечтам о его новой жизни, счастливой и волнующей, не суждено сбыться.

Тора лежала на животе и пыталась расслабиться, точнее, изо всех сил изображала расслабление, поскольку не хотела огорчать массажистку, уж очень та старалась. Крепкая, сильная женщина чуть помоложе самой Торы. На ней были белые широкие штаны, светло-зеленая рубашка и ортопедические сандалии, из-под ремешков которых выглядывали большие пальцы с покрашенными голубым лаком ногтями. Тора не имела привычки глазеть по сторонам, просто пальцы постоянно появлялись в поле ее зрения. Она лежала на деревянной лавке с дыркой для лица.

Худшая часть процедуры осталась позади, женщина закончила собственно массаж и начала укладывать на позвоночник Торы горячие камни.

— Сейчас вы почувствуете, как в вас вливается энергия камней, — приговаривала массажистка. — Она потечет по всем мышцам, заглянет в каждый уголок вашего тела. — Речитатив ее сопровождала успокаивающая музыка. Массажистка сообщила, что диск с этими мелодиями она сможет приобрести в киоске, рядом со стойкой администратора. Тора решила обязательно записать название ансамбля, чтобы потом случайно не купить его по ошибке.

— Долго еще? — поинтересовалась она, втайне надеясь на скорое окончание сеанса. — По-моему, каменная энергия сидит уже в каждой моей клеточке. Я прекрасно себя чувствую.

— Да? — усомнилась массажистка. — Вы уверены? Обычно энергетическая подпитка занимает больше времени.

Тора подавила недовольный вздох.

— Абсолютно уверена. Ощущение просто восхитительное. Непередаваемое. Хватит, снимайте с меня весь этот груз.

Массажистка попыталась было протестовать, но ее прервал неожиданный резкий звонок.

— Минутку, — бросила она, направляясь в глубь комнаты, к телефону, и исчезла.

— Да... здравствуйте, — услышала Тора ее голос. — Но у меня клиентка. Идет массаж. — Последовала долгая пауза, затем массажистка возбужденно заговорила: — Что? Вы серьезно? Господи Боже мой... Все, бегу.

Вернувшись, она принялась снимать с Торы камни, а та решила расспросить ее о телефонном звонке.

— Какие-то проблемы? Я замечательно себя чувствую! Честное слово.

Не прекращая работы, массажистка ответила:

— Произошло нечто страшное. Жуткое. Сущий кошмар.

Тора приподняла голову и с интересом посмотрела на нее.

— Что вы говорите? — Она даже не пыталась скрыть любопытство. — Снова привидение?

Лицо массажистки перекопилось от ужаса, она прикрыла рот ладонями и зашептала:

— Да как же я сразу-то не подумала! На берегу обнаружили труп. Звонила Вигдис, администратор. Она думает, это кто-то из наших постояльцев. Приехала полиция и расспрашивает Йонаса.

Тора мигом вскочила с лавки и сдернула с вешалки халат. Она никогда не позволяла себе ходить в таком виде ни дома, ни, тем более, перед незнакомыми, хотя не имела причин стыдиться своего тела.

— Идите, идите, я сама тут справлюсь, — сказала она, завязывая пояс. — Наверное, несчастный случай?

— Не знаю, — покачала головой массажистка, переминаясь с ноги на ногу. Она явно горела желанием разведать о случившемся побольше.

— Я соберусь и сразу же уйду, — пообещала Тора, отпуская ее. — Не волнуйтесь, все ваши камни останутся на месте.

Вторично просить не пришлось. Женщина развернулась на пятках на девяносто градусов и стрелой вылетела в коридор. Тора зашла за ширму, где разделась перед массажем, и начала одеваться. Зазвенел мобильный телефон, и она вытянула его из кармана джинсов.

— Алло! — Одной рукой она держала мобильник, другой натягивала носок. Связь была плохой, в трубке беспрерывно трещало.

— Привет, Тора. Это Мэтью. Я все еще жду твоего ответа по электронной почте.

— Ах да! — воскликнула она, забыв о полунадетом носке. — Я как раз собираюсь написать.

— Прекрасно. Назови время. Не волнуйся, проблем не будет, — заверил Мэтью. Судя по тону, он твердо намеревался заявиться. — Дай зеленый свет, и я тут же прилечу.

— Сейчас не самый удобный момент, — неохотно ответила Тора. — Работы много, к тому же возникло одно неотложное дело.

— Какое на сей раз? — Мэтью явно не сомневался, что Тора на ходу придумывает отказ. — Что у тебя за сложности?

— Сложности есть, но довольно специфические, — отозвалась она, мучительно вспоминая, как будет по-немецки «привидение». — Я занимаюсь делом, связанным с привидениями, способным, как мне кажется, перерасти в нечто более серьезное. Полиция нашла труп, и это обстоятельство может вызвать неприятности.

— Где ты находишься? — поинтересовался Мэтью.

— Я? — переспросила Тора. — Я сейчас за пределами города.

— Не уезжай далеко. Я буду у тебя завтра вечером, — пообещал Мэтью. Голос его звучал чрезвычайно серьезно.

— Послушай, со мной все в порядке. Не приезжай сюда, — заторопилась она. — Нет ничего страшного. Просто нашли труп. Никто никого не убивал. — Она помолчала и добавила: — По крайней мере пока.

— С нетерпением жду завтрашней встречи.

— Но ведь ты даже не знаешь, где я, а я тебе этого не скажу. Подожди пару дней, когда я

немного освобожусь. Я позвоню тебе, обещаю. Мне тоже хочется тебя увидеть, но не сейчас.

— Нет необходимости говорить мне, где ты находишься. Я тебя разыщу. — Аргументов у Торы больше не нашлось, и Мэтью закончил разговор, попрощавшись по-немецки: — Auf Wiedersehen!

Наскоро одевшись, Тора решила сначала отправиться к стойке администратора и всех подвернувшихся под руку хорошенько расспросить о найденном на берегу теле. Выходя из комнаты, она заметила ключ, в спешке забытый массажисткой, и прихватила его, надеясь использовать в качестве повода для дальнейших расспросов. Она зашагала по коридору, весьма довольная собой.

У входа в отель массажистки не оказалось. У стойки администратора, облокотившись на нее локтями, стояла молодая женщина, служащая отеля, и оживленно шепталась с сидевшей перед ней коллегой. Ее удивительную худобу подчеркивали белоснежные облегающие куртка и брюки. Тора улыбнулась, ожидая, что ее пригласят к разговору, однако подруги встретили ее неприветливо — замолкли, недовольно скривившись, но сразу же заставили себя улыбнуться в ответ. Тора сделала вид, будто изучает висевший позади администратора плакат, призывавший посетить спиритический сеанс со знаменитым медиумом из Рейкьявика. Затем посмотрела на болтавших женщин и улыбнулась еще сердечнее.

— Привет, — доброжелательно сказала она, забыв про ключ, — настолько сильно ею овладело любопытство. — Я слышала о теле, найденном на берегу.

Женщины переглянулись, явно готовые принять Тору в круг посвященных.

— Да. Ужасно, — сделав большие глаза, повернулась к ней тощая. — Полиция уже приехала. — Она оторвалась от стойки и протянула Торе руку. — Меня зовут Ката, я работаю здесь косметологом, — представилась она, сверкнув жемчужными зубами.

Тора пожала ее руку, удивившись крепости длинных тонюсеньких пальчиков.

— А я Тора, занимаюсь делами Йонаса. Приехала по его приглашению, так что не являюсь постояльцем.

Администраторша кивнула:

— Я знаю, он говорил мне о вас. Я Вигдис, принимаю гостей. Вы одна из этих, наших адвокатов, да?

Не вдаваясь в смысл слов «одна из этих», Тора утвердительно кивнула.

— Совершенно верно. — Она обвела взглядом холл и заметила сквозь стекло входной двери полицейскую машину. — Куда они направились?

Вигдис махнула рукой вправо и прошептала, хотя поблизости никого не было:

— Сказали, что идут к Йонасу. Беседовать. — Она откинулась на спинку кресла и заговорщицки подняла брови. — Когда я предупредила его об их визите, он ничуть не удивился.

— А что еще говорили полицейские? — полюбопытствовала Тора. — Он должен понимать, чем могут окончиться подобные беседы.

Вигдис чуть покраснела.

— Ничего больше не говорили, — неохотно произнесла она. — Один из них спросил, где находится кабинет Йонаса, и — все.

— Откуда же ты знаешь, о чем они будут беседовать? Может, вовсе не о найденном теле? — спросила Ката, проявив завидную сообразительность.

Щеки Вигдис покраснели еще больше.

— Я слышала, как они упоминали о нем. Проводила их до офиса Йонаса, они

представились и объяснили, зачем пожаловали.

Тора была абсолютно уверена, что администратор попросту подслушала разговор, прижав ухо к двери.

— Они ничего не говорили о причине смерти? — поинтересовалась она. — Может быть, тело вынесло на берег?

— Или хотя бы сообщили, кто это — мужчина или женщина? — вставила косметолог. — Вспомни, возможно, намекали?

— Очевидно, женщина, — ответила Вигдис; щеки ее начали обретать естественный цвет.

Она откровенно наслаждалась вниманием слушательниц. Завидую ее осведомленности, те жадно внимали каждому слову.

— Ну, о причине полицейские не упоминали, но я могу поклясться, что она неестественная. — Администратор выдержала паузу, предчувствуя эффект, и не обманулась в своих ожиданиях. Ката, театрально всплеснув руками, прижала их ко рту.

— А к нам-то зачем они приехали? — спросила Тора. — Выходит, тело нашли на берегу рядом с отелем?

Вигдис неторопливо кивнула и показала пальцем в окно, выходящее на море.

— Да. Место точно не знаю, но, кажется, вон там. — Тора и Ката взглянули в указанном направлении. Погода стояла относительно теплая, несмотря на поздний час было еще довольно светло. Перед зданием раскинулась широкая лужайка, скрывавшая пляж, расположенный ниже по склону.

— Но ведь не прямо за лужайкой, — возразила Тора и снова повернулась к Вигдис. — Тогда бы вы точно заметили полицейских. Наверняка их много возле тела.

Вигдис пожала плечами.

— Вокруг старой фермы немало земли, весь пляж отсюда, конечно, не увидишь. Во-первых, мыс мешает, — кивнула она в сторону дальнего холма. — Противоположная часть участка находится за ним и отсюда не просматривается. А пройти к ней можно с любой стороны, прямо по дороге.

Тора и Ката уставились на холм, словно собирались пронзить его взглядами. Затем Тора кивнула.

— Разве когда-то здесь не было двух ферм? На отдельных территориях? — спросила она.

Вигдис недоуменно хмыкнула, и Тора продолжила:

— Насколько мне помнится, здесь стояло две фермы, принадлежавшие братьям, но один из них умер бездетным и второй унаследовал его долю, объединив участки. Хотя дорога, по которой можно проехать к фермам, здесь только одна. Стало быть, ты считаешь, что граница владений находится за холмом? — Тора оглядела собеседниц. Те равнодушно слушали ее рассуждения.

— Конечно, одна, — подтвердила Ката и отвернулась к приятельнице.

— Неизвестно, кто это? Имя полицейские не называли?

— Думаю, они и сами не знают. Приехав сюда, они сразу спросили, сколько гостей зарегистрировано в отеле и не исчез ли кто из них. — Вигдис загадочно усмехнулась. — Я сказала им правду, мол, понятия не имею, кто куда пропадает. Здесь гостиница, а не тюрьма, — хихикнула она и, повернувшись к Торе, прибавила: — Наши гости берут ключи от комнат с собой, им не обязательно оставлять их у меня. Даже если бы я очень захотела, то

не смогла бы проследить за их перемещениями. Нет, кое-что я примечаю, но только случайно. Разговаривают они со мной крайне редко. Спрашивают иной раз, где тут находятся самые красивые места и как к ним лучше пройти, — и только.

— Наверное, кто-то из этой алкогольной парочки. Я их уже два дня не вижу, — предположила Ката, взволнованная своей внезапной догадкой.

Вигдис покачала головой:

— Нет. Им недавно понесли с кухни еду. И выпивку. — Она сделала ударение на последнем слове. — А звонила горничной как раз жена. Сказала, что они с мужем плохо себя чувствуют.

Ката фыркнула.

— Еще бы они хорошо себя чувствовали после вчерашнего. Небось, как обычно, в стельку напились вечером.

Тора поняла, что ничего ценного из подруг не вытянет. Сплетничать она не любила, особенно о людях, совершенно ей незнакомых, поэтому решила оставить администраторшу и ее подругу и потянулась к сумке за ключом.

— Вот возьмите, массажистка забыла его в салоне, — сообщила Тора и протянула ключ на эмалированном брелке в виде исландского флага.

— Массажистка? Наша Сибба? — переспросила Вигдис, протягивая руку. — Да, она у нас ужасно забывчивая. — И, заметив болтавшуюся на колечке пластиковую карточку, прибавила: — Господи, она еще и свою банковскую карту сюда прицепила. Совсем уже...

Вигдис прервал телефонный звонок, но Торе не составило труда догадаться, какое слово чуть было не сорвалось с ее языка. Администратор отдернула руку от ключа и, сорвав трубку, прижала к уху. Тора быстренько убрала ключ назад.

— Я сама отдам его массажистке, — пояснила она Кате, наблюдавшей за ней, и невинно улыбнулась. — Мне все равно нужно договориться с ней о времени следующего сеанса. Не подскажете, где она сейчас может быть?

Косметолог нахмурила брови:

— Возможно, в кафетерии. Идите вон по тому коридору, — махнула она рукой. — Первая дверь за кухней.

Тора поблагодарила ее и спросила:

— Не подскажете, где находится комната Бирны, архитектора? Мне нужно обсудить с ней ее проект.

Ката взяла регистрационный журнал, лежавший на столике позади администратора. Вигдис говорила по телефону, не обращая на них никакого внимания.

— Бирна... Бирна... Где там она, — бормотала Ката, перелистывая ухоженными пальчиками страницы. — Ага, вот, нашла! Она остановилась в пятом номере. В том же коридоре, чуть дальше кафетерия. Она точно у себя, ее машина стоит на площадке перед отелем. Шикарное авто, восхитительное, — протянула девушка.

— Замечательно, — отозвалась Тора, не разделив ее восхищения. В машинах она не разбиралась, да они ее и не интересовали.

— Благодарю вас. Кстати, хочу заглянуть в ваш салон завтра. Можно? Ненадолго. Мне только брови немного поправить.

Косметолог с готовностью закивала, но, как показалось Торе, чересчур энергично. Пока она шла по коридору, ее посетило несколько мыслей.

Не разыгралось ли у нее воображение? С какой стати погибшей на берегу женщиной

должна оказаться архитектор? Только потому, что ее отсутствие угнетало Йонаса? Да кто угодно мог там погибнуть. И кто такая эта Бирна? Ни один из вопросов не оправдывал нарастающего желания Тора тайком заглянуть в комнату архитекторши. Тем не менее она только об этом и помышляла. И чем ближе подходила к пятому номеру, тем решительнее становилась. Пусть не войти, а всего лишь одним глазком заглянуть внутрь. А вдруг на берегу действительно нашли тело Бирны? Тогда второго шанса попасть в ее комнату не будет. Если обстоятельства смерти вызовут у полиции подозрение, она опечатает номер. Тора уговаривала себя непременно воспользоваться благоприятной возможностью на правах адвоката Йонаса. А вдруг он тоже попадет под подозрение? В конце концов она сумела убедить себя, что ничего противозаконного не сделает: откроет дверь, заглянет внутрь, осмотрит все хорошенько — и только.

Тора обернулась. В фойе, у стойки администратора, стояла какая-то женщина и, никого вокруг не замечая, увлеченно разговаривала с Вигдис.

Тора достала пластиковую карточку, открыла дверь и юркнула в комнату.

Йонас попытался разыграть роль невинного отельера, но это оказалось ему не по силам. В глубине души он недолюбливал полицию, и в тех редких случаях, когда их пути пересекались, она отвечала ему тем же. Кроме того, беседовавшие с ним офицеры буквально сверлили его глазами, отчего ему становилось очень неудобно. Вопросы их заставляли Йонаса вертеться как уж на горячей сковородке. Он даже подумал, не учат ли полицейских проверять искренность ответов по радужной оболочке. В результате Йонас слишком часто моргал, производя неважное впечатление.

— Как я вам уже сказал, это может быть и Бирна, однако утверждать ничего не могу. Слишком общее описание. У женщины не было с собой ни документов, ни сумочки? — Вытянув шею, он посмотрел в окно. — Мне кажется, тут немного душновато. Давайте его откроем? — Йонас опасался, что на лбу может выступить испарина, а более верного признака вины нельзя и придумать.

Полицейские переглянулись. Несмотря на застегнутые мундиры, плотные, черные, увешанные аксельбантами, жары они не чувствовали. Сняли только фуражки, которые и держали в руках. Проигнорировав замечание Йонаса относительно сумки и не ответив на предположение открыть окно, они продолжили допрос:

— Когда Бирну видели в последний раз?

— Я видел? Точно не помню, — пробормотал Йонас, старательно порывшись в памяти. — Ну, вчера она здесь была. Да, я уверен — была.

— Значит, вчера вы с ней встречались, — осведомился офицер помладше. Он старался выглядеть крутым, к Йонасу обращался с откровенной неприязнью. Второй полицейский казался человеком добродушным и вел себя мягче.

— Не понял? — растерялся Йонас и поторопился ответить: — Ах да, разумеется, мы встречались. Несколько раз. Она заканчивала работу над проектом пристройки к дому.

Офицеры дружно кивнули. Помолчав несколько секунд, старший спросил:

— А сегодня? Она не заходила к вам?

Йонас с жаром затряс головой:

— Нет. Определенно нет. Мы должны были встретиться утром, но она не появилась. Я ее специально не искал, так, посматривал по сторонам, но она мне не попала. Правда, я пытался дозвониться ей по мобильнику, но он был выключен. Я получил от нее лишь

голосовое сообщение.

— Вы можете назвать марку ее мобильного телефона и описать его? — вступил младший офицер.

Для ответа на этот вопрос Йонасу не потребовалось много времени. Мобильный телефон Бирны был вещью очень заметной. Он часто видел его в руках у архитекторши.

— Светло-красный. Раскладушка. Небольшой. Вот только модель я не знаю. На крышке серебряный значок, пацифистский, буква V, но, по-моему, к названию фирмы он не имеет никакого отношения. Приклеен в качестве украшения.

Полицейские обменялись быстрыми взглядами. Йонас, сидевший до этого напряженно, расслабился. Наконец-то он смог вразумительно ответить хоть на какой-то вопрос.

— Скажите, а та женщина, которую нашли на берегу, умерла в результате несчастного случая? — поинтересовался он.

Полицейские немного помолчали и вместо ответа попросили его проводить их в комнату Бирны Халлдорсдоттир.

Тора в последний раз оглядела комнату, но ничего интересного не заметила. Она явно отличалась от других номеров отеля, поскольку архитектор собиралась оставаться здесь дольше остальных гостей. Стены были увешаны черновыми набросками какого-то строения — вероятно, решила Тора, той самой пристройки, о которой ей рассказывал Йонас. Бирна собиралась предложить ему несколько вариантов. На некоторых рисунках имелись короткие замечания, в большинстве случаев непонятные для непосвященного. Кое-где на полях Бирна делала расчеты, обводя полученные суммы красным фломастером.

«Цифры значительные, — подумала Тора, — и далеко не предварительные».

Шкафы она осмотрела главным образом из любопытства, поскольку не ожидала обнаружить в них что-нибудь существенное. Открывала она их карандашом, просунув его между дверцами, дабы не оставить отпечатков пальцев. Бирна отличалась редкой аккуратностью. Одежды было не много: несколько блузок, пара хороших брюк и жакетов — все тщательно развешано на вешалках. На полках лежало белье, сложенное идеально, как в бутиках. Бирна определенно понимала толк в одежде — весь ее гардероб был подобран с большим вкусом. Ничего кричащего, все скромно, строго и очень дорого. Тора безуспешно попыталась прочитать этикетку на одном из свитеров на верхней полке. Закрыв шкаф, она перешла к телефону, стоявшему на столике у кровати. Ногтем нажала кнопку вызова последних номеров, вырвала листок бумаги из валявшегося рядом гостиничного блокнота и записала их. Бирна получила три звонка. Сложив листок, Тора сунула его в карман.

Обеда взглядом комнату, Тора решила повнимательнее рассмотреть содержимое ящика стола. Бумаги она уже перебрала — все они, как выяснилось, имели отношение к возведению пристройки. Среди них затерялось несколько рекламных буклетов от производителей стройматериалов. Тора ногой отодвинула кресло, загораживавшее ящик, и обнаружила, что у того нет ручки. Натянув на пальцы рукав, она, взявшись за край снизу, выдвинула ящик. В нем находились Новый Завет и роскошный ежедневник в кожаном переплете с именем Бирны на обложке. Тора обрадовалась — наконец-то ей удалось наткнуться на стоящую вещь. Взявшись за корешок, она потрясла ежедневник, тот раскрылся, и — бинго! — вот она, удача! Перед глазами замелькали страницы, исписанные мелким, но разборчивым почерком. Торжествовала она, правда, недолго — из коридора послышался шум. Нужно было спасаться. Ей вовсе не хотелось объясняться с полицией по

поводу причин, заставивших ее тайком забраться в чужую комнату. Тора нырнула за длинную, до самого пола, оконную занавеску, молясь, чтобы в комнате оказалось французское окно. На ее счастье, так и случилось. Она дрожащими пальцами раскрыла большую, в треть стены, застекленную дверь и вышла на тротуар, затем как можно тише прикрыла створ.

Только дойдя до края стены и повернув за угол, Тора решила наконец остановиться и отдышаться.

Сердце бешено колотилось. «Зачем тебе это понадобилось? С ума ты, что ли, сошла? А если бы тебя застучала полиция?» — корила она себя, и не напрасно — дверь в комнату открылась в тот самый момент, когда она выскользнула на улицу. Тора несколько раз глубоко вдохнула и постепенно успокоилась. Колени и руки перестали дрожать. «Ящик! — внезапно вспомнила она. Впопыхах она забыла его задвинуть. Ну и что? Все подумают, что Бирна сама его не закрыла. Ну кто же еще?» — уверяла она себя и непроизвольно кивала, соглашаясь с собственными доводами. И только тут осознала, что пальцы ее продолжают сжимать ежедневник с надписью «Бирна Халлдорсдоттир, Ассоциация архитекторов Исландии» на тисненой кожаной обложке.

Только когда полицейская машина, медленно проехав по подъездной дорожке, покинула отель, Йонас понял — офицеры приложили максимум усилий, чтобы как можно дольше здесь оставаться. Они прекрасно понимали — чем короче будет их визит, тем меньше посетителей заметят их присутствие. Машина скрылась из виду, и Йонас облегченно вздохнул, надеясь не скоро увидеть их снова. Хотя в душе понимал — уж теперь-то они его в покое не оставят. Бегло проверив жилище Бирны и убедившись в ее отсутствии, полицейские опечатали комнату и приказали Йонасу никого туда не пускать до приезда следователей. «Нет, они обязательно вернуться, — грустно подумал Йонас. — Распрощались мы ненадолго». Оставалась еще надежда, что найденная на берегу женщина все-таки не Бирна, но, по мнению Йонаса, рассчитывать на это не стоило. Перед отъездом полицейские попросили его опознать машину архитектора. Вместе они прошли на стоянку, где он ткнул пальцем в темно-синий спортивный «ауди», совсем новый, припаркованный у самого края. Бирна всегда парковала машину в стороне от других — возможно, опасалась беспечных ездоков, любивших распахивать двери настежь и задевать ими соседние автомобили. Видимо, знала за собой такую же привычку. Короче говоря, берегла свое спортивное сокровище. Полицейские приблизились к «ауди», один из них достал из кармана небольшую пластмассовую коробочку, навел ее на машину и нажал на кнопку. Пискнула сигнализация, и «ауди» мигнул всеми фарами. Полицейские обменялись многозначительными взглядами.

Йонас вздохнул. Ситуация складывалась двусмысленная. Прежде всего он не знал, как поступить — горевать или нет. Несмотря на все свои недостатки, Бирна ему нравилась, даже больше, чем нравилась, хотя симпатию его не разделяла. Имело ли смысл сетовать на обстоятельства? Реализация его планов по расширению отеля затягивалась. «Рассказать о непредвиденной задержке персоналу или сделать вид, будто ничего не произошло? — ломал голову Йонас. — Полиция не дала на этот счет никаких рекомендаций».

Отельер решил продолжать работу, но с осторожностью. Он понимал — многие станут наблюдать за ним и истолковывать его реакцию вкривь и вкось, подгоняя под выдуманные истории. «Население здесь небольшое, все на виду, и штат не отличается молчаливостью и благоразумием. — Придя к такому заключению, он снова тяжело вздохнул. — Наверняка смерть была случайной, и в конце концов полиция придет к такому выводу, но пока ничто в их поведении не свидетельствует об этом». Йонас повернулся и зашагал в отель. Он сделал озабоченное лицо и промчался мимо администратора, словно куда-то торопился, на самом же деле не хотел останавливаться посреди холла и вступать в разговоры со служащими. Его маленькая хитрость сработала, никто его не окликнул, хотя Ката, завидев Йонаса в дверях, невольно подалась вперед. Судя по выражению лица, она горела желанием узнать, о чем он так долго беседовал с полицейскими.

Ката уже открыла рот, намереваясь расспросить его, но Йонас, ускорив шаг, демонстративно отвернулся, и косметологу оставалось лишь разочарованно его закрыть. На пару с администратором они проводили Йонаса тоскливыми взглядами. «Долго молчанка не продлится. В конце концов любопытство возьмет верх, и они засыплют меня вопросами. По коридорам станут за мной носиться. Ладно, пару дней продержусь, а там видно будет, — размышлял отельер, стремительно врываясь в свой офис и захлопывая дверь. — Может, обойдется как-нибудь? И кто его знает: бывало, что и трагедии оборачивались пользой. А

вдруг наш отель только выиграет от случившегося?» Йонас хмыкнул, взял со стола мобильный телефон и набрал номер.

Тора присела на краешек кровати. Она так и не решила, как ей поступить с ежедневником Бирны: то ли подложить в комнату архитектора, то ли оставить в каком-нибудь месте, где он не вызовет подозрений. И когда это сделать — немедленно или после прочтения? Щеки ее вспыхнули при мысли, что Бирна, возможно, жива. «А вдруг я все придумала? Остудела от надоедливых борцов за почтовые ящики и прочих сутяг и начала фантазировать. Зачем я сюда приехала? Отговаривать малость чокнутого владельца отеля от беспредметной тяжбы с прежними владельцами фермы, а не впутываться в полицейское расследование. Оно меня никоим образом не касается». Зазвонил телефон, и она потянулась к трубке, радуясь возможности отвлечься от проблемы с ежедневником.

— Не зайдете ко мне на пару минут? — произнес Йонас приглушенным таинственным голосом. — Случилась одна неожиданность, которую, по моему мнению, можно увязать с привидением.

— А что стряслось? — удивленно спросила Тора.

— Объясню, когда придете. Пока могу сказать только одно: мне кажется, наша архитектор, Бирна, погибла.

Он хотел было что-то добавить, но Тора перебила:

— Буду у вас через десять минут.

«Ну и дела», — прошептала она, переводя взгляд с телефона на ежедневник и испытывая облегчение от осознания собственной невиновности. Она уже не считала себя преступницей, выкравшей личный дневник у живой женщины. Кончиками пальцев с натянутым на них рукавом, она открыла ежедневник и перелистала страницы. В отличие от других блокнотов, заполненных отрывочными, случайными и немногочисленными записями, здесь все страницы были исписаны связными абзацами. То и дело мелькали наброски и законченные рисунки маленьких и больших домов, детали фасада. Некоторые из них являлись плодом воображения самой Бирны, другие — скорее всего копиями уже существующих образцов. Бирна не ограничивалась одной страницей в день, она залезла уже в сентябрь, исписав ежедневник на четыре месяца вперед. Тора просмотрела последние записи в надежде найти что-нибудь загадочное вроде: «Встретиться на берегу с Х. Действовать осторожно», — но ничего подобного не обнаружила. Вверху на развороте двух последних страниц была сделана длинная надпись: «День рождения Бергюра — не забыть! Перевести деньги за апрель», — после чего шел длинный список фирм с телефонами, размерами в миллиметрах и ценой в исландских кронах. В конце каждой строки стояли непонятные аббревиатуры вроде B, W, R, G, S и так далее. Перечень венчало слово «плакирование», дважды подчеркнутое синим фломастером. Очевидно, Бирна искала информацию о различных его способах. Возле названий фирм, предлагавших минимальные цены, стояли крестики. Поскольку плакирование никак не может быть причиной смерти женщины, Тора, изрядно расстроенная, вернулась на пару страниц назад. Насколько она могла понять, здесь изображался план территории, окружавшей стройплощадку с возводившейся на ней пристройкой. На нем стояли все основные размеры, разноцветная широкая стрела указывала на север. По краям рисунка шли оставленные Бирной пометки, касавшиеся в основном уклона почвы и светового режима. Правда, одна из них вызвала у Торы любопытство. «Какое-то странное место. Старые чертежи???» Под ней стояла еще

одна непонятная запись, сделанная другой ручкой, с тремя вопросительными знаками: «Мрачная пронзительность???»

Как ни хотелось Торе прочитать ежедневник от корки до корки, его следовало отложить и отправиться к Йонасу. «Он прекрасно понимает, что я свободна, и удивится моей задержке. А объяснить мне ее нечем», — убеждала себя Тора и все же продолжала листать страницы, пока не наткнулась на архитектурный план дома — два смежных прямоугольника, разделенных на комнаты. В одних и тех же местах на них располагались лестницы. Дом был двухэтажным, с четко размеченными гостиной, столовой, кухней, кабинетом, спальнями и ванной.

Поля здесь так же пестрели различными записями: «Построен в 1920? Повышенная влажность у юго-восточной стены. Фундамент?» Бирна записала мысль, возможно, преследовавшую ее, поскольку обвела двойной прямоугольной рамочкой: «Кто такая Кристина?» Тора продолжала разглядывать план. Одна из комнат на втором этаже была помечена как «Спальня», а под ней стояло имя: «Кристина?» Тора поискала указание, что план сделан с одной из местных ферм, но ничего не обнаружила.

Правда, над левой страницей она заметила надпись «Креппа». «Вероятно, название фермы», — предположила Тора, захлопнула ежедневник и сунула на дно чемодана.

«Горничная вряд ли станет копаться в моих вещах».

Визит полицейских лишил Йонаса его обычного апломба. Он был очень взволнован, предложил Торе один из неудобных стульев напротив своего стола, сам же плюхнулся в роскошное кожаное кресло. Он находился в явном смятении и даже не угостил ее чашечкой цветочного чая. «И слава Богу», — подумала Тора.

— Что от вас хотела полиция, Йонас? — сочувственно спросила она.

— Похоже, об их визите знают уже все, — простонал тот.

— Не могу сказать за всех, но многие знают. Первым об их приездах обычно становится известно тем, кому как раз ничего бы знать не следовало, — ответила Тора. — Так о чем вас спрашивали?

Йонас простонал еще громче, вытянул из-под манжеты стальной браслет с крупным черным камнем и, прежде чем заговорить, некоторое время рассеянно потирал его.

— Они нашли на пляже труп. Тело женщины. И полагают, что это Бирна. Архитектор, с которой я вам вчера говорил. — Он опустил голову и, прикрыв глаза, вновь начал медленно тереть браслет.

— Понятно, — кивнула Тора. — Причину смерти они вам не сообщили? Умереть на пляже можно в результате самых разных обстоятельств. Чаще всего там расстаются с жизнью добровольно.

— Едва ли Бирна могла совершить самоубийство, — печально возразил Йонас. — Подобным людям не свойствен суицид.

Тора предпочла не заострять внимание на таких скользких темах, как черты характера вообще и тип личности, склонный к суициду, в частности.

— А на какой версии настаивает полиция?

— В этом-то все и дело. Полагаю, они уже успели побывать на месте преступления. — Йонас оторвал взгляд от браслета и перевел на Тору. — Они не сказали ничего определенного. Но это и не важно: для меня главное — как они себя вели. — Он снова понурился и занялся браслетом. — Если бы она, к примеру, сорвалась со скалы или утонула,

то есть погибла по неосторожности, они бы как-нибудь вскользь упомянули об этом. Но в любом случае расспрашивали бы меня о ее поведении и привычках. О том, любит ли она лазать по скалам? Любит ли купаться? Кататься на лодке или на чем там еще? Однако ничего подобного не было. Их интересовали только две вещи — не пропали ли отсюда какие-нибудь предметы и могу ли я опознать женщину по их приблизительному описанию. — Йонас вскинул голову и уставился на Тору. — Теперь, когда я вспоминаю разговор с полицейскими, мне кажется странным одно обстоятельство — они ни словом не обмолвились о ее лице. Может быть, обнаружен труп без головы? — Пока Тора искала ответ, Йонас торопливо прибавил: — Хотя нет, цвет ее волос они назвали. — Внезапно глаза его округлились. — Послушайте, а не мог убийца отрезать ей голову, снять скальп и положить на тело?

Тора прервала его дикие измышления:

— Воображение уносит вас слишком далеко, Йонас. Я согласна — полиция не считает происшедшее несчастным случаем. — И, осторожно подбирая слова, спросила: — А комнату Бирны полицейские осматривали?

— Один из них заглянул туда. Второй стоял в коридоре, рядом со мной. Осмотр занял не больше двух минут. Полицейский вышел, покачал головой, и мы удалились.

— Они не интересовались, заходил ли в комнату кто-нибудь посторонний и нет ли у кого запасного ключа? — Тора слегка покраснела.

— Нет. Просто запретили открывать номер, пока его не осмотрят детективы из уголовного розыска. Затем мы отправились к ее машине. Один из офицеров отключил сигнализацию и обследовал салон.

Тора задумчиво кивнула. У нее не осталось ни малейшего сомнения в том, что на берегу обнаружили именно Бирну.

— Все ясно, — произнесла она, глядя на Йонаса. Ей очень хотелось попросить его перестать возиться со своим дурацким браслетом, но она сдержалась. Странная цацка определенно имела отношение к альтернативной медицине, энергетическим полям и прочей популярной в отеле ерунде.

— Кто мог желать смерти Бирны? Боялась ли она чего-нибудь? Говорила ли вам, что жизнь ее в опасности?

Йонас медленно покачал головой:

— Нет. Вела себя спокойно, абсолютно нормально.

Ответ его Тору озадачил. Она не понимала, какой смысл вкладывает Йонас в слово «нормально» — их оценки одних и тех же понятий явно не совпадали, — но выяснять не стала, положившись на свою сообразительность. — Она была прекрасным человеком и великолепным архитектором, — неловко улыбнулся Йонас. — Истинный Рак, решительный, целеустремленный. И по-настоящему красивая женщина.

— Может, кто-то сильно ее невлюбил? — спросила Тора. — Иногда ссора сначала приводит к ненависти, а затем к подобному трагическому финалу.

Йонас затолкал браслет под манжету, переключив все свое внимание на Тору.

— Послушайте, я все думаю, а не связана ли гибель Бирны с привидением?

Тора сдержала улыбку.

— Вы хотите сказать, что убийство совершило привидение?

Йонас пожал плечами:

— Кто его знает? Пока только в высшей степени странное совпадение. Сначала видят

привидение. Потом находят труп. Бирна собиралась изменить облик дома, а привидения этого не любят. Они хотят, чтобы все вокруг оставалось прежним, и всеми силами противостоят нарушению порядка. А вы как полагаете?

Тора не была поклонницей привидений, не занималась исследованием их привычек, поэтому ничем особенным поделиться не могла.

— Йонас, давайте отбросим идею о вмешательстве привидений в нашу жизнь.

— Вы считаете, так будет лучше? — возразил отельер. — А вот Бирну история здешних мест чрезвычайно интересовала. Она утверждала, что должна узнать ее как можно лучше, потому что без этого ей сложно прочувствовать ландшафт. Своими действиями она, возможно, нарушила покой фермы, потревожила кого-то из умерших ее обитателей и тем вызвала его злобу. Я бы такую мысль со счетов не сбрасывал. Привидения мстят — не прямо, так косвенно, — продолжал Йонас разворачивать перед обескураженной Торой свою версию происшедшего. — Да, привидение может и не принимать непосредственного участия в событии. Посмотрите, что получается. В доме водится призрак, но владельцы его данный факт от меня скрыли. Погибает женщина. Привидение, возможно, причастно к трагедии. Единственное объяснение — женщина его потревожила. Это обстоятельство игнорировать бессмысленно, поскольку действиями убийцы частенько руководят потусторонние силы. Вы улавливаете мою мысль?

Тора лишь слабо кивнула.

— Хорошо, тогда продолжим. Допустим, вы объявляете продавцам: в трагической гибели женщины виновно привидение, — после чего составляете иск и передаете в суд. Я уверен — владельцы не захотят быть причастными к убийству, разве что косвенно. Вопрос к вам: вы будете защищать в деле об убийстве человека, который знал о возможности преступления, но смолчал? — Йонас покачал головой. — Нет, не будете. И никто не будет. Владельцы это тоже знают. Вот поэтому я и надеюсь под угрозой суда склонить их к переговорам о возмещении убытков.

Тора прервала его:

— Но что изменится, даже если вы получите компенсацию? Вы же не бросите отель? Не аннулируете договор о покупке? Уж не думаете ли вы, что привидение уйдет, получив свою часть компенсации?

Йонас улыбнулся:

— Разумеется, я так не думаю. Однако предвижу действия сотрудников. Они непременно попросят у меня прибавки, мотивируя свое требование открывшимися неприятными обстоятельствами. Они люди одухотворенные. Чувствительные. Кое-кто уже намекает мне на увольнение, и это меня беспокоит. Мои планы могут быть серьезно расстроены. Я не получу даже ту крошечную прибыль, на которую надеялся. Постояльцы моего отеля тоже люди впечатлительные. Компании с привидениями не водят. Особенно в случае угрозы их жизни.

Тора некоторое время переваривала сказанное Йонасом. Ей очень не хотелось принуждать владельцев к пересмотру договора, угрожая судом и возможностью связать их имена с убийством. Тем более что подобные действия в данном случае казались ей глупостью. С другой стороны, она понимала и Йонаса, которого осаждали сотрудники, требуя возмещения за страх.

— Ладно, я обмозгую ситуацию, — пообещала она и собралась подняться, но передумала. — Расскажите мне о привидении. Как оно выглядит?

— Фууу, — выдохнул Йонас. — Даже не знаю, с чего начать.

— Начните с начала, — предложила Тора. Бессмысленная, по ее мнению, беседа начинала раздражать.

— Да, наверное, так будет лучше, — согласился Йонас, не заметив иронии. — Как я вам уже говорил, сотрудники отеля отличаются от других людей повышенной эмоциональностью.

Тора кивнула.

— Они ощущают нежелательное присутствие посторонних невидимых тел. Если я правильно помню, первым о привидении заикнулся чтец ауры, его зовут Эйрикюр, за ним призрак начали замечать и остальные. Последним был я. Хотя прежде думал, что всему виной их богатое воображение. — Йонас серьезно посмотрел на Тору. — Трудно объяснить возникающие чувства тому, кто не обладает подобными возможностями. Впечатления не самые приятные, уверяю вас. Пожалуй, наиболее удачна такая аналогия — кто-то за вами наблюдает. Следит, затаившись в темном углу. По крайней мере я ощущал себя именно так. Крайне неудобно.

Краткий отчет Йонаса лишь подтвердил первоначальную догадку Торы. «Массовая истерия, — подумала она. — Кто-то что-то вообразил, принялся внушать остальным, мало-помалу ему начали верить, подхватили идею, и в конце концов фантазия превратилась в реальный факт».

— Йонас, — произнесла Тора, — я скажу вам правду, какой бы безжалостной она ни показалась. Требование ваше абсолютно безнадежно. Я даже не подумаю встречаться с продавцами и пересказывать им ваши откровения. Для получения компенсации необходимо нечто более приземленное. А мороз по коже и волосы дыбом — для суда аргументация слабая.

Йонас, шокированный услышанным, изумленно уставился на Тору.

— Но я еще не закончил. Дело вовсе не в моей реакции, забудьте о ней, если она вам не нравится. Речь идет об общем состоянии, наступающем потом и длящемся долгое время. Я бы назвал его крайним угнетением. Практически все мы, обитатели отеля, по ночам слышим детский плач. А я даже видел привидение. Точно так же, как сейчас вижу вас, — с неожиданной гордостью произнес он. — И не один раз. Кстати, в последнее время оно является особенно часто.

— И где же оно попадалось вам на глаза? — недоверчиво спросила Тора.

— В основном вне стен отеля. Рядом со зданием, на улице. — Йонас, не поворачиваясь, махнул рукой в сторону окна. — Точного места указать не могу, стоял туман. Некоторые привидения появляются в определенную погоду. Это, по-видимому, предпочитает туман.

— То есть детально описать его вы не можете, — предположила Тора.

— Детально не могу. По очертаниям — девочка или невысокая женщина. — Йонас откинулся на спинку кресла. — Правда, однажды я заметил ее отражение в зеркале. Тогда точно была девушка. Хотя и быстро исчезла.

— Вы говорили, будто узнали в ней девочку с найденной фотографии. Выходит, как бы ни спешило привидение, вы успели разглядеть его?

— В общем, да. Видите ли, я чистил зубы и вдруг услышал за спиной шорох. Я замер, глядя в зеркало. И увидел, как к двери скользнула маленькая фигурка. Мое подсознание успело зафиксировать черты лица, и я узнал ту самую девочку с фотографии. Во всяком случае, тогда я был уверен, что это она. — Йонас открыл ящик стола и принялся перебирать

его содержимое. — После того случая я ни разу не брал в руки снимок: положил его в коробку и закрыл. Может, посмотрите? Вам-то ничего не будет? А я, простите, не могу.

— Будьте уверены, на меня снимок не произведет особого впечатления, — улыбнулась Тора. — Мне бы также хотелось поговорить с вашими служащими и кое с кем из гостей. К примеру, с чтецом ауры Эйрикюром.

— Без проблем. В данный момент его, правда, в отеле нет, но, думаю, завтра объявится.

Йонас наконец извлек из ящика покрытый ржавчиной тяжелый старинный ключ на большом стальном кольце.

— Это от старого подвала, — объяснил он. — Я приказал унести все коробки туда. Теперь они в полном вашем распоряжении. Возможно, вам удастся обнаружить предметы, которые объяснят странные появления привидений.

Тора взяла ключ.

— Эта старая ферма прежде называлась «Креппа»? — невинно поинтересовалась она.

Йонас удивленно уставился на нее.

— Да, так оно и есть. Поначалу здесь стояли две фермы — «Креппа» и «Киркьюстетт», но потом их объединили. — Йонас вяло пожал плечами. — Бирна проводила там много времени, планировала строительство пристройки.

— Вот как? — в свою очередь, удивилась Тора. — Разве старая ферма еще цела?

— Конечно. Стоит на своем месте. Поначалу я собирался выстроить там новое здание, но Бирне моя затея не понравилась. Расстояние между домами слишком большое, да и сама ферма сильно разрушилась. Завтра увидите, если отправитесь туда. Ключи лежат под камнем у входа. Интересно будет взглянуть хотя бы на старую обстановку.

— Значит, в момент сделки в доме никто не жил. Почему? — спросила Тора.

— Представления не имею, — ответил Йонас. — Должно быть, все работники уехали, поскольку сестра... — Он безуспешно старался припомнить ее имя, выводя в воздухе круги указательным пальцем.

— Вы имеете в виду Элин Тордардоттир? — осторожно подсказала Тора.

— Да, именно. — Палец его остановился, описав полукруг. — Элин, сестра, — повторил он. — Она звонила пару месяцев назад — сообщила, что они наконец-то собрались вывезти с фермы все свое старье. Я был в городе, разговаривала с ней Вигдис и все для меня записала. Чуть позже явилась дочка сестры, и ей сообщили, где найти ключ. Им повезло, что меня в тот момент не оказалось, я бы расспросил их о привидении и быстро прижал к стенке.

Продолжать разговор о привидениях Тора не собиралась.

— Когда они сообщили вам о своем желании забрать вещи? — поинтересовалась она. — Во время обсуждения договора о продаже они ни о чем подобном не заикались.

— Они говорили со мной. Попросили разрешения в дальнейшем увезти кое-что, и я согласился, — отозвался Йонас. — Помнится, даже посоветовал им поторопиться, пока я не решил, как поступить с домом — оставить его или сломать.

Тора кивнула:

— Понятно. Я заеду на ферму в выходные. Потом, возможно, встречу с Элин или ее братом. — Она взглянула на часы. — Содержимое коробок я, конечно, проверю, но завтра утром. Сейчас уже поздно.

Йонас согласился.

— Да, смею вас заверить, подобные вещицы на сон грядущий лучше не перебирать, —

мстительно усмехнулся он. — Вне зависимости верите вы в привидения или нет.

Такого постельного белья Тора в жизни не видела и решила обязательно расспросить Йонаса, где он его покупает. Она зевнула и потянулась, приготовившись выспаться всласть. Большая подушка, набитая гагачьим пухом, хорошо держала форму и не сминалась. Тора потянулась к пульту дистанционного управления, лежавшему на столе, и выключила телевизор. Закрыв глаза, она тут же начала медленно погружаться в сон. И даже не шевельнулась, когда в окно ее комнаты долетел тихий детский плач.

Гаути ненавидел вскрытие ранним субботним утром, особенно если готовиться к нему предстояло накануне. Существовала тысяча способов провести время куда лучше, чем в компании с покойником, вдыхая запах стерилизатора в подвале Национальной больницы. Например, можно было бы, как все нормальные люди, торчать в баре в окружении раскованных девушек, укутанных клубами сигаретного дыма. «А не переменить ли мне работу? — в который уже раз подумал Гаути. — Кого ни возьми, все в наше время находят доходное место. Ну может, и не слишком денежное, но хотя бы приличнее этого». Гаути мечтал о банковском секторе, но сомневался, что его пятилетний опыт ассистента патологоанатома окажется там востребованным. Правда, почти все его друзья работали в этой сфере. Он попытался представить себя в образе старшего бухгалтера, одетого в строгий костюм, восседающего за столом в офисе, дающего ценные советы и разрешающего сложные финансовые конфликты, в результате чего клиенты только сильнее увязают в банковских долгах. «Нет уж, среди покойников гораздо больше разнообразия», — решил он и осмотрел поднос, проверяя, все ли инструменты на месте, рядом с телом, накрытым белой простыней. Не хватало только главного действующего лица — патологоанатома. Гаути обернулся и взглянул на большие настенные часы. Доктор запаздывал.

— Черт его дери, этого Граннара Петурссона, — пробормотал он.

Доктор раздражал его своим высокомерием и невежеством. Хуже того — полным непрофессионализмом. По мнению Гаути, его нельзя было и близко подпускать к анатомическому театру. Он проявлял абсолютную небрежность в работе, но это еще куда ни шло. Случались моменты, когда Гаути указывал ему на очевидные ошибки, которые не сделал бы и полный дилетант. Мало что могло разозлить Граннара больше, чем замечания Гаути. Тот, казалось, наслаждался, шокируя его. Он словно нарочно взвинчивал Граннара и упивался его раздражением.

Дверь открылась, и в анатомический театр вальяжной походкой вошел патологоанатом. За ним робко ступал студент-медик, которого Гаути сразу узнал, поскольку встречал на занятиях. Имени его он, правда, не помнил. В последние недели три он чуть не ежедневно слонялся возле анатомического театра, но при вскрытии ни разу не присутствовал.

— Доброе утро, — прогремел Граннар и помахал рукой ассистенту. — Познакомьтесь: Сигургейр, пятикурсник. Я разрешил ему посмотреть на нашу работу. Не каждый день попадается такой прекрасный трупик.

Гаути кивнул возбужденно улыбающемуся студенту и сдернул покрывало с лежавшего на столе женского тела. Молодой человек едва сдержал накотившую тошноту. Не замечая ничего вокруг, Граннар низко наклонился над головой женщины, едва не коснувшись мертвой плоти, и немного постоял, разглядывая ее. Затем он выпрямился, вытащил из кармана диктофон и принялся наговаривать:

— На столе — труп неопознанной женщины. Обнаружен на берегу в Снайфелльсне. Черты лица не подлежат идентификации в результате травм и последовавших за смертью многочисленных повреждений, оставленных животными...

— Папа со мной не играет. Он спать ушел. И Гульфи тоже спит. Я к тебе хочу.

Тора потеряла глаза, прогоняя сон, и поднялась. Мобильник со стола она схватила, еще

не проснувшись, и слышала голос дочери. Мелькнуло и сразу же вылетело из головы, испарилось в процессе разговора, неясное воспоминание об увиденном сне — привидения и плачущие младенцы.

— Привет, Солей. Ты уже встала? — Тора бросила взгляд на часы: было без нескольких минут восемь. — Зачем? Еще рано. К тому же сегодня суббота. Папе и Гульфи нужно хорошенько выспаться, набраться сил. Ведь они весь день будут играть с тобой.

— Да ну их! — В тоненьком голоске звучал упрек. — Мне не нравится, как они играют. Я к тебе хочу, мне с тобой интереснее. — Связь была неважной, голос Солей сильно резонировал, словно она находилась на дне большой бочки.

«Радуйся жизни, пока есть возможность», — подумала Тора, зная по опыту воспитания Гульфи, как непродолжительно обожание родителей и желание побыть с ними рядом. Солей скоро исполнится семь, и останется всего несколько лет, в продолжении которых Тора еще будет играть в ее жизни главную роль.

— Я завтра вернусь домой, и мы с тобой повеселимся. Хочешь, привезу тебе морских камушков?

— Ах, так ты на море? И пляж там есть? Я так хочу побегать по песочку.

Тора мысленно отругала себя за неосмотрительность. Хотя они жили недалеко от побережья, ей и в голову не приходило съездить туда с дочкой. Она искренне считала, что девочке пляж неинтересен.

— Дорогая, выходные тебе нужно проводить с папой. Сюда мы приедем потом, чуть позже.

— А дом на колесах возьмем? — обрадовалась Солей.

От одного упоминания о нем Тора едва не застонала.

— Посмотрим. Может быть, возьмем.

Тора не любила волочь за собой дом на колесах. Во-первых, он болтался из стороны в сторону, а во-вторых, она так и не научилась парковаться с ним задним ходом.

— Включи телевизор, детские программы уже начались. Папа и Гульфи скоро встанут. Хорошо?

— Хорошо, — недовольно согласилась девочка. — Пока.

— Пока, дорогая. Я очень скучаю по тебе, — ответила Тора и дала отбой. Несколько минут она бессмысленно рассматривала телефон, размышляя, почему все обернулось именно таким образом. Брак ее разрушился за очень короткое время, и она так и не разобралась в причине. Одиннадцать лет супружеской жизни прошли вполне терпимо, потом все полетело под откос, а спустя полтора года они с Ханнесом развелись. Совесть ее мучила только отчасти, да и то лишь потому, что детям приходилось курсировать между двумя домами. Но тут уж Тора ничего не могла поделать — таков закон. О возвращении к прежней жизни не могло быть и речи, она бы не сошлась с Ханнесом вторично, даже если бы тот стал чемпионом мира по езде с домом на колесах задним ходом. Тора поднялась, прогоняя гнетущие мысли. Спустя четверть часа она уже надевала джинсы, кроссовки и ветровку с капюшоном, готовясь к походу в пыльный подвал. Оглядев себя в зеркало, она отметила, что для создания законченного образа утреннего грабителя не хватает тонкой вязаной шапочки.

В столовой гостей уже ждал обильный завтрак. Тора по утрам много не ела, но тут еда пахла так вкусно и смотрелась так аппетитно, что не удержалась. Взяла большую тарелку, положила на нее омлет и немного фруктов для поддержания свежести кожи, однако, сев за

стол, сразу же забыла о правильном питании. Половина мест были уже заняты. Тора очень хотела бы знать — что за публика останавливается в отеле? Постояльцы выглядели солидно, производили впечатление людей далеко не бедных, хотя и малость зацикленных на нью-эйдже. Ничего особенного в их внешности Тора не обнаружила. Обычные лица всех возрастов. Были среди постояльцев и иностранцы, но преобладали исландцы.

За ближайшими тремя столами сидели такие же одиночки, как и она: двое мужчин, один — пожилой, другой — молодой, и женщина средних лет. Тора определила в них исландцев. Необъяснимое чутье подсказало ей, что мужчина постарше ощущает явный дискомфорт.

«Наверное, бухгалтер или адвокат», — предположила она. Женщине, казалось, в столовой так же неуютно. Она держалась прямо, неотрывно глядя на стоявшие перед ней чашку кофе и нетронутую тарелку с едой. Она являла собой воплощенное несчастье, и Тора невольно ей посочувствовала. Мужчина помоложе, напротив, отлично вписывался в окружающую обстановку. Тора позволила себе рассмотреть его повнимательнее, и не только потому, что был он исключительно привлекателен — черноволосый, загорелый, мускулистый, явный поклонник фитнеса или стероидов. Тора невольно усмехнулась, но, заметив, что мужчина тоже смотрит на нее и улыбается в ответ, быстро отвернулась. Чашка в ее руке дрогнула, и на стол вылилось немного кофе. Тора засуетилась и неловко поднялась. Мужчина торопливо последовал ее примеру.

Одна нога его была перевязана. Он снял висевшую на спинке стула трость и, постукивая ею по полу, направился к Торе.

— Вы исландка?

Повернувшись, Тора увидела, что и вблизи мужчина столь же привлекателен.

— Я? — растерялась она, смущенная своим грабительским облачением. — Да, исландка. А вы? — Она постаралась скрыть неловкость.

— Нет, я китаец, — ответил он, не переставая улыбаться. — Но большой исландофил. Зовут меня Тейтур. — Он протянул ей руку. Она пожала ее и представилась:

— Тора.

— Вероятно, вы только что приехали, — произнес он, глядя ей прямо в глаза. — Иначе бы я вас давно заметил.

«Ну, начинается», — подумала Тора, но отнеслась к дежурной прелюдии спокойно.

— Нет, я приехала вчера. А вы? Давно здесь?

Мужчина снова сверкнул жемчужной улыбкой.

— Давно. Уже неделю.

Из всех возможных вопросов Тора задала самые глупые:

— Ну и как впечатления? Нравится вам тут?

Как правило, общаясь с представителями противоположного пола, вызывавшими у нее хотя бы малейшую симпатию, Тора чувствовала себя крайне неуверенно.

Брови незнакомца взметнулись, лицо радостно озарилось.

— О да! Здесь замечательно. Я одновременно и лечусь, и отдыхаю, и вполне научился совмещать приятное с полезным. Если бы не это, — опершись на трость, он приподнял перевязанную ногу, — все было бы просто отлично.

— А что с вами случилось? — сочувственно поинтересовалась Тора.

— Свалился с лошади как последний идиот, — объяснил он. — Рекомендую воспользоваться всеми здешними развлечениями, кроме прогулок верхом. В общем-то я не

совсем свалился, лошадь испугалась и сбросила меня. Растянул лодыжку, но — спасибо звездам, они в тот день расположились удачно — меня увидели и вовремя пришли на помощь. Так что советую держаться подальше от проката лошадей.

Тора улыбнулась:

— Не беспокойтесь. Я не увлекаюсь верховой ездой. Скорее залезу в собачью упряжку, чем на спину лошади. А как вы умудряетесь здесь работать? Чем занимаетесь? — полюбопытствовала она. «Единственное, чем тут можно заниматься, так это писать романы».

— Я брокер. Дело это напряженное, но имеет и свои преимущества — работать можно где угодно, лишь бы под рукой был компьютер с выходом в Интернет. А вы кто по профессии?

— Адвокат, — сдержанно ответила Тора. «Господи, как жалко я выгляжу».

— Ооо, — протянул Тейтур. — Послушайте, давайте я покажу вам здешние места? После недели пребывания я знаю их как свои пять пальцев.

Тора недоверчиво улыбнулась. «Недели пребывания не хватит, чтобы стать опытным экскурсоводом. На одной ноге много не находишь», — подумала она и ответила:

— Не сегодня.

— Когда хотите. — Тейтур тоже улыбнулся. — Я практически всегда свободен. Только позовите.

Тора смущенно попросилась, хотя, положив руку на сердце, идея прогуляться с симпатичным молодым мужчиной импонировала ей больше, чем перспектива торчать в душном подвале среди пыльных коробок, выискивая старые фотографии. Даже если мужчина не слишком бодро перемещается в пространстве. «Ладно», — подумала она.

Большая часть внутренних органов покойной лежала в стальных поддонах: в первом — мозг, во втором — легкие, в третьем — печень, и так далее. Вернисаж смерти давно не вызывал у Гаути никаких эмоций. Несколько лет назад ему уже приходилось работать с трупом в таком же ужасающем состоянии. Он надеялся, что жертва умерла мгновенно или потеряла сознание задолго до того, как все закончилось.

Граннар подошел к раковине и стянул хирургические перчатки.

— Итак, женщина была жестоко изнасилована, смерть наступила в результате многочисленных ударов в лобную часть головы. По этой причине, а также из-за воздействия животных, особенности лица определить невозможно, как и сказать — находилась ли женщина в сознании во время изнасилования. Однако, судя по имеющимся на теле ранам, она предположительно пыталась защититься. Таким образом, велика вероятность получения ею серьезных травм до изнасилования. Возможно, женщина скончалась до завершения полового акта, во время которого ей тоже могли наноситься травмы. Во влагалище обнаружена семенная жидкость, скорее всего принадлежащая нападавшему; анализ ее, а также чужеродных волос, обнаруженных на лобке жертвы, позволят определить личность насильника. В данном случае иных возможностей, по-моему, нет. Большое количество спермы дает основание полагать, что нападавших могло быть несколько. — Граннар повернулся к бледному студенту, стоявшему рядом с Гаути. — Следует обратить самое пристальное внимание на булавки. Опишите их в отчете о патологоанатомическом вскрытии как можно подробнее. Не каждый день к нам на стол попадают тела с подобными предметами в ступнях. Думаю, нападавший придает особый смысл самому процессу

введения булавок. Первым напрашивается вывод о его помешательстве или склонности к садизму. Я по крайней мере никаких логических объяснений данной дикости не нахожу. — Он ткнул пальцем в десять окровавленных булавок, лежавших в пластмассовом контейнере. Затем Граннар снял запачканный кровью фартук и пригладил волосы. — Аккуратно все пометьте, навесьте ярлыки и сразу же отправляйте на анализ. Полиции не терпится начать расследование.

С тем Граннар и покинул комнату.

— Привыкнешь, не беспокойся, — успокаивающе похлопал Гаути студента по плечу, оставив на нем ярко-красный отпечаток ладони. — Ты вел себя молодцом.

— Меня едва не стошнило, — признался тот сдавленным голосом, таким тихим, что Гаути с трудом его расслышал. — И на кой черт я потащился сюда? Сидел бы себе спокойно в каком-нибудь сельском центре охраны здоровья...

В полутьме подвала Тора разглядывала сложенные коробки. Источниками света служили висевшая под потолком в центре помещения слабенькая лампочка и крошечное оконце, давно посеревшее от пыли. В нос бил стойкий запах плесени. «Фу, ну и аромат. Нужно было попросить Йонаса перенести коробки в мою комнату», — подумала Тора. В довершение всего балки, подпиравшие потолок над ее головой, основательно прогнили. При мысли о насекомых, наверняка кишмя здесь кишевших, Тора поежилась, но пересилила себя и подошла к нижнему ряду коробок. Она насчитала двенадцать беспорядочно расставленных больших старых ящиков, за которыми, возможно, скрывались и другие. Сколько их тут скопилось, никто не скажет. Она осторожно приподняла крышку верхней коробки, предусмотрительно отстранившись, на тот случай если из нее вдруг кто-то выпрыгнет. Однако ничего подобного не случилось, и Тора, чуть помедлив, заглянула внутрь.

Глаза ее округлились. Она ожидала увидеть все, что угодно, но только не это.

Сверху лежал аккуратно сложенный флаг со свастикой. Белое поле вокруг нее чуть пожелтело, на ощупь материал оказался грубым.

Нахмурившись, Тора осторожно отвернула его и сдвинула в сторону. Под флагом находилась стопка журналов, самый верхний из которых выщел еще больше флага. Журналы назывались «Исландия», и на каждом из них, в самом центре, стояла нацистская эмблема. В своем кратком отчете о привидениях и смутной истории дома Йонас ни словом не упоминал ни о чем подобном. Тора взяла несколько номеров из стопки — под ними тоже были журналы, с другим названием, но такого же пошиба. Издавала их Исландская националистическая партия. Тора покачала головой. Она помнила, что до войны в Исландии существовало нацистское движение, но чем оно занималось, не знала. Очевидно, они печатали какие-то свои материалы, хотя журнальчики были тонкими и содержание их, судя по заголовкам, оригинальностью и разнообразием не отличалось. Перебирая стопку, Тора наткнулась на студенческую газетку «Мьелнир», издатель которой, согласно информации на первой странице, состоял в Националистической студенческой ассоциации. Тора, вытащив из коробки журналы, увидела сложенную рубашку со свастикой на рукаве и военного образца пояс с наплечным ремнем. «Таковыми вещами и сейчас кое-кто увлекается», — подумала она. Проглянуло дно коробки. Тора заметила латунный предмет и, взяв его в руки, обнаружила все ту же свастику с небольшой трубкой, припаянной к ней либо для красоты, либо с какими-то неопределенными целями. На дне валялись разнообразные вырезки из газет, объявления о танцульках, пикниках и собраниях, организаторами коих явно выступали нацисты, а также предметы, не имевшие никакого отношения к политике: старый бумажник, стоптанные туфли, фотографии людей в обычной одежде, без свастики. Детей на них Тора не обнаружила, на самих же снимках, скучных и однотипных, были хорошо одетые люди во цвете лет, сидящие на одеялах во время пикника или позирующие у стены дома. Стена появлялась на многих снимках, но видна была плохо, поэтому Тора не могла сказать, где именно фотографировали — у старой фермы, на которой она сейчас находилась, или в другом месте. По фасону одежды Тора определила время съемок — годы войны или вскоре после нее.

Тора попыталась было уложить вещи в коробку в том же порядке, в каком доставала их оттуда, но сочла свои действия глупыми. «Очевидно, их не трогали годами, и маловероятно, чтобы хозяин явился сюда, недовольный небрежным обращением с содержимым». Она усмехнулась и решила просто запихать все обратно. В следующей коробке лишь немного вызвало ее интерес. Она была забита в основном тонкими, красиво связанными скатертями, очень старыми. Между ними находилась старомодная ваза, расписанная аляповатыми цветочками, с золотым орнаментом и обводами. В третьей коробке лежал альбом со старыми фотографиями. Такой же Тора видела у своей бабушки, потому, наверное, и смотрела на него с оттенком грусти, размышляя о быстротечности жизни и краткости людской памяти. «Как мало осталось тех, кто узнал бы изображенных на фото людей, а скоро и их не будет».

Присев на один из ящиков, она приготовилась разглядывать фотографии и открыла тяжелую обложку альбома. На первой странице, под полупрозрачным листком, сделанным скорее всего из копировальной бумаги, были снимки старой фермы. Здание выглядело почти

новым, не перестроенным, над входом красовалось название поместья: «Кирккюстетт», — вырезанное на широкой доске. Тора осторожно, стараясь не повредить уголки, вытаскивала снимок. На обратной стороне стояла печать с указанием года — 1919. Аккуратным почерком — судя по округлым буквам и завитушкам, женским — была выведена надпись: «Бьярни Торольфссон и Адалгейдур Йонсдоттир». Внимательно изучив снимок, Тора поняла, что фотограф стоял спиной к солнцу, поскольку пара на карточке изо всех сил пыталась не щуриться и сохранить обычное выражение лица. Пара была красивой — высокий мужчина с густыми волосами, спадавшими на лоб, и молодая женщина в длинной, до половины икр, юбке, новеньких туфлях на невысоком каблучке и шляпке, старомодной, плотно сидевшей на голове. Из-под шляпы выбивались блестящие светлые волосы. Он был в легких, чуть мешковатых брюках на подтяжках, с отутюженными стрелками и в простенькой рубашке. Они стояли возле дома, прижавшись друг к другу и опустив руки. Владельцы поместья прежних времен.

На той же странице была еще одна аналогичная фотография, но другой пары. Тора бережно вставила первый снимок в альбом и взяла второй. Тем же почерком на обороте сообщалось, что на карточке изображены Гримур Торольфссон и Криструн Вальгейрсдоттир. Тора и без того догадалась бы, что Бьярни и Гримур — родные братья.

Одежда на всех была одинакового фасона и цвета и отличалась только его тоном. Тора пристально вглядывалась в лица, но прочесть ничего не могла, поскольку эта пара в отличие от предыдущей сильно щурилась на солнце. Женщина, должно быть, супруга Гримура, являла собой прямую противоположность светловолосой Адалгейдур. Она была старше и полнее. Не слишком привлекательная, но крепкая, в простой юбке, толстом свитере и полуботинках на плоской подошве. Ее темные волосы безо всякого изящества перехватывала на затылке безвкусная лента. «Интересно, как столь разным женщинам удавалось уживаться в одном доме?» — подивилась Тора, продолжая листать альбом.

На следующей странице она увидела три фотографии молодой пары — Бьярни и Адалгейдур, но сделанные уже во дворе. В сравнении с предыдущим снимком они не слишком изменились, разве что молодая женщина была без шляпки.

Тора внимательно рассмотрела два оставшихся снимка: на первом старший брат с женой были изображены с молодой парой, а на другом к ним прибавился ребенок — маленькая темноволосая девчушка в модных тогда кудряшках. Тора взглянула на обратную сторону, где стояло имя девочки — Эдда Гримсдоттир. Она была дочерью старшего брата, Гримура. Фотографию сделали в 1922 году, и девочке на вид было не больше года. Следующие снимки делались с интервалом в несколько лет. На одном из них, датированном 1923 годом, Тора узнала — по крайней мере ей так казалось — Адалгейдур, младшую из женщин. Она была беременна, но на последующих фото новых детей Тора не обнаружила. Только на снимке от 1924 года, сделанном в ателье, на который Тора наткнулась совершенно случайно, появился ребенок, девочка нескольких месяцев от роду. Ее, всю в рюшках и оборочках, держали на руках оба супруга. На обороте снимка стояло имя девочки — Гудни. Затем шла еще одна ее фотография, весьма своеобразная.

Малышка, одетая в вязаный чепчик, едва налезавший на ее головку, и белое платьице, казалось, спала. Правда, Тора сразу в этом засомневалась. Уж очень удивительной была ее поза. Тора никогда не видела, чтобы дети так спали — вытянувшись во весь рост и скрестив на груди руки. Она перевернула фотографию и увидела имя — Эдда Гримсдоттир, две даты и рядом со второй крупный крест. Значит, девочка умерла в тот же год, когда Господь

осчастливил дочкой Бьярни и Адалгейдур. Тора вернула снимок в альбом. Она знала о существовавшей в те времена традиции фотографироваться с умершими, но вплоть до сегодняшнего дня ни одной подобной фотографии в руках не держала. «Не тот ли это снимок, на который намекал Йонас, рассказывая мне о промелькнувшем привидении?» — подумала она.

Перелистывая страницы, Тора начала было уже узнавать прежних обитателей фермы, как вдруг альбом закончился. Воображаемое знакомство, а особенно тяжкий след, оставленный на людях безжалостным временем, опечалили ее. К примеру, последняя фотография, изображавшая старшего брата, датировалась 1925 годом. Возможно, они с женой переехали в город или вовсе исчезли из жизни более молодых супругов. Не исключено, что смерть дочери заставила их покинуть ферму. После 1927 года исчезла с фотографий и Адалгейдур. В последний раз она снималась беременной, и было это в 1926 году. В тот год изменился и почерк на обороте снимков, став грубым, и любой дилетант, а не только эксперт, сразу счел бы его мужским. Просматривая более поздние снимки, Тора почти физически ощущала страдание на лице мужа Адалгейдур, Бьярни. Разглядывая же малышку Гудни, она непроизвольно улыбалась. Девочка, судя по дальнейшим фотографиям, росла и расцветала. Лицо ее было красивым, как у матери, и бесхитростным, как у отца.

Альбом оказался неполным. На последних двух снимках фотограф запечатлел Гудни возле стены фермы, явно любимой семейной съемочной площадки. Высокая, с хорошей фигурой и светлыми вьющимися материнскими волосами, она стала настоящей красавицей. Лет ей было примерно восемнадцать-девятнадцать. В те годы подобная внешность считалась эталоном. Насколько Тора помнила, так выглядели почти все кинозвезды того времени. Обе фотографии были сделаны в 1941 году, и можно было бы умилиться, если бы Гудни была на них одна и в другом наряде. Но рядом с ней находился какой-то юноша. Оба они стояли навытяжку, и лица их выражали суровую решимость. Однако странность заключалась не в позах Гудни и ее спутника, а в их одеянии — грубого покроя черных брюках, белых рубашках и нарукавных повязках со свастикой. Завершали нелепый костюм португалии. Одной рукой подростки держались за врытое в землю древко безжизненно висевшего флага. Даже не видя на нем рисунка, Тора сразу поняла, что флаг явно нацистский, поскольку верхушку древка украшала та самая свастика, которую она обнаружила в первой коробке. Небольшой растроб позволял надевать ее на любой тонкий шест. На обратной стороне фото стояли только год и имя — Гудни.

Последние три разворота альбома оказались пустыми. На первой странице, правда, в одном месте виднелось светлое пятно и вырезанные уголки помялись — оттуда определенно изъяли фотографию. Тора потрясла альбом в надежде, что из него выпадет еще что-нибудь, полистала страницы, но безрезультатно — карточек больше не было. И она вернула альбом в коробку.

Свет едва проникал в подвал, и Тора решила получше рассмотреть фотографии в своей комнате. Кроме того, ей хотелось спросить Йонаса, какая из двух девочек явилась ему в образе привидения. Тора поднималась по деревянной лестнице, каждая ступенька которой жалобно поскрипывала под ее ногами, и благодарила судьбу за стройность своей фигуры. Очутившись на первом этаже отеля, она остановилась, с удовольствием вдыхая свежий воздух, радуясь, что наконец-то покинула душный подвал, пропахший пылью и сыростью. Насладившись счастливыми мгновениями, она направилась в вестибюль.

В одно из коридорных окон Тора заметила Сольдис, невысокую девушку, провожавшую

ее до комнаты накануне, когда она приехала в отель. Та стояла на улице и курила. Тора подумала, что было бы неплохо поподробнее расспросить ее о слухах, связанных с местностью и фермой, на которые она намекала.

— Привет, Сольдис.

Девушка обернулась. По ее отрешенному взгляду Тора не смогла определить, рада она слышать ее или нет. «Хотя бы не убежала, и на том спасибо».

— Здравствуй еще раз. Ты меня не помнишь? — подошла к ней Тора.

— Почему, помню конечно. Вы одна из наших постояльцев. Приятельница Йонаса.

— Правильно, — дружелюбно улыбнулась Тора. — Вчера ты упомянула о каких-то местных событиях и обещала рассказать побольше. Мне бы хотелось узнать о них именно сейчас.

Девушка отвела глаза и нахмурилась.

— Простите, но меня ждут.

— Сольдис, твой рассказ поможет и Йонасу. Я адвокат, и, поверь, знание местной истории облегчит работу мне и жизнь Йонасу, — проговорила Тора, надеясь, что ее аргументация возымеет действие. И оказалась права.

— Ладно, — равнодушно пожала плечами Сольдис. — Здесь нет никаких тайн.

— Вот и замечательно, — отозвалась Тора. — Давай зайдем внутрь.

Было холодно и мрачно, хотя туман рассеялся. А вернее, поднялся на несколько метров, оставив виднеться лишь склоны близлежащих гор.

Девушка снова пожала плечами.

— Давайте. Мне все равно. — Она зашагала в отель, и Тора последовала за ней. Они вошли через служебный вход, миновали несколько комнат и очутились на кухне, служившей, по всей видимости, столовой для персонала отеля. Сольдис присела за небольшой столик, жестом пригласив Тору присоединиться. Та опустилась на стул, стоявший напротив. Сольдис потянулась к громадному термосу и взяла с подноса в конце стола две чашки.

— Я выросла тут, понимаете? Моя бабушка наговорила мне всякой всячины о здешних местах. Про троллей и прочую белиберду. В основном ее рассказы состояли из фантазий, но кое-что, как она утверждала, было чистой правдой, — начала свое повествование Сольдис, передав Торе чашку с дымящимся кофе.

Тора кивнула.

— Вот как? И что именно было правдой? — Взяв пакет с молоком, она плеснула немного в чашку.

— Например, бабушка говорила, что на местной земле лежит проклятие.

— Какое проклятие? — изумилась Тора, вскинув брови.

— В старину наше плато, образованное застывшей лавой, приобрело печальную известность благодаря жуткой традиции. Местные жительницы, неспособные прокормить своих младенцев, приносили их туда и оставляли умирать. Просто клали на лаву и уходили. — Она посмотрела на Тору и поежилась. — Какой кошмар, правда? Даже сейчас многие слышат, как они плачут. Я сама слыхала.

Тора, чуть не поперхнувшись кофе, подалась вперед и спросила:

— Ты хочешь сказать, что слышала плач младенцев, лежавших на лаве столетия назад? Я правильно тебя понимаю?

Сольдис смерила ее презрительным взглядом.

— Говорю же, я не одна такая и с мозгами у меня все в порядке. Очень многие слышат

детский плач, постоянно. А в последнее время они плачут чаще и громче обычного. До тех пор пока я не пришла сюда работать, ничего подобного не было.

— А почему так?

— Откуда мне знать? Бабушка говорила, что плач то исчезает, то появляется. Она вспоминала, как примерно в сороковом году дети тоже плакали очень громко. Один фермер даже приходил на лаву, подумав, что плачут живые дети. Потом он рассказывал, как, услышав рядом с собой тихий плач, начал искать ребенка. Все кругом обшарил, но никого не нашел, испугался и опрометью бросился домой. С тех пор он близко к этому месту не подходил. Бабушка уверяла меня: «Оставленные детки предчувствовали надвигающуюся войну и таким образом выражали свою радость. Или тревогу. А может, на взморье временами происходит что-то плохое или хорошее».

«Любая новость сгодится для объяснения плача оставленных детей вне зависимости от того, хороша она или плоха. Неудивительно, что рассказ о привидении распространился среди служащих подобно пожару, ведь под него можно подогнать любое событие», — размышляла Тора.

— А ты видела хотя бы одного из оставленных детей? — спросила она. — Или другие служащие отеля?

— О Господи, нет, — ответила Сольдис. — К счастью, нет. Они, наверное, ужасно выглядят. Кошмарно, должно быть. Увидишь — с ума сойдешь, точно вам говорю.

— Не бойся, не сойдешь, — успокоила ее Тора. — Скажи, а вот эти истории об оставленных младенцах все тут знают?

— Абсолютно все, — отчеканила Сольдис. — Здесь дети взрослыми не становятся. Это тоже всем известно. — По лицу Торы Сольдис догадалась, что та с трудом ее понимает, и прибавила: — Да вы по кладбищу пройдите. Почитайте даты на надгробных камнях и сами все увидите.

Мысли Торы вернулись к фотографии маленькой мертвой девочки, Эдды Гримсдоттир.

— Допустим, место здесь проклято из-за оставленных когда-то детей, но как ты объяснишь привидение, которое видел Йонас и, как я понимаю, другие тоже? Ведь оно не было младенцем.

— Да, то привидение младенцем не было, — признала Сольдис. — А возможно, матерью одного из малышей, наказанной за грех и обреченной вечно искать свое дитя. Или они видели ту нищенку.

— Видели нищенку? — произвольно повторила озадаченная Тора. — То есть помимо теней оставленных младенцев есть и другие привидения?

— Есть, — кивнула Сольдис. — Их тут вагон и маленькая тележка. Кого только нет. Но лично я слышала только об оставленных детях и нищенке. Лишь они здесь и появляются. Потому что нищенка тоже погибла в этих местах. Прежде, еще до того как построили ферму, тут находился временный поселок.

— Какой поселок?

— Ну, рыбацкий. Хлипкий такой, сезонный, — ответила Сольдис. — Работали в основном приезжие. Народ случайный. Но в общем, рыбаки настоящие.

— И какое отношение они имеют к проклятию?

— Самое непосредственное, — высокомерно произнесла Сольдис. — Мне бабушка рассказывала, что рыбаки убили нищенку и использовали ее плоть как наживку.

— Наживку? — оторопела Тора.

— Да, как наживку, — подтвердила девушка, довольная произведенным эффектом. — В тот день улов у них был — обалдеть, и они решили задержаться, хотя время было позднее и следовало бы возвратиться на берег. Но они остались. В темноте лодка перевернулась, и все рыбаки утонули. Кроме одного, возражавшего против убийства. Потом он рассказывал, будто к ним кто-то подошел по воде, взялся за борт лодки и перевернул ее. Он уверял, что это была нищенка.

— Мда... — удивленно покачала головой Тора. — А как же привидение? Это именно та женщина, которую использовали в качестве наживки?

— Нет. Может, кто-то из утопленных ею рыбаков, потому что их тела потом вынесло на берег и они с тех пор так и блуждают. — Сольдис наклонилась к Торе и заговорщицки прошептала: — А знаете что еще?

— Что? — отозвалась Тора.

— Тела их вынесло как раз в том месте, где недавно работала полиция. Ну, там, где нашли труп женщины, — проговорила Сольдис и отпрянула.

— А откуда тебе известно, какое место обследовала полиция? — поинтересовалась Тора.

Сольдис ошарашенно на нее уставилась.

— У меня родственники живут по всей округе. Тетка позвонила и все рассказала. Уж кого-кого, а полицейских люди сразу заметят.

— Да, разумеется, — согласилась Тора. — Рыбаки скорее всего были мужчинами. А нет ли у вас рассказа о местном привидении-ребенке? О маленькой девочке?

На лице Сольдис отразилась глубокая задумчивость.

— Вы имеете в виду привидение, о котором болтают служащие отеля? — наконец отозвалась она.

— Именно, — с надеждой сказала Тора. — Тебе что-нибудь о нем известно? Твоя бабушка, случайно, ничего о нем не говорила?

— Нет. Хотя я ее спрашивала, но она не знает. Но от другой женщины я слышала один рассказ. В общем, это может быть дочка фермера, жившего здесь прежде. По-моему, его звали Бьярни. — Сольдис немного помолчала и снова продолжила: — Она говорила, все знали, что Бьярни насилует свою дочь. Такие вещи называются инцестом.

— Фу, — выдохнула Тора, вспоминая фотографию из альбома — ту, на которой были изображены Гудни и ее отец Бьярни. Глядя на них, она и помыслить не могла об инцесте.

Девушка поежилась.

— Они оба умерли от туберкулеза.

Тора медленно кивнула.

— Никогда бы не подумала. Но ты-то как считаешь? Привидение и есть та девочка с фермы?

Сольдис долго смотрела в глаза Торе.

— Привидения я видела, но саму девочку ни разу, поэтому не могу сказать — она это или нет.

— Так ты все-таки видела привидение? — изумленно спросила Тора.

— Да, — поморщилась девушка. Глаза ее блеснули, она будто специально давала Торе основание усомниться в ее правдивости.

— Понятно, — осторожно сказала Тора. — А можно спросить, где ты видела привидение?

— На улице. В тумане. Я не смогла разглядеть его в деталях, но это точно была девочка.

Тора попробовала было разубедить ее:

— Ты уверена, что увидела не кого-то из местных детей?

Сольдис издевательски рассмеялась:

— Каких детей? Отсюда до ближайшего ребенка, кстати сказать, мальчика, пять километров. Понятно? Да и не станет он торчать тут весь день, чтобы потом блуждать в тумане. Зачем?

Тора вынуждена была согласиться с ее безупречной аргументацией. Пока она размышляла над следующим вопросом, в кармане зазвонил мобильник.

— Привет, Тора, — произнес Мэтью своим обычным бодрым голосом. — Сама скажешь, где находишься, или мне поисковую группу высылать? Я в аэропорту Кеблавика. Только-только приземлился.

— А я вам говорю: в мой склад кто-то залезал! — Стефания грозно уперлась руками в бока, пытаясь игнорировать издевательский смешок Вигдис, сидевшей за стойкой администратора. Дело было скверным.

Кто-то взломал замок в маленькой кладовке, где она держала свои товары, и хотя на первый взгляд ничего не пропало, ситуация складывалась серьезная. Стефания давно привыкла к скрытому или явному непониманию со стороны женщин. Она не могла сказать точно, в чем заключалась его причина — в ее ли яркой внешности и привлекательности или в профессии, а работала она специалистом по вопросам секса. Стефания не сомневалась — ее коллеги женщины были уверены, что на выбор профессии повлияла возможность строить глазки мужчинам, обращающимся к ней за советом. Подобные мысли она считала абсурдными. А если клиенты порой и бросали на нее многозначительные взгляды, так что из того? Стефания разошлась не на шутку.

— Не вижу повода для веселья. Мне замок испоганили, а вам все хиханьки да хаханьки? Сами посмотрите, если мне не верите.

Вигдис вскинула брови.

— Не понимаю, с какой стати поднимать шум из-за ерунды? Зачем устраивать концерты по поводу ограбления, если вас никто не ограбил? — Она снова повернулась к компьютеру. Вигдис терпеть не могла и саму Стефанию, и ее идиотские секс-консультации. «Она считает, будто весь мир обязан вращаться вокруг нее. Да она и сыр-бор по поводу несостоявшегося ограбления затеяла только ради того, чтобы еще раз привлечь к себе внимание. Но черта с два у нее это получится. В сравнении с найденным на берегу трупом ее заботы — сущая мелочь». Вигдис на секунду оторвалась от компьютера и метнула в Стефанию негодующий взгляд. — Я не знаю, как следует поступать в данном случае.

Больше всего Стефании хотелось посоветовать ненавистной суке Вигдис броситься в бассейн с пираньями, но она решила пока промолчать.

— Поступать? Да поступайте как угодно. Но сначала давайте по крайней мере проинформируем Йонаса о попытке проникнуть на мой склад. Возможно, какой-то придурок полез за наркотиками, но не нашел их. И теперь попробует забраться еще куда-нибудь.

— За наркотиками? — переспросила ошарашенная Вигдис. — Да кто станет искать наркотики в вашем чулане! Наш отель специализируется на гомеопатии и духовности. Менее подходящего места не только для наркотиков, но и для простых лекарств в Снайфелльсне найти невозможно.

Стефания тяжело вздохнула.

— Извините, но не все закоренелые наркоманы так хорошо информированы. Некоторые могут и не знать о специализации отеля. Кроме того, попытку ограбления мог совершить и кто-то из гостей. Или сотрудников, — прибавила она с вкрадчивой улыбкой.

— Сотрудников? — взорвалась Вигдис. — Да вы с ума сошли!

— Я всего лишь предполагаю. Если замок взломал не наркоман, значит, это сделал обычный человек. Возможно, кому-то понадобилось что-нибудь из моих товаров, но скромность помешала ему ко мне подойти. Откуда я знаю? — Стефания сделала большие глаза, старательно изображая удивление.

Вигдис не собиралась продолжать дискуссию о стимулирующих мазях и пособиях по сексу. Стефания же знала — разговоры о ее специализации заставляют Вигдис чувствовать себя неудобно, но та не позволила ей насладиться своим смущением.

— Тогда почему у вас ничего не пропало?

Стефания замешкалась с ответом.

— Понятия не имею. Разумеется, я еще не проверила детально все коробки. Возможно, что-то и исчезло. — Она замолчала. Говорить больше было не о чем.

— Знаете, у нас тут происходят вещи поважнее несостоявшегося ограбления. Поэтому давайте не будем суетиться из-за пустяков.

— Вот как? И что же у васстряслось? — спросила Стефания. На лице ее смешались любопытство и раздражение. Вот всегда так! Стоит ей только уехать, как сразу же происходит что-то интересное и важное. Каждый вечер она отправлялась к себе домой, в близлежащую деревушку Хеллар, да и по субботам с воскресеньями редко работала. Наверное, и поэтому тоже у нее не складывались отношения с остальными сотрудниками, которые в большинстве своем оставались в отеле, в небольших коттеджах, построенных Йонасом неподалеку.

— На берегу нашли мертвое тело. В заливе, справа от пещеры. — Прежде чем продолжить, Вигдис выдержала театральную паузу. — Вероятнее всего, это Бирна, архитектор. — Она снова замолчала, но ненадолго. — Полиция предполагает, что это убийство. — Вигдис злорадно посмотрела на Стефанию, которая, побледнев, схватилась за грудь.

— Не может быть, — прошептала она.

— Все так и есть. Мертвая и со следами убийства. — Вигдис снова повернулась к компьютеру и, желая дополнительно позлить Стефанию, сменила тему: — У вас не найдется большой пустой коробки? Наш адвокат собирается складывать в нее какое-то старье.

— А? Что? Ах да, конечно, — растерянно забормотала Стефания.

Что же могло произойти? Ведь она совсем недавно консультировала бедняжку. Уж не ее ли советы привели к столь печальному финалу? Словно в забытьи Стефания попрощалась и собралась было уходить, однако ей хотелось выяснить один момент, и она снова повернулась к Вигдис.

— Вы, случайно, не знаете, секс в убийстве не замешан? Ее не изнасиловали?

— Вроде бы да, — равнодушно ответила Вигдис, не догадываясь, куда клонит Стефания. Правда, внутренним чутьем она угадала — ответ ее Стефании не понравится.

Та удалилась от стойки администратора красная как свекла. Говорить с Вигдис больше было не о чем.

Тора вошла в свой номер и поставила тяжелую картонную коробку на недавно убранную кровать. Ярлык на ней заставил ее усмехнуться. Забирая коробку у Стефании, она подумала, что в ней хранились какие-нибудь сувениры, но не тут-то было — все бока пестрели крупными этикетками с большими черными буквами: «Пенис-вибратор. Экологически чистый каучук. Новое действие „Алоэ вера“!» Для покупателей с ограниченным знанием английского имелся уточняющий рисунок. Принимая коробку от Вигдис, Тора покраснела до корней волос.

— По-моему, ничем не хуже ящика из-под искусственных влагалищ, которую она вначале хотела всучить мне, — сочувственно произнесла Вигдис, вручая Торе игривую

тару. — Извините, но Стефания — единственная, у кого нашлась лишняя коробка, — прибавила она с легкой усмешкой.

Почти все утро Тора провела в подвале, разбирая оставшийся хлам, откладывая заинтересовавшие ее предметы. Внимание она обращала только на старые документы, письма и фотографии, пропуская ненужное: чашки, часы, подсвечники и другие безделушки. Бумаги, не имевшие отношения к делу, она клала обратно в потемневшие ящики, но фотографии отбирала все — в темноте изображение разобрать было сложно, и Тора намеревалась рассмотреть их при дневном свете, надеясь увидеть что-нибудь важное. Снимков попадалось, правда, не много, но один, в красивой резной старинной рамке, вызвал у нее особенное любопытство — в девушке-подростке Тора узнала Гудни Бьярндоттир, жившую когда-то на старой ферме. Девушка сидела на кочке, поджав под себя ноги, и счастливо улыбалась в объектив. На ней была белая укороченная блузка с длинным галстучком. Едва заметные детали фасона свидетельствовали, что обладательница ее — девушка, а не молодая женщина. Тора не сомневалась: блузка призвана была произвести благоприятное впечатление. Она установила фото на столике у кровати. Ей пришлось потрудиться — рамка рассохлась, сильно качалась и могла в любой момент свалиться на пол. Тора внимательно разглядывала снимок и в глубине души желала, чтобы рассказ Сольдис о кровосмесительстве на ферме оказался неправдой. Если же все так и было, то девушка скорее всего стала жертвой домогательств.

В животе заурчало. Тора посмотрела на часы, позвонила администратору и выяснила, что кухня работает до половины первого. Следовало поторопиться. Она быстро вымыла руки и расчесала спутавшиеся волосы. Пребывание в подвале ее не украсило, но времени на переодевание уже не осталось. Тора решила утешить самолюбие вечером, в пух и прах разодевшись к ужину. «Сейчас сойдет и так».

Когда Тора вошла в зал, там находился всего один постоялец, пожилой господин, которого утром она приняла за бухгалтера или адвоката. Он не взглянул в ее сторону и даже не поздоровался — сидел, печально уставившись в окно, не заметив ее прихода. Лицо старика показалось Торе знакомым. «Где я могла его видеть?»

Она выбрала дальний столик, и к ней тут же подскочил молодой официант, с услужливой улыбкой вручив меню. Поблагодарив его, Тора заказала бокал шипучки. Пока официант отсутствовал, она прочитала меню и выбрала омлет с салатом из одуванчика и щавеля. Тора никогда такой не ела и решила попробовать — скорее из любопытства. Иной мотивации отведать экзотическое блюдо у нее не было. Появился официант, выслушал заказ и похвалил Тору за удачный выбор. Он наверняка сделал бы то же самое, закажи она сырую свинину. Во всяком случае, лицо официанта не светилось большой искренностью.

— Ничего нового о трупе, найденном на берегу, не слышно? — спросила она молодого человека, наполнявшего шипучкой ее бокал. Тот дернулся и пролил немного воды на скатерть.

— Простите, что-то у меня сегодня все из рук валится, — залепетал он, подхватив со стоящего рядом столика льняную салфетку.

— Ничего страшного, — улыбнулась Тора. — Это всего лишь вода. — Она дождалась, пока официант закончит промокать лужицу. — Ну так как? Нет новостей?

Парень выжал салфетку на пол и попытался увильнуть от неудобного вопроса.

— Господи, как неудачно получилось. Простите, не знаю, могу ли разговаривать на эту тему. Скорее нет. Владелец отеля собирает сотрудников, чтобы проинструктировать, как

отвечать на вопросы гостей. Нам не нужны тревожные слухи, способные огорчить постояльцев. К нам приезжают отдыхать, а не расстраиваться.

— Я не обычный гость. Со мной вы можете говорить откровенно. Я адвокат Йонаса и значит, как и вы, на него работаю. Иначе говоря, мой вопрос вызван не просто любопытством.

На лице официанта отразилось сомнение.

— А, понимаю, — отозвался он, хотя явно ничего не понял, поскольку сразу замолк.

— То есть никаких новостей не поступало? Личность жертвы не установлена?

— Официально — нет. Но все считают, что это все-таки Бирна, архитектор, — пожал он плечами. — Хотя, возможно, и кто-то другой.

— Вы знали ее? — спросила Тора.

— Немного, — ответил официант с загадочным выражением лица. — Она долго у нас гостила, и мне волей-неволей пришлось с ней общаться.

— По-моему, вы от нее не в восторге. — Тора отпила шипучки и почувствовала, как горло очищается от подвальной пыли.

Официант явно начинал тяготиться беседой.

— Простите, мне нужно отнести ваш заказ на кухню. Наша шеф-повар очень не любит задерживаться на работе, — улыбнулся он Торе. — Сказать по правде, я ее недолблю. Стерва, каких даже смерть не меняет. Какой была, такой и остается, — резюмировал официант и ушел.

Тора проводила его взглядом. «Оказывается, не все разделяют восторг Йонаса относительно Бирны. Если, конечно, на берегу обнаружили именно Бирну», — подумала она.

После обеда Тора возвратилась в свою комнату. Как она ни подлизывалась к официанту, ей не удалось выудить из него ничего нового. Узнала только, что зовут его Йокулл. В конце концов она осталась в зале одна, потому что, как только официант принес ей заказ, задержавшийся за ленчем пожилой человек ушел, не удостоив ее и мимолетным взглядом. Когда он проходил мимо, внешность его показалась Торе еще более знакомой. Она не могла отделаться от ощущения, что где-то его видела. Но где и когда? Он мог быть водителем автобуса из ее далекого детства, да кем угодно. «Я должна его вспомнить», — мысленно твердила себе Тора.

«Самое разумное, — думала она, — изучить содержимое коробок или ежедневник Бирны». Но гораздо соблазнительнее показалась мысль о душе и последующем непродолжительном сне. Уж очень хотелось смыть с себя подвальную пыль. Она редко могла позволить себе сиесту, полуденный отдых в постели, поскольку дома всегда гремел хор голосов, да и постель была не такая мягкая и красивая, застеленная свежим бельем, как здесь. И Тора поддалась соблазну.

Проснулась она от внезапного стука. Будильник, поставленный на два часа, не прозвонил. Тора озадаченно осмотрела комнату, не сразу сообразив, где находится. Она потянулась к халату, брошенному после душа на стул, и хриплым со сна голосом спросила:

— Кто там?

Ответом ей был новый стук. Тора натянула халат, подбежала к двери и, приоткрыв ее, выглянула в коридор.

— Привет, дорогая! — На пороге стоял Мэтью. — Не хочешь меня впустить?

Тора прокляла себя за ненакрашенное лицо, спутанные, примятые с одной стороны волосы, похожие на швабру, и торопливо вскинула руку, тщетно пытаясь придать им подобие прически.

— Привет, привет, — забормотала она. — Значит, нашел меня все-таки.

Мэтью, улыбаясь, вошел в комнату.

— Как видишь. Оказалось вовсе не так сложно. — Он осмотрелся. — Хорошая комната... — В глазах его заплясали смешинки при виде коробки с игривой сексуальной этикеткой.

Тора, растерявшись, поспешно задвинула ее под кровать.

— По-моему, я приехал как раз вовремя, — немного помолчав, произнес немец.

Тора никогда не пользовалась ничем похожим на содержимое коробки, считая искусственные приспособления бледным подобием оригинала. Впрочем, и к остальным суррогатам относилась с тем же пренебрежением. Улыбаясь, она опустилась на кровать. Ее тонкий халат комом лежал на полу. Тора лениво наклонилась и, подняв его, обвела взглядом висевшую одежду. «Как хорошо, что не нужно с утра наряжаться. Можно хоть голышом ходить», — подумала она, решив к возвращению Мэтью надеть что-нибудь особенное. Он ушел к арендованной машине за багажом, чтобы отнести его в снятый здесь же номер. Тора отлично понимала, что жить там он не собирается, но оценила его деликатность. Обходительный немец не стал сразу валить ее в койку, хотя Тора не сильно бы возражала. Она снова улыбнулась. Ей было очень приятно видеть его здесь. Он все-таки приехал, несмотря на ее протесты. Жаль только, что отношениям их не суждено длиться долго. У Мэтью не было никаких шансов прижиться в Исландии. Когда они только познакомились, Тора, пытаясь найти общую тему для разговора, спросила, понравился ли ему последний конкурс Евровидения. Мэтью внимательно посмотрел на нее и осведомился, не шутит ли она. Это было началом конца. Человек, не интересующийся Евровидением, не выживет в Исландии. Продержится максимум неделю, а потом — все, отъезд.

Тора принялась торопливо одеваться. Мэтью вернулся, когда она натягивала второй чулок.

— О, — разочарованно произнес он. — Как я мог забыть: ты же чемпионка Евровидения по быстрому одеванию. — Он улыбнулся. — Правда, в этом есть и свои преимущества. Раздеваешься ты тоже весьма шустро.

— Смешно, — отозвалась Тора. — Как тебе понравился отель?

Мэтью снова оглядел ее комнату и пожал плечами.

— Замечательный. Немного, правда, необычный. Но ты-то как сюда попала? — спросил он и тут же прибавил: — Нет-нет, я не жалуясь. Не думай. Все нормально.

— Я работаю на владельца отеля, а он собрался судиться с бывшими собственником.

— А, вон оно что. Его крупно надули? — поинтересовался Мэтью, подошел к окну, откинул штору и полюбовался открывшимся видом. — Превосходно, — одобрил он и повернулся к Торе.

— Глупость какая-то получается. Он, видишь ли, утверждает, будто здесь водятся привидения, о чем бывшие владельцы должны были знать.

— Привидения, значит. — Лицо Мэтью стало непроницаемым.

«Именно таким, — подумала Тора, — будет оно и у судьбы, случись мне довести это дело до суда».

— Он утверждает, что его бизнес может серьезно пострадать из-за подобных вещей. Представляешь? — Тора с улыбкой посмотрела на Мэтью. — Отель выстроен специально для адептов нью-эйдж, а это люди необычные, заикленные на хилерстве, ясновидении, органической пище, кристаллах, магнитных полях, ауре и прочем. Большинство гостей и здешних служащих — публика чувствительная, а то и похуже. Поэтому привидений они не жалуют.

— Знаю таких. — Лицо Мэтью стало серьезным. — Тогда все понятно.

— Тебе — пока еще не совсем, — возразила Тора. — В этих местах практически все

жители такие. Что удивляться, если тут уже много веков считается нормой вера в сверхъестественное? Согласно легенде, внутри ледника обитает некто по имени Бардур. Он там скрылся в приступе горя, узнав, что дочь его уплыла на айсберге в Гренландию. Бардур считается местным покровителем, а ледник, как говорят, обладает чудодейственной силой. Не знаю, связаны ли каким-то образом события, происходящие в отеле и вокруг него, с Бардуrom и ледником.

— Чудодейственной силой? — с сомнением повторил Мэтью. — Какой? Там что, снег в горах никогда не тает?

Тора рассмеялась.

— Я рассказала тебе подоплеку. А теперь слушай мое мнение обо всем этом. Вера в сверхъестественную силу ледника уже давно вышла за пределы Исландии. Сюда со всех концов мира стеклись толпы людей. Надеялись накануне Миллениума встретиться с пришельцами из иных миров.

— Неужели встретились? — поинтересовался Мэтью.

Тора пожала плечами:

— Никто ничего не знает точно. Представитель инициативной группы объявил, что встретились. Духовно, конечно. Никаких космических кораблей не было, контакт шел на ментальном уровне.

— Ну разумеется, — усмехнулся Мэтью. — «Ментальный» — их любимое словечко.

Тора улыбнулась в ответ.

— Все может быть. Но здешняя гора совершенно очевидно обладает особой энергетикой.

— Одного не могу взять в толк — каким боком в общий пейзаж вписывается найденное тело?

— Никаким. Тело не имеет отношения к духовной составляющей. По крайней мере я так думаю. Однако владелец отеля со мной категорически не согласен. Он уверен — в убийстве замешано привидение. — Улыбка Торы стала еще шире. — Он очень необычный человек.

— Могла бы и не сообщать. Я и так понял, — отозвался Мэтью. — А где нашли тело? В самом отеле?

Тора кратко описала место обнаружения трупа и сообщила, что погибшая работала на Йонаса.

— По всей видимости, ее убили, — закончила она свой рассказ.

— Уже есть подозреваемый?

— Представления не имею, мне об этом не докладывали, — ответила Тора. — Сомневаюсь, чтобы у полиции была хоть какая-то вразумительная версия. Они пока на самой начальной стадии.

— Надеюсь, убил ее не Йонас. В противном случае и ты в опасности.

— Нет, определенно не он, — отмахнулась Тора и осторожно прибавила: — Есть у меня кое-какие соображения, способные пролить свет на это дело.

— Нашла что-то? Доказательства? — Мэтью бросил на нее любопытный взгляд.

— У меня оказался ее ежедневник. Ну, той женщины, предположительно ставшей жертвой убийцы. Там много разных записей. — Лицо Торы залилось краской, она старалась говорить как можно спокойнее.

— Так ты ее знала?! — воскликнул Мэтью.

— Ни разу не видела.

— Тогда откуда у тебя ее ежедневник? Как он к тебе попал?

— Вообще-то я его украла, — честно призналась Тора. — Случайно. Правда, абсолютно случайно.

Мэтью покачал головой.

— Ну разумеется, случайно. — Он сложил ладони, прижал к груди, как на молитве, и возвел очи к небу: — О Господи, не дай ей убить архитекторшу ради ежедневника. Даже абсолютно случайно.

Йонас стоял в вестибюле и в окно наблюдал за действиями трех детективов в штатском, собиравшихся обследовать машину Бирны. Те подъехали к стоянке в специальном фургоне и, не заходя в отель, принялись фотографировать со всех сторон маленький спортивный автомобиль. Вигдис сразу же позвонила Йонасу, и тот прибежал в вестибюль.

— Что это они там шерудят? — спросила Вигдис.

Йонас едва не подскочил от неожиданности. Он был настолько занят наблюдением за полицейскими, что совсем забыл о существовании администратора. Сердце его заколотилось. Он взглянул на Вигдис и дрожащим голосом произнес:

— Вы меня напугали. — Затем снова повернулся к окну и прибавил: — Насколько я понимаю, они изучают автомобиль Бирны. Бог знает, зачем он им понадобился.

Вигдис близоруко прищурилась, глядя на стоянку.

— Может, Бирну убили в машине? А? Как вы думаете?

— Едва ли, — покачал головой Йонас. — Машина стоит здесь уже несколько дней. Она на ней никуда не ездила. Я им так и сказал.

— Да им как ни говори — все плохо, — пробормотала Вигдис. — Может, Бирну действительно убили прямо здесь? Только в машине?

Йонас резко к ней повернулся.

— Не мелите ерунды. Вы вообще не знаете ни что произошло — убийство или несчастный случай, ни где. И выдумывать ничего не нужно.

Вигдис пожала плечами.

— Кому же тогда понадобилось тащить ее на берег? Там же мелко, сантиметра два от силы. — Для убедительности она показала глубину большим и указательным пальцами.

Йонас уже собрался было снова отчитать Вигдис, но в этот момент один из полицейских вытащил из кармана мобильник. В вестибюле раздалось слабое мелодичное эхо. Детектив, прижав телефон к уху, неожиданно повернулся к отелю и, выхватив взглядом Йонаса, стоявшего у окна, пристально на него посмотрел. У того похолодело внутри. Закончив разговор, полицейский офицер, не отрывая глаз от Йонаса, зашагал к отелю.

— Смотрите! — воскликнула Вигдис. — Он направляется к вам. Судя по физиономии — ничего хорошего ждать не следует.

Тора бросилась в офис Йонаса. Тот позвонил ей, но ничего не объяснил, только попросил зайти и присутствовать при разговоре с полицейскими, поскольку те якобы подозревают его в убийстве, о котором он не имеет представления. Тора вдруг вспомнила двусмысленное замечание Мэтью относительно Йонаса. Пожалуй, что оно начинает оправдываться, а ледник и впрямь обладает некоей неведомой силой.

— Прошу прощения, — сказала Тора, постучавшись и заходя в офис Йонаса. Тот сидел

за столом, напротив незнакомого мужчины, красный как свекла. Незнакомец находился спиной к Торе и обернулся, когда она весело прочирикала:

— Ну, как тут? Все в порядке?

— Какой, к черту, порядок! — проревел владделец отеля и вскочил с кресла.

Полицейский офицер, грузный мужчина лет пятидесяти, приподнявшись над стулом, протянул Торе руку.

Она пожала ее и удивилась — ладонь была сильной и твердой.

— Здравствуйте. Я полицейский детектив Торольфур Кьяртанссон.

— Здравствуйте. А я Тора Гудмундсдоттир, адвокат. — Они пожали друг другу руки. —

В чем дело? — обратилась Тора к Йонасу.

— Полиция считает меня так или иначе причастным к смерти той женщины! — рявкнул тот. Ткнул пальцем в полицейского, не сводившего с него внимательных глаз, и продолжил: — Он сует нос в мой компьютер да еще заявляет, будто у него есть ордер на изъятие моего мобильного телефона. — От возмущения Йонас не нашел больше слов и лишь полоснул офицера свирепым взглядом.

— Понятно, — холодно сказала Тора. — Могу я увидеть ордер? Я адвокат Йонаса, он официально попросил у меня юридической помощи.

Торольфур молча вручил ей распечатку. Просматривая текст, Тора заметила, что ордер выдан окружным судом Западной Исландии на изъятие у Йонаса Юлиуссона мобильного телефона в интересах следствия по делу об убийстве Бирны Халлдорсдоттир. Сердце ее екнуло. «Да, Йонас прав, его подозревают. Тут черным по белому все написано», — подумала она и холодно спросила:

— Могу я поинтересоваться, зачем вам потребовался мобильный телефон?

— Мы полагаем, что там содержится полезная для нас информация, — сдержанно ответил Торольфур.

— В мобильных телефонах содержится самая разная информация, в том числе и конфиденциальная, — так же спокойно проговорила Тора, пытаясь вспомнить его модель. — Вы можете связаться с оператором и поинтересоваться, кому звонил Йонас.

«Вероятно, они надеются найти какие-то сообщения или фотографии, — подумала Тора, удивляясь, что полиция интересуется только мобильным телефоном Йонаса. — Они не настаивают на обыске офиса. Хотя, возможно, еще не получили ордер».

— Хорошо. Вы можете забрать телефон, но в ордере ничего не говорится про сим-карту. Какая вам польза от пустого телефона? — спросила Тора, втайне надеясь, что полиции требуется нечто находившееся на сим-карте, а не в телефоне.

Торольфур выхватил у нее ордер.

— Здесь говорится о номере мобильного телефона. — Он пробежал глазами страницу и обвел пальцем нужное место. — Смотрите, номер указан. Шестьсот шестьдесят семь — шестьдесят семь — шестьдесят семь. Видите? Кроме того, он зарегистрированный пользователь. Если вы отдадите нам телефон без сим-карты, то нарушите обозначенные в ордере условия. — Офицер с самодовольным видом снова откинулся на спинку стула и повернулся к Йонасу. — Вам надлежит отдать мне свой мобильный.

Тора посмотрела на отельера.

— Вы отказываетесь передавать телефон?

Йонас раздулся, как серый дельфин.

— Разумеется. Как я смогу без него обходиться? Конечно, мобильная связь здесь плохая,

но дело не в этом. Я не желаю отдавать им свой телефон. Он мой.

— Советую вам убедить своего клиента не делать глупостей. Иначе вы проявите неблагоразумие, — раздраженно произнес Торольфур, не пытаясь скрыть, что разговор начинает действовать ему на нервы.

— Я не убивал Бирну! — заорал Йонас и ударил кулаком по столу. — Как вы могли такое подумать?!

— Никто вас ни в чем не обвиняет, — спокойно ответил Торольфур. — Однако ваше поведение вызывает определенные вопросы.

— Какие еще обвинения? — взвился Йонас, вторично сотрясая столешницу. — Я никак не замешан в убийстве и настаиваю, чтобы меня проверили на детекторе лжи. А телефон свой вам не отдам.

Тора наклонилась к Йонасу и мягко дотронулась до его руки.

— Йонас, детекторы лжи в Исландии не используются. Показания, полученные с их помощью, не принимаются судами в качестве доказательств. Рекомендую все-таки отдать мобильный. Тем более если вы ни в чем не виноваты.

— И не подумаю отдавать, — твердо заявил Йонас, скрестив на груди руки, и откинулся на спинку кресла. Затем наклонился почти к самому уху Торы и прошептал: — Ни при каких обстоятельствах они не должны завладеть моим телефоном. Иначе случится беда, большая беда. Можете мне поверить. — Он выпрямился и, улыбаясь, возрился на полицейского офицера.

— Хорошо. Я вас поняла. Давайте свой телефон! — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Не бойтесь, доверьтесь мне.

Йонас подозрительно уставился на нее.

— Нет, вы отдадите его полицейским.

— Доверьтесь мне, Йонас, — повторила Тора и протянула раскрытую ладонь.

Йонас с сомнением возрился на нее, затем, наконец решившись, достал из кармана пиджака, висевшего на спинке кресла, мобильник и положил на ее ладонь.

— Тора, он не должен попасть к ним в руки.

Она кивнула.

— Я вас поняла. Не волнуйтесь. — Когда Йонас отдал телефон, Тора с облегчением вздохнула. Оглядев аппарат, она заметила, что в нем нет объектива, и еще больше обрадовалась.

— А теперь прошу вас передать телефон мне, — произнес Торольфур, протягивая ордер.

— Один момент. — Тора выложила на стол свой мобильник и, открыв крышку, извлекла из него сим-карту. Потом проделала то же самое с телефоном Йонаса и вставила в него свою сим-карту. — Пожалуйста, получите. Как и сказано в ордере — один мобильный телефон за номером шестьсот шестьдесят шесть — шестьдесят семь — шестьдесят семь, зарегистрированный на пользователя Йонаса Юлиуссона. — Она вручила свой мобильный полицейскому. — В полном соответствии с ордером, правильно? — улыбнулась она Торольфуру.

— Великолепно, просто великолепно, — бормотал Йонас, врываясь в комнату Торы. Они убежали сразу после того, как Торольфур позвонил и сообщил о выполнении Йонасом условий изъятия телефона. Следовало ожидать нового ордера, с более точной формулировкой. Поэтому Тора и спешила узнать, что именно Йонас пытается скрыть от

полиции.

— Мэтью, познакомься, это Йонас. — Тора быстренько представила их друг другу. Время поджимало, и она старалась быть немногословной. Мэтью кивнул, весьма удивленный шумным вторжением, но вопросов задавать не стал.

— И почему же ты так не хотел отдавать полицейскому телефон? — спросила она, глядя на Йонаса.

— Там есть номера, которые ему не следует видеть. И еще тексты сообщений, — прошептал тот ей на ухо. — Я иногда покуриваю травку. В телефоне имеются координаты парней, через которых я ее достаю. Иной раз я отправляю им сообщения. Если тексты сохранились, по ним можно догадаться обо всех наших делах.

Тора кивнула, пораженная тупостью Йонаса. Он даже не подозревает, что лучшего доказательства его невиновности не найти. А теперь полицейские вцепятся в него как собаки. Таковую истерику устроил, словно на трупе нашли записку с его адресом и фамилией. Тора вздохнула и отдала Йонасу телефон.

— Держите. Не предпринимайте никаких сомнительных действий. Пин-код четыре ноль три шесть.

Йонас включил мобильник, ввел пин-код и, опасливо поглядывая на Тору, стер в адресной книжке два имени. Затем открыл меню и начал уничтожать последние, полученные совсем недавно сообщения. Разглядывая их, он внезапно вздрогнул, отвел руку с телефоном, чтобы лучше видеть и воскликнул:

— А это еще откуда?

Тора повернулась к нему и схватила телефон.

— Что там?

— Не понимаю. — Йонас явно был поражен увиденным.

Тора прочитала начало сообщения: «Давай встретимся на бере...». Буквы заполнили половину экрана, и она нажала на кнопку, вызывая весь текст.

«Давай встретимся на берегу, обсудим нашу идею». Тора посмотрела на дату — сообщение было отослано в прошлый четверг в 19.25, накануне обнаружения тела Бирны.

— Только не говори, что это ее номер, — нервно сказала Тора, вручая Йонасу телефон.

Тот посмотрел на экран, затем на Тору и слабо кивнул.

— Все нормально? — по-английски спросил Мэтью, переводя взгляд с Торы на Йонаса, продолжавшего таращиться на мобильный телефон.

Ошеломленные Тора и Йонас не сразу обрели дар речи.

Мэтью почти ничего не понял из происходившего между ними, однако догадался — случилось что-то непредвиденное.

Йонас, с полминуты простояв с открытым от удивления ртом, повернулся к нему.

— А... простите, вы кто такой? — спросил он, явно обрадованный возможности отвлечься от своих мыслей.

— Это мой друг из Германии Мэтью. Когда-то он работал детективом, но теперь возглавляет службу безопасности одного немецкого банка. Мы познакомились недавно, я вела его дело, — пояснила Тора. — Можете полностью доверять ему. Он умеет молчать.

— Надеюсь, вы не ошибаетесь, — неуверенно отозвался Йонас. — Ничего не понимаю. Я не отсылал этого сообщения. Клянусь, не отсылал.

Тора задумчиво вложила телефон в его руку.

— С вашего мобильного, Йонас, отправлено сообщение. Не важно кем, но теперь вы кандидат номер один. — Она повернулась к Мэтью и объяснила ситуацию.

Взволнованный Йонас заговорил, едва Тора закончила:

— Я повторяю, что не отсылал это сообщение, — и точка! — Он обращался к Мэтью, надеясь заручиться его поддержкой.

— Вы где-нибудь оставляли в тот вечер свой телефон? — поинтересовался Мэтью. — Если вы не отправляли сообщение, значит, это сделал кто-то другой — либо с целью бросить на вас подозрение, либо чтобы заманить эту женщину, Бирну, на берег. Отправителем скорее всего является человек, с которым она в ином случае никогда бы не встретилась.

— Так или иначе, мы имеем дело с хладнокровным преступником. Некто намеревался убить Бирну и хорошо спланировал свои действия, — заявила Тора. — Для Исландии подобные злодеяния нехарактерны. Наши убийства совершаются главным образом на кухнях, после двух стаканчиков. Начинается драка, в процессе которой кто-то хватается за нож. Бирна, должно быть, попала в чрезвычайно странные обстоятельства, если не сказать больше.

Тора и Мэтью повернулись к Йонасу.

— Для вас крайне важно вспомнить, где вы были в момент отправки сообщения, — сказала она. — У вас есть привычка оставлять свой мобильный без присмотра?

— В этом-то все и дело, — ответил Йонас. — Поскольку связь здесь неважная, то нет и необходимости все время носить его с собой.

— Но где вы в тот момент находились, не помните? — спросил Мэтью.

Йонас почесал голову.

— Не припоминаю. По крайней мере сейчас. Мне нужно немного успокоиться, посидеть в тишине. К сожалению, в последние дни я бываю так занят, что сразу все забываю. Обычно я не обращаю на это внимание — ну, забыл и забыл.

— Воздействие травки, Йонас. Это она укорачивает вашу память, — заметила Тора. — Вам следует обязательно вспомнить, где вы находились. Ведь и времени прошло не много — всего-то два дня. Кстати, на сеанс вы не ходили? Судя по объявлению, которое я видела,

проходил он как раз в тот вечер.

Йонас постучал себя по лбу.

— Ну конечно же! В четверг вечером! — Он посмотрел на Тору своим обычным бессмысленным взглядом. — Сеанс был, но, к сожалению, я туда не ходил — это точно. А что делал весь день — не помню.

— Прекрасное начало, — проговорила Тора. — Продолжайте вспоминать. Это очень важно. — Она взяла у него телефон и снова принялась читать сообщение. — Одно мне кажется странным, — наконец задумчиво сказала она. — Почему Бирна безропотно подчинилась просьбе? Знаете, Йонас, если бы я получила подобное приглашение, то прежде всего позвонила бы и спросила, что вам, собственно, нужно.

— Как раз странной ей эта просьба не показалась. Она неоднократно предлагала мне выстроить на берегу небольшой ресторанчик, но ее затея меня не особенно вдохновляла. Получив сообщение, она наверняка очень обрадовалась, — отозвался Йонас.

— Кто-нибудь еще знает о намечавшемся строительстве ресторана? — поинтересовался Мэтью.

— По-моему, все в той или иной степени, — ответил Йонас. — Здравомыслием и осмотрительностью она не отличалась.

Тора задумчиво глядела на отельера.

— Скажите мне вот что. Если вы ее не убивали, кто мог это сделать? Вы отзываетесь о ней как о замечательном человеке, которого все обожали. Строго говоря, я даже представить не могу, кому и по какой причине вдруг понадобилось убивать заурядного архитектора.

Йонас посмотрел на нее, затем перевел взгляд на Мэтью.

— Ну что ж... Я сказал вам не всю правду. Дело в том, что она была страшной колдуньей. Настоящей ведьмой. Персонал ее терпеть не мог. Она всех унижала, открыто насмеялась над дорогими для нас вещами, обливала их грязью. Если бы я решил составить список ненавидевших Бирну, мне пришлось бы включить в него практически всех находившихся в отеле. — Он на минуту умолк, затем продолжил: — Но подозревать кого-то я не могу. Убийство — это слишком невероятно.

— Надеюсь, ради вашего же блага, что вы просто упустили некоторые детали. Потому что в противном случае у полиции будет только один подозреваемый — вы, — сказал Мэтью.

— Йонас, идите и постарайтесь вспомнить, как провели вечер в четверг, — посоветовала Тора. — А мы с Мэтью тем временем попробуем разузнать о Бирне еще что-нибудь. Да, и приготовьтесь отдать свой мобильник. Не спорьте. Они наверняка прочитали все на ее телефоне. Ваш им нужен только для подтверждения. Не вздумайте стирать сообщение. Отсутствие его только вызовет дополнительные подозрения.

— Вы серьезно? — хмуро спросил Йонас.

— Вполне. И отдайте мне мою сим-карту. Нечего ей в полиции делать.

— Чувствую, убийство каким-то образом связано с домом или землей, — сказала Тора, рассеянно выдергивая длинные травинки.

— Что заставляет тебя так думать? — спросил Мэтью, прихлебывая кофе. Они сидели в шезлонгах на лужайке позади гостиницы, наслаждаясь видом залива Факсафлои. — Мотивы, вероятнее всего, находятся в настоящем, а не в прошлом: любовь, деньги, безумие. Убийца мог быть и незнаком с Бирной — увидел женщину и внезапно потерял контроль над собой.

Тора пожевала травинку.

— Текст сообщения предполагает обратное. — Она сунула стебелек между зубами. — И все-таки убийство связано с отелом. Во-первых, здание какое-то странное. Во-вторых, ежедневник Бирны говорит о том же. Там нет ни словечка ни о любви, ни о деньгах. Судя по всему, Бирна была трудоголиком.

— Ежедневник содержит обычные рабочие записи. Ничего особенного. Возможно, у нее был и другой ежедневник, в котором она рассказывала о своей частной жизни. — Мэтью понаблюдал, как стебелек прыгает в уголке рта Торы, и прибавил: — Не подозревал, что исландки относятся к породе жвачных. Неужели так приятно?

— Попробуй — узнаешь. Обостряет мысли, — ответила Тора, выдергивая стебель и протягивая его Мэтью. Тот брезгливо отвернулся, но Тора настояла, и Мэтью сунул травинку в рот.

— Что-то в ежедневнике должно помочь нам обнаружить убийцу. — Тора посмотрела, как Мэтью жует травинку. — Ну как? Нравится? Тебе еще бы пару резиновых сапог, и получится вылитый исландский фермер.

— Я предпочитаю резину в автомобильных шинах и теннисных мячах, а не на ногах. — Мэтью извлек стебель изо рта. — Ладно, давай посмотрим ее ежедневник.

Тора сидела, откинувшись на спинку шезлонга.

— Нам придется сделать еще вот что. В ежедневнике есть план другой фермы, расположенной неподалеку. На плане сделано много пометок, но их значение мы поймем, только побывав на ферме.

Мэтью не пошевелился.

— Как знаешь. Буду выполнять роль твоего телохранителя. — Он покосился на нее и подмигнул. — Я тоже чувствую — попадешь ты со своими криминальными изысканиями во всевозможные сомнительные ситуации. Ты уже преступница. Во-первых, воровка — незаконно завладела имуществом покойной, а во-вторых, мешаешь отправлению правосудия — подбила Йонаса удалить из мобильного телефона ценную для полиции информацию, дабы отвести от него подозрение. И это только начало. Представляю, чем закончится твое расследование. Видит Бог, я должен этому помешать.

— Здесь написано имя Кристин, за ним идет вопросительный знак. Может, отсюда и начнем? — Тора пролистнула несколько страниц и раскрыла план старого дома. Теперь следовало решить, идти ли по лестнице наверх или сначала обследовать первый этаж, где, если верить рисунку, находились две гостиные, кухня, кладовка, туалет и рабочий кабинет.

— Комната, полагаю, наверху. Но давай сначала хорошенько осмотрим первый этаж? — предложил Мэтью, всматриваясь в дверной проем с левой стороны от себя.

— Хорошо, — согласилась Тора и захлопнула ежедневник. Она уже устала осторожничать и твердо решила его не отдавать, а раз так, то не было смысла беспокоиться об оставленных отпечатках пальцев. — Тьфу, ну и вонь, — пробормотала она. Дом был пропитан мерзким запахом — смесью влажности, пыли и нафталиновых шариков. Здание явно не проветривалось десятилетиями. — Кошмар, — сказала она, прикрывая лицо.

Мэтью тяжело вздохнул.

— На твоём месте я бы постарался как можно быстрее к нему привыкнуть. Ничего. Скоро ты перестанешь его замечать. — Не успел он произнести последнее слово, как бодрый тон его угас. — Фууу, черт, — прошипел он. — Слушай, Тора, давай откроем окно.

Они направились в комнату, которая на плане Бирны значилась кабинетом. Дверная ручка, старинная, сделанная из толстого куска дерева, была очень короткой, и Мэтью пришлось как следует вцепиться в нее, чтобы открыть дверь. От времени створ покособило, и Тора удивилась его толщине. Они вошли в комнату и молча оглядели помещение.

— Больше здесь смотреть нечего, — произнес Мэтью, обыскав висевшие по стенам пустые книжные полки и ящики большого письменного стола под грязным окном. Нигде ничего не нашлось, за исключением древнего, заточенного ножом карандаша.

— Посмотри-ка сюда, — сказала Тора. — Похоже, совсем недавно тут стояли книги. — Она ткнула пальцем в слой пыли на полке, толстый по краям и почти незаметный в глубине, у самой стены.

Мэтью приблизился и осмотрел полки.

— Да, точно. Думаешь, книги взяла Бирна? Возможно, они были ценными, — предположил он.

Тора пожала плечами.

— Сомневаюсь. На ее схеме никакие книги не указаны. Хотя, конечно, если она изначально собиралась их украсть, то могла и не упомянуть. Их вполне могли взять бывшие владельцы дома. Они обещали Йонасу вернуться за остатками своих вещей.

Покинув кабинет, они углубились внутрь дома, где обнаружили две смежные гостиные, обставленные старомодной мебелью, невзрачной, хотя когда-то наверняка считавшейся стильной: внушительный буфет, обеденный стол с выцветшей расшитой салфеткой в центре и несколько стульев. У стен стояли простенькие маленькие столики. На стенах висела пара картин: на одной был изображен корабль, на второй — ледник Снайффелльснес.

Отвратительное состояние полотен не позволяло прочесть имя художника. Буфет был пуст, как и горка.

— Спорим, не сядешь на диван? — указал Мэтью на пыльную обивку. Сквозь грязь виднелись слабые очертания цветочного узора. — Интересно посмотреть, большая туча пыли поднимется или огромная?

— Нет уж, спасибо, — ответила Тора. — Можешь сам попробовать. Я даже заплачу тебе за аттракцион. Сто крон устроит?

Мэтью схватил ее за руку.

— У меня есть предложение получше наличных.

Тора улыбнулась:

— Потом договоримся. — Повернувшись к дивану, она оглядела его и наморщила нос. — Хотя ладно, я отказываюсь от пари. Если ты туда шмякнешься, пыль не уляжется до вечера и мы просто здесь заблудимся. Пойдем проверим кухню.

В кухне мебели оказалось больше, чем в других комнатах. Естественно, такой же старой — несколько скромных крашенных буфетов с примитивной резьбой и небольшая раковина. Рабочая поверхность разделочных столов была меньше современной, но зато места для кухонного стола хватало с избытком. На вбитых в стену крючках висели деревянные ложки и стальной нож для разделки рыбы, на плите стоял жестяной кофейник.

— Поразительно. Зачем они все это оставили? — проговорила Тора, обводя взглядом кухню.

Мэтью открыл один из шкафов и обнаружил в нем десятки разнокалиберных бокалов, чашек и стаканов.

— Послушай, Тора, может, оставим эту скучную задачу на потом? Кто знает,

пользовались ли вообще хозяева всей этой посудой? Похоже, наследники удовлетворились кофейниками и мебелью, оставив стекляшки здесь. — Он вдруг замолчал и указал на картонную коробку, лежавшую в кресле. — Посмотри, что это?

Они подошли ближе и увидели, что коробка битком набита какими-то предметами, завернутыми в газеты. Рядом стопкой лежали журналы. Тора взяла верхний, посмотрела на дату.

— Майский номер за этот год. Прежние хозяева паковали вещи совсем недавно. Ты погляди! — воскликнула она, вытаскивая из-за коробки термос. — Модель современная. — Внутри термоса что-то плескалось. Тора отвинтила крышку, вытащила пробку и, осторожно поднеся горлышко к носу, понюхала. — Кофе, — сообщила она. — Должно быть, его оставили Элин и Бёркур или кто-то другой, отправленный ими за вещами. — Она поставила термос на место.

— Кто они, прежние владельцы, Элин и Бёркур? Они здесь жили? — спросил Мэтью.

— Брат и сестра, унаследовавшие эту землю. Теперь уже пожилые люди. Мне неизвестно, жили ли они здесь постоянно, но, судя по всему, нет. Все вещи очень старые. — Тора оглядела кухню. — Им самим максимум пятьдесят, а обстановка и посуда совсем дряхлые. Едва ли они здесь воспитывались.

— Зачем им понадобилось именно теперь так срочно покинуть ферму? — поинтересовался Мэтью. — Они могли бы продать свою собственность несколько лет назад. Новую часть отеля за пару месяцев все равно не выстроишь.

— Все правильно. Полагаю, к продаже их подтолкнул Йонас, загоревшийся идеей возвести пристройку, хотя планы его впоследствии провалились. — Тора один за другим открывала ящики столов и заглядывала в них. Увиденное интереса у нее не вызвало.

Они закончили осмотр первого этажа, не найдя ничего стоящего внимания. Вещи, хранившиеся в кладовке, явно пролежали на полках несколько десятилетий. Старыми были и коробки, набитые книгами. Они открыли пару из них, обнаружив массу безделушек, некогда украшавших гостиную. Осмотр ванной Тора доверила Мэтью, и когда он вернулся, по его виду поняла, что ничего не потеряла.

— Пойдем дальше, — буркнул Мэтью с серым от пыли лицом, устремляясь к лестнице.

Они открыли дверь, ведущую в подвал, заглянули внутрь, но спускаться не стали. Тора сочла неразумным исследовать подвал в темноте. Поэтому они отправились наверх и на лестничной площадке обнаружили пять закрытых дверей. Мэтью толкнул одну из них, но та оказалась запертой. Он уже взялся за ручку второй двери, как вдруг замер.

— Посмотри на рисунке, какая дверь ведет в ванную, — бросил он.

Сверившись с ежедневником Бирны, Тора предложила начать осмотр этажа с комнаты, отмеченной именем Кристин.

— Бирна интересовалась ею больше, чем остальными, — пояснила она, указывая Мэтью на дверь, которую тот как раз собирался открыть.

— Никогда не прощу, если ты подшучиваешь надо мной и эта комната тоже окажется ванной, — проговорил он, нажимая на ручку.

— Увидим, — отозвалась Тора и, как только Мэтью опустил ручку, толкнула дверь.

Они вошли в детскую спальню, предназначавшуюся, вероятнее всего, для девочки. В изголовье выкрашенной белой краской кровати лежал потрепанный плюшевый мишка с кусочком серой ткани на животе. Один его глаз отсутствовал. Лапы крепились со спины на шарнирах, на плечах и бедрах темнели стальные кнопки. Вокруг шеи была повязана

выцветшая красная лента. Вид мишки тронул Тору. Рядом с ним сидела потрепанная кукла, уставившись накрашенными глазами в противоположную стену.

— Обстановка жутковатая, — потрясенно сказала она.

— Да, — согласился Мэтью. — Жильцы явно покидали дом в спешке. — Посмотри... — Он подошел к полке, на которой стояло несколько запыленных книг. Под ней находился выкрашенный белой краской стол, на котором лежал незаконченный рисунок. Вокруг него были разбросаны мелки. Мэтью взял рисунок, посеревший от осевшей на него пыли, и начал внимательно разглядывать. Углы листа от времени свернулись. Мэтью подул на него, разогнал поднявшееся облачко пыли и передал листок Торе.

— Рисунок не успели закончить.

Тора несколько минут внимательно изучала его. Сделан он был ребенком, может быть, чуть старше ее шестилетней дочери Солей. На нем был изображен горящий дом, языки пламени прорывались сквозь крышу и, переплетаясь, рвались к небу. Раскрашен он был только наполовину.

— Странный сюжет, — произнесла Тора, кладя лист обратно на стол. — Думаешь, нарисован именно этот дом?

Мэтью покачал головой:

— Нет, вряд ли. Рисунок хоть и детский, но этаж здесь только один. К тому же и дверь необычно большая.

Тора указала на изображенное окно.

— Похоже на глаза. — Она нагнулась, чтобы лучше рассмотреть детали. — Черт подери, точно. Ребенок нарисовал кого-то внутри дома. Взгляни, раскрытый рот. Только носа нет.

Мэтью наклонился над рисунком.

— Прекрасный сюжет для детского творчества. Может, ребенок был немного не в себе?

— Или увидел нечто в высшей степени странное, сильно его взволновавшее, — отозвалась Тора, отворачиваясь от стола. — Полагаю, нам нужно побольше разузнать о здешней семье и о том, почему она отсюда уехала. Мне известно, что жил тут некий Гримур и у него была только одна дочь, но она умерла в раннем возрасте и сделать этот рисунок просто не могла. Позднее здесь поселилась другая семья. — Тора подошла к проделанной в стене двери, открыла ее и увидела небольшой платяной шкаф. На длинном бруске болтались вешалки, на двух из них еще висела одежда — детский свитер и тонкое хлопковое платьице. Оба слишком большие, чтобы принадлежать Эдде, умершей, согласно надписи на фотографии из старого альбома, на четвертом году жизни.

— Внутри что-то есть, — кивнул Мэтью на платяной шкаф.

Тора заглянула туда и заметила в задней стенке раму, обрамляющую прямоугольную доску. Она нажала на нее, и доска, оказавшаяся дверцей на маленьких петлях, отошла в сторону.

— Вау! — воскликнула Тора. — Потайной ход. Посмотри, ступеньки уходят вверх.

Мэтью достал из кармана ключи от машины. В брелке был фонарик, и Мэтью осветил им ступеньки.

— Обрати внимание, — показал он на одну из них, где в пыли явственно виднелся след. — Кто-то совсем недавно побывал здесь.

— Должно быть, Бирна. Больше некому, — уверенно проговорила Тора. — Я видела в ее ежедневнике размеры балок. Она проверяла состояние стропил. Ступеньки наверняка ведут

на чердак. Попробуем подняться? — повернулась она к Мэтью.

— Обязательно, только подожди немного, я принесу кухонный нож: чтобы пролезть в это окошко, мне нужно отрезать как минимум руку, а для верности еще и плечо, — кивнул он в сторону лаза. — Мне туда не втиснуться ни под каким видом.

— Тогда давай мне ключи. — Тора залезла в шкаф и скользнула в узкое отверстие. Перед тем как подняться по ступенькам, она с улыбкой обернулась к Мэтью. — Смотри! Если увижу крысу, вернусь и пристукну тебя.

Чердак был пуст. Осветив слабым лучиком пол, Тора увидела следы Бирны и с сомнением оглядела хлипкие половицы. «Такие меня точно не выдержат». Бирна была намного меньше, по крайней мере ее одежда свидетельствовала об этом. Тора предпочла бы осмотреть чердак со ступенек, оттуда, где она сейчас находилась, но когда луч фонаря выхватил на одной из стропил какую-то надпись, любопытство взяло верх над страхом, и она двинулась вперед. Шла Тора очень осторожно, ежесекундно ожидая, что половицы под ней треснут и она свалится на голову Мэтью, стоявшему этажом ниже. Или, что еще хуже, угодит прямо в ванну. Она повела лучом по полу и увидела следы Бирны или другого человека, побывавшего здесь. А добравшись наконец до нужного столба, почувствовала облегчение. Нагнувшись, она снова осветила пол.

«Золото? Или что-то похожее». Улыбаясь, Тора подняла значок с крыльями, напоминавший эмблему летчиков, и рассмотрела находку. Затем положила ее обратно и заметила треснувшую фарфоровую чашку. На полу валялось еще несколько предметов — почерневшая серебряная ложка, два молочных зуба и крестик на тонкой цепочке. Аккуратной стопкой лежала пачка плакатов с кинозвездами. Края их пожелтели и загнулись. Осмотрев все, Тора перевела луч фонаря с пола на столб и замерла, увидев процарапанную на нем надпись.

— Мэтью! — позвала она. — Здесь написано имя Кристин!

— Что? — донесся снизу его голос.

Кричать Тора сочла бессмысленным, Мэтью все равно не услышал бы ее. Она снова подалась вперед и несколько раз прочитала надпись:

«Папа убил Кристин. Я ненавижу папу».

— Да, как я вам и говорил, бывшие владельцы в конце концов решили забрать оставшиеся вещи, — сказал Йонас, откидываясь на спинку кресла. Они сидели в баре, в одной из ниш у очага, среди украшавших стены картин. — Я попросил Бирну сообщить им, чтобы они поторопились и вывезли все до начала строительства. Подготовка к возведению пристройки шла полным ходом. Планы мои, как вы знаете, в итоге сорвались, но вещи они тем не менее начали вывозить. Как там у них дело двигалось, я не в курсе. По крайней мере ни меня, ни Бирну никто ни о чем не уведомлял.

Мэтью отпил глоток пива.

— Они останавливались здесь? — поинтересовался он.

— Нет, они никогда не обращались ко мне с просьбой предоставить им номер, однако неоднократно обедали в нашем ресторане.

— Они приезжали сюда за оставшимися вещами?

— Понятия не имею, — ответил Йонас. — Помню, видел их несколько раз: брата, сестру и девушку с юношей — его сына и ее дочь. Не могу сказать, приезжали ли они на несколько часов или останавливались где-нибудь поблизости. Вигдис, администратор, говорила мне, что девушка дважды подходила к ней, просила картонные коробки. Насколько я помню, здесь, на полуострове, у них еще осталась собственность; возможно, они ночевали там. Думаю, что это дом в Стиккисхольмюре или Оулафсвике, где они живут летом.

— Мог ли кто-то из них иметь что-нибудь против Бирны? — спросила Тора.

— Не могу себе такого представить, — отозвался Йонас. — Я знаю, она частенько разговаривала с братом, но, насколько могу судить, отношения у них были вполне дружескими. Тогда ферма еще принадлежала им, и Бирна расспрашивала его о здешних местах. Полагаю, она надеялась обнаружить старые карты или что там ей было нужно.

— Нашла она их? — поинтересовалась Тора.

— Нет, не думаю, — покачал головой Йонас. — Насколько я помню, у него ничего подобного не было. Какие-то бумаги он ей давал, но, как оказалось впоследствии, для нее совершенно бесполезные. Он позволил ей покопаться в старых вещах, сваленных в подвале в «Кирккюстетте» и «Креппе».

— Не припомните, упоминала ли Бирна когда-нибудь имя Кристин? — продолжала расспрашивать Тора. — Или может быть, говорила о девушке с таким именем?

Йонас пожал плечами.

— Не припоминаю. А кто такая Кристин?

— Не имею ни малейшего представления, — ответила Тора. — Она не связана с нашим делом, это имя... — Тора едва не сболтнула о ежедневнике Бирны, но вовремя удержалась. — ...нацарапано на столбе в доме. Возможно, просто кличка кошечки, любимой козочки. Мы думаем, надпись сделал ребенок.

— Кристин — довольно необычно для кошечки, — заметил Йонас. — Но одно я помню точно — Бирна никогда не упоминала ни о какой Кристин, ни о девушке, ни о кошке.

Они немного помолчали. Тора, разглядывая обстановку, потягивала белое вино, заказанное для нее Йонасом. Бар находился в новой пристройке, но был уютным, обставленным старомодной мебелью.

— Это все местные жители? — кивнула Тора на развешанные по стенам фотографии.

— Нет, я купил их в антикварной лавке. Понятия не имею, кто эти люди. Бирна посоветовала мне их использовать. Одна из ее великолепных идей.

Мэтью и Тора согласно кивнули.

— Может быть, имеет смысл попросить разрешения разместить здесь и те фотографии, что пылятся в коробках в подвале? — предложила Тора. — Там есть несколько фотоальбомов и рамок. Полагаю, на снимках изображены местные жители. Это добавило бы помещению шарма. Кстати, основную часть фотографий я принесла к себе в номер, чтобы получше рассмотреть. Можете взглянуть, если есть желание.

Йонас поежился.

— Я воздержусь, но за предложение — спасибо. Чем меньше я о них знаю, тем лучше.

— На какой фотографии есть та девочка, которую вы узнали в призраке? — спросила Тора. — Я посмотрела все снимки и нашла несколько кандидатов.

— На той, что в рамке. На ней изображена молоденькая девушка. Блондинка. Удивительно похожа на создание, появившееся в моей комнате.

— То есть это был не ребенок, — сказала Тора. — А я считала, что это маленькая девочка.

Торе попалась только одна фотография в рамке, и на ней была изображена Гудни. На вид совсем не девочка — скорее девушка. Тора поставила снимок на тумбочку рядом со своей кроватью.

— Ребенок, не ребенок — не важно. Молодая девушка, намного моложе меня. В моих глазах, конечно, ребенок.

— И вы уверены, что видели ее? — вставил Мэтью, не пытаясь скрыть сомнения. — Вам она не привиделась?

— Нет, — твердо ответил Йонас. — Исключено. Я вернулся домой уставшим. В подобном состоянии защитные рефлексy у человека снижаются и он склонен воспринимать потусторонние явления. Такое случается, не сомневайтесь.

— Хорошо, — снова вступила в разговор Тора. — Давайте пока оставим ваш опыт общения с привидениями. Скажите, удалось ли вам вспомнить, где вы были в четверг вечером?

— Ах да. Частично удалось. Я был здесь за несколько минут до начала сеанса. Собирался посетить его, но в конце концов не пошел. Испугался последствий.

— Испугались? Каких последствий? — уточнил Мэтью.

— На сеансе могли вскрыться нежелательные явления. Места здесь дурные, и я не хотел бы слышать от усопших подтверждения своим догадкам, — бесстрастно пояснил Йонас, словно речь шла о вполне естественных вещах. — Поэтому предпочел отправиться на прогулку, восстановить свои энергетические центры. Тем более что погода была для меня самая подходящая и стоял низкий туман.

Тора опередила Мэтью, собиравшегося было поинтересоваться восстановлением энергетических центров.

— Во время прогулки вы кого-нибудь встретили?

— Нет, — ответил Йонас. — Никого. Мало кто захочет выйти из отеля в такую скучную погоду, да и постояльцев было не много. Мне не подалось ни души. Наверное, в тот вечер я один и прогуливался.

— Вы забываете о Бирне, — напомнила Тора. — И об убийце. Они отсутствовали в то же самое время. — Она умоляюще посмотрела на Йонаса. — Только не говорите мне, что

спускались к заливу, где обнаружили тело Бирны.

— Нет, я не ходил туда, — произнес Йонас. — Прошел только часть пути до залива. Я был очень раздражен и просто бродил, не отдаваясь от отеля. Незадолго до того я нанял одного местного подкопать слив под дорогой, и он как раз в четверг начал работать, но, не закончив, умотал домой. Поэтому гостям, приехавшим на сеанс, пришлось оставлять машины у главной дороги, а оттуда добираться пешком. Два километра. Уверен, многие просто вернулись. Кроме того, постояльцы отеля тоже были крайне недовольны, обнаружив канаву, преграждавшую путь их машинам. Некоторые не смогли уехать.

— А когда ремонтные работы закончились? — спросил Мэтью.

— В пятницу утром, — буркнул Йонас, явно и сейчас злой на нерадивого землекопа. — Он бы и еще протянул, если бы я не отругал его.

— Таким образом, в вечер убийства ни одна машина не могла ни подъехать к отелю, ни отъехать от него к заливу? — уточнила Тора.

— Разумеется. Она бы застряла в канаве.

— Во время прогулки ваш мобильный телефон был при вас? — поинтересовался Мэтью.

Йонас ответил не задумываясь:

— Определенно нет. Он испускает волны, мешающие мне восстанавливать энергетические центры.

Мэтью уже собрался было попросить Йонаса объяснить процесс восстановления, но в этот момент в дверях бара появилась Вигдис с бумагами в руках, обвела глазами присутствующих и направилась напрямик к ним.

— Вот списки, которые вы просили, — объявила она и передала бумаги Йонасу. — Фамилии постояльцев, находившихся в отеле в ночь с четверга на пятницу, а также тех, кто заказал у нас номера, но либо не приехал, либо аннулировал заказ. — Она натянуто улыбнулась Торе и Мэтью. — Простите, мне нужно вернуться к телефону. — Вигдис торопливо удалилась.

Йонас крикнул ей вслед:

— Спасибо! — И, пробежав глазами листки, передал их Торе. — Это распечатка резервирования номеров, хотя вам она, вероятно, мало чем поможет. Не могу себе представить, чтобы кто-то из наших постояльцев убил Бирну. Подобное мне кажется просто невероятным.

— Как знать, — парировала Тора и принялась читать бумаги. Перечень оказался не слишком длинным. — Заказов не так много. Я вижу, к вам мало приезжают, — заметила она.

— Всего нет, — отозвался Йонас, уязвленный ее пренебрежительным тоном. — Туристический сезон здесь довольно короткий, несколько недель в середине лета. Его и сезоном-то не назовешь. В эти дни отель, как правило, забит. В остальное время постояльцев, естественно, меньше, как и везде. Я уже думал организовать для привлечения дополнительного числа гостей зимние экскурсии и другие развлечения. Пока здесь довольно уныло.

Тора согласно кивнула, не отрываясь от бумаг.

— Судя по перечню, в четверг были заняты восемь номеров, а в пятницу — десять.

— Очень возможно, — согласился Йонас. — Естественно, я не запоминаю цифры, но скорее всего это так. — Он потянулся к своему пиву, сделал глоток. — Органическое пиво, — пояснил он, поставив бокал и вытерев с верхней губы пену.

Тора заметила, как поднялись брови Мэтью. Он подозрительно оглядел бокал и принялся. И прежде чем Мэтью начал расспрашивать Йонаса о способе производства столь оригинального пива, Тора торопливо задала очередной вопрос:

— Кто-то из ваших постояльцев навещает вас регулярно?

— Отель открылся совсем недавно, и постоянных клиентов, к сожалению, пока нет, но кое-кого я успел запомнить. Давайте посмотрим. — Йонас ткнул пальцем в первую фамилию в списке. — Мистер и миссис Бритнес, пожилая чета из Норвегии. Нет, на роли убийц они совсем не подходят. — Он перевел палец на строку ниже. — Карл Херманнссон. По-моему, он у нас останавливался всего на одну ночь. А вот эту пару я помню хорошо. Арнар Фридриксон и Асдис Хенрисдоттир. Они бывали у нас раньше. Искренне интересуются нашей деятельностью, охотно пользуются всеми услугами, которые мы предоставляем. К смерти Бирны не могут иметь никакого отношения. Постойте. А это кто? Тростур Лауфейрсон? — Йонас задумался. — Ах да, точно. Байдарочник. Тренируется здесь, готовится к соревнованиям по гребле. Проживать будет до среды. Очень сдержанный и капризный. Может быть, он и есть убийца.

— А может быть, и нет, — возразила Тора, не считавшая сдержанность характерной чертой убийц. — Что вы скажете об этих иностранцах? — указала она на следующие фамилии.

— Мистер Такахаси и его сын. — Йонас поднял на Тору глаза и улыбнулся. — Оба исключительно вежливые и очень тихие. Отец перенес онкологическую операцию, сейчас восстанавливается после лечения. Сын ни на шаг от него не отходит. Забудьте, такие не убивают. — Он перевел взгляд на следующие фамилии. — Бьерн Эйнарссон и Гудни Свейнборнсдоттир. Я с ними не знаком, поэтому ничего сказать не могу. А вот этого господина вы, Тора, должны знать. Магнус Балдвинссон, престарелый левый политик.

Как только Тора услышала это имя, в памяти сразу же всплыло лицо человека из ресторана.

— Да, конечно. Я видела его во время ленча. Недавно читала о нем в газете. Внук его, Балдвин Балдвинссон, считается восходящей звездой в политике, заседает в городском совете. И что он здесь делает?

— Думаю, просто отдыхает. Человек он неразговорчивый, но как-то обмолвился, что вырос здесь. Полагаю, к старости люди становятся сентиментальными и их тянет в родные места, туда, где прошло детство, — сказал Йонас и продолжил изучать список. — Тордис Робертсдоттир. Не припоминаю ее. А вот Робина Кохмана немного знаю. Он фотограф, работает в журнале для туристов, делает снимки для статьи о Западной Исландии и фьордах. С ним приезжал и журналист, но недавно уехал. Насколько я помню, во вторник или максимум в среду. Кто у нас там дальше? А, Тейтур. Биржевой маклер, живет здесь несколько дней, очень приятный человек; правда, вежливость у него снобистская. На следующий день после приезда получил травму — свалился с лошади. Я был уверен, что он сразу уедет, но, к моему удивлению, Тейтур остался. Остальных в списке я не знаю, даже не помню как они выглядят. Ни приехавших в пятницу, ни тех, кто аннулировал заказ номера. — Он положил бумаги на стол, и Тора сразу взяла их.

— Вы не возражаете, если я переговорю с этими людьми? — спросила она.

— Разумеется, не возражаю, — ответил Йонас и начал подниматься. — Только отнеситесь к нашим гостям с пониманием. Постарайтесь не обидеть. — Покосившись на Мэтью, он прибавил по-исландски: — Прошу вас — не подпускайте его к постояльцам с

расспросами. Делайте вид, будто ничего у них не выясняете, а просто беседуете. — Йонас расправил складки на брюках и снова перешел на английский: — Пойду присоединюсь к полицейским. Они осматривают номер Бирны. Ума не приложу — что они там ищут.

Мэтью улыбнулся и подмигнул Торе.

— Ничего интересного для себя они там не найдут, — спокойно заметил он.

— У них все еще остается мой телефон, — напомнил Йонас. — Возможно, они переписывают номера из него. Ну и пусть — хоть каким-то делом займутся, лишь бы по отелю не шатались.

Стейни задумчиво сидел у окна, уставившись на дорогу. Ни людей, ни машин не было. Стейни казалось, будто он один в целом мире. Телевизора он уже насмотрелся на целую жизнь. А ведь ему всего двадцать три года. Все сложилось бы нормально, если бы не страшный поворот в его судьбе. Так не должно было случиться. В душе он все еще ждал, что кто-нибудь войдет к нему и скажет, что произошла ошибка и все стряслось не с ним, а с кем-то другим, до кого ему и дела нет, потому что это кто-то другой. «Прости, парень, — скажет вошедший. — Мы не хотели причинять тебе боль, ты этого не заслужил, но и такое иной раз случается. Вставай. Ты можешь двигаться. И машина твоя находится здесь, а не на свалке. Пострадал и другой водитель, и другая машина». Из груди его вырвался хриплый безрадостный смех одинокого человека. «Хорошо бы», — подумал он.

Стейни пошевелился, и в стекле возникло его отражение. Он отпрянул от окна и поглубже натянул капюшон, но полностью скрыть лицо не удалось. Он никогда не привыкнет к нему. Никогда. Отработанными движениями Стейни сжал колеса инвалидного кресла и отъехал в глубь комнаты. «Где же Берта? Обещала прийти, а она всегда держит слово. Дорогая, чудесная Берта. Как бы я жил без нее?» Терапевты, хирурги и психиатры в один голос уговаривали его поехать в Рейкьявик, поступить в университет, так или иначе изменить свою жизнь. Он отказывался, но не потому что был уж совсем плох. При надлежащем лечении он смог бы передвигаться сам, правда, для этого пришлось бы упорно тренироваться, преодолевая боль. «Ничего врачи не понимают. Я должен оставаться тут. Я принадлежу этой земле, здесь — мой дом. Народу здесь живет мало, и большинство меня знают».

Никто не отшатывался в ужасе при виде ужасной маски, которая, как предполагалось, была его лицом. В Рейкьявике такое случалось бы постоянно. Там бы он быстро увял и умер. Он был бесконечно благодарен Берте. Из-за нее он и остался здесь, беспомощный и жалкий.

«А вдруг она меня бросит? Скажет, что ей все надоело. Придет, поможет в последний раз и исчезнет. И что потом? — Стейни схватился за колеса, подкатил к телевизору и взял пульт дистанционного управления. — Нет, уж лучше смотреть разную муть, лишь бы отогнать от себя такие мысли. — Он включил звук и впился взглядом в экран. — Не нужно, не нужно об этом думать».

Тора и Мэтью подняли бокалы.

— Надеюсь, вино получено не органическим путем? — спросил он.

Тора улыбнулась:

— К счастью, нет. Его сделали с помощью инсектицидов и ртутного удобрения. — Она сделала глоток. — Виноградарь постарался, результат восхитительный. — Поставив бокал на белую скатерть, она взяла с тарелки крошечный кусочек сыра. — Я умираю от голода,

слышишь?

— Слышу, слышу. Приятно видеть, что ничего не изменилось. И ты в том числе, — подмигнул он ей. — Даже манера одеваться осталась... как бы это сказать...

Тора оглядела свой простенький свитер и показала Мэтью язык.

— Полагаешь, мне следовало бы взять с собой вечернее платье в надежде получить от кого-нибудь приглашение на ужин?

— Сомневаюсь, что ты бы надела вечернее платье, даже получив такое приглашение, — отозвался Мэтью, театрально поправив галстук.

— Ха-ха, как смешно, — сказала Тора. — Горю желанием ответить на глупые шутки. Да где же еда? — Она посмотрела на часы. — Черт подери, мне нужно позвонить домой, пока Солей не легла спать. — Она взяла свою сумочку, но, прежде чем открыть ее, вспомнила — телефон остался у полицейских. — Извини, не дашь мне свой мобильник?

— Конечно. — Мэтью извлек из кармана телефон и передал ей. — Надеюсь, твои дети здоровы. Прости, никак не соберусь с духом спросить — ты еще не стала бабушкой?

— Успокойся, ты обедаешь с молодой женщиной, — ответила Тора, принимая мобильный. Раскрыв его, она увидела на дисплее фотографию юной чернокожей девушки со множеством коротких косичек. — Кто это? — удивилась Тора, показывая Мэтью дисплей. Он никогда не говорил ей о других женщинах.

— Моя дочь, — улыбнулся Мэтью.

— На самом деле? Она не слишком на тебя похожа. — Тора снова взглянула на снимок. — Может быть, только цветом волос. — И замолчала, не зная, что сказать.

Мэтью, рассмеявшись, провел рукой по своей аккуратной прическе.

— Не родная дочь. Приемная. Я удочерил ее через Фонд милосердия.

— О, как мило, — пробормотала Тора и пригубила вино, скрывая облегчение. — Я подумала, что ты либо женат, либо живешь с кем-то. Я предпочитаю неженатых мужчин. По моей десятибалльной шкале привлекательности они стоят на два пункта выше.

— Странные вы создания, — изрек Мэтью. — Для меня женщина привлекательна вне зависимости от того, замужем она или нет.

— В таком случае тебе повезло, что я разведена, — сказала Тора и снова посмотрела на фотографию. — Она живет отдельно? — Тора не могла представить Мэтью в роли заботливого папаши, стирающего детские вещи и уж тем более старательно заплетающего косички.

— Разумеется, — ответил Мэтью. — Она живет в Руанде. Одна моя знакомая работает в той деревне от Красного Креста. Она просила меня удочерить девочку, и я в конце концов согласился.

— Как ее зовут? — спросила Тора.

— Кого? Знакомую или девочку?

— Девочку, конечно.

— Лайя, — ответил Мэтью.

— Красивое имя. — Тора положила ладонь на его руку. — Я сейчас быстренько позвоню своим, потому что, когда принесут еду, разговаривать уже ни с кем не смогу. — Она набрала номер сына. — Привет, Гульфи, как дела?

— Ты откуда звонишь? Из-за границы? — удивился тот.

— Почему из-за границы? Нет, конечно. — Тора замялась и торопливо прибавила: — Я одолжила мобильник у одного иностранца, постояльца отеля. Мой забарахлил, и я отдала его

в мастерскую, проверить. Как у вас дела?

— Тоска жуткая. Хочу уехать домой, — выразительно произнес Гульфи.

— Ни в коем случае! — возразила Тора. — У вас наверняка все хорошо. Солей довольна?

— Она всегда довольна, можешь не спрашивать, — проворчал Гульфи. — Зато я скоро тут рехнусь. Отец замордовал своим караоке с песнями восьмидесятых. Без конца гоняет одну и ту же мелодию. Еще раз «Глаз тигра» услышу — сразу уезжаю. Честно тебе говорю.

— Дорогой, потерпи. Скоро все кончится, — успокоила сына Тора. — Можно поговорить с Солей? — Она была не в том настроении, чтобы долго выслушивать рассказы о песнопениях бывшего мужа.

— Можно, только недолго. Мне нужно позвонить Сиге, послушать младенца.

— Как это? — изумилась Тора.

— Она кладет мобильник на живот, и тот мне отстукивает ножками сообщение, — пояснил Гульфи.

— Да? И что же он тебе сообщает?

— ОК, — гордо произнес Гульфи и без дальнейших объяснений передал мобильник сестре. В трубке зазвучал приятный голосок:

— Мамочка, приветик.

— Приветик, моя мышка. Как отдыхаешь? Все нравится?

— Да, все отлично. Только я очень хочу домой. Папа с Гульфи постоянно ругаются.

— Скоро, дорогая, я за тобой приеду. Передай привет папе. До завтра. — Тора попрощалась, закрыла телефон и передала его Мэтью.

— Не понял ни единого слова, — признался тот, убирая мобильный в карман. — Почему бы тебе не поговорить со мной по-исландски? Например, в постели.

— Обязательно поговорю, мистер Баранья Голова, — ответила Тора на языке викингов. Белое вино начинало действовать. — Раньше исландки носили кинжалы. Ты рад, что я безоружна?

Роза стояла у плиты и варила кофе в стареньком кофейнике. Особого внимания процесс не требовал, поэтому она позволила себе предаться воспоминаниям. Однако, к ее горькому сожалению, положительные и радостные мысли отказывались задерживаться в голове больше чем на несколько секунд, неизбежно сменяясь угнетающими, и Роза ничего не могла с этим поделать. Она попыталась вспомнить, как сегодня утром поила своего любимого ягненка Стуббура молоком из детской бутылочки и тот доверчиво принимал к ней, но милый образ быстро рассеялся. Его вытеснили воспоминания о Бергюре, накануне сообщившем ей о теле, обнаруженном на берегу. Роза старалась вытеснить их мыслями о скором приезде брата. Его визит, несомненно, должен встряхнуть дом. Брат был веселым и бойким. Его появление окажется как нельзя кстати — в последнее время в доме почти всегда тихо, словно он населен глухонемыми. Она криво усмехнулась. К ним давно никто не заходит, даже хорошие знакомые. Бывают лишь близкие родственники, да и то крайне редко. И это понятно. Люди не любят приходить туда, где даже земля в цветочных горшках пропитана семейным несчастьем.

Роза вздохнула. Близких подруг, с которыми можно было бы посоветоваться, у нее нет. Да и какой совет они могли бы ей дать? Бергюр несчастен, потому что живет с ней без любви. Она несчастна, потому что любит его. Неразделенная любовь — вот в чем причина.

Роза уже не помнила, когда он разлюбил ее, но не забыла, когда полюбила сама. В тот же день, как они встретились. Он был необыкновенно красив и разительно отличался от остальных знакомых молодых людей. Он приехал с запада весной, помочь с хозяйственными работами на ферме, и сразу же увлек ее. Они трудились бок о бок, и всякий раз, когда соприкасались руками, залитыми по локоть овечьей родовой кровью, сердце Розы оглушительно стучало. Он не перестал ей нравиться и потом, поскольку в отличие от других парней был начитан и хорошо образован. Даже сейчас Бергюр говорил изысканнее многих. Это качество придавало ему иностранный шарм, хотя он ни разу не выезжал за пределы страны. Тогда, да что греха таить, и сейчас тоже, Роза чувствовала себя рядом с ним совершеннейшей душой. Она всегда знала, что он слишком хорош для нее и в конечном счете уйдет. Постоянное сознание неизбежного расставания отравляло жизнь Розе, делало ее безрадостной и апатичной, что, в свою очередь, разрушало их брак. «Ох-хо-хо, — вздохнула она, и ее рыхлое тело заколыхалось. — Это все моя бесхарактерность и жалость к себе». Аромат кофе, разлившийся по кухне, немного приободрил ее. «Кто знает, может, лучшие времена как раз впереди?» Она принесла свежее испеченный бисквит и нож. С минуты на минуту должен был вернуться Бергюр, усталый после вечерних трудов, и Розе хотелось подготовиться к его приходу. Он чинил прохудившуюся крышу сарая, и только Роза знала, как Бергюр ненавидит такого рода работу. Хозяином и мастером на все руки он определенно не был, но Роза не обращала на это внимания. Не за умение справляться с деревенской работой она его полюбила.

На обед она сварила картофель с последней замороженной кровяной колбасой, приготовленной прошлой осенью. Еда, конечно, не вдохновляющая, поэтому Роза решила добавить к ней бисквитный пирог и кофе. Вода в кофейнике закипела. По щеке ее скатилась слеза. «Гребаная сучка. — Роза смахнула слезу и, засопев, взялась за нож. — Гребаная сучка, — прошептала она. — Слышишь, сволочь, это я тебе говорю. — Крышка на кофейнике запрыгала. Роза встрепенулась, приподняла ее, и лицо озарилось внезапной улыбкой. — Гребаная сучка. Мертвая, мертвая, мертвая сучка. — Настроение сразу приподнялось, она занесла нож над пирогом. — Подохла, и скоро тебя похоронят». Роза еще ни разу не слышала, чтобы муж изменил своей жене с мертвой сучкой.

Мэтью оторвал голову от подушки. Хотелось пить. А еще хотелось бы знать, отчего он проснулся: то ли от жажды, то ли от необычного шума, доносившегося снаружи. Он улыбнулся своей глупости, поняв, что никакого шума нет и за открытым окном стоит абсолютная тишина. Зевнув, он осторожно поднялся, стараясь не разбудить Тору. Сделать это было непросто, поскольку она умудрилась разлечься на всю кровать. Мэтью пришлось извиваться, как цирковому акробату, чтобы не потревожить ее. Он направился в ванную, пустил холодную воду и, пока та стекала, принес из комнаты бокал. Подставив его под струю, он вдруг уловил странный звук, закрыл кран и прислушался. В первый момент ему показалось, что где-то неподалеку плачет ребенок. Насторожившись, Мэтью прошел в комнату и попытался определить, откуда доносится плач. Но плач вдруг прекратился. «Вероятно, в отель заехала семья с ребенком и тот не может уснуть? — подумал он. — Да, скорее всего так и есть». Он посмеялся над своей реакцией и решил закрыть окно. Тора обычно распахивала его настежь, поэтому в комнате было довольно прохладно, Мэтью же привык спать в тепле.

Едва он опустил шпингалет, как плач послышался снова. Теперь Мэтью был абсолютно

уверен — звук шел снаружи. Он раздвинул шторы и взгляделся во тьму лунной ночи, но ничего не увидел. Тем временем плач прекратился так же неожиданно, как и возник. Мэтью постоял у окна, ожидая услышать его вновь, но, устав и озябнув, с удовольствием вернулся под пуховое одеяло, абсолютно убежденный — он явственно слышал плач младенца, и тот доносился снаружи.

Японцы, отец и сын, поразили Тору своей утонченной вежливостью. Рядом с ними она казалась себе подвыпившим водителем-дальнобойщиком. Она изо всех сил старалась не ударить лицом в грязь — говорила спокойно, двигалась медленно, избегала всяческой мимики, — но, увы, напрасно: натура брала свое.

Мэтью выглядел несказанно лучше, из чего Тора сделала вывод: работа в немецком банке явно имеет свои положительные стороны. Поэтому она решила держаться в тени, а все разговоры предоставить ему. Японцы, вернувшись с короткой утренней прогулки, которую, по словам Вигдис, совершали регулярно, устроились недалеко от входа в отель. Они облюбовали деревянные кресла, расставленные вдоль стены, и наслаждались редким для здешних мест солнечным днем.

— Так вы не знали ее? — тихо спросил Мэтью, четко выговаривая слова. Он был раздражен поведением Торы. Услышав его рассказ о ночном плаче, та лишь посмеялась и заявила, что все это ему приснилось.

Сын перевел слова Мэтью на японский, поскольку его отец других языков не знал, выслушал ответ и повернулся к ним.

— Простите, но мы не понимаем, о ком вы говорите.

— Об архитекторе. Она работала на владельца отеля. Молодая женщина, темноволосая, — пояснил Мэтью.

Старик положил костлявую руку на плечо сыну и что-то тихо произнес. Тот внимал ему с чрезвычайной серьезностью, затем кивнул и снова перевел взгляд на Мэтью.

— Возможно, мой отец видел женщину, о которой вы спрашиваете. Она стояла у входа в отель, беседовала с человеком в инвалидном кресле и сопровождавшей его девушкой. В тот момент в руках у нее были чертежи, и она делала в них какие-то пометки. Может быть, она?

Мэтью вопросительно посмотрел на Тору.

— Были у нее знакомые в инвалидном кресле?

Та покачала головой:

— Не знаю, ни разу не слышала.

Мэтью попросил сына узнать у отца, знаком ли он с этой парой.

Японцы снова обменялись несколькими фразами, после чего сын перевел Мэтью и Торе:

— Нет, мой отец их не знает, но женщину видел в отеле, а молодую женщину — недалеко отсюда. — Он поклонился и продолжил: — Отец говорит, что заметил ту пару, поскольку девушка была особенно заботлива к инвалиду. Но ничего больше ни об архитекторе, ни о девушке с инвалидом он не знает. Сам же я не припоминаю ее, поэтому не смогу быть вам полезным.

Мэтью и Тора переглянулись. Причин беспокоить нездорового человека больше не было.

— Громадное спасибо, мистер Такахаси, — произнес Мэтью с легким поклоном. — Желаем вам приятного дня.

— Спасибо, — ответил сын, вставая, и помог подняться отцу. — Нам нравятся здешние места. Мой отец болен, но на свежем воздухе чувствует себя много лучше.

— Надеемся, он скоро поправится, — вежливо улыбнулась Тора. Он тоже улыбнулся в

ответ, и они попросились.

Войдя в вестибюль, та повернулась к Мэтью и недовольно констатировала:

— Боюсь, ничем они нас не обрадовали.

Мэтью пожал плечами.

— А ты надеялась, что они назовут тебе имя убийцы? — Он нахмурился. — Мне же кажется странным один факт: отец видел Бирну, сын же утверждает, что не знает ее. А ведь он неотлучно находится при нем. Так сказала Вигдис, помнишь? Вопрос: где же был сын, когда его отец видел Бирну и девушку с инвалидом?

— Возможно, он заметил их из окна, — предположила Тора. — Если бы сын тоже ее видел, он бы нам обязательно сообщил об этом. Зачем ему что-то скрывать?

— Не знаю, — задумчиво произнес Мэтью. — Только есть еще одна странность. Сколько времени Бирна разговаривала с девушкой и инвалидом? По всей видимости, долго, раз отец обратил на них внимание. В то же время ответы сына были на удивление короткими. И, кстати, отметь — японцы даже не спросили, почему мы расспрашиваем их о Бирне. Удивительно.

— Может, из присущей японцам вежливости? Вероятно, в их стране любопытство считается пороком хуже воровства. — Тора проголодалась и метнула взгляд в сторону висевших на стене часов. — Пойдем быстрее в ресторан, пока там завтрак не убрали.

Мэтью изумленно посмотрел на нее, затем на свои часы.

— По-моему, в восемь утра они не закрываются, как ты считаешь?

— Пойдем, — повторила Тора, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. — Если я не выпью чашку кофе, то умру с голоду. В ресторане, между прочим, мы сможем побеседовать с другими постояльцами отеля.

— Я не хочу, чтобы ты умирала от голода, — отозвался Мэтью, следуя за ней. — Даже если ты не веришь, что я действительно слышал ночью детский плач.

— Опять, — простонала Тора. — Ну сколько можно говорить о брошенных младенцах? — Заметив недовольное лицо Мэтью, она усмехнулась. — Не будь таким глупым. Идем, кофе приведет тебя в чувство.

В ресторане оказались занятыми только три столика. За одним восседала престарелая пара, которую Тора видела здесь раньше. За другим завтракал Магнус Балдвинссон, упомянутый Йонасом. За третьим сидел, о чем-то задумавшись, симпатичный молодой мужчина, загорелый и на вид вполне крепкий, одетый в дорогой модный костюм. Тора сразу же решила сосредоточиться именно на нем. Она легонько толкнула Мэтью локтем и заговорщицким голосом произнесла:

— Посмотри. По-моему, это Тростур Лауфейярсон, байдарочник. Йонас считает его причастным к смерти Бирны. Посмотри, какое напряженное у него лицо. Давай сядем рядом с ним.

Они прошли к буфету, и Тора быстренько накидала в тарелку первой попавшейся снеди. К ее огорчению, Мэтью не торопился. Он вальяжно прохаживался вокруг стола, тщательно выбирая завтрак. Тора подскочила к нему и снова ткнула в бок локтем.

— Быстрее, а то он уйдет, — недовольно прошипела она.

Мэтью разочарованно посмотрел на нее, взял йогурт и, еще более недовольный, чем прежде, зашагал следом. Они заняли столик рядом с байдарочником.

— Привет. Хорошая погодка сегодня, правда? — улыбнулась ему Тора.

Байдарочник даже не посмотрел в ее сторону, словно Тора обращались не к нему.

Поддавив зевок, он отпил глоток апельсинового сока.

Тора попробовала еще раз:

— Извините, — громко сказала она, дабы рассеять все сомнения относительно своего предполагаемого собеседника, — вы не знаете, есть здесь прокат лодок? Мы бы хотели покататься вдоль побережья.

Мужчина проглотил кусок яичницы и удивленно посмотрел на Тору.

— Простите, вы ко мне обращаетесь? — спросил он по-английски. — К сожалению, я не говорю по-исландски.

— О! — Ответ его застал Тору врасплох. Она ошиблась. Это был определенно не Тростур Лауфейярсон. Она улыбнулась и сказала по-английски извиняющимся тоном: — Прошу прощения, я спутала вас с другим человеком. — Однако и терять возможно перспективное знакомство она не собиралась, поэтому быстро прибавила: — Вы недавно приехали?

Мужчина покачал головой:

— Нет, я здесь живу почти неделю. Уезжаю, приезжаю. Путешествую, одним словом.

Тора немедленно заинтересовалась его разъездами. Притворно, конечно, но говорить старалась как можно естественней.

— И где же вам удалось побывать? Здесь есть очень красивые места.

Мужчина оказался вполне коммуникабельным и охотно поддержал разговор.

— Главным образом, в районе западных фьордов. Я работаю в туристическом журнале, мы рассказываем о разного рода достопримечательностях.

— Не слишком обременительная деятельность, — заметила Тора, отпивая кофе и пытаясь вспомнить имя мужчины. «Должно быть, это тот самый фотограф, о котором нам говорил Йонас», — решила она.

Мужчина рассмеялся.

— Я бы так не сказал. Порой бывает не менее обременительной, чем любая другая работа. Я фотограф. Иной раз приходится трудиться едва ли не круглосуточно.

Тора протянула ему руку.

— Совсем забыла. Разрешите представиться. Тора. — Она кивнула на своего спутника. — А это Мэтью, он из Германии.

Мужчина пожал руку Торе, затем Мэтью.

— Привет. Меня зовут Робин. Робин Кохман. Я приехал из Штатов.

Тора изобразила нечто похожее на задумчивую любознательность.

— Пойдите! — воскликнула она. — Не вас ли я видела рядом с Бирной?

Робин пожал плечами.

— Кто такая Бирна?

— Бирна? Да архитектор, она... — запнулась Тора, — жила здесь. — И выжидательно посмотрела на него.

— Ах да! Архитектор Бирна! — весело откликнулся Робин, произнеся имя немного иначе, нежели Тора. — Да, я знаю ее. Простите, поначалу не понял, о ком речь. Никак не привыкну к вашему исландскому выговору. Мне кажется, у вас все слова звучат одинаково. — Робин допил сок и вытер губы салфеткой. — Да, я немного знаком с ней. Она подсказала, где можно найти интересные объекты для съемок.

— Вы помните, когда видели ее в последний раз? — спросил Мэтью, так до сих пор и не открывший йогурт.

Робин ненадолго задумался.

— Нет. По-моему, несколько дней назад. С ней что-то случилось?

— Думаю, ничего, — солгала Тора. — Просто мы хотели бы поболтать с ней. — Краем глаза она заметила, как Магнус Балдвинссон поднялся и вышел из ресторана.

— Понятно. Если увидите Бирну, передайте, что ее фотографии все еще находятся у меня. — Робин встал из-за стола.

— Маловероятно, но мы постараемся, — отозвался Мэтью с многозначительной усмешкой. Как только Робин удалился, он открыл свой йогурт, поднял стаканчик и поводит им перед носом Торы. — Послушай, можно мне взять что-нибудь попроще?

Магнус Балдвинссон кружил у здания отеля в надежде поймать сигнал мобильной сети. В комнате связи не было, а разговаривать в холле или ресторане, при посторонних, он не хотел. Да и сигнал там был очень слабым. Дважды Магнус споткнулся о камни. Сложно одновременно следить за дисплеем и смотреть под ноги. Когда телефон, наконец устойчиво запищал, поймав сигнал, Магнус облегченно вздохнул и торопливо набрал свой домашний номер. Он находился на автостоянке, куда скоро начнут стекаться постояльцы, и нетерпеливо ждал, вслушиваясь в длинные гудки. Наконец ему ответили.

— Фрида, я не разбудил тебя?

— Магнус? Который час? — шумно зевнула жена.

— Начало девятого, — раздраженно ответил он.

— Что стряслось? — встревожилась Фрида. Из голоса ее разом исчезла сонливость.

— Ничего не стряслось. Я всего лишь хочу предупредить тебя, что остаюсь здесь еще на некоторое время. — Магнус увидел, как из отеля вышел молодой человек в спортивном костюме. Он напрягся, но тут же успокоился, поскольку мужчина направился в сторону пляжа, а не к автостоянке. — Тут какие-то люди спрашивают о Бирне.

— Спрашивают? Что именно они хотят узнать? Они говорили с тобой? — Фрида и дальше продолжала бы сыпать вопросами, если бы он не перебил ее, почти физически ощутив страх в голосе жены.

— Фрида, сохраняй спокойствие. — Он глубоко вдохнул, с трудом удержавшись, чтобы не наорать на жену. Ее нервная система за последние годы сильно расшаталась, и известие о гибели Бирны подействовало вовсе не благотворно. «Ей и так тяжело пришлось. В сущности, она держится молодцом», — подумал Магнус. — Мне неизвестно, какую информацию они пытаются получить. Со мной они пока не разговаривали. Не беспокойся, я задержусь всего на несколько дней. Мой отъезд именно сейчас непременно вызовет подозрения. Полиция побывала здесь уже дважды. Допрашивают всех. Уверен, и до меня очередь дойдет, — вздохнул он. — Тех, кто находился неподалеку от места преступления, рано или поздно допросят.

Немного помолчав, Фрида проговорила:

— Балдвин звонил.

— И что сказал? — насторожился Магнус. При одном упоминании о внуке его распирала гордость, заставляя на время забыть обо всех своих несчастьях. Он напоминал Магнусу его самого. Совсем еще молодой человек, Балдвин считался перспективным, многообещающим политиком. К тому же он даже внешне был похож на своего знаменитого деда. Одна газета, подметившая разительное сходство, вставила в интервью с Балдвином фотографию молодого Магнуса. «Кто же нас сейчас спутает? Меня, старика, и Балдина,

цветущего парня?» — улыбнулся Магнус.

— Спрашивал о тебе. Интересовался, когда ты вернешься, — ответила Фрида. — Мне кажется, он собирается к тебе приехать.

— Нет! — недовольно рявкнул Магнус. — Он ни при каких обстоятельствах не должен здесь появляться. Его визит только усугубит обстановку. Представь, что он на днях остался бы дома, а не пытался помочь мне.

— Он искренне тебе сочувствует, — сказала жена. — Может, будет лучше, если он приедет. Если Бирна поделилась с кем-то своими сведениями, ты бы уже знал об этом. Возможно, все умерло вместе с ней, — вздохнула она. — Во всяком случае, я на это очень надеюсь.

Магнус застонал.

— Фрида, мы ничего не знаем наверняка. Я слишком многим рисковал, чтобы просто так сдать, когда финал столь близок. Не говоря уже о Балдвине. Короче говоря, я останусь здесь и посмотрю, как будут развиваться события. В ближайшие пару дней картина полностью прояснится. Иначе и быть не может.

— Мне тоже не нужно приезжать? Ты принимаешь лекарства? — Фрида была на грани истерики.

— Нет, не приезжай. Слышишь? Не приезжай! И, ради Бога, отговори Балдвина от очередной поездки сюда. Пусть выбросит из головы эту идиотскую затею. — Магнус тяжело задыхался. — Фрида, сигнал слабеет. Телефон здесь берет очень плохо. Ты до меня вряд ли дозвонишься. В отель не звони — черт его знает, кто еще в этот момент может оказаться на линии. Я сам с тобой свяжусь.

Магнус выключил телефон, оглядел великолепное побережье и повернулся, чтобы восхититься видом северных гор. Он ждал, когда на него сойдут покой и умиротворение, но напрасно. В душе вскипала лютая злоба. Своими гнусными интригами Бирна разрушила все, что было ему дорого. Его детские впечатления. Теперь они вызывали в сердце лишь мрачные предчувствия, а Магнус был уже стар для постоянного страха. Он не справлялся с ним, его обычная уверенность давно улетучилась. «Все может закончиться отвратительно. И для меня, и для Балдвина». Злость мало-помалу угасла, уступив место печали. «Как было бы прекрасно, если бы Бирна оказалась корнем проблемы. Тогда ее смерть означает начало конца. Но в любом случае виноват во всем только я».

Когда-то давно ему попала в руки книга, названия которой Магнус уже не помнил, где было написано, что старые грехи бессмертны и никому от них не укрыться. «Жаль, я не понял тогда глубокого смысла этих слов. Очень жаль».

Сидя за стойкой администратора, Вигдис смотрела, как Тора и Мэтью шли к офису Йонаса, и задалась вопросом: «Сказать им или нет, что Йонас ушел? — Однако решила промолчать. — Пусть сами убедятся». Она вернулась к монитору и продолжила читать новости в Интернете. Статьи, интересовавшие ее, имели мало общего с обычными сообщениями, но Вигдис давно потеряла интерес к Ближнему Востоку, политике, прогнозам на инфляцию и прочим вещам, вокруг которых роем вьются журналисты. Подобная информация напоминала ей расходящиеся по воде круги. Вигдис предпочитала другие статьи, ясные и понятные, имевшие начало и конец, где с первых строк сразу выясняется, кто хороший, а кто плохой, и рядом с текстом всегда имеются фотографии. А Вигдис любила разглядывать фотографии. Великосветские сплетни, рассказы о богатых и знаменитых — вот что ее манило. Взволнованно листая страницы, она получила неопровержимое доказательство болезни Николь Ричи и Киры Найтли. Обе они страдали от анорексии. Вигдис внимательно изучила ребра последней, выступавшие в разрезе вечернего платья, и сокрушенно покачала головой.

— Простите. — Негромкий голос на секунду отвлек ее от тревожных забот по поводу физического состояния молодой киноактрисы. — Вы не знаете, где Йонас? — спросила Тора.

Вигдис быстренько закрыла окно с великосветской хроникой, оставив на экране перечень номеров, зарезервированных на сегодня.

— Йонас с утра ускакал в Рейкьявик. Вернется ближе к вечеру. — Она надела на лицо деловую маску. — Чем могу помочь?

Тора перевела взгляд на Мэтью, затем снова на Вигдис.

— Мы хотели бы узнать, кто из постояльцев находится в отеле, чтобы встретиться с ними и расспросить о Бирне. Может, кто-то был с ней знаком. Байдарочник, например.

— Тростур Лауфейярсон? — уточнила Вигдис, легко запоминая самые сложные фамилии. Подобный талант был чрезвычайно полезен в работе администратора, именно благодаря ему Йонас с радостью принял ее в отель. Кроме того, Вигдис обладала еще одним достоинством, перечеркивавшим все недостатки.

— Да, — подтвердила Тора. — Он здесь?

— Нет, он тренируется с самого рассвета. Иногда допоздна. Во всяком случае, вчера вечером я видела его байдарку на пляже. Возможно, и сейчас где-то плавает. Если не найдете его байдарки у маленького причала, значит, он в море. Обычно он оставляет ее именно там.

Тора перевела ее слова Мэтью на немецкий, и они решили отправиться к морю в надежде увидеть Тростура. Прежде чем уйти, Тора спросила Вигдис:

— А Магнус Балдвинссон здесь?

Та пожала плечами:

— Не знаю. Совсем недавно бродил возле отеля. Как правило, он далеко не отходит и гуляет не больше часа. Старенький уже.

— Он вдовец? — поинтересовалась Тора. — Йонас говорил, что он отдыхает один.

— Нет, он женат, — ответила Вигдис. — Жена ему частенько названивает.

— Странно, что он здесь без нее.

— Может, она болеет, — предположила Вигдис. — Не выходит из дома. Не знаю...

— Тогда мы попозже навестим его, — сказала Тора.

Вигдис многозначительно кивнула.

— Думаю, вам следует с ним побеседовать.

— Вот как? — удивилась Тора.

— Да, он был знаком с Бирной, — прошептала Вигдис, дождавшись, пока мимо стойки не пройдут два постояльца, и прибавила: — Я даже думаю, он хорошо ее знал. Приехав, он сразу поинтересовался, у нас ли она.

— Что вы говорите? — изумилась Тора. — Йонас нам ни словом об этом не обмолвился. — А вы не в курсе, как они познакомились?

Вигдис покачала головой:

— Не имею ни малейшего представления. Я вообще больше ничего об их отношениях не знаю. Он спросил о ней, я ответила — вот и все. Ни разу не видела, чтобы они ходили вместе или разговаривали. Он никогда не разыскивал ее, не расспрашивал о ней. Да и она им не интересовалась.

Тростур Лауфейярсон положил весло поперек лодки и посмотрел на секундомер на запястье. Вопреки всем стараниям результаты, казалось, становились день ото дня хуже. Пока Тростур обдумывал, как улучшить методику тренировок и сократить время, лодка его мягко покачивалась на морских волнах. Он набрал в легкие побольше воздуха и со стоном выдохнул. На самом деле он отлично понимал — причина снижения результатов кроется в нехватке нагрузок во время тренировок. Нужные тренажеры в маленьком спортзале отеля отсутствовали, а на тех, что имелись, не только нарастить мышечную массу, но и просто поддержать ее было невозможно. Тростур поворачивал плечом, снимая напряжение, и почувствовал, как по спине под легким костюмом для подводного плавания ползут струйки пота. Мысль о душе и последующем массаже заставила его немедленно повернуть байдарку и направиться к берегу. «Хватит на сегодня мучиться, — подумал он. — После ленча попробую поплавать».

Когда нос лодки нацелился в сторону отеля, Тростур замер и перестал грести. Немного ослабив хват весла, он смотрел на берег. Прямо по курсу на пляже стояли какие-то люди и махали руками. Насколько Тростур мог судить, именно ему. Он снова простонал. До сих пор ему удавалось избегать туристов с их глупыми вопросами вроде: «Вы, случайно, не за китами на этой лодочке охотитесь?» или «А вы до Гренландии и обратно за сколько времени доплывете?» Он мысленно оценил ситуацию — плыть к великовозрастным идиотам и слушать их дурь или отойти от берега и причалить в другом месте? Второй вариант гарантировал спокойствие, но грозил длительной прогулкой до гостиницы. Проведя языком по губам, Тростур почувствовал соль. Люди на берегу, мужчина и женщина, замахали еще энергичнее. Тростуру показалось, что он узнал женщину — та недавно приехала в отель и в последнее время расспрашивала всех о Бирне. Он видел ее накануне в холле с одним из постояльцев и краем уха услышал обрывок разговора. Меньше всего Тростуру хотелось отвечать на ее вопросы.

— Черт его знает, о чем она станет спрашивать, — пробормотал он, неторопливо разворачивая байдарку. Прежде чем опустить весло в воду, он невольно оглядел его, словно на нем еще оставалась кровь. Разумеется, никакой крови не было. Он сам его старательно промыл, он всегда и все делал как следует. И Тростур поплыл в открытое море.

— Что происходит? — удивилась Тора, видя, как байдарка начала удаляться от берега. Она продолжала неистово размахивать руками, привлекая внимание гребца, но в конце концов устало их опустила. — Он явно нас видел. Почему же не стал причаливать?

Мэтью козырьком приложил ладонь ко лбу и определил курс байдарки — она уходила на запад.

— Да, Тростур абсолютно точно нас видел. Либо он очень занят, либо стремится избежать встречи. — Когда байдарка скрылась за рифом, Мэтью повернулся к Торе. — Думаю, он не хотел разговаривать. Может, из скромности?

— Давай подождем немного? — предложила Тора, которой не терпелось расспросить невежливого байдарочника. — Йонас, конечно, человек необычный, но обладает способностью проникать в душу. Он считает Тростура человеком подозрительным. Тот явно что-то скрывает. Иначе зачем ему убегать от нас?

— Совершенно не обязательно, — возразил Мэтью. — Возможно, он просто устал и ни с кем не хочет разговаривать. Он не знает, что нам от него нужно. Давай лучше вернемся в отель. Встретимся с ним позже, никуда он не денется. Пока займемся Магнусом.

Тора была вынуждена признать предложение Мэтью разумным. «Действительно, лучше провести время с пользой, чем бессмысленно торчать на берегу», — подумала она и зашагала вслед за ним к отелю.

Вигдис сообщила им, что Магнуса она не видела, поэтому тот скорее всего сидит у себя в номере.

— Вести беседу буду я, — прошептала Тора, требовательно постучав в нужную дверь. — Он совсем старый и, вероятнее всего, никакого языка, кроме исландского, ну, возможно, еще датского, не знает.

Дверь приоткрылась, и в просвете показалось лицо Магнуса Балдвинссона.

— Здравствуйте, Магнус. Меня зовут Тора. Мы хотели бы поговорить с вами. Вы не против?

— Зачем? — хрипло спросил он. — В смысле, кто вы?

— Извините, сразу не представилась. Я адвокат, веду дела Йонаса, владельца отеля. А это мой ассистент. — Тора подавила острое желание просунуть в щель ногу и распахнуть дверь. — Мы к вам ненадолго, всего на пару минут. Прояснить кое-какие детали.

— Пожалуйста, входите.

— Благодарю вас, — сказала Тора и немедленно уселась в кресло. — Мы не отнимем у вас много времени, обещаю.

Магнус воззрился на нее.

— Я не занят, так что можете не торопиться. Как я выяснил из собственного опыта, время имеет ценность, только когда человек молод. Ну, вы и сами когда-нибудь это поймете.

— Не уверена, что разделяю вашу философию, — вежливо отозвалась Тора. — Однако мы пришли к вам поговорить о Бирне, архитекторше, которую нашли мертвой на берегу, неподалеку отсюда. — Она впилась взглядом в Магнуса, следя за его реакцией.

Лицо его осталось спокойным.

— Да, я слышал. Ужасная трагедия, — произнес он бесстрастно. — Говорят, ее убили. По крайней мере ходят такие слухи. В этом случае трагедия становится еще ужасней.

— Да, похоже на убийство, — подтвердила Тора и с мягкой улыбкой продолжила: — Вот мы и пытаемся узнать, кто мог хотеть ее смерти.

— И в свой список включили и меня? — сухо спросил Магнус.

— Вовсе нет, — торопливо возразила Тора. — Насколько нам известно, вы ее знали, вот мы и надеемся на вашу помощь.

— Знал ее? — удивился Магнус, не скрывая своего раздражения. — Кто вам такое сказал? Это неправда.

— Да, это, наверное, преувеличение, — согласилась Тора. — Однако вы справлялись о ней у администратора. Я всего лишь предположила, что вы были знакомы.

Магнус немного помолчал.

— Не помню такого, но память меня в последнее время сильно подводит. Если я и расспрашивал о ней, значит, мог всего лишь где-то заметить ее имя — например в перечне гостей, он всегда лежит на стойке администратора. Мы с женой ищем архитектора. Нет ничего странного в том, что я обратил на нее внимание. Теперь я припоминаю: о ком-то я действительно расспрашивал администратора, но не обязательно о Бирне. Она, случайно, не ошиблась?

Тора могла поклясться, что Магнус лжет. «Интересно, сколько ему лет? Наверное, не меньше восьмидесяти. И в таком возрасте вести поиск архитектора? — недоумевала она. — Моим родителям под шестьдесят, так их машину сменить не заставишь, а уж дом переделывать — и подавно».

— Вы строите дом?

— Что? О нет, — неуверенно ответил Магнус. — У нас есть старенькая дача, на озере Тингваллаватн. Сейчас мы живем там только летом, но недавно решили переоборудовать под круглогодичное жилье. И хотели бы проконсультироваться относительно своих планов с архитектором. — Он посмотрел на Тору ничего не выражающими глазами. — Долго искали, но так никого и не нашли. Экономика сейчас на подъеме, повсюду идет строительство, все архитекторы заняты.

— Разумеется, сюда вы приехали не на поиски архитектора? — Тора не собиралась позволить старику так легко сорваться с крючка.

Магнус, наморщив лоб, изучающее посмотрел на нее.

— Естественно, нет. А вот почему я здесь нахожусь — вас абсолютно не касается. И на этом я предпочел бы закончить беседу. — Он замолчал, ожидая ее ответа.

Все продолжали сидеть не шевелясь и не меняя выражения лица: Мэтью ни слова не понимал, Тора не хотела больше задевать старика. Сказать им было нечего. Магнус понял это и снова заговорил. Ярость, поднявшаяся было в его душе, улеглась.

— Хорошо, я сообщу вам, зачем сюда приехал. Может быть, тогда вы оставите меня в покое. Мне абсолютно нечего скрывать, хотя, как я полагаю, вы считаете иначе. В этом случае вы очень далеки от истины.

— Мы так не считаем, — дружелюбно возразила Тора. — Всего лишь хотим докопаться до причин случившегося, — улыбнулась она Магнусу. — Простите, если наш тон показался вам агрессивным или обвинительным. У нас нет намерений в чем-то подозревать вас. Наша единственная цель — восстановить ход событий.

— Хорошо, допустим, — сдержанно произнес Магнус. — Раз уж пошел такой разговор, я открою вам цель своего визита. Я болен и решил немного отдохнуть в одиночестве. Опыт научил меня главной истине: одиночество — лучшая пища для души. Сейчас человек редко остается наедине с собой. В современном обществе слишком много сумбура и суматохи.

— Почему вы выбрали именно этот отель? Тут практикуют гомеопатию и

спиритуализм, а насколько мне известно, ваше поколение не склонно ни к тому ни к другому.

Магнус улыбнулся, в первый раз с той секунды, как открыл им дверь.

— Совершенно верно. Я не верю в чепуху, которой они занимаются. А приехал я сюда, потому что здесь прошло мое детство. Я воспитывался на ферме неподалеку. Как говорится в одной поэме: «Сильна связь, манящая людей к земле, которую пахали их отцы».

У Торы округлились глаза.

— Неужели? Следовательно, вы знали прежних владельцев фермы?

Магнус замялся.

— В общем, да, но какая разница?

— Возможно, никакой. Однако мне известно, что Бирна очень интересовалась историей фермы. Ее гибель может быть как-то связана с проявленным любопытством. Это всего лишь моя версия, и подтвердить мне ее пока нечем.

Лицо Магнуса внезапно побледнело.

— Не слишком ли далеко вы зашли в своих предположениях? — спросил он чуть дрогнувшим голосом.

Тора решила разыграть невозмутимость.

— Да, наверное, я немного погорячилась, но все равно это просто здорово, что вы знакомы со здешними местами. Не поделитесь с нами какими-нибудь легендами или поверьями? Вы, кстати, рассказы о местных привидениях не слышали?

Магнус помялся, затем долго откашливался. Торе показалось, будто он специально тянет время, чтобы успокоиться.

— Видите ли, о привидениях я слышал, да и сам болтал, когда был маленьким мальчиком. Да, подобные истории у нас циркулировали довольно долго. Правда, о них вам лучше расспросить других. — Магнус ссутулился в кресле, но тут же выпрямился и продолжил: — Я не историк и в то время не интересовался генеалогией, не выискивал деталей давно ушедших событий. Боюсь, вы не многое почерпнете.

— Но вы же знали фермерскую семью, жившую здесь, не так ли? Как ее там... Постоянно забываю фамилию... — Тора попыталась вспомнить имена, прочитанные на обороте фотографий. — Бьорн...

Магнус сидел неподвижно, как статуя.

— Бьярни, — поправил он ее. — Бьярни Торольфссон с фермы «Кирккюстетт».

— Точно! — обрадовалась Тора. — А его брат жил по соседству, так?

— Да, брат Бьярни, Гримур, жил на ферме «Креппа». — Магнус скривил губы. — Гримур сдал экзамен на врача, он был старше Бьярни. Судьбы их сложились трагично, но, как гласит сага, богатство и счастье не всегда идут рука об руку.

— Вот как? — заинтересовалась Тора. Рассматривая фотографии, она почти физически ощущала влияние злого рока на семью, но связала свои эмоции с фактом ухода людей в небытие, со всеми их победами и поражениями. Она чувствовала себя неуютно, разглядывая черно-белые свидетельства быстротечности человеческой жизни. Хотя, возможно, за ее реакцией скрывалось нечто большее. — Что с ними произошло?

Магнус тяжело вздохнул.

— Отец их был одним из самых крупных владельцев шхун на полуострове. Имелись у него и причалы для рыбацких лодок, которые он сдавал напрокат. Он был очень богат. Конечно, не чета нынешним банкирам и директорам брокерских фирм, но по тогдашним

стандартам он считался человеком весьма зажиточным. Не помню, сколько шхун у него было, но много. Основная база его находилась в Стиккисхольмюре.

— Братья не участвовали в его бизнесе? — спросила Тора.

— Нет, — ответил Магнус. — Не успели поучаствовать. Он продал все до того, как они достигли совершеннолетия, а деньги вложил в землю. Купил громадный кусок сельскохозяйственных угодий в южной части полуострова. И поступил весьма благоразумно, поскольку кустарный рыбацкий промысел вскоре сошел на нет. Пришли рыболовецкие траулеры, и местные компании, сдававшие внаем шхуны, разорились.

— Выходит, он предвидел будущее?

— Он не был ясновидящим, если вы это имеете в виду. Просто не хотел, чтобы его сыновья выходили в море. Он знал, насколько опасен рыбацкий промысел, и не собирался рисковать своими детьми. Отправил братьев учиться в Рейкьявик, когда они были еще мальчишками. Гримур выказал прекрасные способности и стал врачом. Об этом я вам уже говорил. Бьярни оказался менее склонен к наукам. Он был веселым, общительным парнем, большим шутником. Ни капельки не походил на своего брата Гримура. Трудно было найти двух столь разных по характеру людей. Только прошу вас не забывать — сам я их не видел и передаю рассказы своего отца, а тот был человеком прямолинейным и не имел привычки что-либо приукрашивать.

— Получается, Гримур работал здесь врачом? — уточнила Тора.

— Да. Вернувшись из Рейкьявика, он поселился на ферме «Креппа», построенной для него отцом. Пытался совместить обязанности местного врача с ведением сельского хозяйства, поскольку первое не приносило ему достаточного дохода. Затем и вовсе забросил врачебную практику, целиком посвятив себя ферме, но не преуспел. Бьярни же с самого начала занимался только фермой, и на удивление удачно. Заработанные деньги он вкладывал в различные проекты, получая неплохие проценты.

— Простите, но где же здесь трагедия? — изумилась Тора.

— Трагедия? Ах да, — спохватился Магнус. — Как часто случается, в жизнь братьев вмешалась любовь. Бьярни женился очень рано, на удивительно красивой девушке по имени Адалгейдур. — Лицо Магнуса приобрело мечтательное выражение. — Я был тогда мальчиком, но и на меня она произвела потрясающее впечатление. Никогда ее не забуду. Вероятно потому, что она выделялась из своего окружения. Она была самой красивой из местных женщин, доброй и веселой. И умела упорно трудиться. Бьярни познакомился с ней в Рейкьявике, и когда они сюда приехали, Адалгейдур не имела ни малейшего понятия о сельской жизни. Одевалась она всегда очень хорошо, словно на вечеринку. Вполне естественно, наши женщины не видели в ней достойную жену фермера, но она доказала, как сильно они ошибались, на удивление быстро постигнув все сельские премудрости.

Постоянным трудом и упорством она заставила замолчать своих недоброжелателей. Совсем другой была жена Гримура, Криструн. Она родилась в наших местах и тоже умела трудиться, но выполняла все тупо, как машина. Без души. В то время как Адалгейдур работала весело, с улыбкой. Если у нее что-то не ладилось, она охотно подшучивала над собой. Обе жены в точности соответствовали своим мужьям: Адалгейдур — веселому жизнерадостному Бьярни, а Криструн — вечно мрачному Гримуру.

— Как я понимаю, Адалгейдур умерла молодой, — вставила Тора, вспомнив, что жена Бьярни внезапно исчезла с фотографий.

— Да, — печально ответил Магнус. — У них родилась дочь, они назвали ее Гудни.

Прелестная малышка, копия своей матери. Незадолго до этого у Гримура и Криструн тоже родилась девочка. Они назвали ее Эдда. Она умерла в год рождения Гудни. Смесь радости и печали вызвала трения между семьями. Жена Гримура обвинила Адалгейдур в том, что она будто бы отравила ее дочь. Нелепый, абсурдный навет, но женщина была вне себя от горя и, вероятно, тронулась умом. Как ни странно, слова ее возымели действие — отношения между братьями испортились. А после случившегося несчастья они и вовсе перестали общаться между собой.

— Простите, какого несчастья?

— Адалгейдур умерла от заражения крови, а жена Гримура окончательно сошла с ума и на несколько лет исчезла. В результате овдовевший Бьярни остался с малышкой на руках, а Гримур с психически больной женой, без детей. Гордость мешала им снова сблизиться, так что своих демонов они вынашивали в одиночку. Много позже, перед самой войной, у Гримура и Криструн родилась вторая дочь, Малфридур. Криструн умерла во время родов, правда, ходили слухи, будто бы она наложила на себя руки, а Гримур подделал свидетельство о смерти. Поговаривают, сам его и написал. Однако я думаю, нет никаких оснований считать это правдой. Чем старше женщина, тем труднее ей рожать, это общеизвестный факт. А Криструн была и в возрасте, и серьезно больна.

— Понятно, — кивнула Тора. — Братья так и не помирились?

— Нет. Только когда Бьярни заболел, они начали общаться, но крайне редко.

— У него был туберкулез? — спросила Тора.

— Да. Он закрылся ото всех. В санаторий, в Рейкьявик, поехать отказался и через несколько лет умер, — тяжело вздохнул Магнус. — Но сначала он заразил Гудни, свою дочь, ухаживавшую за ним. — Магнус печально покачал седой головой. — Вскоре после его смерти Гримур переехал вместе со своей дочерью Малфридур в Рейкьявик. От брата ему перешли значительные денежные средства, поэтому он не стал продавать ни фермы, ни другую собственность на полуострове. Он не намного пережил Бьярни — умер спустя года три после переезда. У него тоже были проблемы с головой.

— Вы ничего не слышали о Кристин? — поинтересовалась Тора. — Кто она?

Магнус застыл в кресле, открыл было рот, чтобы ответить, но так и не заговорил.

— На какой из ферм она жила?

На лице Магнуса появились жесткие складки.

— Нет, не было здесь никакой Кристин. — Он закашлялся. — Хватит расспросов, я устал.

— Простите, вы не знаете, кто из местных в годы войны был связан с нацистской партией? — заторопилась Тора, понимая, что Магнус готовится указать им на дверь.

— Мне нечего добавить, — прохрипел тот, поднимаясь. Он покачнулся, и Тора испугалась. Ей показалось, что старик вот-вот рухнет. Но тот удержался, медленно вытянул руку в сторону двери и жестко произнес: — До свидания.

Тора поняла — дальше расспрашивать бесполезно. «Я так и не выяснила ни кто такая Кристин, ни какое отношение нацисты имеют к судьбе ферм. Но главное, разузнать все о Кристин», — думала она, выходя из номера Магнуса.

— Советую вам на несколько дней отложить все другие дела, — внушительно произнес детектив Торольфур, звонивший из Рейкьявика. — Если, конечно, вы и дальше собираетесь консультировать своего клиента.

Тора в волнении задержала дыхание.

— Не знаю, смогу ли выполнить вашу просьбу, — наконец проговорила она. — Сегодня мне нужно возвращаться в Рейкьявик.

— Поступайте, как вам будет угодно, — сухо отозвался Торольфур. — Я всего лишь хочу сообщить вам, что в ближайшие дни мы приедем в отель снимать показания. В основном у туристов, которые, по нашим предположениям, должны скоро уехать. Уверен, у нас найдется время и на беседу с Йонасом. Много времени. Вы назвались его адвокатом, поэтому я счел необходимым предупредить вас. Впрочем, вы абсолютно свободны в своих действиях.

— Даже сейчас? — сухо заметила Тора, не выносившая снисходительного тона. Однако сориться с детективом не следовало — напротив, она обязана была сохранять с ним по возможности хорошие отношения, поэтому подавила раздражение. — Благодарю вас за своевременное предупреждение.

Разговор закончился, и Тора немедленно позвонила Йонасу — на номер Вигдис, администраторши, одолжившей шефу свой мобильник взамен отданного полицейским. Торе же Йонас подыскал древний телефон, тяжелый и громоздкий, больше напоминавший видеомаягнитофон, куда она вставила свою сим-карту. Тора не сомневалась — после всего случившегося полиция не скоро вернет ей мобильный.

Йонас ответил почти сразу. Связь была неважной, и Торе показалось, что он говорит из машины.

— Он собирается беседовать со мной? — искренне удивился Йонас.

— Да-да, с вами. Вы, может быть, забыли об отправленном с вашего телефона сообщении? Полиция считает вас одним из подозреваемых.

— Но я же его не отсылал, — обиженно возразил Йонас.

— Прекрасно вас понимаю. Но тем не менее данный факт выглядит, мягко говоря, подозрительно. — Тора услышала, как Йонасу кто-то просигналил. — Вы хотите, чтобы я присутствовала во время беседы, или сами справитесь?

— Один я не могу с ними разговаривать! — В его голосе явственно слышался ужас. — Я понятия не имею, как и что говорить. Вы должны помочь мне. Было бы просто замечательно, если бы вы поскорее нашли убийцу. Тогда бы полиция перестала меня подозревать, — прибавил он, заметно повеселев. — Я вам заплачу.

Тора не смогла сдержать усмешки.

— Убийцу найдет полиция, Йонас. И не волнуйтесь. Если вы невиновны, никто вас задерживать не станет.

— Не уверен, — возразил Йонас. — В любом случае я прошу вас быть рядом во время беседы с полицейскими.

— Хорошо, — согласилась Тора. — Тогда мне нужно подготовиться к продлению визита. У вас есть в отеле свободные номера?

— Должны быть. Все номера у нас бывают заняты только в июле.

— Тогда я остаюсь, если, конечно, найду кого-нибудь, кто согласится присмотреть за

моими детьми. В эти выходные они находятся у отца, но сегодня должны вернуться домой.

— Это не проблема. Привозите их сюда, — обрадовался Йонас. — Дети любят природу и найдут, чем заняться. Погуляют по пляжу, подышат свежим воздухом.

Тора усмехнулась. «Гульфи будет гулять по пляжу, только если там есть компьютер и Интернет», — подумала она.

— Спасибо, им вовсе не обязательно здесь находиться. Ладно, я позвоню вам позже. — Они попрощались, Тора вздохнула и посмотрела на Мэтью.

— Ну как? — спросил он с явным любопытством. — Твой подзащитный снова жаловался на злую судьбу?

— Да, — кивнула Тора, покачивая в руке массивный телефон. — Йонас попросил меня присутствовать во время допроса. Полиция скоро нагрянет в отель.

Мэтью широко улыбнулся.

— Великолепно. Знаешь, я не тороплюсь возвращаться.

— Естественно, — усмехнулась Тора. — Все было бы замечательно, если бы не дети. Сейчас они находятся у отца, но сегодня вечером я должна их забрать.

— А, вон оно что, — философски заметил Мэтью, явно не осознавая сложившуюся ситуацию. — Позвони ему и скажи, что дети ненадолго задержатся у него.

— А у меня и нет другого выхода, — проворчала Тора. Она не любила просить Ханнеса об одолжении и старалась избегать подобных моментов, поскольку знала, как тот обрадуется возможности поглумиться над ней, — точно так же поступала и она в сходных обстоятельствах.

После длительных пререканий по телефону Тора и Ханнес достигли консенсуса — дети останутся у него еще на одну ночь, но ни часом больше. Ханнесу нужно идти в тренажерный зал, после чего заниматься разными неотложными делами, а не торчать с детьми. Тора не знала, врет он или нет, но на всякий случай похвалила мужа за заботу о здоровье и фигуре, мысленно пожелав Ханнесу порвать связки на беговой дорожке. Эта фраза вертелась на языке, и она едва сдержалась, вовремя отключив телефон.

— Приятно видеть, как достойно ты себя ведешь, — заметил Мэтью. — Не все женщины сохраняют хорошие отношения со своими бывшими мужьями.

Тора показала ему рожицу.

— Делаешь выводы из собственного опыта? — лукаво спросила она и прибавила уже серьезно: — Дети останутся с ним еще на одну ночь, поэтому мне нужно либо подготовиться, либо уезжать домой.

— Мне не пришлось разводиться. Не могу найти женщину, полностью меня устраивающую. Я даже с трудом представляю, как она выглядит, — признался Мэтью. — Хотя в последнее время образ немного прояснился. — Заметив гневный взгляд Торы, он хлопнул в ладоши. — Хорошо, раз времени у нас не много, необходимо потратить его с максимальной пользой. Чем бы ты предпочла заняться?

— Точно не знаю, но чем больше информации, тем я увереннее. Мне необходимо поддержать Йонаса во время допроса. — Тора ненадолго задумалась. — Нам следует опросить как можно больше постояльцев отеля и найти наконец Эйрикюра, чтеца ауры, а также, я полагаю, создателя и распространителя всех рассказов о привидении. Йонас сказал, завтра он должен вернуться.

Мэтью сделал скорбное лицо.

— Я говорил не об этом. И имел в виду не постояльцев отеля вообще и не чтеца ауры в

частности.

Тора вспыхнула, но притворилась, будто не понимает Мэтью.

— Пошли, нечего тут стоять. Сам же хотел провести время с максимальной пользой.

Эйрикюр сидел за столом, уставившись в разложенные перед ним карты таро. «Деньги — это хорошо, смерть — плохо». Он провел указательным пальцем по краешку карты «Жнец» и позволил мыслям блуждать свободно. Одна и та же карта выпала ему дважды, и, даже не будучи большим специалистом по таро, он понимал — вероятность такого повторения чрезвычайно мала. О чем говорила карта? Поначалу он хотел даже поискать знатока таро среди постояльцев отеля, но потом передумал. Зачем выходить из удобного маленького коттеджа и тащиться в гостиницу? Ведь это же так утомительно. Обычной телефонной линии здесь не имелось, а мобильная связь была отвратительной. Правда, Эйрикюр никогда не пользовался мобильником. На него, чтеца ауры, испускаемые им волны, мягко говоря, дурно влияли. Он скорее пойдет искать обычный телефон, чем дотронется до мобильного, ведь с каждым словом по нему аура его темнеет. Нет, он обязан разгадать смысл выпавших карт самостоятельно. Эйрикюр подпер рукой голову и снова взгляделся в карты. Деньги. Смерть.

Эйрикюр выпрямился. «Это моя собственная смерть? Или кого-то из знакомых? Скорее всего карта означает смерть архитекторши, — подумал Эйрикюр и непроизвольно кивнул. — Да-да. Вот почему „Смерть“ выпала дважды. Но в чем же тогда смысл денег? Как они связаны со смертью архитекторши? Я стану богатым через ее смерть? Но каким образом?» Он предупреждал Бирну, что ее аура чернее тучи и не сулит ей ничего хорошего. «Возможно, благодаря своему дару я стану известным? Ну почему я никому не сказал об ауре Бирны, кроме нее самой? Кто мне сейчас поверит?»

Эйрикюр подавил острое желание взять сигарету. Йонас осуждал курение, а прятаться по углам, как школьнику, ему не позволяла гордость. Он слишком стар, чтобы озираться по сторонам в надежде остаться незамеченным. «Какая низость. Ну, я понимаю: курящий диетолог или тренер — это недопустимо, но кому придет в голову осудить чтеца ауры? Никому, конечно». Эйрикюр напрягся. Размышления о курении пробудили смутные воспоминания. «О чем мне говорила Вигдис? О том, что тело нашли в пятницу и никто не видел Бирну с вечера четверга?» В тот вечер он улизнул с сеанса, чтобы спокойно покурить в облюбованном им уголке, куда никто не подумал бы сунуться. Только сейчас Эйрикюру все стало ясно. А тогда он не придавал этому значения. Но теперь знал точно — в тот вечер он видел убийцу. «Конечно, это был он. И только попробуйте сказать мне о вреде курения», — самодовольно подумал чтец ауры.

Эйрикюр собрал карты и улыбнулся. «Вот каким образом связаны „Смерть“ и „Деньги“». Деньги предназначаются мне — ведь талант всегда вознаграждается. Так гласит народная мудрость». Эйрикюр считал себя человеком честным и покладистым и потому не собирался завышать цену. «Но и на недостойную сумму я никогда не соглашусь. Однако прежде всего необходимо добраться до стационарного телефона. Да, и еще переброситься парой слов с Йонасом. Забавно будет посмотреть на его физиономию». Эйрикюр боялся потерять работу в отеле, поэтому разговаривал с Йонасом подобострастно. Тот же постоянно унижал его, намекал на не востребованность. Сейчас, когда впереди замаячила финансовая независимость, Эйрикюр воспрянул духом. Исчезла необходимость пресмыкаться перед Йонасом. «Ха, я буду разговаривать с ним гордо, на равных. И пусть он грозит мне

увольнением, я только посмеюсь».

Он собрал карты в коробочку и вышел на улицу. Нужно было спешить, переговоры следовало начать как можно быстрее. Он так торопился, что прошел мимо небольшого зеркала, висевшего рядом с вешалкой, не полюбовавшись собой. Не поинтересовался своей аурой, которая в тот момент нависала над ним грозным облаком. Мрачным, почти черным.

— Значит, никого нет? — вздохнула Тора. — Все разошлись?

Вигдис посмотрела на нее без тени сочувствия.

— Я бы так не сказала. Большинство постояльцев отправились на прогулку, но кто-то остался. Занимаются своими делами — одни пользуются предоставленными услугами, другие развлекаются. Несколько человек только что приехали и сидят в своих комнатах, ждут не дождутся встречи с вами.

Мэтью, ни слова не понимавший из разговора, ласково улыбнулся Вигдис:

— Прекрасный денек, не правда ли?

— Очень, — бросила та. — Потому в отеле и нет никого. — Она снова повернулась к Торе. — Не хотела бы показаться невежливой, но действительно ничем не могу вам помочь. К сожалению, народ начнет собираться только к обеду. Несколько человек, правда, заехали, но, думаю, и они успели куда-то отправиться.

— Черт подери, — пробормотала Тора. — И сотрудники заняты. Не с кем словечком перемолвиться.

— Сотрудников сейчас не много, но все они при деле, — кивнула Вигдис. — После обеда станет поспокойнее, тогда и поговорите. — Она подозрительно взглянула на Тору и Мэтью. — А что вы, собственно, хотите узнать?

— Ничего особенного, — ответила Тора. — Просто расспрашиваем всех подряд о Бирне. Какой она была, с кем общалась. Выясняем, кто мог бы пролить свет на случившуюся с ней трагедию.

— Хотите сказать, на ее убийство, — поправила Вигдис. — Знаете, если уж вы взялись выяснять, то отправляйтесь в церковь. Я знаю, Бирна частенько туда ходила — я сама давала ей ключ.

— Церковь? — удивилась Тора. — В какую церковь?

— В маленький храм, недалеко отсюда. Он не принадлежит местной общине, но ключи лежат у нас. Иногда туда заглядывают наши постояльцы. Иностранцам это интересно. — Вигдис вручила Торе старинный ключ. — Дверь немного подержайте, иначе она не откроется.

И Вигдис объяснила, как найти дорогу.

— Хотя церковь и старая — ее построили в тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году, — в ней и сейчас проходят службы. Правда, очень редко. Постарайтесь ничего не нарушить. Бирна, я помню, была в восторге от тамошнего кладбища. По-моему, она искала чью-то могилу.

Он перерыл в комнате все, что можно, но так ничего и не нашел. «Куда эта дура его засунула? — задохнулся от негодования. — Как было бы замечательно, найди я его сейчас. Всем моим бедам пришел бы конец». Он заставил себя успокоиться. Стараясь не шуметь, приблизился к двери, приложил к ней ухо и прислушался. В коридоре было тихо. Он снова прошел в глубь комнаты и остановился. «Что делать? Продолжать поиски? А не напрасны ли

они? Возможно, его тут нет. К тому же оставаться дольше попросту опасно». Он двинулся к высокому французскому окну, выходящему в сад, осторожно посмотрел в щелку между шторами и, никого не увидев, тихо открыл дверь и выскользнул наружу, на свежий воздух. Оглядевшись, он быстро зашагал прочь, на ходу стянув перчатки и сунув в карман.

Крошечная церквушка, сложенная из темных бревен, стояла в центре небольшой поляны, на вершине невысокого холма, недалеко от берега. Такие церквушки Тора рисовала, когда училась в младших классах, — маленькое строение с миниатюрной башенкой, увенчанной крестом. Рисунки у Торы получались яркими и многокрасочными. Теперь же она убедилась, что культовому сооружению черный цвет подходит как нельзя лучше. Общую картину дополняли выкрашенные белой краской окно и дверь. Иначе говоря, местные фермеры возвели строение, величавость которого, или, скорее, потуги на нее, соответствовала их финансовым возможностям. Тора ни разу еще не видела совершенно черные церкви и подумала, не повторили ли строители некий более старый прототип. Сколь ни скудны были ее познания в истории архитектуры, она все же определила, что стены не покрашены, а просмолены, как предпочитали делать в старину. Своими соображениями она поделилась с Мэтью; тот молча проглотил ее сообщение.

Широкая ограда, выходящая на кладбище, поросла мхом. Лишь местами сквозь зелень проглядывали камни. Напротив церковной двери высились массивные металлические ворота, ведущие на погост. Мэтью открыл их с жутким скрежетом, и они прошли внутрь.

— Гляди, — сказала Тора.

На противоположной стороне поляны виднелось несколько могил.

— Удивительно. Здесь умерших меньше, чем можно было ожидать, — проговорил Мэтью, осматривая открытое пространство между церковью и надгробьями.

— Да, — согласилась Тора. — Действительно странно. Со временем могил прибавится. Вигдис утверждает, что здесь еще проходят службы.

— Прибавится? Едва ли. — Мэтью подошел к церковной двери. — Тянуть на себя или толкать?

— Толкать, полагаю. Или тянуть. Одно из двух, — рассеянно ответила Тора, изучая кладбище. — Как считаешь, найдем мы здесь могилу Кристин? — Она повернулась к Мэтью. Тот неистово бился с дверью. — Должно быть, Бирна искала ее, бывая здесь.

— Не знаю, — раздраженно отозвался он. — Сейчас меня больше интересует дверь. — Повернув в замке ключ, он налег на нее плечом. Послышался мягкий щелчок. — Na endlich!^[1] — гордо произнес Мэтью, пропуская Тору вперед. — Bitte, frau.^[2]

Они увидели неф с алтарем, скамьи и кафедру проповедника. В интерьере церкви преобладало дерево, выкрашенное в мягкие тона. Потолок и спинки скамеек украшали резьба, цветы и листья, отчего церковь выглядела опрятной и уютной, если не считать запрестольного образа, изображавшего распятого на Голгофе Христа.

— Почему скамейки такие маленькие? — спросил Мэтью, усаживаясь на одну из них. Он едва умещался на сиденье, упираясь коленями в спинку впереди стоящей скамьи.

— Наверное, чтобы прихожане случайно не заснули, — пожалала плечами Тора. — А возможно, из экономии места. Другого объяснения я не нахожу.

— Есть третий вариант. Исландцы были нацией карликов, — буркнул Мэтью, поднимаясь, и подошел к Торе. Та стояла у лестницы, ведущей на балкон. — Хочешь пройти наверх? Пойдем, здесь мы за пятнадцать секунд все рассмотрели.

По узеньким ступенькам они поднялись на балкон. Сверху открывался прекрасный вид на неф. Тора положила руки на перила, огляделась и только сейчас заметила в центре

потолка медную люстру. Они еще раз оглядели церковь, но ничего нового не увидели: внушительный орган с открытыми нотами, деревянный комод, где Тора нашла книгу псалмов и вещи, определенно принадлежащие хору. Больше на возвышении ничего не было.

— Уж очень у них тут скромно, — разочарованно проговорила она. — Я ожидала увидеть нечто иное.

— Что, например? — спросил Мэтью. — Здесь мы едва ли обнаружим нечто имеющее прямое или косвенное отношение к убийству. Бирне нравилась церковь, она ее часто посещала. Не вижу ничего удивительного. В конце концов, она была архитектором.

Тора задумчиво нахмурилась.

— Здесь должна быть кладовка или какой-нибудь чулан. Не таскают же священники каждый раз свои принадлежности для службы в церковь и обратно?

Мэтью пожал плечами.

— Я видел у алтаря Библию. Возможно, им ее вполне достаточно. Да, есть еще несколько свечей.

— А церковные книги? Разве церкви не обязаны вести свой учет? — Тора снова подошла к перилам и оглядела помещение более внимательно. «Может, тут есть потайной шкафчик или ящичек, — подумала она, но ничего похожего не заметила. — Они должны отмечать все значимые события».

Мэтью смотрел на Тору непонимающе.

— Какой учет? Что ты имеешь в виду?

— Свадьбы, крещения, причастия. Все это заносится в церковную книгу. — Тора подошла к балконной стене, у которой заканчивалась лестница, и двинулась вдоль нее, надеясь увидеть потайной шкафчик. — Я же знала! — взволнованно воскликнула она, обнаружив на потолке, в центре стены, прямоугольный люк. — Вон там явно что-то есть!

Мэтью приблизился к ней, оглядел низкий потолок и легко отодвинул крышку в сторону. Перед ними открылась черная дыра.

— Похоже, там есть ступеньки, — сказал Мэтью. — Плохо видно, света мало.

Тора повернула старенький выключатель, располагавшийся над лестничными перилами. Загорелось несколько ламп.

— Так лучше?

— И да и нет, — ответил Мэтью. — Лучше, поскольку я вижу все внутреннее пространство, а хуже, потому что, кроме ступенек, там ничего нет.

— Ничего? Никаких книг? — разочарованно спросила Тора, пытаясь, привстав на цыпочки, заглянуть в отверстие.

— Нет, — уверенно ответил Мэтью. — Это всего лишь люк, через который, как я полагаю, можно попасть к шпиле. В подобных местах книги точно не хранят. Хорошо, давай проверим. — Он ухватился за края отверстия, подтянулся на руках и огляделся. — Абсолютно ничего. — Мэтью спрыгнул на пол и хлопнул ладонями, стряхивая пыль. — Возможно, Вигдис знает, где тут хранятся церковные книги? Если у нее есть ключи. А вдруг ее просили приглядеть и за имуществом?

— Нужно еще раз исследовать алтарь, — отозвалась Тора. — Книга должна находиться где-то там. — Она направилась к распятию со страдающим Иисусом. На первый взгляд под престольным образом не было ничего, кроме Библии, двух больших подсвечников и накрывавшей стол фиолетовой скатерти с прекрасной вышивкой. Приподняв ее, Тора увидела ящики.

— Мэтью, смотри, на самом деле это комод!

К счастью, дверцы оказались незапертыми и открылись с приятным скрипом. Тора повернулась и торжествующе поглядела на Мэтью. Затем извлекла из комода три массивные книги в кожаных переплетах. Верхняя выглядела значительно новее остальных. Тора открыла ее и по самой ранней дате определила, что тратить время не имеет смысла. Начиналась она с 1996 года. Пролистав страницы следующей книги, Тора остановилась на 1940 году.

— Скорее всего Кристин родилась незадолго до войны, — сказала она. — Во всяком случае, я видела среди прочих фотографии кинозвезд того времени. — Она зашелестела страницами, но ничего интересного не обнаружила. Среди записей о браках, смертях, рожденьях и крещениях имени Кристин не оказалось. Тору заинтересовала неожиданная пустота, возникшая в 1941 году, — одна страница заканчивалась именем невесты, а следующая начиналась записью о смерти. — Очень странно, — пробормотала она, раскрыла книгу пошире и принялась внимательно изучать корешок. — Мэтью, гляди, по-моему, здесь вырвана страница, а возможно, и две. — Тора передала ему фолиант.

Он внимательно осмотрел корешок и утвердительно кивнул.

— Совершенно верно. Нет как минимум двух страниц. — Он вернул книгу Торе. — Кто мог их вырвать? Тот, кто хотел уничтожить следы бракосочетания.

— Или крещения ребенка, — прибавила Тора. — С исчезновением страницы о крещении фактически теряются все следы. Переписи населения, насколько мне известно, в те времена не существовало, а если она и велась, то в сельских районах можно было легко ускользнуть.

Просмотрев две книги от корки до корки и не найдя никаких сведений о Кристин, Тора вернула их на место.

Им не пришлось долго бродить по небольшому кладбищу, чтобы понять, как изменилась жизнь. Надписи на большинстве надгробий были простыми: «Мальчик — мертворожденный» или «Девочка — некрещеная». Часто рядом лежали несколько детей одних родителей, иногда под общим могильным камнем. Тора добросовестно изучала каждую надпись, надеясь натолкнуться на знакомые имена. Ей дважды попадались Кристин, но ими оказались женщины, скончавшиеся в преклонном возрасте. «Едва ли они как-то связаны с той надписью под стропилами», — подумала Тора.

В конце концов они натолкнулись на две смежные могилы, разделенные невысокой оградой. На обеих стояли внушительных размеров камни, очень похожие друг на друга — белые, одинаковые по форме, примерно полтора метра высотой. Оба поросли оранжевым мхом или лишайником. На одном камне была вырезана змея, кусающая себя за хвост, и лампа Аладдина. Значения символов Тора не знала, зато вспомнила, что видела ту же лампу на обложке Гидеоновской Библии.^[3] Она спросила Мэтью, знакомы ли ему рисунки на камне. Тот отрицательно покачал головой. Она прочитала надписи, содержащие имена членов семьи, проживавшей на ферме «Киркюстетт», являвшейся в настоящее время собственностью Йонаса. Вверху камня стояло имя главы семьи: Бьярни Торольфссон, фермер из Киркюстетта, род. 1896, ск. 1944. Под ним шла другая надпись: «Его жена, Адалгейдур Йонсдоттир, род. 1900, ск. 1928». Внизу — еще два имени: «Бьярни, род. 1923, ск. 1923» и «Гудни, род. 1924, ск. 1945».

— Я видела их всех на фотографиях, о которых тебе рассказывала. Их знал Магнус Балдвинссон.

Не нужно обладать большими познаниями в исландском, чтобы понять надписи. Мэтью нагнулся и быстро прочитал их.

— Фермер и его дочь, как утверждает Магнус, — продолжала Тора, — скончались от туберкулеза, а жена — от заражения крови. В довольно молодом возрасте. — Она показала на даты, стоявшие напротив имени Адалгейдур. — Одна девушка, работающая в отеле, утверждает, будто на ферме имело место кровосмешительство. Предположительно между Бьярни и его дочерью Гудни.

— Допустим, она не врет, — заметил Мэтью. — Но откуда современной девушке знать о событиях, происходивших на ферме семьдесят лет назад?

— Бабушка ей рассказывала, — ответила Тора. — А бабушки, как правило, не лгут.

— Бабушки разные бывают, — усмехнулся Мэтью. — Лично я не дал бы и крупицу соли за подобный рассказ. Даже если бы мне поведала его старенькая бабушка.

— Мне тоже не очень верится. Надеюсь, к счастью для Гудни, все эти слухи — чистая выдумка. — Она показала на имя сына, умершего в первый год жизни. — На одной из фотографий я видела Адалгейдур беременной, но снимки ребенка мне не попадались. Думаю, он прожил всего несколько дней.

— Как и многие другие малыши в округе, — прибавил Мэтью, обводя рукой могилы. — Здесь больше половины умерших — дети.

— Похоже, растить детей здесь было невероятно трудно. До совершеннолетия доживали немногие, — сказала Тора, оглядывая кладбище. — Неужели детская смертность в Исландии в те годы была такой высокой? — Она поежилась. — К счастью, теперь все это в прошлом. — Она подошла к следующему надгробию, куда более скромному. — Очень странно, — проговорила Тора, осматривая полупустой камень. — Всего две надписи: «Его жена, Кристун Вальгейрсдоттир, род. 1894, ск. 1940», — и, ниже: «Эдда Гримсдоттир, род. 1921, ск. 1924». — Тора перевела взгляд на Мэтью. — Не хватает «его».

— Ты намекаешь на человека, убившего Кристин? — спросил Мэтью. — Он, очевидно, еще жив. По крайней мере могилы его здесь нет.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Тора покачала головой:

— Такого не может быть. Магнус уверял нас, что Гримур умер спустя несколько лет после переезда в Рейкьявик.

— Тогда где он лежит? — настаивал Мэтью. — Предположительно должен быть здесь. Для еще одной записи места на камне вполне достаточно, но никаких других имен нет. В высшей степени странно.

Тора в который уже раз обвела глазами кладбище.

— Если его имени нет на этом камне, значит, он похоронен в ином месте. — Они прошли вдоль оставшихся могил, но ни на одном из надгробий не увидели имен Гримура или Кристин. — А вдруг Кристин действительно имя любимой кошечки? — разочарованно проговорила Тора, когда они выходили с кладбища через скрипучие ворота.

— Тогда как ты объяснишь исчезновение страниц из церковной книги? Думаю, самое разумное встретиться с наследниками, продавшими Йонасу землю, — сказал Мэтью. — В качестве предлога для разговора используй привидение. Выведай у них всю историю фермы, расспроси о Гримуре, Кристин и всем остальном.

Тора задумчиво кивнула. Идея показалась ей неплохой.

Элин Тордардоттир подняла трубку телефона, немного подумав, вновь опустила ее, но руки не убрала. Затем вздохнула и снова приложила трубку к уху. Быстрыми пальцами набрав номер, Элин едва дождалась ответа.

— Дорогой мой братец Бёркур, — заговорила она писклявым голосом. — Догадайся, зачем я тебе звоню.

— И гадать не собираюсь. Элин, ты не вовремя, — произнес Бёркур своим обычным капризным тоном. — У меня небольшие проблемы.

— А что такое? — любопытствовала Элин, хотя догадывалась, о чем речь. — «Опять, наверное, Савва бесится. Психопатка, вечно срывается по пустякам», — подумала она.

— Не собираюсь обсуждать с тобой свои дела, — сварливо ответил брат. — Говори быстрее: зачем звонишь?

Давно привыкшая к холодному отношению, Элин не обратила внимания на сквозившее в его голосе недовольство. Ей страшно хотелось заставить брата поволноваться. Она не желала продавать землю Йонасу, но брат долго ныл, уговаривал ее, и в конце концов она уступила. Жаль, мать не высказалась против этой идеи, ведь хотя доходы шли и ей, и Бёркуру, фактически землей владела она. Однако тот сумел ее уломать. Теперь у Элин появился реальный шанс отомстить за его нахрапистость и бесцеремонность.

— Звонила одна женщина, назвалась Торой. Она адвокат, ведет дела Йонаса, купившего у нас «Киркюстетт» и «Креппу». — Она замолчала, заставляя брата вытягивать из нее вторую часть сообщения.

— Ну и?.. — спросил Бёркур, раздраженный, но заинтересованный. — Чего она хочет?

— Возникла одна заминка, дорогой, — улыбнулась Элин. — Она предлагает встретиться и обсудить, как она сказала, некие скрытые дефекты, обнаруженные Йонасом в приобретенной собственности.

— Что за чушь ты городишь! Откуда могут появиться скрытые дефекты в куске земли? В головах у них скрытые дефекты. Она загрязнение почвы имеет в виду, что ли?

Элин дала ему время накричаться, после чего добавила:

— Никаких подробностей она мне не сообщила. Просто попросила о встрече. На месте, если возможно.

— На месте? Тащиться в Снайфелльснес? Делать мне больше нечего! — орал в трубку Бёркур. — Да у меня здесь работы по горло. Я утопаю в ней. Слышишь?

— Какая жалость, — изобразила сочувствие Элин. — Значит, мне придется ехать одной?

Прежде чем ответить, Бёркур немного подумал.

— Нет. Я тоже поеду. Когда мы должны с ней встретиться?

— Завтра, — ответила Элин. — Договорись, чтобы нас вечером подбросили до Стиккисхольмюра? А иначе придется вставать ни свет ни заря.

— Попробую. Позвони попозже. Мне еще нужно кое-что здесь закончить.

— Бёркур, — остановила его Элин, — не клади трубку. Знаешь, мне кажется, под скрытым дефектом адвокатша имеет в виду какую-то странность. Как-то загадочно она разговаривала со мной по телефону.

— Загадочно? — переспросил Бёркур.

— Да, очень загадочно. Уверена, что-то за всем этим есть, только не знаю точно, что именно.

— Думаешь, разговор коснется тела женщины, обнаруженного на берегу? — Голос

Бёркура стал приторным. — О нем много сейчас болтают.

— Нет, мне это и в голову не приходило, — удивленно отозвалась Элин, пораженная нетипичной для брата резкой сменой тона.

Она повесила трубку и в задумчивости осталась сидеть перед телефоном, пытаясь вспомнить все увиденное по телевизору о найденном теле. Она припомнила время, когда на него наткнулись — накануне выходных, — и нахмурилась. «Точно, именно тогда Бёркур ездил по какому-то пустяковому делу в Снайфельснес. Странно», — пробормотала она.

— Должно быть, тут. — Тора оглядела берег. — Мда, осматривать особенно нечего.

Под ногами ее блестели мокрые после отлива камни. Ничто в открывшемся волнующем пейзаже не напоминало о страшной находке, о трупе, обнаруженном прямо здесь. «А что я, собственно, ожидала увидеть? Полицейское ограждение?» — спросила себя Тора.

Мэтью посмотрел на часы.

— Сообщаю: чтобы добраться сюда из отеля, нам потребовалось ровно тридцать пять минут.

— Причем мы не торопились, — прибавила Тора. — А если бы торопились, за сколько бы дошли?

Мэтью пожал плечами:

— Не знаю. Быстрым шагом сюда можно попасть минут за двадцать пять, бегом — за пятнадцать.

— Иначе говоря, кто-то за час успел прийти, убить Бирну и исчезнуть, — задумчиво сказала Тора.

— Времени хватает только для преднамеренного убийства. Заранее спланированного. Человек приходит, совершает преступление и через пару минут удаляется. Ни о каких ссорах или перепалках и речи не идет.

— Слушай, как же галдят эти чертовы птицы. — Нахмурившись, Тора повернулась к утесу. — Бедные птенчики, — проговорила она, немного понаблюдав за шумной жизнью пернатых. Затем повернулась к Мэтью. — В таком гаме ее криков никто бы не услышал.

Мэтью махнул рукой.

— Да ты что? Какое там услышал? Да и слышать некому — здесь, похоже, редко кто гуляет.

Тора обвела взглядом местность и собралась было согласиться с Мэтью, как вдруг заметила две фигуры наверху склона, ведущего к берегу.

— И тем не менее гуляют, — кивнула она в том направлении. Они смотрели, как пара медленно спускается по гравию. Девушка толкала впереди себя инвалидное кресло, но сидевшего в нем Тора и Мэтью не рассмотрели, поскольку голову и лицо инвалида скрывал большой раскладной верх. — Должно быть, это и есть те самые молодые люди, о которых упоминали японцы, — сказала Тора. — Они видели, как Бирна о чем-то беседовала с ними. Как думаешь, нам следует их расспросить?

— Почему нет? — улыбнулся Мэтью. — Это не самая глупая идея в твоём невероятном расследовании. Не пойми меня превратно, — поспешил он прибавить. — Я не жалею. Наоборот, получаю удовольствие, хотя не имею понятия, куда оно нас заведет.

Тора толкнула его локтем.

— Решил на старости лет примкнуть к анархистам? Занятно. Давай, пошли скорее.

Они неторопливо двинулись навстречу спускавшейся паре. Приблизившись, Тора решила, что ее подводит зрение: при всем старании, она не могла сконцентрировать взгляд на лице юноши, едва обозначавшемся под плотной тканью. Однако вскоре догадалась — со зрением у нее все в порядке, и едва удержалась, чтобы не убежать. Она не знала, что такого ужасного скрывает от посторонних глаз накидка, и предпочла смотреть на девушку, розовощекую, улыбающуюся, но невольно вглядывалась в видневшийся из-под ткани белый с

красными пятнами, безглазый и безротый кусок кожи.

Тора не могла долго рассматривать изуродованные глаза, остатки носа и покрытую шрамами пятнистую щеку, плотную, как полиэтиленовый пакет. Она торопливо отвернулась, желая, чтобы молодой человек, сидевший в инвалидном кресле, не сознавал, какое впечатление он производит, хотя в глубине души чувствовала — надежда ее тщетна и бедняга отлично все понимает. «Хоть бы Мэтью не дрогнул в столь необычных обстоятельствах», — подумала она, не осмеливаясь посмотреть на своего спутника, боясь выдать свое состояние.

— Привет, — как можно доброжелательней обратилась она к девушке.

— Привет, — ответила та с теплой улыбкой. Ее светлые густые волосы были завязаны в конский хвост, во время движения болтавшийся из стороны в сторону. Торе девушка показалась странно знакомой, но она не могла вспомнить, где и когда встречалась с ней прежде.

— Боюсь, мы не сможем подойти ближе к берегу, слишком тяжело будет подниматься.

— Да там и смотреть почти нечего, — отозвалась Тора. — Если хотите, Мэтью вам поможет. — Она кивнула в сторону своего спутника, все так же избегая его взгляда. — И спуститься, и подняться.

— Хорошо, спасибо, — ответила девушка и, наклонившись над креслом, спросила молодого человека: — Как ты считаешь, принять нам помощь или повернуть обратно? Внизу и правда нечем полюбоваться.

Тот пробормотал что-то невнятное. Тора не разобрала сказанного, девушка же, напротив, кивнула.

— Как хочешь. Тогда пойдем назад. — Она взглянула на Тору. — Мы решили возвратиться. Не сможете развернуть кресло?

Мэтью взялся за ручку, и все четверо двинулись вверх по склону.

— Нужно было обратиться к вам в прошлый четверг, — снова улыбнулась девушка.

— А вы были здесь в прошлый четверг? — удивилась Тора. — Когда? Вечером? «Возможно, они видели что-нибудь, но не придали значения, а может, каким-то образом замешаны в убийстве Бирны?» — думала Тора, нетерпеливо ожидая ответа, но он разочаровал ее.

— Нет, мы были не здесь, — проговорила девушка, немного запыхавшись от нагрузки. — Мы планировали пойти в отель, на сеанс, но в итоге я отправилась одна — не смогла перетащить кресло через огромную канаву, выкопанную посреди дороги. Я помучилась, помучилась и бросила. Прохожих не было, тут вообще мало кто ходит вечерами. Неудачно получилось, Стейни так хотел побывать на сеансе. — Она посмотрела на Тору с легкой гримасой. — Хотя, сказать по правде, не много потерял: глупая процедура. По моему, этот медиум — обычный мошенник.

Тора не стала спрашивать, относится ли данная характеристика ко всем медиумам, и взглянула на залив.

— Куда же вы сейчас направлялись? Просто погулять на берегу?

— Нам хотелось увидеть то место, где обнаружили труп женщины, — ответила девушка таким тоном, словно речь шла о чем-то обыденном. — Ведь мы ее знали.

В глубине души Тора почувствовала облегчение. «Теперь мне по крайней мере не придется намеками подводить их к разговору о Бирне», — обрадовалась она и отозвалась столь же жизнерадостным тоном:

— Какое забавное совпадение! Мы шли туда же, на место происшествия!

— Вот как? И вы ее знали? — удивилась девушка.

— Не совсем знали. Мы с ней были некоторым образом связаны. По работе. Меня зовут Тора.

Они пожали друг другу руки.

— Берта, — представилась девушка и отвернулась. — Ужасно, — печально сказала она. — В новостях сообщили, будто ее убили. — Она снова поглядела на Тору. — Зачем кому-то понадобилось убивать ее?

— Представления не имею, — искренне ответила та. — Возможно, это произошло случайно. Ей не повезло, столкнулась с головорезом.

— Вы так думаете? — В глазах Берты мелькнул страх. — Здесь? Головорез?

— Хотя едва ли, — успокоила ее Тора. — Я лично в этом сомневаюсь. Однако не призрак же ее убил.

— Призрак? — повторила девушка. — Вы имеете в виду тех рыбаков? Их как раз отсюда смыло. — Она задрожала. — Противное место. Оно мне всегда не нравилось.

Тору удивила реакция девушки. Она ожидала, что та, услышав о привидении, улыбнется и отшутится. «Все ясно, о призраках здесь лучше не вспоминать», — решила она и осторожно спросила:

— А вы верите в привидения?

— Да, — искренне ответила Берта. — Они частенько здесь бродят. Точно вам говорю. Я их иногда вижу в темноте.

Тора не знала, что сказать, поэтому промолчала, но мысленно отметила: девушка — потенциальный свидетель в деле о возмещении убытков за скрытый дефект. «От ее показаний бывшим владельцам не отвертеться», — подумала она и решила на время забыть о привидениях, а перейти прямо к делу.

— А как вы с ней познакомились?

— Бирна — архитектор, работала в отеле, а я ей помогала. У моей мамы когда-то здесь был участок земли. — Она бросила взгляд на кресло, которое Мэтью продолжал усердно толкать перед собой. — Прекрасная, очень порядочная женщина.

Тора не стала расспрашивать о причинах симпатии к Бирне, предположив, что та, наверное, хорошо относилась и к девушке, и к молодому человеку в инвалидном кресле. И вдруг она поняла, почему лицо девушки кажется ей таким знакомым, — оно напоминало Элин, ее мать, с которой они сталкивались во время подготовки договора купли-продажи земли. «Неэтично заставлять ее свидетельствовать в суде против матери», — подумала Тора, но в любом случае решила не забывать о девушке.

— И как же вы помогли Бирне? — спросила она.

— Ее интересовала история здешних мест, но ни у мамы, ни у дяди Бёркура не было ни времени, ни желания говорить на эту тему. Я рассказывала ей наши легенды, пыталась найти для нее старые карты, но ничего не обнаружила. Зато мне попались несколько фотографий. Бирна им очень обрадовалась.

— Вы не помните, кто был изображен на тех фотографиях? — удивленно поинтересовалась Тора. В подвале, где она копалась, имелся целый ворох фотографий, и ей показалось странным, что и Бирна о них не знала, и девушка не добралась. «Наверное, та же излюбленная стена, только с другими обитателями», — мелькнула у нее мысль.

— Главным образом, мои прадедушка и прабабушка, сфотографированные у фермы.

Были еще и другие люди, но мне они неизвестны. — Девушка неожиданно замолчала и взволнованно взглянула на Тору. — Вы считаете, мне следует вернуть фотографии? Мама и дядя Бёркур до сих пор не знают, что я взяла их.

— Думаю, следует вернуть. И сообщить полицейским. Завтра они сюда приедут. Вы живете неподалеку?

— Не совсем. У нас есть дом в Стиккисхольмюре, где я могу остановиться. Я стараюсь приезжать как можно чаще. — Не сводя с Торы глаз, она прошептала: — Из-за Стейни. Он не хочет жить в Рейкьявике.

Тора кивнула.

— Он ваш родственник? — спросила она. Мэтью ушел вперед, но не слишком далеко, и Тора не осмелилась поинтересоваться, каким образом молодой человек угодил в инвалидное кресло. Меньше всего ей хотелось, чтобы тот услышал расспросы о своей внешности.

— Да, кузен, — сообщила девушка и прибавила: — По линии отца.

Мэтью остановился и обернулся, явно запыхавшийся. Они достигли вершины холма, и Тора поспешно переключилась на тему о найденном трупе.

— Не знаете, кому потребовалось убивать Бирну? Она с кем-то водила знакомство или, быть может, у нее завелись враги?

Девушка покачала головой.

— Думаю, у нее вообще врагов не было. По крайней мере она никогда ни о чем подобном не заикалась. Мы встречались всего несколько раз: я приходила на старую ферму «Креппа» разбирать вещи, она тоже частенько там появлялась. С ней приятно было поговорить. Не знаю, относится ли это к делу, но она намекала, что здесь у нее есть близкий друг.

— Близкий друг? — повторила Тора с возрастающим любопытством. — Вы не в курсе кто?

Берта задумалась на несколько мгновений.

— Не знаю, стоит ли говорить вам об этом. Видите ли, он женат. Они встречались тайно. Бирна доверилась мне. Она знала — я никому ничего не скажу. Даже теперь, когда она мертва.

«До какой же степени нужно быть одинокой, чтобы доверять секреты малознакомой девочке? — подумалось Торе. — Да еще такой юной. Ей же едва исполнилось двадцать».

— Мне кажется, обо всем этом вам следует сообщить полиции. Подобные инциденты случаются как раз в результате запутанных любовных интрижек. Вы же не хотите, чтобы убийца ускользнул от закона?

Берта отчаянно замотала головой:

— О Господи, конечно, нет! — Тора и Мэтью заметили, как девушка задрожала, взявшись за ручку кресла. — Хорошо, — произнесла она, поблагодарила Мэтью за помощь и повернулась к Торе. — До свидания. Надеюсь, мы еще увидимся. У вас тут дом?

— Нет, мы остановились в отеле, — ответила Тора, недовольная тем, что ей не удалось выведать у девушки имя таинственного друга Бирны. Та помахала ей и, медленно толкая перед собой кресло, отправилась в обратный путь.

Но через несколько шагов внезапно обернулась и громко сказала:

— Его зовут Бергюр. Местный фермер, живет неподалеку. Поместье его называется «Тунга». — Девушка отвернулась и снова двинулась в путь.

Тора и Мэтью молча смотрели на неторопливо удаляющуюся от них худенькую фигурку.

Идти Берте было тяжело, кресло постоянно подсакивало на камнях. Когда она отошла на почтительное расстояние и уже не могла их слышать, Мэтью произнес:

— Что же все-таки стряслось с этим парнем?

Вигдис обвела взглядом холл. Никого. Посмотрев на часы, она убедилась, что постояльцы должны вот-вот вернуться. Разных национальностей и интересов, все они, казалось, приобретали здесь две общие привычки — вставать между восемью и девятью и после завтрака немедленно отправляться на природу. Возвращались же, как правило, сразу после двенадцати. Вигдис доставила Йонасу определенное беспокойство, и хорошо это понимала. Изначально тот надеялся, что гости станут проводить больше времени и соответственно тратить больше денег в стенах гостиницы. Волновались массажистки, хилеры, сексологи, чтецы ауры и иные специалисты, обосновавшиеся в отеле, поскольку зарплата их зависела от количества оказанных ими услуг. Теперь же они в основном мучились бездельем, ибо нужда в них появлялась к выходным. Чтобы заработать достаточно денег, им приходилось тратиться на рекламные объявления и придумывать разные хитрости, дабы заманить клиентов. Йонас питал большие надежды на зиму и увеличение потока исландцев. «Но когда она еще придет? — подумала Вигдис. — Лето только-только начинается». В последние дни специалисты сильно нервничали, сознавая, что не востребованность вынудит кого-то из них свернуть свою деятельность в отеле.

В отличие от специалистов, которых Вигдис в душе именовала не иначе, как шарлатанами, лично ее нынешняя ситуация в высшей степени устраивала. Она изнемогала от любопытства. С того момента как полиция приказала не входить в номер Бирны и никому его не сдавать, она сторала от желания нарушить запрет. Йонас в комнату ненадолго заходил, вместе с полицейскими, но ничего интересного они там не нашли. Однако Вигдис желала убедиться в этом лично. Возможно, зрелище кошмарное, все в крови, или же Йонас упустил какую-то важную деталь. Он же, наверное, не расхаживал по комнате, а просто стоял у двери.

Вигдис взяла нужный ключ, снова оглядела холл и коридор и решительно направилась к номеру Бирны. Она на секунду задержалась у двери, но только чтобы без колебаний вставить ключ в замочную скважину и повернуть его. Затем стремительно скользнула внутрь и сразу же захлопнула за собой дверь. Не успел щелкнуть замок, а Вигдис уже осознала, какую совершила страшную ошибку. Крови в комнате не было, зато повсюду валялись разбросанные вещи и клочки бумаги. Вигдис понимала: следует немедленно сообщить в полицию, что в комнату кто-то входил, но как объяснить им свое присутствие там? Необходимостью уборки? Допустим, она соврет, будто вошла туда, услышав подозрительный шум, но тогда запутается расследование — полицейские подумают, что в номере побывали совсем недавно. Тихонько застонав, Вигдис нащупала за спиной дверную ручку, нажала ее и попятилась в коридор. Она лихорадочно придумывала уважительную причину для проникновения в номер, на случай если ее заметят. «Нужно сочинить что-нибудь очень правдоподобное», — говорила она себе.

— Вы, случайно, не шутите? Кто обследовал место преступления? — Торольфур, впившись взглядом в подчиненного, махнул рукой в сторону стальных лотков, наполненных предметами, найденными вблизи обнаруженного в Снайфелльснеке тела. — Ракушки и дохлые крабы? — Он на секунду прикрыл глаза и потер виски — начинала болеть голова.

— Ну... Гудмундур. Наш новенький, — пробормотал Ларус.

— Ужас. Как десятилетний мальчишка на прогулке. Ваш Гудмундур представляет, чем ему нужно заниматься? Не берег пылесосить, а улики собирать. Хорошо хоть не догадался песку приволочь. А то поскреб бы в дюнах, время есть. — Он нервно обошел лотки, разглядывая содержимое.

— Он гальку собирал, берег в основном каменистый, — пробубнил Ларус и сразу же пожалел о сказанном.

Торольфур полоснул его огненным взглядом и рывкнул, не поднимая головы:

— Какая разница, галька или песок?! Ваш Гудмундур совершенно не понял своей задачи! Во-первых, он прочесал слишком большой район, а во-вторых, похватал все, что ему под руку подвернулось. — Торольфур ткнул карандашом в расплюснутую пивную банку. — Вот например. Зачем она нам нужна? Любому ясно, что банка несколько месяцев провалялась на берегу. А это еще к чему? — Торольфур переместился к следующему лотку и всплеснул руками. — Дохлая зубатка! — Он повернулся к Ларусу. — Вы видели фотографии тела? Какое отношение дохлая зубатка имеет к судьбе погибшей женщины? Может быть, она наступила на рыбу, поскользнулась и ударилась головой о камни? Так считает ваш Гудмундур?

Ларус, переминаясь с ноги на ногу, собрался уже было представить вразумительное объяснение, как вдруг внимание его шефа привлек другой предмет, и он продолжил, но уже мягче:

— Вы только посмотрите сюда! Вибратор!

Ларус приблизился к Торольфуру, дабы получше разглядеть неожиданную находку. И действительно, под пастью зубатки лежал поврежденный кусок пластмассы, очень похожий на часть пениса.

Тора толкнула Мэтью локтем и кивнула в сторону проходившего мимо молодого человека.

— Это Йокулл, официант, с которым мне не удалось побеседовать о Бирне, — прошептала она, вставая. — Подозреваю, ему кое-что известно. — Они сидели за кофе в нише, в глубине холла, и уже с полчаса обсуждали свой следующий шаг. Мысли путались, и ясно было только одно — следует найти любовника Бирны, Бергюра с фермы «Тунга». Только под каким предлогом подойти к нему с нужным разговором? Собственная беспомощность раздражала Тору, поэтому, увидев официанта, она обрадовалась и, решив отвлечься от тупиковых мыслей, заторопилась к нему. Йокулл направлялся в ресторан, но Торе удалось догнать его и похлопать по плечу прежде, чем он скрылся в дверях.

— Привет, — улыбнулась она, когда официант обернулся. — Ты меня помнишь?

Молодой человек удивленно посмотрел на нее.

— Вас? Ах да... Вы вроде бы адвокат.

— Да-да, адвокат, — радостно закивала Тора и снова представилась. — У тебя есть пять минут? Мы говорили с тобой о Бирне. Я хотела бы кое-что уточнить.

Официант взглянул на часы.

— Пожалуйста, нет проблем, только у меня нет времени. Да и прибавить мне особенно нечего.

— Всякое бывает, — отозвалась Тора. — Иной раз сущая мелочь вдруг окажется удивительно важной. Давай присядем? — Она кивнула на стоявший возле стены диван, казавшийся не мебелью, а деталью интерьера. Устраиваясь на нем, Тора подумала, что первой решила использовать его по прямому назначению. Она похлопала по обивке рядом с собой, приглашая молодого человека присоединиться. Легкое облачко пыли окутало ее руку.

— Как вы познакомились? В ресторане?

Молодой человек осторожно присел на краешек дивана.

— Да я в общем-то не был с ней знаком. Так, сталкивался то здесь, то там. Сами видите, места у нас мало, разминуться трудно. Только я ведь работаю здесь недавно, да и в друзья к ней не набивался. Вам лучше поговорить с другими, кто действительно ее знал.

Тора нахмурилась.

— Непонятно. Ты утверждаешь, что не был хорошо знаком с Бирной, и в то же время составил о ней вполне определенное мнение. Я бы сказала, устойчивое. И негативное. Этому должна быть причина.

Лицо молодого человека вдруг вспыхнуло злобой.

— По-вашему, я не имею права судить о характере человека? — спросил он безо всяких объяснений.

Тора решила действовать помягче и повернула беседу в более спокойное и безопасное русло.

— Тебя, насколько я помню, зовут Йокулл?

— Да, — ответил молодой человек все так же агрессивно. — Йокулл Гудмундссон.

— Ты действительно местный?

— Да, родился и вырос на ферме, неподалеку отсюда. Затем уехал в Рейкьявик, закончил курсы официантов и некоторое время работал там. Примерно через год я

наткнулся на объявление в газете о наборе официантов в этот отель. Йонас его давал. И вернулся.

— Понимаю тебя, — кивнула Тора. — Здесь так красиво. Тебе, наверное, часто вспоминались родные места.

— Конечно, здесь не Рейкьявик, — впервые улыбнулся Йокулл.

— Возможно, тебе известны здешние легенды? — спросила Тора. — К примеру, ты, случайно, не знаешь, что здесь водятся привидения?

Лицо Йокулла вновь стало напряженным.

— Мне неинтересны разговоры о привидениях, тем более с приезжими из Рейкьявика, — отрезал он. — Им не понять нашу жизнь. У них в голове один асфальт да бетон. Как выбирают за город, так сразу начинают надо всем хихикать.

Тора подняла брови.

— Я не собираюсь высмеивать веру в привидения. Напротив. По просьбе Йонаса я готовлю документы для суда как раз из-за привидений. Вот и все. Поэтому мне хотелось бы побольше узнать обо всех странных случаях, происходящих здесь.

— Ну может быть, — уклончиво произнес Йокулл. — Только все равно вам лучше поговорить о них с кем-то другим. Я хоть и знаю о привидениях, но не большой мастак рассказывать. Кроме того, считаю, что приезжим не следует открывать того, что известно нам, местным. Не так тут все просто.

— Ну хорошо. А просто поговорить о здешних местах, безотносительно привидений и злых духов, ты можешь? Например, о людях, которые раньше жили на этой ферме?

Йокулл покачал головой:

— Нет, я еще молодой, и история меня пока не интересует.

«Точно и вполне искренне», — подумала Тора и решила разузнать у него о потенциальных собеседниках.

— Родственники у тебя здесь есть?

— Только сестра.

— Родители в город уехали?

— Нет, они умерли, — неохотно проговорил Йокулл.

— О, извини, пожалуйста, — расстроилась Тора; попытка обнаружить у официанта стариков провалилась и дальнейший разговор становился бессмысленным. — Прости, увлечение местной историей, возможно, делает меня назойливой. Ты ничего не знаешь о нацистском движении в здешних местах? Что-нибудь слышал о нем?

Глаза Йокулла округлились, и Тора поверила ему, когда он ответил:

— Ни разу. Я в прошлом специально не копался, но если бы что-нибудь подобное было, знал бы точно. Нет, мура это все.

— Возможно, — согласилась Тора. — Но раз ты здешний, одна вещь тебе должна быть известна. Она не имеет ничего общего с прошлым.

— Какая вещь? — спросил Йокулл, явно заинтригованный.

— Сегодня я видела юношу, по-моему, тоже местного. Не скажу точно, сколько ему лет, но он примерно одного возраста с тобой. Его возят в инвалидном кресле, и выглядит он ужасно. Мне показалось, он обгорел. Не в курсе, что с ним приключилось?

Йокулл неожиданно поднялся.

— Простите, мне нужно бежать на работу. Ваши пять минут давно истекли, — глухо проговорил он и плотно сжал губы. Молодой человек явно не собирался больше тратить

время на болтовню.

— Значит, ты его не знаешь? — спросила Тора и тоже встала.

— Все, мне пора, — бросил Йокулл и ринулся в противоположном от ресторана направлении.

Тора смотрела ему вслед. «Я задела его за живое», — подумала она.

— Странный какой-то парень, — сообщила Тора, снова усаживаясь за столик. Она взяла чашку, сделала пару глотков и невольно поморщилась.

— Полагаешь, он как-то связан с убийством? — спросил Мэтью.

— Честно говоря, не уверена. Бирну он определенно ненавидел, но не объяснил почему. Просто сказал, что имеет право судить о характере людей. Возможно, был ее любовником, которого она отвергла.

— Великий знаток человеческих характеров? Бывает, — отозвался Мэтью, пожимая плечами. — Я, кстати, очень хочу есть. Сколько сейчас времени?

Тора оставила его вопрос без внимания.

— Нет, Мэтью. Здесь кроются какие-то тайны. Видел бы ты, как он окрысился, когда я спросила его о молодом человеке в инвалидном кресле.

— Вот как? — изумился Мэтью. — Ты расспрашивала о нем? Зачем, черт подери?

— Теперь уже поздно меня упрекать, — пробормотала Тора. — Я очень любопытна. Забылась. Да и не ожидала подобной реакции. Мне и в голову не приходило, что Йокулл примет мой вопрос так близко к сердцу. Зато по крайней мере теперь совершенно ясно — нам необходимо выяснить обстоятельства трагедии, произошедшей с тем парнем.

— Твое поведение абсолютно недопустимо, — продолжал укорять ее Мэтью. — Расспрашивать о судьбе человека, совершенно тебе незнакомого! Инвалида!

— Ну и что здесь особенного? Разве нельзя интересоваться судьбой инвалидов? — парировала Тора. — Ты брюзжишь, потому что голодный. Пойдем поедим, — сказала она, поднимаясь.

Мэтью немедленно оживился.

— Может, поедим не здесь? Есть поблизости другие рестораны?

— Конечно. В Гельнаре, например. Поехали туда. Вдруг разузнаем что-нибудь о местных привидениях и о Бергюре с фермы «Тунга»?

— Только не это, — простонал Мэтью.

Эйрикюр с трудом открыл глаза. Признанный специалист по чтению ауры страдал от сильнейшей головной боли. Такого с ним не случалось уже несколько лет. Он попытался шевельнуться, но не смог — к горлу подступила тошнота, и, прежде чем осмотреться, ему пришлось снова зажмурить глаза. Когда стало полегче, он попробовал оценить свое состояние. «Что случилось? Неужели я напился?» Однако привкуса алкоголя во рту не было, и он не помнил, чтобы прикасался к спиртному в последнее время. Внезапно в памяти всплыли карты таро, на которых он гадал в домике для услуги. На себя гадал, узнавал свою судьбу? Или чью-то еще? В душе осталось ощущение ссоры с Йонасом, но смысл разговора выветрился из памяти. Мысли метались во всех направлениях. Между тем боль усиливалась, зарождаясь в ногах, и, поднимаясь выше, становилась нестерпимой. Эйрикюр даже не мог определить, где именно у него болит. То ли пятки раздроблены, то ли что-то еще. Боль чуть утихла, и он почувствовал невыносимое жжение в подошвах. «Что со мной? Где я? В

гостинице?»

Эйрикюру показалось, что лежит он на чем-то теплом, но жестком. Он ощупал пространство вокруг себя — везде была трава. Или сено. Эйрикюр услышал странный звук, но источник его определить не смог. «Кто-то дышит? Значит, я здесь не один?» Он осторожно приоткрыл глаза. Вокруг было темно, только откуда-то из-за спины струилось неясное свечение. Никто на свете не заставил бы сейчас Эйрикюра обернуться и взглянуть на свет. В следующую секунду ему стало трудно дышать. Он едва сдерживал подступающую тошноту. Непонятно почему, но он и мысли не допускал, чтобы просто опорожнить желудок. Нужно было непременно узнать, где он находится и как сюда попал. Внезапно его осенило. «Деньги! Да, верно! Деньги и смерть!» Сердце заколотилось в груди. Эйрикюр медленно повернул голову в надежде, что память его обманывает. Но никакого обмана не было. Он лежал в конюшне. Без денег, зато с ощущением приближающейся смерти. Ужаснувшись, он перестал себя контролировать, и его тут же вывернуло наизнанку. Он ненадолго отвлекся и перестал вслушиваться в тишину. Однако вскоре его опять охватил ужас — он различил громкое ржание. «Откуда оно доносится? С какой стороны находится лошадь?»

Эйрикюр заставил себя приподняться и открыть глаза, отчего снова подступила тошнота, но теперь он сдержал ее. Опустив голову, он посмотрел себе на грудь и, несмотря на всю странность ситуации, сразу же понял, откуда шел мучивший его отвратительный запах. Первым желанием было закричать, но неимоверным усилием он сдержался. Крик замер в горле. Затем он заставил себя оторвать взгляд от болтавшейся на кусках кожи головы и сосредоточиться на разворачивавшемся над ним действии. Желание жить оказалось сильнее стремления избавиться от омерзительного зрелища, хотя Эйрикюру страшно хотелось развязать узел грубой веревки, связывающей его с трупом. Он поднял голову.

Ноги. Четыре мощных ноги. Так ему и было сказано. «Никто ни о чем не догадается. Все подумают — произошел несчастный случай. Прискорбное происшествие со смертельным исходом, — вспоминал Эйрикюр. — Так не должно быть. Люди обязаны знать, что это убийство, а не глупость с моей стороны. Надо мной достаточно смеялись. Постоянно отпускали язвительные шуточки по поводу профессии. Мои способности читать ауру мало кто воспринимал всерьез. Не хватало только стать посмешищем и после смерти». Эйрикюр не мог допустить такого. Он принял неизбежное, но, решив оставить послание, начал лихорадочно искать способ донести его до людей. Он находился в конюшне, очень небольшой. Складывать в слова пучки соломы бесполезно, их раздует ветер. «Нет, я должен сделать надпись на твердой поверхности. Она уцелеет». Он огляделся и увидел совсем рядом стену. С неожиданной для себя решимостью, продолжая бороться с тошнотой, Эйрикюр пополз к ней. Он продвигался по сантиметру и молил Бога, чтобы тот дал ему силы нацарапать на стене всего несколько букв кольцом, украшавшим его палец. Дыхание животного нарастало. Эйрикюр на мгновение застыл, вспоминая. «Увидев тебя на полу, жеребец взбесится от страха, начнет метаться по конюшне и затопчет до смерти». Убедившись в относительной безопасности, он чуть успокоился и снова пополз к стене. Подняться он не мог — подошвы горели от нестерпимой боли, словно их кто-то поджаривал.

Упершись плечом в стену, Эйрикюр потянулся к ней рукой, согнув палец с кольцом. Он царапал буквы осторожно, но чуткое ухо коня сразу уловило подозрительный шум. К ужасу Эйрикюра, тот уставился на него карими глазами и заржал. Несчастный торопливо заскрежетал кольцом по стене, не отрывая взгляда от пегого жеребца. Вдруг конь, припав на передние копыта, развернулся к нему крупом и попытался ударить задними ногами, но не

достал. Единственной мыслью Эйрикюра в этот момент было — смогут ли по оставленным им царапинам разобрать имя убийцы? Поймет ли кто-нибудь его каракули? «Будь у меня хоть немного больше времени...» Со стороны лошади донесся угрожающий шум, и Эйрикюр инстинктивно закрыл голову руками.

Попытка защититься, столь же бесполезная, как надежда, что жеребец прочитает выведенные на стене три буквы: РЕР.

— Конь принадлежит моей жене. Сам я лошадей не люблю, — ответил Бергюр, наполняя чашки кофе. Руки у него тряслись, и на поверхности образовалась крошечная лужица.

Торольфур осторожно, стараясь не запачкать рукава униформы, облокотился на старенький кухонный стол.

— А что вы делали в конюшне, если лошадьми не занимаетесь и верхом не ездите?

— Лошадей следует кормить на ночь. Корм им даю я, — пояснил Бергюр, не поднимая глаз. — Для этого не нужно быть наездником.

За годы службы в полиции у Торольфура выработалось много привычек, одна из которых состояла в безоговорочной вере в свою интуицию, особенно во время допросов. Он всем своим нутром чувствовал — сидевший перед ним приниженный человек что-то скрывает.

— Разумеется, разумеется, — отозвался детектив и продолжил допрос: — Почему вы держите лошадей в закрытом помещении? Насколько мне известно, начиная с июня их обычно выпускают пастись на открытом воздухе.

— Мы сдаем лошадей в аренду. Бизнес принадлежит жене. Я просто помогаю ей при необходимости — кормлю животных, убираю в конюшне. — Бергюр откусил заусеницу с пальца на левой руке. — Мы давно собирались выпускать жеребца на пастбище, да все руки не доходили.

Выслушав ответ, Торольфур сделал в блокноте короткую запись.

— Когда вы поняли, что в конюшне что-то не так?

Бергюр пожал плечами.

— Если вы говорите о времени, то точно не помню. Часов я не ношу, телефона, — он кивнул на лежавший между ними мобильник Торольфура, — у меня нет. Могу сказать только примерно — почти сразу как вошел туда. — Бергюр замолчал и громко сглотнул слюну.

— Допустим. Но каким образом вы заметили неладное? Стойло, в котором находится жеребец, расположено в дальнем конце конюшни, и тем не менее вы направились именно туда.

Бергюр снова мучительно сглотнул.

— Я всегда первым кормлю жеребца. Он у нас еще не объезжен, и нрав у него крутой. Стоит ему заволноваться, и он становится неуправляемым. Людей он боится, не любит даже, когда я захожу в конюшню. А поев, становится спокойнее. Поэтому я сразу же иду к нему.

— Понятно, — сказал Торольфур. — Жеребец у вас крупнее остальных лошадей и ограждения его стойла — выше. Правильно? — Бергюр молча кивнул, и Торольфур продолжил: — А почему? Потому что он легко возбуждается и становится неуправляемым?

— Не совсем. Жеребцов всегда ограждают надежнее, чтобы они не контактировали с другими лошадьми. Они могут укусить их, лягнуть — в общем, наделать бед. Даже насмерть забить.

— То есть характер вашего жеребца можно назвать обычным? Никакой особой злобой он не отличается? Ну, раз все жеребцы представляют угрозу для других лошадей, — заметил Торольфур.

— Особой — нет. Жеребцы намного агрессивнее мерингов и кобыл, — негромко пояснил Бергюр. — Правда, наш на редкость дикий и жестокий. Могу сказать с уверенностью, хотя в лошадях совершенно не разбираюсь.

— Отлично, — заметил Торольфур, ни к кому конкретно не обращаясь. — Стало быть, вы говорите, что первым делом направились в сты...

— В стойло, — поправил Бергюр.

— Хорошо. Стойло, — произнес Торольфур. — И тут же увидели лежавшего человека. Или кого вы там сразу увидели?

— В общем, примерно так, — ответил Бергюр. — Деталей я не помню, потому что сначала просто глазам своим не поверил.

— И все же постарайтесь вспомнить, кого вы заметили первым, — упорствовал Торольфур.

— Кажется, сначала лису, а уже потом — человека. Помню, мне бросилась в глаза кровь на соломе. Я еще подумал, что лошадь порезалась. Затем я увидел разорванную лису и решил было, что кровь — ее, но потом... — Бергюр начал задыхаться. С большим трудом ему удалось взять себя в руки. — Ужасно. Там лежал мужчина. Я не знал — жив ли он. Всмотрелся повнимательней и все понял. Мужчина был мертв. — Бергюр несколько раз глубоко вдохнул: — Ужасно. Господи помилуй.

— Странно. Выходит, вы еще не привыкли к подобным зрелищам? — спросил Торольфур, барабанив кончиками пальцев по столу.

Бергюр посмотрел на него со смешанным чувством удивления и страха.

— О чем вы говорите?

— О том, что в течение нескольких дней вы дважды наталкиваетесь на обезображенные трупы. По идее вторая встреча должна пройти намного легче, — заметил Торольфур. — Странное совпадение, не так ли?

— Не понимаю, к чему вы клоните и как я должен реагировать, — пробормотал Бергюр. — Я не собирался вторично наткнуться на труп. Надеюсь, больше со мной такого не случится. Никогда. — Он впился взглядом в лицо Торольфура. — Вы думаете, я имею отношение к этим случаям? Ровным счетом никакого.

— Я ничего не думаю. Может быть, и не имеете. Но все равно факт интересный, правда? — проговорил Торольфур, пристально глядя на Бергюра.

— Абсолютная случайность, — пролепетал тот. — Какие могут быть сомнения!

— И вы не в состоянии объяснить, как такое произошло в вашей конюшне? — напирал Торольфур.

— Не знаю... — Бергюр мучительно искал ответ. — Несчастный случай. Наверное, охотник преследовал лису и случайно зашел туда. Или кто-нибудь пострашнее.

— Пострашнее? Кого вы имеете в виду? — заинтересовался Торольфур.

— Ну, есть мужчины, которые удовлетворяют свои потребности с животными. Может, это один из них, — залился краской Бергюр.

— Тогда он принес бы с собой ящик, чтобы встать на него, вы не считаете? И как в таком случае вписывается в общую картину лиса? И при чем здесь булавки? — сыпал вопросами Торольфур с ледяным лицом. — Все ваши объяснения неправдоподобны.

Бергюр выпрямился.

— Я же не расследую дела! Я понятия не имею, с какой стати он забрел в конюшню. Вы меня спросили, я ответил. Я лично не имею к его гибели никакого отношения.

— Вот и замечательно. Но сарай-то ведь ваш.

— Не сарай, а конюшня. Лошади не домашний скот, их в сараях не держат, — раздраженно сказал Бергюр, но, подавив внезапно охватившее его недовольство, сдержанно прибавил: — Я плохо себя чувствую. Еще не оправился от пережитого ужаса. Боюсь, не смогу больше отвечать на ваши вопросы. — Он опустил голову и уперся взглядом в стол.

— Да мы с вами почти закончили. — В голосе Торольфура не было ни малейшего сочувствия к сидевшему напротив человеку. — Я заметил на одной из стен в конюшне ружье. Оно ваше?

— Да, — ответил Бергюр. — Мое. Вы не найдете здесь ни одного фермера, у которого не было бы ружья. — Он мрачно посмотрел на полицейского. — Мужчина умер не от пули. При чем тут ружье?

Торольфур бесстрастно улыбнулся.

— Лиса умерла от пули. Случайно, не вы ее убили?

Бергюр нервно теребил край скатерти.

— Нет, не я. А может, и я. Откуда мне знать?

— Как же так? — изобразил удивление Торольфур. — Простите, я вас не понимаю. Потрудитесь ответить более внятно. Вы не знаете, убивали лису или нет?

Бергюр оставил скатерть и посмотрел на полицейского.

— Я стреляю лис, потому что они разоряют гагачью колонию. Однако за последние месяцы не убил ни одной. Правда, несколько дней назад я стрелял в лису, но она ушла. Я ее ранил — на месте, где она была, остались кровь и клочья шерсти. Возможно, она умерла позже. Не знаю. Может, это та самая лиса.

— Значит, не знаете, — холодно произнес Торольфур. — Ладно. Тогда объясните мне еще кое-что, а к остальному мы вернемся потом.

— Я не могу больше разговаривать, — взмолился Бергюр, явно утомленный беседой. — Действительно не могу.

— Нет проблем, — согласился Торольфур, хлопая себя по ляжкам. — Тогда всего два маленьких вопроса, и на сегодня закончим. Первый: вы обычно запираете конюшню? И второй: вы знаете погибшего?

Бергюр продолжал глядеть в пол.

— Конюшню мы никогда не запирали. Не видели необходимости. До сегодняшнего дня. — Он поднял голову и устало посмотрел на Торольфура. — Не могу сказать, знаю ли я погибшего. Сами видели, в каком состоянии его лицо. Кто он — мне неизвестно.

— Вот и отлично. — Торольфур начал было подниматься, но остановился. — Простите, совсем забыл. Самый последний вопрос! — воскликнул он.

Бергюр окинул его взглядом, полным смирения.

— И какой же?

— На одной из стен конюшни мы нашли надпись. Точнее, даже не надпись, а три нацарапанные буквы. Когда их там оставили — мы так и не смогли определить.

— Буквы? — удивился Бергюр. — Я не помню никаких букв. Что за буквы?

— Похожие на PER. Вам они о чем-нибудь говорят?

Бергюр покачал головой.

— Нет. Я ни разу их там не видел и не знаю, что бы они могли означать.

По выражению лица фермера Торольфур определил, что тот говорит вполне искренно. Тем не менее в процессе разговора его первоначальное ощущение переросло в уверенность.

«Этот чертов селянин определенно что-то скрывает, — подумал детектив. — Но что?»

— Не будь я таким голодным, предложил бы поехать в другое место, — сказал Мэтью, открывая дверь и пропуская Тору вперед. Ресторан, в который они попали, специализировался на вегетарианской пище. Листки с восторженной рекламой и перечнем блюд, облепившие дверные стекла, оставили Мэтью, мягко говоря, равнодушным.

— Пиво, в сущности, тот же овощ, — улыбнулась Тора. — Потому что производится из овощей.

Мэтью изумленно воззрился на нее.

— Не знаю, откуда ты черпаешь свою информацию о пиве, но, поверь мне, это не так. В большинстве случаев пиво — зерновой продукт.

— Зерновой продукт — опять же овощ, — отозвалась Тора и оглядела зал в поисках официанта, который проводил бы их за столик. — Хотя ладно, не важно, — бросила она, заметив у стойки бара знакомую женщину, и толкнула Мэтью локтем в бок. — Посмотри на ту даму. Она работает в отеле. Имеет смысл переброситься с ней парой слов, как ты считаешь?

— Я не двинусь в бар, пока не увижу меню и не сделаю заказ, — заупрямился Мэтью. — Да и то при условии, что у них есть соленый арахис.

— Договорились, — согласилась Тора и улыбнулась подошедшему официанту. — Сначала мы пройдем в бар, если можно, но заказ нам хотелось бы сделать побыстрее. Пожалуйста, принесите меню. Хорошо? — прошептала она и под руку с Мэтью направилась к бару. По сравнению с залом ресторана он оказался совсем маленьким. Тора опустилась на стул рядом со знакомой, Мэтью устроился возле большой чашки с арахисом.

— Привет, — сказала Тора, наклоняясь к женщине, чтобы та ее заметила. — По-моему, вы работаете в отеле у Йонаса.

Дама была уже изрядно навеселе. Перед ней стояли высокий недопитый бокал с зеленоватой жидкостью и блюдечко с вишенками из коктейлей на тонких пластмассовых шпажках. Несколько секунд она постигала смысл вопроса, пытаясь сконцентрировать взгляд. Глаза ее, казалось, разбегались в разные стороны. Однако заговорила она абсолютно твердым голосом. Не видя ее, Тора никогда бы не определила на слух, что женщина абсолютно пьяна.

— Пойдите, я тоже вас, кажется, знаю, — заметила она. — Мы знакомы?

— Нет, но несколько раз сталкивались в отеле. Меня зовут Тора. Я выполняю небольшую работу для Йонаса. — Она протянула руку, и женщина вяло ее пожала.

— Понятно. Теперь я вас припоминаю, — ответила она и представилась: — Стефания, сексопатолог. Тржусь в отеле, как вы уже знаете.

Тора постаралась сдержать удивление, понимая, что собеседницу это не порадует.

— Вот как? Беспокойная, наверное, работа?

Женщина пожала плечами и отхлебнула коктейля.

— Когда как. Иногда — беспокойная, иногда — не очень. — Она поставила бокал на стойку и облизнула ярко-красные губы. — Йонас говорит, все образуется, но я ему не верю. Сказать по правде, дела идут неважно. Как бы вообще бизнес не рухнул.

— Подумать только, — сочувственно проговорила Тора. — Но все равно, работать здесь — одно удовольствие. Место чудесное.

Женщина фыркнула.

— Вот уж точно. Очаровательное местечко. — Она покосилась на Тору, с трудом удерживая ее в поле зрения.

— Вы намекаете на привидение? — поинтересовалась Тора. — Оно вас сильно беспокоит?

Стефания покачала головой:

— Нет. Я, к счастью, вечерами ухожу из отеля. Привидение появляется там ночью, когда меня нет. Ни разу не слышала, чтобы привидение являлось днем. — Она поправила выпавший из прически локон. — Нет, беспокоят меня не призраки, а женщины, — вздохнула она. — Все проблемы от них. Вот было бы здорово, если бы в отеле работали одни мужчины! — хихикнула Стефания. — А из женщин — только я.

— Ну разумеется, — согласилась Тора. — Но кто из них вам особенно досаждают? Их там не так и много. Я разговаривала только с Вигдис, администратором.

— Вигдис, пигдис, — пробормотала Стефания. — Первая сука. Сука из сук.

— Да что вы говорите?! — изумилась Тора. — Я, конечно, близко ее не знаю, но мне она показалась нормальной. Хотя допускаю, что могу и ошибиться.

— Вот именно, — прошипела Стефания. — Она терпеть меня не может, хотя я ничего плохого ей не сделала. — Ее взгляд стал вдруг серьезным. — Я часто анализировала ее поведение, пыталась узнать, что с ней происходит. — Она сделала театральную паузу и продолжила: — И в конце концов все поняла. Она меня боится. Я представляю для нее серьезную угрозу. Сексуальную, — торжествующе оглядела она Тору.

— Как это? — спросила та, искренне не понимая смысла сказанного. — Почему она вас боится? Думает, вы ее изнасилуете?

Стефания расхохоталась. Смех ее был мелодичным и непритворным — полная противоположность состоянию.

— Нет, дело совсем в другом. Она видит во мне сильного конкурента, более привлекательного. Потому и опасается. Я сексуальнее, и это понятно безо всякого рентгена. — Стефания поднесла к губам бокал и сделала несколько глотков. — Я нутром чувствую, как ко мне относятся женщины. И поведение их знаю как свои пять пальцев.

Мэтью тихонько потянул Тору за рукав.

— Может, сделаем заказ? Пойдем обедать, я умираю от голода.

Тора посмотрела на стоявшую перед ним опустошенную чашку.

— Сейчас пойдем. Минутку. Можешь позвать официанта.

— Себе я уже выбрал. А ты что будешь есть? — Мэтью протянул Торе меню, но та отстранила его.

— Выбери на свой вкус.

Мэтью замахал официанту, а она вернулась к разговору со Стефанией.

— Раз уж мы заговорили о женщинах... вы знали Бирну? Архитектора?

Выражение лица Стефании мгновенно изменилось.

— О Господи, — с трудом проговорила она. — Кошмар.

— Совершенно верно, — кивнула Тора. — Так как насчет Бирны? Она тоже вас раздражала?

— Нет. Она не раздражала, — ответила Стефания и одним большим глотком допила коктейль, затем выловила в бокале вишенку, кинула в рот и, высосав остатки напитка, церемонно возложила расплюснутую ягоду на стойку, рядом с блюдечком. — Трагическая новость просто-таки опустошила меня. Не знаю, как и реагировать на такое. — Она снова

повернулась к Торе. — Вообще-то воскресными вечерами я захожу сюда редко. Хотя и живу неподалеку.

— Понимаю вас, — сказала Тора, не уловив связи между заявлением Стефании и их разговором. — Вижу, вы хорошо знали Бирну. Может быть, знаете и того, кто хотел бы причинить ей вред?

Стефания подняла пустой бокал и покрутила им в воздухе.

— Конечно, знаю, — спокойно ответила она.

— На самом деле?! — воскликнула Тора, не сдержав радостного удивления. — И кто же это?

Стефания оглядела ее.

— Я давала клятву не разглашать конфиденциальную информацию. Сексопатологи те же врачи. Или адвокаты.

Тора едва сдержалась, чтобы не расхохотаться, до того невероятной показалась ей аналогия. Однако, поразмыслив, нашла ее отчасти справедливой — ее коллега Браги, большой дока в бракоразводных процессах, нередко основывался в своих решениях именно на свидетельствах сексопатологов.

— Нет правил без исключений. К тому же я адвокат. Ради общественного блага можно и нарушить клятву.

Стефания ненадолго задумалась и в конце концов сдалась.

— Что ж, если вы адвокат, то вам можно и сказать. Я сообщу только имена, а уж вы, будьте любезны, никому их не передавайте. И клятву я нарушаю не ради какого-то общественного блага, а ради вас.

Тора ушам своим не поверила. Она уже приготовилась выдавливать информацию из Стефании по капле, а та вдруг решила открыться, да еще так быстро. «Хотя дамочка уже успела набраться и забыла о необходимости хранить сексотерапевтическую тайну», — усмехнулась она про себя.

— Я никому ничего не скажу, уверяю вас, — пообещала Тора.

— Отлично, — отозвалась Стефания. — С тех пор как я услышала о гибели Бирны, меня мучают угрызения совести, но я ни с кем не могу ими поделиться. Возможно, после разговора с вами мне станет легче. — Она уставилась на Тору. — Так вы обещаете никому не передавать мои сведения?

— Обещаю, — не моргнув глазом ответила Тора и скрестила за спиной пальцы, потому что собиралась поделиться информацией с Мэтью. — Кто же хотел причинить вред Бирне?

Стефания, похоже, едва дождалась момента открыть кому-нибудь свой секрет и затараторила с невероятной скоростью:

— Она завела любовную интрижку с одним фермером из местных. Зовут его Бергюр, и живет он на ферме «Тунга». Они вели безудержную сексуальную жизнь. И вот однажды Бирна мне сообщила, что отношения с этим фермером зашли якобы слишком далеко.

— И вы помогли ей? — спросила Тора. — Посоветовали не встречаться? Разрыв с сумасбродом мог стать для него веским основанием расправиться с Бирной.

Стефания поставила бокал на стол.

— Нет, все было не так. — Она прикусила кончик алого ногтя, и на нем образовалось белое пятнышко от содранного лака. — Я не советовала ей бросить фермера. Рекомендовала оставить все как есть, потому что грубый секс, в общем, вполне невинен.

— Ох, — выдохнула Тора. — Теперь я понимаю, почему вы чувствуете себя так

неспокойно.

Стефания медленно кивнула, снова повернулась к Торе и только теперь обратила внимание на сидевшего за ней Мэтью. До этого, поглощенная своим несчастьем, она попросту его не замечала. Торе очень не понравилась ее плотоядная улыбка.

— Кто это? — вкрадчиво поинтересовалась сексопатолог. — Ваш друг?

Тора решила раз и навсегда обрубить Стефании все подходы к Мэтью.

— Один знакомый иностранец. Приехал сюда отдохнуть после лечения. — Она наклонилась к самому ее уху и заговорщицки подмигнула. — Он болен СПИДом. — Тора выпрямилась и сделала грустное лицо.

Глаза Стефании расширились.

— Какой позор, — разочарованно сказала она. — Хотите, я научу вас получать удовольствие от секса без полового акта? Очень забавная методика.

— Нет, не стоит, — печально ответила Тора. — Я уже свыклась. Но за предложение все равно спасибо. — Она повернулась к Мэтью и сказала по-немецки: — Пойдем, нам скоро принесут еду.

Стефания игриво ему улыбнулась.

— Для вас самое главное — хорошо и регулярно питаться, — посоветовала она дружеским тоном.

— Да, правильно, — ответил Мэтью, удивленный и тронутый неожиданной заботой.

Тора обняла Стефанию за плечи.

— Громадное вам спасибо. Мы непременно встретимся. Моя работа над проектом, который реализует Йонас, продлится еще некоторое время.

Стефания изумленно на нее посмотрела.

— Разве вас не интересует имя второго человека?

— Какого человека? — переспросила Тора.

— Как какого? Желавшего причинить вред Бирне, — раздраженно ответила Стефания.

— Ах да, — спохватилась Тора. — Конечно же, интересует. Как его имя?

Стефания наклонилась к ее уху так близко, что едва не коснулась губами.

— Его зовут Йонас, — прошептала она.

Тора увидела подъезжающие полицейские машины. Сразу три. Определенно намечалось какое-то важное действие. Машины медленно въехали на засыпанную гравием автостоянку перед отелем и встали рядом, в дальнем углу. Стук дверей нарушил тишину, когда шестеро полицейских, среди которых оказалась одна женщина, стали выбираться наружу.

— Что еще могло случиться? — Тора удивленно посмотрела на Мэтью. — Они же хотели приехать только завтра.

Мэтью не ответил, и Тора молча наблюдала, как вся группа направилась в холл, где они сидели с бокалами вина в руках, наслаждаясь вечерним солнцем. Она осталась голодной, поскольку Мэтью, неправильно истолковав ее равнодушие к меню, заказал Торе лишь салат из свежей зелени.

Себе он попросил овощную лазанью, но, когда ее принесли, чуть не заплакал — на тарелке было не больше ложки. Не утолила голод и двойная порция булочек.

Двух полицейских офицеров Тора сразу же узнала, поскольку это они разговаривали с Йонасом и конфисковывали его мобильный телефон. Старшего, кажется, зовут Торольфур.

— Добрый вечер, — сказала она ему, когда полицейские поравнялись с их столиком.

— Привет, — сухо бросил тот.

— Я не ожидала вас раньше завтрашнего утра. Что-нибудь случилось? — спросила Тора.

— Наши планы изменились, — быстро пробормотал он, не остановившись и даже не взглянув на нее, и вместе с остальными скрылся в дверях отеля.

Тора откашлялась.

— В данном деле я не могу понять только одного. — Она взглянула на побледневшего Йонаса, сидевшего рядом с ней. — Зачем вам понадобился мой клиент? Конюшен у него нет, и я не представляю, как он может быть связан с возникшими в расследовании новыми обстоятельствами. — Она твердо посмотрела в глаза Торольфуру. — Жду вашего ответа.

Настала очередь детектива откашляться.

— По-моему, все вполне очевидно. Сначала на берегу, в непосредственной близости отсюда, находят труп женщины, как оказалось впоследствии, работавшей на вашего клиента. Вполне естественная причина для немедленного выяснения, не пропал ли кто-то из постояльцев или служащих отеля. У нас есть основания полагать, что в обоих случаях действовал один и тот же человек.

Йонас подался вперед.

— Не могли бы вы называть меня по имени? Я чувствую себя неловко, когда меня именуют клиентом.

Тора хотела было одернуть Йонаса, но передумала и кивнула. Затем снова повернулась к Торольфуру.

— Иными словами, вы приехали сюда только затем, чтобы поинтересоваться у Йонаса, числится ли погибший среди постояльцев или сотрудников отеля? И не считаете его каким-либо образом причастным к обоим преступлениям?

Торольфур сцепил пальцы.

— Я так не говорил. Повторяю: расследование находится в самой начальной стадии. На данном этапе мы всего лишь пытаемся выяснить личность погибшего. Наши последующие решения будут зависеть от обстоятельств.

— Вы упомянули о конюшне, — напомнила Тора. — Могу я поинтересоваться, кто ее владелец?

— Можете, разумеется, — недовольно произнес Торольфур. — И я отвечу вам, если захочу. — Он щелкнул костяшками пальцев. — Впрочем, здесь нет никакой тайны. Конюшня является частью фермы «Тунга».

Тора непроизвольно вздрогнула, надеясь, что Торольфур этого не заметит, и спросила, стараясь держаться как можно естественней:

— Она расположена далеко отсюда?

— Первая ферма к западу от нас, — пояснил Йонас, радуясь возможности вставить слово.

— Понятно. Рядом с тем местом, где был обнаружен труп Бирны, не так ли? — Вопрос был адресован Торольфуру. Поскольку тот явно не намеревался отвечать, она продолжила: — Наверное, до прихода в отель вам следовало бы переговорить с обитателями фермы?

Тора решила до встречи с фермером не рассказывать полиции о его отношениях с Бирной. Она намеревалась сегодня утром отправиться к нему и уговорить признаться, ведь факт его связи все равно всплывет. После чего возможность поговорить с ним вряд ли останется.

— Давайте вернемся к цели нашего визита, — раздраженно предложил Торольфур и повернулся к Йонасу. — Полагаю, о существовании конюшни вы знаете?

— Да, — проговорил Йонас, — знаю и бывал там.

— Вы умеете ездить верхом? — поинтересовался Торольфур.

— Ни в коем случае, — заявил Йонас. — Правда, хотел бы научиться. У меня есть идея заняться лошадьми в будущем. Но не сейчас, когда идет строительство и нужно развивать отель.

— А что вы делали в конюшне, когда, как сами утверждаете, заходили туда? — продолжал спрашивать Торольфур.

— Ничего. Просто осматривал. Роза любезно согласилась показать мне помещение и лошадей, — ответил Йонас и торопливо добавил: — Роза — хозяйка конюшни. Жена Бергюра. Мы иногда встречались, случайно, и болтали о лошадях. Однажды она сказала, что хочет показать мне замечательного жеребца, недавно купленного. Это было довольно давно, примерно с полгода назад или даже больше.

— Вы знаете, как звали жеребца?

— Пойдите, дайте припомнить. Кажется, Морозец. — Он усмехнулся. — Хотя больше подошло бы имя Огонек. Никогда не видел такого норовистого коня.

Прежде чем задать следующий вопрос, Торольфур долго писал что-то в своем блокноте. Тора чувствовала себя неуютно. Ее крайне смущали все эти расспросы о конюшне. Она подозревала, что Торольфур стремится разузнать нечто определенное. Однако попытаться не стала, решив посмотреть, как будут дальше разворачиваться события. Наконец офицер оторвал взгляд от блокнота и посмотрел на Йонаса.

— Другими словами, вы полгода знали о конюшне, в которой находится норовистая, плохо обьеженная лошадь. Правильно я вас понял?

— Правильно, — отозвался Йонас, поднимая брови. — И что дальше? Зачем вы меня об этом спрашиваете?

— Пока просто так, — ответил Торольфур, снова что-то черкая в блокноте. — Кстати, о местных лисах. Вы могли бы мне о них что-нибудь рассказать?

Йонас перевел изумленный взгляд с Торольфура на Тору.

— Я должен отвечать на этот вопрос?

Тора кивнула. Ей не терпелось узнать, куда клонит полицейский. Йонас снова повернулся к Торольфуру.

— Честно говоря, я не совсем вас понял. Вы хотите узнать о лисах вообще или спрашиваете, есть ли у меня лисы?

— Меня вполне устроят сведения о тех лисах, что водятся в окрестностях, — с ледяной улыбкой объяснил Торольфур. — Хотя, если у вас имеются лисы или одна лиса, расскажите и о них.

Йонас, нахмурившись, откинулся на спинку кресла.

— Ну, лис я не держу. Зачем они мне нужны? У меня не звероферма. — Свой монолог он начал, глядя на Тору. Та недоуменно пожала плечами и попросила его продолжить. Йонас так и сделал, но говорил неуверенно, почти робко. Необычный вопрос его определенно смутил. — Лисы в наших местах, конечно, водятся. Мне известно, что они нападают на гаг, готовящихся к кладке яиц. Фермеры частенько жалуются на лис. — Йонас ненадолго замолк. — Знаю, что лисы были единственными млекопитающими перед заселением Исландии.

— Вы меня не совсем поняли, — мягко перебил Торольфур. Тон был дружелюбным, но глаза оставались по-прежнему холодными. — Я не просил вас читать мне лекцию по

естественной истории страны. — Он пригладил волосы. — Хорошо. Скажите, вам о чем-нибудь говорят буквы Р-Е-Р?

Йонас покачал головой:

— Нет, не говорят. — Он посмотрел на Тору. — Что означают эти буквы?

— Не имею понятия, — быстро ответила она и обратилась к Торольфуру: — Что вы хотите сказать? Говорите яснее.

— Подождите! — отрезал тот и перешел к следующему вопросу: — Есть у вас швейная мастерская или ремонт одежды?

— Нет, — сказал Йонас. — У вас пуговица оторвалась или где-то шов разошелся? — участливо поинтересовался он.

Торольфур, не ответив, продолжал расспрашивать:

— Вы делаете акупунктуру?

— Лично я — нет, но у меня была мыслишка вызвать сюда специалиста, — произнес Йонас, не переставая удивляться. — Акупунктура дает поразительные результаты в лечении многих заболеваний. Древнее и очень эффективное искусство. Один мой знакомый курил лет тридцать, причем сигареты «Кэмел» без фильтра...

Торольфур не дал Йонасу закончить свой рассказ.

— Спасибо, но я не поболтать сюда приехал, — жестко произнес он. — Пожалуйста, отвечайте только на мои вопросы. Желательно покороче — да или нет. — Он потер плечо, и Тора испугалась, что Йонас предложит полицейскому каменный массаж. — Итак, я вас спрашиваю: работает ли у вас специалист по акупунктуре или существует иная услуга, требующая использования булавок?

Йонас немного подумал и ответил в соответствии с пожеланием Торольфура:

— Да.

Офицер вздохнул.

— Какую услугу с применением булавок вы предлагаете?

Тора ободряюще кивнула Йонасу.

— В каждой комнате есть небольшой швейный набор в упаковке размером со спичечный коробок, рассчитанный на мелкий ремонт одежды. Могу принести вам один, если угодно. Насколько я помню, в нем несколько ниток разных цветов, обычная иголка с ушком, пара-тройка пуговиц и английская булавка.

— А швейные булавки в нем есть? — выразительно спросил Торольфур.

— Нет. — Йонас энергично затряс головой. — Уверен, что нет.

— Хотелось бы перед отъездом взглянуть и на сам набор, и на то место, где у вас хранятся запасные, — сказал Торольфур и, выдержав короткую паузу, сверкнул глазами в сторону Йонаса. — И последнее. Мне доложили, что в комнату Бирны кто-то проникал.

— Что?! — воскликнул Йонас, и брови его полезли вверх. — Я впервые об этом слышу. Откуда у вас такая информация?

— Вас это не касается. Скажите, известно ли вам имя человека, входившего в комнату, и время действия? — Торольфур продолжал жечь Йонаса взглядом.

— Я там не был, и не знаю, кто туда входил. Вы же сами закрыли номер в пятницу вечером и приказали не открывать. Могу поклясться, что я ваш приказ не нарушал. Да и нечего мне делать в номере Бирны.

— Хорошо, пусть так, — кивнул Торольфур и сделал в блокноте еще несколько записей. — В номере Бирны кто-то побывал. Наверное, у этого человека имелись веские

причины для незаконного вторжения. Остается выяснить, кто это. — Он снова впился взглядом в Йонаса.

— Откуда мне знать? Вероятно, убийца или кто там еще, — выпалил отельер.

— Вы обещали закончить допрос, — немедленно вмешалась Тора. — Йонас ответил на вопросы, которые вы назвали последними. Вам не кажется, что на сегодня достаточно?

Торольфур махнул рукой.

— Да, вполне. Придется продолжить беседу завтра. — Он повернулся к Йонасу. — Прошу вас никуда не уезжать.

Глаза отельера округлились. Он хотел было возмутиться, но Тора опередила его.

— Мы не собираемся никуда уезжать, — сообщила она полицейскому. — Хочу вам напомнить, что намереваюсь присутствовать на ваших беседах с Йонасом. Надеюсь, вы не станете возражать?

— Ни в коем случае, — заверил Торольфур. — Пожалуйста, присутствуйте.

Тора и Йонас вышли из комнаты, предоставленной полицейским для бесед с сотрудниками отеля. Фактически это была большая кладовка, где хранились швабры, тряпки, щетки и порошки для мытья полов. У одной из стен стоял стол, который некуда было больше приткнуть. Незадолго до беседы в комнатушку принесли стулья и кое-как расставили. Небольшая площадь не позволяла разместиться удобнее. В результате получилось нечто вроде плохонькой гостиной. Войдя сюда, Тора сразу почувствовала ее гнетущую атмосферу, явно действовавшую на руку полицейским. Через несколько минут пребывания в кладовке противный запах порошков и влажных тряпок, вначале просто неприятный, становился невыносимым, усугубляя удручающее действие окружающей обстановки. Хотя в других обстоятельствах комнатушку с большой натяжкой можно было бы назвать приемлемой для временного пребывания. Тора с нескрываемым облегчением покинула помещение, усиленно размышляя о лисах, булавах и странном сочетании букв PER.

Йонас большими жадными глотками пил коньяк. Когда Тора сказала, что хочет переговорить с ним после допроса, он пригласил их с Мэтью в свою квартиру, небольшую, но уютную, с прекрасным видом на ледник. Сейчас его заслоняли Тора и Мэтью, сидевшие напротив окна на мягком кожаном диване, с бокалами минеральной воды в руках. Сам Йонас расположился в кресле.

— Они уверены, что и Бирну, и неопознанного мужчину убил я, — сказал он, делая очередной глоток. — Не хотите? — обратился он к гостям. — Коньяк неплохо успокаивает.

— Вы рассказали полиции все, что вам известно? — спросила Тора. — Ничего не утаили? Как вы объясняете лису, иглы, буквы?

— Никак. Я об убитом-то ничего не знаю, а уж о лисах, иглах, буквах и подавно. Я страшно перепугался. Думал, они расставляют мне какую-то ловушку.

— Едва ли, — возразила Тора. — Все это очень необычно. — Она дождалась, пока отельер прикончит рюмку и нальет себе вторую. — Скажите мне, Йонас... — Тот поднял на нее внимательный взгляд. — Вы знали о близких отношениях Бирны с одним из местных фермеров? С женатым, между прочим.

— Ну, я подозревал об их связи... — Лицо его вспыхнуло и приняло странное выражение.

— Вы, возможно, в курсе, что у этого фермера есть конюшня, та самая, о которой вам сообщили полицейские? — продолжила Тора.

— Конечно, в курсе, — ответил Йонас. — Но ничего им о ней не сказал.

— Почему? — удивилась Тора.

— Не сказал — и все. — Йонас отхлебнул коньяку.

— Наверное, потому что сами имели с Бирной личные отношения и не захотели еще больше увязнуть в расследовании, так? — спросила Тора.

— Возможно, — отозвался Йонас. Он напоминал провинившегося школьника, не признающего вины из страха наказания.

— Почему бы вам прямо не сказать мне, что вы были любовниками? — раздраженно проговорила Тора.

— Это была всего лишь мимолетная связь, — пояснил Йонас. — По крайней мере у меня нет причин на нее обижаться.

— То есть расстались вы спокойно? — Тора бросила взгляд на Мэтью, подавившего очередной зевок. Реакция была абсолютно естественной, поскольку разговаривали они с Йонасом по-исландски. Мэтью безучастно смотрел на ледник. Тора восхитилась его невозмутимым спокойствием — бывший муж давно затыркал бы ее своими замечаниями.

— В общем, да, — согласился отельер. Глаза его слегка остекленели, то ли от усталости — было уже за полночь, — то ли от алкоголя. — Я был не прочь продлить связь с ней, но она отказалась. Заявила, что я стар для нее, и отправилась искать кого помоложе.

— Ее заявление вас, естественно, не обрадовало, — заметила Тора. — Фактически из ваших объятий она сразу упала в объятия Бергюра?

— Совершенно верно, — хмуро ответил Йонас. — Именно так и получилось.

— Вам, я вижу, и сейчас не нравится такой поворот, — сказала Тора. — Извините, но ваше поведение мне кажется странным. После такого откровенного предательства вы не отказались от ее услуг, а, напротив, предложили и впредь здесь работать.

— Ничего странного. Повторяю — мы расстались по-хорошему. Да, она ушла от меня. Захотела быть с другим. Ну и что? Жизнь временами сурова, ничего не поделаешь. Она была прекрасным архитектором, понимала мои идеи, развивала отель. Я человек разумный и способен отделить бизнес от личных интересов.

— Рада за вас, — отозвалась Тора. — Будем надеяться, что во время допроса свидетелей не всплывет ничего противоречащего вашим словам. — Она посмотрела на Йонаса. — В любом случае ваши отношения с Бирной выглядят не лучшим образом.

— И почему же? — удивился Йонас. — Разве мне нельзя общаться с женщинами?

— Можно, можно, — досадливо отмахнулась Тора. — Только не с теми, которых потом убивают. Кроме того, неизвестно, кто погиб в конюшне. Возможно, Бергюр. Что тогда?

Йонас побледнел.

— Ну, я не знаю.

Тора хлопнула себя по бедрам, собираясь встать.

— Ладно, не будем все видеть в черном свете. Пока ничего не всплыло, а гибель мужчины в конюшне могла быть случайностью. Еще не ясно, что там произошло.

Йонас поднял на нее глаза.

— Не ясно, но связь между гибелью Бирны и неизвестного мужчины в конюшне определенно есть. Иначе не стала бы полиция расспрашивать меня про всяких лис, иглы и буквы. Нет, тут не подвыпивший батрак с чердака свалился.

Мэтью легонько обнял Тору за плечи. Они стояли на берегу, глядя на плещущиеся

волны. Тора захотела прогуляться перед сном, подышать свежим воздухом. Ее до сих пор преследовал запах моющих средств, мокрых тряпок и швабр. Если не пройтись, то от долгого нахождения в затхлом помещении непременно разболится голова. Она закрыла глаза и только-только собралась произнести что-нибудь романтическое, как зазвонил мобильник.

— Стоит выйти из отеля, как телефон тут же начинает надрываться. Ну почему связь плохая только там? — вздохнул Мэтью.

Тора торопливо выхватила из кармана телефон.

— Привет, Тора, — послышался женский голос. — Меня зовут Диза, я живу в соседнем с вами доме. Прошу прощения за поздний звонок.

— Ничего страшного, — ответила удивленная Тора. «Что там стряслось? Наш дом горит?»

— Я пыталась дозвониться до вас раньше, но телефон не отвечал.

— Я в Снайфелльсне, — пояснила Тора. — Сюда очень плохо проходит сигнал.

— Да, я знаю, что вас нет в городе. И вот почему звоню: я видела, как примерно в одиннадцать вечера кто-то увел ваш джип вместе с автоприцепом. Вы никому не отдавали ключи?

— Нет, — ошарашенно произнесла Тора. — Никому не отдавала. Спасибо, Диза. Я попытаюсь выяснить, что происходит. Или позвоню в полицию. Еще раз спасибо. — Она сбросила звонок и сразу же увидела на дисплее шесть одинаковых текстовых сообщений:

«Позвони мне немедленно — Гульфи исчез вместе с Солей».

Тора сначала застонала, а потом ее разобрал нервный смех. Она повернулась к Мэтью и устало проговорила:

— Никогда — ты слышишь? — никогда не заводи детей.

Тора кружила по автостоянке, пытаясь поймать сигнал. Мэтью с интересом наблюдал за ней.

— Почему бы тебе не позвонить из своего номера? — спросил он, потирая ладони и дрожа от холода. Погода стояла пасмурная, и Торе казалось, что они заблудились в поднимающемся от земли тумане или в опустившемся на землю облаке. После бесплодных попыток дозвониться до Гульфи накануне вечером ей хотелось немедленно определить местонахождение сына и джипа с автоприцепом. У парня не было водительских прав, он только заканчивал курсы. Тора опасалась, как бы он не пострадал на дороге. Сообщения, присланные на ее мобильный, разворачивали перед ней впечатляющий сценарий. В первом Гульфи выражал крайнее неудовольствие от посещения отца и невозможности уехать домой вовремя, как планировалось. Во втором он поведал Торе, что едва не рехнулся в обществе папаша. Третье было не менее эмоциональным: «Опять „Глаз тигра“! Все, мы линияем отсюда». Затем косяком пошли эсэмэски от бывшего мужа: он называл Гульфи несносным мальчишкой, а ее — бездарной матерью. Как правило, Гульфи вел себя довольно спокойно, серьезно относился к учебе и характером несколько не напоминал своего папашу. По молодости лет ему, правда, не всегда удавалось скрывать раздражение. Особенно он ненавидел увлечение отца караоке при ужасающих вокальных данных.

Многоразовое исполнение «Глаза тигра» явно оказалось последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Тора помнила, что Гульфи никогда не проявлял особой радости от встречи с родителем. Для Солей же гарантией хорошего настроения являлось наличие плейстейшн.

После развода Ханнес повстречал большую любительницу лошадей и вскоре, заразившись ее страстью, тоже стал заядлым лошадиником. Ни Гульфи, ни Солей его нового интереса не разделяли — Гульфи лошадей попросту боялся. В доме отца он чувствовал себя неуютно; страх, что тот потащит его кататься на лошади, висел над ним дамокловым мечом. Как Тора ни упрашивала мужа не мучить детей верховыми прогулками, тот ее не слушал, упорно повторяя: «Парню пора становиться мужчиной. Поездка верхом ему понравится. Уверяю, его потом за уши от лошадей не оттащишь».

Тора, ожидая ответа, размышляла, не позвонить ли родителям подружки Гульфи, но в итоге отбросила эту идею. Ее всегда коробило общение с ними.

Машину с автоприцепом взял Гульфи. Она поняла это из сообщения, присланного ей матерью девушки и настолько выходявшего за рамки обычной эмоциональности, что Торе было противно даже вспоминать его. Какими только словами та ее не поливала. Правда, Тора и сама бы, наверное, билась в истерике, узнав, что ее Солей, шестнадцатилетняя, да еще на девятом месяце беременности, отправилась покататься со своим юным дружкой, не имеющим водительского удостоверения и не научившимся толком водить, да еще и в машине с автоприцепом. Она мысленно возблагодарила звезды за то, что родители Сиги не догадались спросить, есть ли у парня права. Наконец Гульфи ей ответил.

— Привет, — услышала она его заспанный голос.

— Ты где? — спросила Тора.

— Как — где?

— Я говорю: где ты находишься?! — заорала она, забыв данное себе обещание

оставаться спокойной.

— Кто? Я?

— Да, ты! Где вы все находитесь?

Гульфи зевнул.

— Остановились возле Хверагерди, так мне кажется. Помню, мы вчера его проезжали.

Тора обругала себя за лень. «Нужно было чаще выбираться с детьми на природу. Хотя бы географию страны немного выучили». Для Гульфи юг Исландии располагался «где-то возле Хверагерди», а север — «где-то возле Акюрейри».

— Вы спите в прицепе? — спросила Тора и тут же спохватилась: — А кто это «мы»?

— Я и Сига, — ответил Гульфи и тихо прибавил: — Да, и Солей, конечно.

— Солей с тобой?! — завизжала Тора. — Ты и ее уволок? У тебя ведь даже водительского удостоверения нет! Ты не имеешь права водить машину, тем более с автоприцепом! Как ты мог взять беременную подругу и шестилетнюю сестру?

— Да ладно тебе. Нормально я вожу, — отозвался Гульфи с чисто мужской самоуверенностью. — А Солей мне пришлось взять с собой. Она не говорила, куда ты спрятала ключи, пока я не согласился. Она с радостью убежала, даже ей папашкин вой опостылел. Не могла по-человечески поиграть в плейстейшн.

Тора застонала.

— Гульфи, — заговорила она как можно спокойнее, — не двигайся с места. Сегодня вечером я приеду и отвезу вас домой. Вы где? На стоянке? В мотеле?

— Нет, — отозвался Гульфи. — Вряд ли на стоянке. Встали где захотелось. На обочину съехали и остановились.

— Понятно, — сказала Тора, подавляя желание заорать. — Выясни, где вы стоите, и дай мне знать. Пошли текстовое сообщение, звонить не нужно — тут связь отвратительная. И никуда не уезжай. Ты же не хочешь попасть в аварию и всех покалечить?

Вырвав из Гульфи обещание не трогаться с места, Торе оставалось лишь надеяться, что тот его сдержит. Обычно сын ее слушался, но если они припарковались на обочине или в другом столь же неподходящем месте и захотят поесть, у него обязательно появится желание поискать нечто более комфортное. Тора сунула мобильник в карман и повернулась к Мэтью.

— Ты понял, что я тебе вчера говорила? Если нет, то повторяю: не заводи детей. Никогда!

Тора постукивала по столу ручкой, зажатой большим и указательным пальцами.

— Тебе сподручнее думать под барабанную дробь? — поинтересовался Мэтью.

— От последних событий у меня голова идет кругом. Уж очень стремительно они развиваются. — Она отложила ручку и вопросительно посмотрела на Мэтью. — На чем бы я ни пыталась сконцентрироваться, мысли возвращаются к детям, спящим в автоприцепе. И зачем только я купила все эти железяки?

— Наверное, ты такая же предусмотрительная, как золотая рыбка, — улыбнулся Мэтью. Они находились в ее номере: Тора сидела за столом, в неудобном современном кресле, приобретенном явно за эффектный внешний вид; Мэтью вальяжно развалился на кровати, подложив под спину подушку. — Запиши известные тебе неопровержимые факты, — посоветовал он, устраиваясь поудобнее. — Остальное придет само собой.

Тора снова взяла ручку и задумалась. Она предложила Мэтью подготовиться к встрече с Бёркуром и Элин, продавшим унаследованную ими собственность Йонасу. Второй случай

основательно поговорить с ними ей вряд ли выпадет, поэтому она решила выжать из них максимально возможное.

— О'кей, — согласилась она и принялась записывать.

Когда Тора подняла голову, перед ней лежало три листа бумаги, заполненных крупными буквами с большими пробелами между строками, оставленными для правки. Кроме того, так легче было запоминать существенные мелочи. Собственно же текста оказалось не много. Она бросила взгляд на кровать, увидела, что Мэтью задремал, и громко сказала:

— Давай просыпайся!

Он вздрогнул, открыл глаза и тут же сообщил:

— А я и не спал. Уже закончила?

— Да, — ответила Тора, собирая листки. — Больше ничего не могу припомнить.

— Тогда прочти мне, — попросил Мэтью, поправляя подушку и устраиваясь повыше.

— Прежде всего — о привидении. Я разговаривала с десятком людей, и все они солидарны с Йонасом — привидение в доме водится. И хотя это люди доверчивые, я склонна полагать, что необычные вещи тут все-таки происходят.

— Ты не шутишь? — прервал ее Мэтью. — Какие факты подтверждают наличие призрака?

— Фактов нет, — согласилась Тора с некоторым раздражением. — Но дай мне сначала закончить. Я как раз собиралась сказать, что всем необычным вещам, вероятно, есть какое-то естественное объяснение. Большинство местных верят в сверхъестественное, поэтому все происходящее здесь странности характеризуют понятным им языком. Вместе с тем они могут иметь вполне нормальное объяснение. Думаю, следует определить источник странностей, а их всего три: появление привидений на лужайке, неясных образов в помещении и ночной плач.

— Четыре, — поправил щепетильный до мелочей Мэтью. — Ты забыла об отражении в зеркале, которое видел Йонас. Хотя не важно. Отражение — то же привидение. Хорошо, ну и как ты собираешься вразумительно объяснить данные явления? — спросил он. — Прodelками инопланетян?

— Ха-ха, — угрюмо отозвалась Тора без тени усмешки. — Допустим, стонать могли Бирна и Бёргюр, занимавшиеся сексом. Тем более местная сексологическая знаменитость утверждала, будто им нравился грубый секс. Вот они и орала во время оргазма. Кстати, эта мысль пришла мне в голову только сейчас. Да, сначала они металась по поляне в поисках укромного местечка, а потом уже плакали и стонали от удовольствия. Кому-то со стороны они показались привидениями.

— Я сам слышал плач и стоны и уверяю тебя — они не имеют ничего общего с сексом, — заявил Мэтью и покраснел, понимая, как отреагирует на его сообщение Тора — сочтет игрой воображения. — Причем к тому моменту Бирна была уже мертва.

Тора окинула его многозначительным взглядом.

— Не знаю, что уж ты там услышал, но думаю, тебе все это приснилось в дурном сне. — Заметив, что Мэтью собирается возразить, она торопливо продолжила: — Хорошо, я тебе верю. Надеюсь, объяснение звукам вскоре найдется. Я, во всяком случае, постараюсь отыскать его, поскольку все это может иметь отношение к убийствам.

— Но не развенчаешь ли ты тем самым все претензии Йонаса относительно скрытого дефекта? Ведь на них же дело и основано, — усомнился Мэтью. — Объяснив появление привидений, ты не сможешь потребовать компенсацию.

— Ты прав. Здесь-то и кроется основной недостаток. Однако надеюсь, Йонас говорит правду о причине, побудившей его к действию, — привидения отрицательно влияют как на служащих, так и на его бизнес. Если я смогу доказать наличие призраков и объяснить их появление естественными обстоятельствами, то все равно добьюсь главного. Служащие успокоятся, не будут угрожать Йонасу увольнением и перестанут требовать повышения зарплаты. Иными словами, я умиротворю обе стороны.

— Если они тебе поверят, — заметил Мэтью. — Знаешь, люди слушают, но не всегда слышат.

Тора отложила один лист и взяла другой.

— Как будет угодно. По крайней мере появится исчерпывающее объяснение. — Она посмотрела на него поверх листа. — Перехожу к убийству Бирны. Здесь есть несколько неясных моментов, нуждающихся в более тщательном рассмотрении.

— К примеру? — спросил Мэтью. — А, понимаю. Первым номером идет твой малости чокнутый клиент?

Тора едва удержалась, чтобы не запустить в Мэтью чем-нибудь тяжелым.

— Да, и он тоже. Разумеется, помимо остальных, — сдержанно ответила она. — Он может иметь большее отношение к убийству, чем нам представляется. По-моему, Йонас многое недоговаривает. Например не сразу сообщил нам о своей связи с Бирной. Было бы неплохо выслушать сторонний комментарий по поводу их отношений и расставания.

— Как ты расцениваешь сообщение, отправленное Бирне с его телефона? Верить, что он ничего не знал?

Тора пожала плечами:

— Черт его разберет. Независимо от того, кто отправлял сообщение — Йонас или нет, — мне кажется маловероятным, чтобы Бирну убил он. Он не пойдет на убийство, испугавшись последствий. Кстати, даже если это его сообщение, не факт, что впоследствии он встретился с Бирной. Помешали неожиданно возникшие дела или он просто решил не ходить. — Тора выдержала паузу. — Однако Йонас мог сообщить о встрече убийце, и тот воспользовался возможностью.

— Так кто же настоящий убийца?

— Не представляю, но Йонас должен его знать. — Тора покачала головой. — Впрочем, имени его он нам не скажет. Потому что прежде ему придется сознаться в отправке сообщения. Не думаю, чтобы нам удалось убедить его сделать это.

— Есть и вторая возможность. Убийца крадет телефон Йонаса и отправляет с него сообщение. Йонас уверяет, что оставляет свой мобильник где попало, — заметил Мэтью. — Шанс воспользоваться им был практически у любого постояльца или служащего отеля. Плюс люди, пришедшие в тот вечер на сеанс. Тут только одна проблемка — никто из них не имел достаточно времени, чтобы сбегать на пляж, убить Бирну и вернуться, — если преступление действительно совершили примерно в девять вечера, как явствует из отправленного сообщения.

— Согласна, — кивнула Тора, глядя в свои записи. — Переходим к фермеру. Он у меня стоит последним, поскольку имеет касательство сразу к двум убийствам — Бирны и неизвестного мужчины в его конюшне. — Она перевела взгляд с листка на Мэтью. — Один и тот же человек в течение трех дней дважды обнаруживает трупы. Довольно странное совпадение. Причем первый принадлежит его любовнице, а второй, пока еще не опознанный, оказывается на территории фермы. Поскорее бы выяснили личность

погибшего, очень любопытно.

Глаза Мэтью сузились.

— А почему ты исключила из списка подозреваемых жену Бергюра? У нее были веские мотивы избавиться от Бирны ради сохранения брака, разваливавшегося на глазах.

— Верно, — согласилась Тора. — Думаю, надо бы нам ее навестить. Только вот под каким предлогом?

— Назовемся специалистами по уходу за лошадьми. Согласимся очистить ее конюшню от навоза, — улыбнулся Мэтью. — Уверен, такого рода работники ей очень нужны.

Тора ответила кривой усмешкой.

— Думаешь, она совсем слепая? Да кто же поверит, что ты умеешь обращаться с лопатой? С таким же успехом ты можешь предлагать услуги репетитора по исландскому языку. — Она оглядела безукоризненно отглаженные брюки Мэтью. — Назовись лучше миссионером-мормоном. Для этого тебе даже не придется переодеваться.

Мэтью пропустил ее замечание мимо ушей.

— Может, сказать ей честно? — предложил он. — Поговорить с ними обоими, по отдельности, откровенно.

— А честно — это как? — насмешливо осведомилась Тора. — Сообщить, что мы подозреваем ее в убийстве? Нет уж, спасибо, — покачала она головой.

— Честность — понятие растяжимое, — возразил Мэтью. — Скажи, будто всего лишь расследуешь появление привидений. Тоже чистая правда.

Тора задумалась.

— Знаешь, а это мысль. Они ничего не заподозрят, когда я начну расспрашивать их о ферме и здешних местах. Замечательная идея.

— Кто там еще у тебя остался? — спросил Мэтью. — Неужели ты ограничилась всего тремя кандидатами?

Тора быстро пробежала глазами страницу.

— Нет, конечно. Есть еще загадочный байдарочник Тростур Лауфейярсон. С ним нам тоже необходимо переговорить.

Мэтью недоуменно пожал плечами.

— Твои подозрения основаны на единственном факте — он уплыл, хотя видел нас на берегу и слышал, как ты звала его?

— Помимо прочих — да, — ответила Тора. — Еще мне кажутся странными японцы, отец и сын, хотя допускаю, что ошибаюсь. Игра воображения, — пояснила она и снова уткнулась в листок. — Официант из отеля, Йокулл, крайне негативно отзывался о Бирне. — Она пробежала глазами остаток страницы. — Престарелый политик Магнус — его я тоже не сбрасываю со счетов — определенно что-то скрывает. Он справлялся о Бирне сразу по приезде и в то же время отрицал этот факт.

— Ты шутишь, — рассмеялся Мэтью. — Древний старикашка, неспособный по немощи разбить цветочный горшок, в роли убийцы? Я не отрицаю: ему, возможно, есть что скрывать, — но ты представляешь, как он сначала отстукивает сообщение, затем бежит на пляж, прыгая по камням, и убивает молодую женщину? Кстати, а почему ты зациклилась на одних мужчинах? Убийцей вполне может оказаться и женщина.

— Кто например? — возразила Тора. — Администратор Вигдис? Или поддатая секс-инструктор Стефания?

— А почему нет? — твердил Мэтью. — Существует еще жена Бергюра, о которой я

недавно упоминал. Ты не сердись. Мы слишком мало знаем о деле, поэтому не советуем никого исключать.

Вздыхнув, Тора согласно кивнула:

— Ты прав. К сожалению, нам почти ничего не известно. — Она взяла последний листок. — Дальше идут вещи довольно любопытные, но, возможно, не имеющие ничего общего с убийством Бирны.

— Отлично. Давай выкладывай, развлечемся, — отозвался Мэтью.

— Прежде всего мне хотелось бы знать, кто такая Кристин. Бирна записала это имя в свой ежедневник. Не исключено, Кристин как-то связана с убийством.

Мэтью захохотал, но, заметив гневный взгляд Торы, сразу осекся.

— Хорошо, продолжай, — сказал он.

— Мне бы хотелось также проникнуть в студию Бирны и осмотреть ее. В номере я уже была и выяснила, что работала она в другом месте. Например, там нет компьютера.

— Ты Йонаса не спрашивала, где она могла работать?

— Нет. Меня эта мысль осенила только сейчас, когда я составляла список. Но я спрошу, будь уверен. Если кто-то рискнул забраться в ее комнату и перевернуть там все вверх дном, после того визита полиции, значит, есть ради чего рисковать.

— Абсолютно согласен, — кивнул Мэтью. — Только студия находится в Рейкьявике, и полиция наверняка ее уже опечатала и даже выставила охрану.

— Я почти уверена, что все записи о проекте, выполненном для Йонаса, именно там. Во всяком случае, Йонас так думает, — проговорила Тора, переворачивая последний листок. — Есть еще некоторые моменты... — Она углубилась в свои записи. — Не мешало бы нам все-таки найти могилу Гримура. — Тора оторвалась от бумаг и посмотрела на Мэтью. — А еще я сгораю от желания узнать, что произошло с тем молодым человеком в инвалидной коляске.

— Господи, — простонал Мэтью. — Вот только этого нам и не хватало.

— Я должна выяснить, как он стал инвалидом, — упрямо повторила Тора. — Почему взбеленился официант, когда я упомянула о нем? — Она снова перевела взгляд на страницу. — Нам также предстоит узнать, зачем полиция расспрашивала Йонаса про лис, булавки и что означают буквы Р-Е-Р. Нужно выяснить, кого именно убили на конюшне.

— Похвальное стремление — знать все, что хочется, — сказал Мэтью. — Некоторым людям для этого, правда, требуется целая жизнь.

Тора его не слушала.

— Да, и неплохо бы разузнать побольше о нацистском движении в Исландии, — закончила она, складывая листки.

— Нацисты, — мрачно произнес Мэтью. — Ты о них все-таки вспомнила. Я так и думал.

Они сидели в гостиной, заставленной полированной мебелью, и Торе казалось, будто она перенеслась как минимум на полвека назад.

— Так что Йонас весьма недоволен сокрытием данного факта во время подписания договора, — закончила она, откинувшись на спинку старого дивана, громадного, скрипучего, с толстыми подушками и звонкими пружинами, но поняв, что полулежит перед хозяевами, торопливо выпрямилась. К счастью, Тора была достаточно высокой, и когда со второй попытки прислонилась к спинке, ноги ее почти касались пола. Бёркур и его сестра Элин позвонили ей утром и пригласили в свой дом в Стиккисхольмюре. Тора приняла приглашение, решив не зазывать их в отель, и даже обрадовалась возможности, сменив обстановку, обдумать сложившуюся ситуацию.

Дом оказался одним из самых красивых и высоких в городе. С первого взгляда становилось очевидным, что возводил его человек с хорошим достатком. «Скорее всего их прадед», — подумала Тора. Сколотив немалое состояние на аренде шхун и имея достаточно здравого смысла и опыта, он сумел продать свой бизнес незадолго до того, как на смену шхунам пришли траулеры. Мэтью долго любовался зданием, отделанным гофрированным металлом. Оно и покрашено было великолепно — на фоне темных стен эффектно выделялись белые фронтоны, конек крыши, окна и водосточные желоба. Поскольку разговор предполагалось вести по-исландски, Мэтью предпочел остаться снаружи и осмотреть город. В результате Тора оказалась одна под настороженными взглядами Бёркура и Элин, восседавшей в роскошном кресле, величественно положив руки на подлокотники.

— Старушечьи бредни. Никогда бы не подумал, что в современном мире в них кто-то верит. Оставлять детей на верную смерть? Нет, мне нечего вам сообщить по этому поводу, — сухо заявил Бёркур. — Да и расскажи мы ему всю эту галиматью, не думаю, чтобы он переменял решение. Он рвался побыстрее завершить сделку. Его не интересовало даже, нерестится ли в нашей реке лосось.

— Учитывая природу его бизнеса, для Йонаса, в данном контексте, лосось имеет второстепенное значение, — приветливо ответила Тора. — А вот сверхъестественное является первичным.

Бёркур фыркнул.

— И какие же требования он выдвигает на основании этой чуши? Хочет получить скидку?

— Скидка — неплохой выход из создавшегося положения, — ответила Тора.

— Никогда не слышал ничего подобного, — взревел Бёркур. — Неужели адвокатов только для этого и нанимают? — Лицо его сделалось мрачнее тучи. Он бросил взгляд на сестру, неподвижно сидевшую рядом.

— Давайте еще раз все обсудим, — предложила та. — Уверена, мы сможем разрешить нашу проблему. Или сойдемся на мнении Бёркура? — обратилась она к Торе.

— Если бы дело касалось только компенсации или скидки, я бы ограничилась письмом, — сказала Тора. — Но я приехала сюда, надеясь найти иной способ.

— Компенсация, — недовольно пробормотал Бёркур. — Это я должен требовать у вас компенсации. Мне нужно быть на работе, а я сижу тут с вами, трачу время на дурацкие разговоры да белиберду всякую слушаю.

— Перестань, — раздраженно оборвала его сестра. — Твои сотрудники наверняка рады до безумия, что хотя бы ненадолго отделались от тебя. Они бы тебе еще и приплачивали, лишь бы ты уходил почаще.

Бёркур покраснел как свекла, но промолчал и снова обратился к Торе:

— У меня есть предложение. Передайте Йонасу, чтобы не лез к нам со своими глупостями. В деньгах мы не уступим, и на нашем месте так поступил бы каждый. Ни один суд не заставит нас сбрасывать цену из-за привидения в доме. — Он с минуту недовольно пыхтел, затем продолжил: — А уж такой заурядный адвокатишка, как вы, в любом случае проиграет дело.

Сравнение с третьеразрядным адвокатишкой Торе не понравилось, но она сдержалась, зная, что потеря самообладания в конечном счете ведет к поражению в дискуссии.

— Разумеется, вы сами определяете свои действия, — сказала она с ледяным спокойствием, — но только хочу вас предупредить — судьям очень не нравится иметь дело с людьми, которые не пытались урегулировать споры до процесса. Суд — это последняя инстанция, а не первая ступень.

Не глядя на брата, Элин положила ладонь на его пальцы, сжимавшие подлокотник кресла.

— Я вас понимаю, — кивнула она Торе. — Как, по-вашему, мы могли бы решить проблему иным способом? У вас есть конкретные предложения? — Она посмотрела на брата. — Мы открыты для обсуждения.

— Может, вызовем экзорциста? — рассмеялся Бёркур. — Идеальный вариант, кстати говоря.

Не обращая на него внимания, Тора продолжила говорить с Элин.

— Может быть, для начала выясним следующее: вы с братом знали о существовании на вашей ферме привидений?

— Да. Ну и что? — Элин крепче сжала пальцы Бёркура. — Однако со мной ничего странного не происходило, поскольку бывала я там крайне редко. Наша мать воспитывалась на «Креппе», где жил и наш дедушка Гримур. Его брат Бьярни владел поместьем «Киркюстетт», в котором Йонас построил свой отель, но он умер молодым. Даже если об этой ферме ходят какие-то слухи, мы можем их и не знать.

— А вы? — спросила Тора Бёркура. — Слышали о привидениях на фермах? Может, замечали там какие-нибудь странности?

Тот мотнул головой:

— Нет, конечно. Там нечего ни слушать, ни замечать. Никогда не признаю подобный вздор. — И прибавил грубовато-простодушным тоном: — Ведь я приезжал туда еще реже, чем Элин.

Тора вновь обратилась к сестре.

— Зачем вы так долго поддерживали ферму в хорошем состоянии, если там никто не жил? Я не видела «Киркюстетт» до постройки отеля, но видела «Креппу». Она в полном порядке. Полагаю, так же выглядела и ферма «Киркюстетт».

— Совершенно верно, — хладнокровно ответила Элин. — Мы присматривали за зданиями. — Она обвела рукой комнату. — Обратите внимание. Этот дом построил еще мой прадед. Мы и сюда приезжали редко. Иногда поодиночке, иногда вместе с братом.

— Дом — совсем другое дело, — возразила Тора, — но зачем вы присматривали за удаленными фермами? Какой в этом смысл?

— Видите ли, мать вложила в них много сил и не хотела ничего менять, поскольку планировала в старости туда переехать. Вот нам и приходилось поддерживать фермы в приемлемом состоянии. Правда, мечты так и остались мечтами, поскольку старому человеку комфортнее в Рейкьявике, чем в сельской местности. Медицинское обслуживание, уход и все такое прочее, — объяснила Элин и, немного помолчав, продолжила: — Тем не менее мы приглядывали за домами и после того, как наша мать заболела. Нам с Бёркуром подумалось, что, возможно, наши дети когда-нибудь туда переберутся. Нам с братом вполне хватает этого дома, но не будет ли он тесен нашим детям с их семьями?

— Тогда зачем же вы продали фермы? — удивилась Тора. — Десятки лет хранили их для своих детей, но едва те подросли, как вы расстались со своей собственностью. Элин, я встречалась с вашей дочерью, — для большей убедительности прибавила Тора. — С Бертой. Думаю, и другие ваши дети того же возраста.

Элин холодно улыбнулась.

— Да, так уж получилось. У меня всего один ребенок, дочь. У Бёркура два сына, и никто из них не выказал интереса жить в Снайфелльсне. Зачем же тогда держаться за ненужную собственность?

— А Берта? — поинтересовалась Тора. — Я разговаривала с ней, и мне показалось, она сюда часто навещается.

Элин ответила с той же ледяной улыбкой:

— Берта проводит здесь много времени, это правда. Однако Бёркур согласился продать мне свою часть дома. Поэтому у нас с дочерью нет необходимости иметь два дома в Западной Исландии. У нашей семьи и без этих ферм достаточно недвижимости, и постепенно мы от нее избавляемся.

— В этой части Исландии у вас есть еще фермы? — спросила Тора.

— Да, и немало, — вмешался Бёркур, которого так и распирало от гордости.

Тора нахмурилась.

— Тогда почему вы продаете Йонасу только две фермы, а не всю здешнюю собственность? — удивилась она, забыв, что с самыми дорогими, близкими сердцу вещами люди расстаются в последнюю очередь.

— Йонасу требовалась земля со старыми зданиями, — ответил Бёркур. — Узнав о расположенных рядом фермах, он немедленно загорелся желанием их купить.

— Кроме того, он сделал нам весьма выгодное предложение, — вставила Элин. — Нам оно понравилось, и мы решились на сделку. Результат вам известен.

«Не кроются ли здесь совсем другие причины?» — подумала Тора, но допытываться не стала, хотя ответы показались ей неубедительными. Особенно подозрительно вела себя Элин — говорила осторожно и кратко. Решив не раздражать ее дальнейшими расспросами о причинах продажи, Тора сменила тему:

— Вам хорошо известна история ферм?

— Что вы имеете в виду? — уточнила Элин. — Разумеется, какой-то информацией мы обладаем, но далеко не всей. Точнее сказать, родословную и их историю я представляю себе довольно слабо. — Она убрала ладонь с пальцев Бёркура, повела ею в его сторону. — Мой брат, думаю, тоже немного может вам поведать.

Бёркур подтянулся, откашлялся и произнес:

— Я всегда хотел заняться историей ферм поплотнее, да времени вечно не хватает. Я слишком загружен.

— Но ваша мама наверняка что-то рассказывала? — не поверила Тора. — Неужели вы ничего не запомнили?

— Она редко говорила с нами о своей жизни, — ответила Элин. — Молоденькой девушкой она переехала с бабушкой в Рейкьявик. — Опустив голову, Элин устала сидеть на своих коленях. — Ни для кого не секрет, что жизнь ее не была усыпана розами. Криструн, наша бабушка, умерла, когда мама была еще совсем маленькой. Насколько мы можем судить, дедушка не являлся образцовым родителем. Он был не совсем здоров, лечился, но после смерти бабушки так и не поправился. — Элин снова посмотрела в глаза Торе. — К сожалению, я его не помню, поэтому ничего определенного сказать не могу. В любом случае человеком он был неплохим.

— Отзываетесь вы о нем довольно прохладно, — заметила Тора. — Он чем-то обидел вашу мать?

— Отчасти, — кивнула Элин. — Он совершил самоубийство. Матери было всего девятнадцать. О себе могу сказать точно — никогда не допущу, чтобы мои дети обнаружили меня умершей таким недостойным образом. Вот почему, несмотря на некоторые его достоинства, я считаю его плохим родителем.

— Хватит об этом, — прервал ее Бёркур. — Ты отлично знаешь — он был психически болен. Патологически депрессивные типы не живут по стандартам, принятым среди нормальных людей. От них нельзя требовать невозможного.

Элин злобно сверкнула на него глазами и снова повернулась к Торе.

— Конечно, в чем-то мой брат абсолютно прав. Я очень люблю мать, поэтому не могу избавиться от обиды. Отец и огорчил, и подвел ее. — Она оглядела комнату. — Я уверена — мать заботилась о ферме, потому что, когда жила там, все было прекрасно. Но едва они переехали в город, болезнь дедушки стала прогрессировать. Заботясь о ферме, она сохраняла свои воспоминания о счастливом детстве.

— Понимаю, — отозвалась Тора. — Нелегко ей пришлось. — Она сочувственно взглянула на брата и сестру. — На кладбище возле фермы я видела могилу вашей бабушки, а вот захоронения вашего дедушки Гримюра не нашла. Могу я спросить, почему он не погребен рядом с ней?

Элин поджала губы.

— Так захотела мама. Он не оставил никаких распоряжений относительно места погребения, и мама решила не хоронить его рядом с бабушкой. Однако, мне кажется, она просто похоронила его поближе к себе, поскольку в то время они жили в Рейкьявике.

«Странный аргумент», — мелькнуло в голове Торе. Она поерзала на диване, стараясь устроиться поудобнее.

— Скажите, вам известно что-нибудь о вашем двоюродном дедушке Бьярни — он некогда жил на ферме «Киркюстетт»?

— Он умер молодым, от туберкулеза, — сказал Бёркур, довольный тем, что успел ответить первым. — Жена его скончалась рано. Братья вели одинаковый образ жизни. Два вдовца с дочерьми на руках.

— Она умерла чуть позже, — проговорила Тора. — Я имею в виду его дочь Гудни. Также от туберкулеза.

— Да, — быстро ответила Элин. Торе показалось, что ей не нравится, когда брат перехватывает инициативу в разговоре. — Они оба долго болели, а ехать в Рейкьявик и лечиться в санаторий, как тогда назывались туберкулезные клиники, отказывались. По-

моему, правильно, все равно ничего бы не изменилось. Хотя, честно говоря, о туберкулезе я знаю мало. А вернее, ничего не знаю. Дедушка как мог заботился о них, он все-таки был врачом. К сожалению, его знаний и умения оказалось недостаточно.

Тора подалась вперед.

— Простите, если мой вопрос покажется вам невежливым, но тем не менее я обязана его задать. — Брат и сестра застыли как изваяния. — Мне доводилось слышать рассказы об инцесте на ферме, о том, будто бы Бьярни насильовал свою дочь. Может это быть правдой?

— Нет, — хрипло отрезала Элин. — Полная чушь. Все эти рассказы свидетельствуют только о том, сколько в старые времена было бездельников. Лучше бы работали, а не сочиняли небывлицы про уважаемых людей, которые умерли и не могут защитить свои добрые имена от сплетен. — Элин замолчала. Лицо ее налилось краской. Тора поняла, что брат с сестрой не впервые сталкиваются с подобными слухами.

— Вы так уверены? — осторожно спросила она. — Мать могла вам ничего не говорить, поскольку тогда была очень молода, а дедушку своего, как сами только что заметили, вы не знали. Он тоже мог вам ничего не рассказывать.

Элин метнула на Тору ненавидящий взгляд.

— Мама яростно отрицала факт кровосмешения, а для меня ее слова — лучшее доказательство. У меня нет и тени сомнения, что она говорила чистую правду. — Она снова поджала губы. — Не вижу смысла продолжать наш разговор. Если у вас больше ничего нет, думаю, нам лучше попрощаться.

— Прошу прощения, — заспешила Тора, боясь, что ее сейчас же выставят. — Я, безусловно, вам верю! — И в отчаянии переметнулась на другой предмет. — Вы не в курсе, по какой причине ваш дедушка рассорился со своим братом? Насколько мне известно, они не общались несколько лет.

Поскольку Элин еще не пришла в себя после приступа гнева, нить разговора перехватил Бёркур.

— Они поссорились из-за жен. Сначала те поскандалили, потом к ним присоединились мужчины. Причину ссоры, возникшей между бабушкой и ее невесткой, наверное, уже никто не помнит, но, по-видимому, раны были нанесены достаточно серьезные. Разрыв между братьями продолжался и после смерти жен. Семейка наша всегда считалась упрямой, скандальной и злопамятной.

В разговор опять вступила Элин:

— Как рассказывала мне мать, у нашей бабушки Криструн умер ребенок и она с горя обвинила невестку, что та якобы его убила. Обвинение было явным вымыслом. Ребенок простудился и долго болел, но с тех пор психическое состояние бабушки стало постепенно ухудшаться. Бьярни счел обвинения против жены оскорбительными для себя, они с дедушкой крупно поругались, но незадолго до смерти Бьярни все-таки помирились. Во всяком случае, брат ухаживал за дедушкой, лечил его, приносил продукты. Другие нашу ферму обходили стороной, боясь заразиться.

Тора кивнула.

— Не припомните, не случилось ли на какой-либо из ферм пожаров? — спросила она, вызывая в памяти рисунок горящего дома, найденный в детской спальне в «Креппе».

— Пожары? — разом переспросили брат и сестра.

Элин покачала головой и ответила:

— Ни разу о них не слышала. Фермы такие, какими их когда-то построили.

Тора снова кивнула.

— Скажите, имя Кристин имеет какую-то связь с фермами?

— Нет. Не помню никакой Кристин, — безразлично ответил Бёркур. — Возможно, поблизости и жил кто-то с таким именем, но о ней я ничего не слышал.

Элин молча качнула головой.

Тора старательно сформулировала следующий вопрос, понимая, что он будет последним в ее сегодняшнем разговоре с братом и сестрой.

— Вы не в курсе, кто-либо из братьев или они оба во время войны не симпатизировали националистам?

— Националистам? — переспросил Бёркур и покраснел как рак. — Вы хотели сказать — нацистам?

— Да, — кивнула Тора.

— Все, хватит! — Элин хлопнула ладонями по подлокотникам кресла и резко поднялась. — С меня довольно глупостей. Я больше не желаю разговаривать с вами.

Тора вскочила с дивана.

— Последний вопрос, если позволите. На совершенно другую тему, — заспешила она. — Вы, вероятно, слышали, что несколько дней назад недалеко от фермы убили женщину. А недавно было совершено еще одно убийство. Вам не доводилось приезжать на ферму в последние дни?

В особо неприятные моменты брат и сестра вели себя одинаково. Перекошенные яростью лица подчеркнули их внешнее сходство.

— Единственным вежливым ответом на ваш двусмысленный вопрос будет «нет»! — взвизгнула Элин. — Мы не имеем никакого отношения к этим убийствам. А теперь уходите, — процедила она. — Привидение, инцест, нацисты, убийства. Я не намерена больше терпеть ваши идиотские намеки.

Мэтью ожидал Тору неподалеку от дома, прислонившись к фонарному столбу. Когда Тора показалась в дверях, он заулыбался и шагнул ей навстречу.

— Выперли? Ты опять начала расспрашивать о молодом человеке со шрамами?

— Нет, не начала, — недовольно проворчала Тора. — К сожалению, и половины вопросов не задала.

— Не переживай! — Улыбка Мэтью стала еще шире. — Пойдем, я тут кое-что нашел для тебя.

— И что это? — спросила Тора, приникая к витрине небольшого магазинчика. Она не могла понять, отчего так радуется Мэтью, тыча пальцем в одну из безделушек, во множестве пылившихся на деревянных полках за стеклом. — Вижу старые чашки. Больше ничего.

— Посмотри сюда, — разочарованно проговорил Мэтью и постучал пальцем по стеклу напротив небольшого предмета, лежавшего между фарфоровой статуэткой белой куропатки и вазой с потускневшей розой.

Наклонившись, Тора увидела небольшой серебряный геральдический щит, украшенный шлемом и двумя мечами.

— Не понимаю, — сказала она. — Что это?

— Немецкая медаль времен Второй мировой войны, — ответил Мэтью с самодовольной усмешкой.

— Вот как? И ты собираешься ее купить?

Мэтью рассмеялся, жестом приглашая Тору пройти в магазин.

— Еще не знаю. Пока меня интересует владелец лавки. Я видел его мельком, он выглядит древнее самой старой вещи в своем заведении. Думаю, имеет смысл поболтать с ним. Возможно, он расскажет нам о нацистах в Снайфелльсне. Медаль послужит отличным предлогом завязать разговор.

— Ах вот оно что! — обрадовалась Тора. — Теперь я все понимаю.

Об их появлении владельца известил громкий звонок. Его назначение осталось для Торы тайной, поскольку никто не смог бы пробраться в магазин незамеченным. Каждый дюйм здесь был заполнен всякой всячиной, отчего помещение казалось еще меньше. Вдоль стен до самого потолка тянулись полки, забитые старыми мелкими вещами. Возле одной из них стояла стремянка. Толстый слой пыли, покрывавший товар, свидетельствовал о том, что торговля идет небойко. В дальнем углу магазинчика, за прилавком с древним кассовым аппаратом, сидел абсолютно седой старичок. Тора недоуменно посмотрела на кассу, удивленная либеральностью местных налоговых органов. По ее мнению, аппарат не соответствовал даже самым шадящим стандартам. Немного потоптавшись у двери, они начали продвигаться к прилавку, осторожно лавируя между небольшими столиками, стульями и тумбочками.

— Добрый день, — улыбнулась Тора владельцу магазина, когда они с Мэтью, ничего не разбив и не опрокинув, добрались наконец до прилавка.

— Добрый, — тихо и без улыбки ответил тот. — Чем могу помочь?

— Мой друг, — указала она на Мэтью, — приехал из Германии. В витрине вашего магазина он увидел значок, заинтересовавший его. Не могли бы мы взглянуть поближе?

Старичок кивнул, быстро заскользил между полок к окну и вскоре вернулся.

— Давно эта вещица лежит у меня, скажу я вам, — сообщил он. — Только это не значок, а медаль. — Он положил серебряный знак на прилавок. — Медаль за ранение.

— Вот как? — удивилась Тора и, взяв медаль в руки, принялась ее рассматривать. Сквозь стекло она разглядела лишь шлем и мечи, но не заметила на шлеме крошечную свастику. Медаль обрамляли лавровые листья. — Значит, ею награждали солдат, получивших ранения? И много сохранилось таких медалей?

Старик неодобрительно посмотрел на Тору, и она пожалела о своем вопросе.

Ожидая, что покупательница, начнет жестоко торговаться, старик забрал медаль и проворчал:

— Таких наград раздавалось много. Сначала к ней представляли солдат, но с середины войны и гражданских лиц, получивших ранения во время воздушных налетов. Только эта — особенная, выполненная из серебра. В зависимости от тяжести ранения медаль имела три степени и изготовлялась из бронзы, серебра и золота. Бронзовой обычно награждали за ранения, полученные в боях. Таких медалей было очень много.

— Какое ранение требовалось получить, чтобы заслужить серебряную медаль? — поинтересовалась Тора.

— Оснований для награждения серебряной медалью было несколько — к примеру, потеря руки или ноги. Или легкое ранение в голову. — Старик повертел медаль в руке, дав поиграть на ней тусклым лучам предвечернего солнца. — Не много было желающих получить ее.

— А уж о золотой и говорить нечего, — вставила Тора. — Не хочется даже думать, какие муки должен был претерпеть человек, чтобы заслужить ее. — Она кивнула на медаль и улыбнулась старику. — Мой друг хотел бы ее купить. Кстати, вам неизвестно происхождение медали?

— Нет, к сожалению. Я приобрел ее лет двадцать назад вместе с другими вещами. Умер владелец какого-то поместья, вот родственники и распродали всю, как они говорили, рухлядь. Кто ее получил, за какое ранение — мне неизвестно.

— Если бы она принадлежала исландцу, — произнесла Тора, — ее история была бы еще интереснее.

— Не могу сказать, — ответил старик. — Возможно, ею наградили исландца, но я в этом сомневаюсь. Мне кажется, эту медаль давали исключительно немцам, по крайней мере это касается гражданских лиц.

— Разве исландцы не воевали на стороне немцев? Один из таких вояк и мог получить эту медаль, — предположила Тора, надеясь, что старик подхватит ее мысль и продолжит разговор, а уж тогда она повернет его в сторону нацистов Снайфелльснеа.

— Думаю, воевали единицы. Придурки, одержимые нацизмом, встречались и в Норвегии, и в Дании. Только, мне кажется, в боях они не участвовали. — Старик положил медаль на прилавок. — В Исландии тоже водились нацисты, но их никто не считал героями. Напротив, над ними посмеивались. В основном это были полные идиоты, которых привлекала скорее форма, чем идеи.

— Вы серьезно? — притворно удивилась Тора. — Мне, признаться, ничего не известно о нацистском движении в Исландии.

— Да были, были такие, — повторил старик. — Главным образом подростки. Маршировали с нацистскими флагами, с социалистами потасовки устраивали. Уверен — об идеалах фашизма они и понятия не имели. Энергию им нужно было выплеснуть — вот и все.

— Вы хотите сказать, что здесь, в Снайфелльснее, имелись нацистские организации? — невинно спросила Тора.

Старик почесал голову. Волосы у него, несмотря на седину, были необычайно густыми.

— К счастью, здесь нацисты не водились, — проговорил он и внимательно посмотрел на Тору бесцветными старческими глазами. — На южном побережье жил один человек, все агитировал молодежь вступать в нацистскую организацию, которую он якобы возглавлял. Но потом заболел и, насколько я понимаю, дальше разговоров дело у него не пошло. С десятков

парней ему удалось увлечь нацистскими идеями, но вскоре они потеряли к ним интерес, на том все и закончилось. Провалилась его затея создать нацистскую организацию.

Охваченная волнением, Тора попыталась сохранить безразличие.

— А, точно, вспомнила! Мне рассказывали об этом человеке. Звали его Гримур Торольфссон. Он жил на ферме «Креппа», да? — И она скрестила за спиной пальцы в надежде не ошибиться.

— Я думал, вы не знаете здешних мест, — удивился старик. — Скажем так, вы почти угадали.

— Мне только одна фамилия и известна, — пробормотала Тора. — О самом националистическом движении я ничего не знаю. — Она повернулась к Мэтью и заговорщицки подмигнула ему. Старик ничего не заметил. — Так ты собираешься покупать значок?

— Медаль, — поправил Мэтью, доставая бумажник. — Сколько она стоит?

Владелец назвал цену и по лицу Мэтью понял, что торговаться тот не будет. Он молча заплатил и, пока старик заворачивал медаль, спросил у Торы:

— Когда твой день рождения? У меня есть для тебя небольшой подарок.

Тора показала Мэтью язык, повернулась к владельцу магазина и приняла покупку. Поблагодарив старика, они стали пробираться к выходу. Но Тора повернулась, решив во что бы то ни стало выведать имя нацистски настроенного фермера. Однако ей не пришлось ничего спрашивать. Старик, опершись руками о прилавок, многозначительно посмотрел на нее и громко произнес:

— Нет, не Гримур. Бьярни, его брат. Бьярни Торольфссон с фермы «Киркьюстетт».

— Замечательный портрет вырисовывается. — Мэтью вытащил из кармана медаль и положил на стол перед Торой. — Сожительствует с дочерью, пропагандирует национал-социализм. — Он повернул медаль и снова принялся рассматривать шлем и мечи. — Знаешь, если сделать из нее медальон, он будет великолепно смотреться на тебе.

— О чем ты говоришь?! — возмущенно оттолкнула его руку Тора. — Я такую гадость никогда не надену. Во-первых, она может принести несчастье, а во-вторых, не хочу, чтобы меня считали идиоткой. — Она показала Мэтью на стоявшую перед ним тарелку. — Ешь и помни — я нечасто приглашаю мужчин на обед.

Они сидели в небольшом ресторанчике. В качестве компенсации за покупку медали Тора угощала Мэтью легким обедом.

Намотав на вилку лапшу, она отправила ее в рот.

— Только мне до сих пор неясно, какое отношение все это имеет к Бирне. Узнали мы много, но ситуация не прояснилась, — сказала она.

— Нарисованная в блокноте свастика мало что дает.

— Может, и так, но у меня такое чувство, что все здесь взаимосвязано.

— Иногда имеет смысл прислушаться к интуиции, — отозвался Мэтью. — Правда, к сожалению, она не всегда соответствует ситуации. — Он отпил из бокала шипучки. — Идеальный вариант — подтвердить чувства доказательствами. Предпочтительно убедительными.

Тора налегала на лапшу, которая ей определенно нравилась, и с довольным видом посмотрела на Мэтью.

— Знаешь, чем мне нужно заняться?

— Перестать носиться между фермами и оставить расследование полиции? — с надеждой спросил Мэтью.

— Ни в коем случае! — яростно возразила Тора. — Мне необходимо войти в Интернет и повнимательнее изучить ежедневник Бирны. Я читала его слишком быстро, поскольку ощущала себя виноватой, и наверняка что-то пропустила. — Она чокнулась с Мэтью шипучкой. — Давай за это и выпьем.

Тора сидела рядом со стойкой администратора, перед компьютером, предназначенным для гостей. У нее был свой ноутбук в номере, предположительно оборудованном беспроводным интернет-соединением, но после десятка бесплодных попыток выйти во Всемирную паутину Тора отложила его и потащила Мэтью за собой.

— Попробуем поискать так, — говорила она, стуча по клавиатуре. — Гримур Торольфссон, родился в Стиккисхольмюре в тысяча восемьсот девяностом и умер в Рейкьявике в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом.

Просматривая данные по кладбищам Рейкьявика, Тора наткнулась на имя Гримур. Рядом с ним шел текст: «Кладбище Фоссвогур, место Н-36-0077». Она торжествующе посмотрела на Мэтью.

— Не хотелось бы портить тебе удовольствие, — заметил тот, — но чем поможет данная информация?

— Я хочу узнать, что высечено на надгробном камне его могилы. А вдруг рядом с ним лежит и Кристин? К сожалению, нельзя вести поиск по квадратам, поэтому придется отправить кого-нибудь на место и посмотреть.

— Кого? — спросил Мэтью. — Надеюсь, не детей-беглецов в доме на колесах?

— Нет. На разведку отправится чудо-женщина Белла.

— Да, Белла, ты не ошиблась. Я прошу тебя сходить на кладбище Фоссвогур и найти одну могилу, — продолжала говорить Тора, не обращая внимания на стоны и недовольное ворчание секретарши.

Мэтью улыбался, наблюдая за ней.

— Да, спиши надпись на надгробии. Посмотри, есть ли там имя Кристин. Возможно, ее могила находится рядом. — Тора молча послушала протестующие возгласы Беллы, затем прервала их и продолжила: — Разумеется, ты не можешь быть одновременно и в офисе, и на кладбище. Я все понимаю, и тем не менее сходи туда, много времени у тебя это не займет. Переключи звонки на свой мобильник и спокойно иди. Ты даже не заметишь, как вернешься в свое кресло. — Тора потерла виски. — Вот и отлично. Потом сообщишь мне о результатах своей экспедиции. — Тора дала отбой и закатила глаза. — Ну почему мне не досталась секретарша, готовая при первой возможности вылететь из офиса? Какая ей разница, куда идти, лишь бы с работы смотаться хоть ненадолго? На кладбище? Пусть на кладбище!

Мэтью улыбнулся.

— Секретарша у тебя прекрасная. Просто дай ей шанс. — Он лежал в кровати и был всем доволен: Богом, людьми и в первую очередь Беллой. Именно благодаря ей они смогли провести немного времени вместе.

Вскоре Тора начала названивать секретарше. На первый ее звонок та не ответила. Не ответила также и на второй, и на третий. Тора решила дать Белле еще полчаса и только потом позвонить в четвертый раз.

Она сидела в халате и пила кофе, приготовленный в маленькой кофейной машине, установленной в номере. На столе перед ней лежал ежедневник Бирны.

— Странно, — проговорила она, постукивая пальцами по странице, — очень странно. — И повернулась к Мэтью, дремавшему под пуховым одеялом.

— Пытаешься стереть со страниц свои отпечатки пальцев, чтобы, когда ежедневник наконец попадет в полицию, их не обнаружили? — сонным голосом спросил он.

— Нет, не то. Послушай, — взволнованно заговорила Тора. — Перед рисунком свастики идет описание содержимого коробок, которые я просматривала в подвале. — Тора подняла ежедневник и показала Мэтью страницу. — Гляди, вот перечень. Может, она описала какие-то вещи, либо заинтересовавшие ее, либо надеясь, что в будущем они, возможно, смогут ей пригодиться. Ей должно было попасться то же, что и мне. Например, нацистский флаг. Она исследовала все коробки, пусть в другом порядке.

— Великолепное открытие. Только что оно тебе дает? — проворчал Мэтью.

Тора положила ежедневник на стол.

— Пока не знаю, но список вещей она составила не просто так. Уверена — он многое для нее значил, — ответила она. — Ты только погляди, как тщательно она вырисовывает свастику да еще обводит кругом. Да взгляни же. — Тора сунула ежедневник Мэтью.

— Вот доживешь до сорока лет, — проговорил тот, приподнимаясь в кровати, — тогда узнаешь о близорукости. Или о дальнозоркости. — Он взглянул на страницу и вновь откинулся на подушку. — Ты права, рисунок очень точный и аккуратный. А что написано вокруг него?

— Да всякая ерунда, — отмахнулась Тора. — Половину текста я вообще прочитать не могу, какие-то каракули поверх каракулей, но слово «свастика?!» и фразу «Так где же он был?» вижу отчетливо. Затем идут два телефонных номера, но разобрать их невозможно, потому что они несколько раз зачеркнуты.

— Возможно, она позвонила по ним и потом зачеркнула? — предположил Мэтью.

— Пять-восемь, дальше непонятно, — проговорила Тора, вглядываясь в страницу, и вдруг хлопнула себя по бедрам. — Постой-ка, я где-то записывала номера телефонов, по которым Бирна звонила из своего номера. Можно попробовать набрать. — Тора выудила из кармана листок бумаги, набрала первый номер и стала ждать. В конце концов ей ответили.

— КБ банк, чем могу помочь? — спросил уверенный мужской голос.

Тора положила трубку.

— Ничего интересного, — сообщила она Мэтью и, набрав второй номер, приложила палец к губам, призывая его к молчанию.

— Реабилитационная клиника «Рейкьялундур». Слушаю вас, — раздался жизнерадостный женский голос.

Тора не была готова к подобному ответу, ожидая, что попадет на частный номер и расспросит о Бирне. Не найдя ничего лучшего, она решила сразу перейти к делу.

— Слушаю вас, — повторил голос. — Что вы хотели?

— Мне нужна информация о Бирне Халлдорсдоттир, архитекторе. Она черкнула мне этот номер, и я подумала, может быть, вы знаете, с кем из вашего заведения она была знакома. — Тора понимала: объяснение звучит абсурдно, поэтому результатов скорее всего не даст, и готова была разрыдаться.

Ее собеседница, однако, стойчески выслушала бессвязную мотивировку.

— К сожалению, мы не ведем учет посещений и телефонных звонков. Это просто

невозможно ввиду огромного количества пациентов.

— Ее знакомый не обязательно пациент, — сказала Тора в тщетной надежде услышать о контактах Бирны с кем-то из персонала клиники.

— За личными контактами персонала мы тем более не следим. Прошу прощения, ничем не могу вам помочь. Всего доброго, я должна ответить на следующий звонок.

— «Рейкьялундур», — пояснила она Мэтью. — Клиника. Никакой возможности найти того, с кем общалась Бирна. — Она снова взяла список телефонов и покачала головой. — Последняя попытка. Ну и почерк! Позор. Это что, пятерка или шестерка? — Она сняла трубку и набрала номер. Примерно на десятом звонке, когда Тора потеряла всякую надежду, раздался щелчок и механический голос автоответчика сообщил, что звонок переключен. А еще через два звонка ей ответили:

— Муниципалитет. Здравствуйте. Чем могу помочь?

— Здравствуйте, — сказала Тора. — Простите, я не расслышала. Это муниципалитет?

— Да, — подтвердила девушка. — Вы пытаетесь дозвониться до Балдвина? — От волнения у Торы перехватило дыхание. Она молчала, и девушка прибавила: — Вы набирали прямой номер Балдвина. Он отвечает по нему по средам, с четырех до шести. Всего доброго, желаю успехов. — Секретарша попрощалась и положила трубку.

Тора повернулась к Мэтью.

— Я попала в муниципалитет. Это прямой номер Балдвина Балдвинссона, советника. У него там офис.

— А кто такой этот Балдвин? — безо всякого интереса спросил Мэтью.

— Внук старого Магнуса, — ответила Тора, потянувшись к ежедневнику и снова взглядевшись в зачеркнутые телефонные номера. — Он считается одним из самых перспективных политиков. Интересно, зачем Бирна ему звонила? Предлагала услуги архитектора в переделке дедушкиной летней дачи в дом для круглогодичного проживания? Очень сомневаюсь. Вот его номер. Точно он, только сильно зачеркнут. — Тора постучала пальцем по странице. — Мне кажется, я видела здесь название электронного почтового ящика, который может принадлежать Балдвину. — Она пролистала страницы и нашла ту, где было написано: «baldvin.baldvinsson@reykjavik.is». — Да, я не ошиблась, это его адрес.

— Как ты считаешь, зачем она ему звонила? — спросил Мэтью.

— Представления не имею, но уверена — нам следует еще разок наведаться к старичку Магнусу, — ответила Тора и снова стала листать ежедневник. — Чувствую, тут уйма полезнейшей информации, но только как отделить зерна от плевел?

— Представляешь радость полиции, попади им в руки этот ежедневник? Возможно, преступник уже находился бы за решеткой.

— К чему ты клонишь? — подозрительно спросила Тора. — Намекаешь, что полиция умнее меня?

— Нет, конечно, — сказал Мэтью, — просто у тебя нет ни опыта, ни средств для расследования подобного дела.

Тора наугад раскрыла ежедневник и уткнулась в него. Она понимала: Мэтью прав, ответить ей нечего, поэтому лучше притвориться, что не расслышала его замечания. Оказалось, она открыла ежедневник на странице с планом стройплощадки. Кроме чертежа, здесь были комментарии Бирны: «С этим участком что-то не то??? Старые карты???» Тора изучила разворот, затем просмотрела следующую страницу, где не было надписей, и еще одну. Там уже стояли пометки: «Может быть, скала?»; «Должны быть карты — поговорить с

Йонасом».

Тора поднялась и, подхватив ежедневник, подошла к окну, откуда открывался вид как раз на территорию возле отеля, так интересовавшую Бирну. «Чем ее привлекло это место? Что в нем особенного? — размышляла Тора. Она отдернула занавеску и оглядела довольно ровную землю. — По-моему, идеально для строительства». Она в который уже раз принялась разглядывать страницы, предшествующие рисунку, пытаясь по наброскам и чертежам определить площадку, облюбованную Бирной для возведения пристройки. Она увидела, что выстроить ее Йонас предполагал к востоку от основного, уже имеющегося здания, на приличном расстоянии от него, чтобы не загораживать вид из окон.

— Да все тут с территорией нормально, — проговорила Тора больше для себя, чем для Мэтью. — Лужайка как лужайка. — Она взглянула в окно. — Подстрижена, правда, плохо. Единственное, что может помешать, так это вон тот валун, — кивнула Тора в сторону большого серого камня, вокруг которого колыхалась на ветерке трава.

— Мэтью, вставай! — вдруг воскликнула она. — Одевайся, пойдем к камню, мне нужно посмотреть на него.

— Полагаю, ты вытащила меня из постели, чтобы полюбоваться местностью? — саркастически заметил Мэтью, обходя валун. Они стояли в высокой траве на поляне позади отеля. — Да, трава. Вижу.

— Мы не на траву пришли смотреть, — заметила Тора и наклонилась к камню, выделявшемуся на фоне зелени, — а на валун.

— О, ну тогда совсем другое дело, — отозвался Мэтью. — Большой камень. Серый. Можешь не проверять и даже не дотрагиваться до него.

— Совершенно верно, — согласилась Тора. — Только зачем его сюда привезли? — Она принялась вырывать траву у основания камня, напоминавшего рекламную гору шоколада «Тоблерон». — Посмотри вокруг — есть тут другие камни?

— Нет, — ухмыльнулся Мэтью, оглядев лужайку. — Все чисто.

— Будь серьезным! — Она опустила на корточки возле камня и посмотрела на Мэтью. — Раньше люди тратили массу сил, очищая лужайки от камней. А здесь все наоборот. Кому и зачем понадобилось волочь сюда эту громаду и ставить в самом центре лужайки?

— Может, камень не увезли, потому что он слишком тяжелый? — предположил Мэтью.

— Нет, — покачала головой Тора. — Избавлялись от значительно больших камней. — Она обошла валун и стала рассматривать его противоположную сторону. — Я, конечно, не специалист, но мне кажется, поверхность обработана. Мэтью, подойди сюда.

Тот приблизился и сразу понял, что она права. Сторона, возле которой они сейчас стояли, отличалась от другой, ребристой и шероховатой. Здесь камень был выровнен и отшлифован. Тора провела по нему ладонью и удивленно воскликнула:

— Мэтью, смотри, здесь выбиты какие-то слова. — Она вырвала высокую траву и глазам ее предстали полустертые строки в центре камня.

— Что там написано? — любопытствовал Мэтью.

Тора внимательно взгляделась в надпись. Поначалу она подумала, что камень служит надгробием, но не увидела на нем ни имени, ни дат, только стихи:

Мне нужно бы зерна сеять,
И ферма предназначалась мне,
И свадьба у меня должна была быть
Такая же, как и у тебя.

— И каков же смысл стиха? — нетерпеливо спросил Мэтью. — Что-нибудь важное?

— Не знаю, — призналась Тора. — Я абсолютно ничего не понимаю. Тут есть одно слово, почти стертое, и его можно прочесть и истолковать по-разному. — Она снова наклонилась к камню. — Нет, все-таки здесь написано «зерна», а не «чернь». — Тора поднялась и повернулась к Мэтью. — Интересно бы узнать, не этот ли камень так беспокоил Бирну? Остальная часть лужайки не вызвала у нее никакого интереса.

— Камень? — рассмеялся Мэтью. — Сомневаюсь. Его можно легко отсюда вывезти и начать строительство. — Он оглядел лужайку. — Ровная земля и только один камень. Может быть, стишок вырезал какой-то фермер, высоко ценивший свои поэтические способности?

Кстати, там ничего не говорится о животных? Вдруг под камнем лежит чей-то домашний любимец?

— Нет, — ответила Тора. — «Зерна», — повторила она, припоминая, что в ежедневнике Бирны видела это слово. — По-моему, то же самое написано у Бирны, — обратилась она к Мэтью.

— Может, и написано, — равнодушно заметил тот. — Как ты считаешь, почему камень отсюда не вывезли?

— А зачем его увозить? Он красиво смотрится, словно всегда здесь стоял.

— Обрати внимание, с другой стороны отеля трава аккуратно скошена, — показал Мэтью на ровную лужайку.

— Да, действительно. А это еще что такое? — указала Тора на лежавшую недалеко от них кучку земли и направилась к ней. — Пойду посмотрю.

— Нет предела твоей страсти к первооткрывательству. Какие замечательные находки ты делаешь! — съязвил Мэтью, оглядывая холмик. — Гляди-ка, нашла настоящую грязь.

— Я знаю, что это грязь. Вопрос в том, почему она лежит на траве.

Мэтью оглядел лужайку.

— Похоже, здесь кто-то копал. Посмотри, везде разбросаны кучки земли.

— И как мы объясним данный факт? Связан он со строительством пристройки или нет? — Тора направилась к отелю. — Спросим Вигдис. Возможно, ей известно, почему часть травы не скошена.

— Заодно узнай у нее, могла ли Бирна работать еще и в другом месте, не только в своем номере в отеле, — подсказал Мэтью, вышагивая следом.

Она обернулась с улыбкой.

— Похоже, ты начинаешь думать, что я на правильном пути?

— Ты так же далека от правильного пути, как инвалид от венского вальса, — ухмыльнулся Мэтью.

Вигдис сидела за стойкой с раскрытым ртом и горящими, будто от жара, щеками. Казалось, с ней случился приступ лихорадки. Глаза ее остекленели, пальцы дрожали. Она даже не заметила, что Тора с Мэтью остановились рядом со стойкой. Дабы привлечь внимание администратора, Торе пришлось несколько раз громко кашлянуть. Вигдис оторвала взгляд от телефонной трубки, которую продолжала держать в руках, и положила ее на аппарат.

— Господи помилуй, — пробормотала она.

— Надеюсь, все в порядке? — поинтересовалась Тора.

Глаза Вигдис округлились.

— Какое там в порядке! — возмутилась она. — Нет, конечно! Я вообще теперь не знаю, когда тут все устаканится.

— Что-то стряслось? — встревожилась Тора. — Неужели нашли еще один труп?

— К счастью, нет, — ответила Вигдис. — Мне только что сказали имя человека, погибшего на конюшне. — Щеки ее покраснели еще больше. — Это Эйрикюр, — проговорила она, сокрушенно покачивая головой.

— Эйрикюр? — переспросила Тора. — Кем он работает?

— Работал, — поправила Вигдис. — Придется привыкать говорить о нем в прошедшем времени. Господи, как же все странно. Сначала Бирна, потом Эйрикюр.

— Так кем он... — запнулась она, — работал?

— Он читал ауры у нас в отеле, — сообщила Вигдис. — Высокий, худой, лысоватый. Невероятно, уму непостижимо! — простионала она.

Тора пересказала Мэтью последнюю новость. Не зная, как по-немецки «аура», она попыталась изобразить ее мимикой. Мэтью осведомился, не нимб ли она имеет в виду, на что Тора сокрушенно покачала головой и пообещала ему разъяснить значение своих жестов позже. Затем снова обратилась к Вигдис:

— Откуда ты это узнала? Кто-то тебе сообщил?

— Его сестра, — чуть не плача, ответила Вигдис. — В одном из карманов обнаружилась кредитка, и по ней установили имя владельца. Какой-то полицейский позвонил сестре и попросил опознать тело. Она его ближайшая родственница. Тело увезли в Рейкьявик. — Она тяжело вздохнула, словно увоз тела был самым неприятным из всех перечисленных событий. — Сестра сама не своя; говорит, его затоптала лошадь.

— Лошадь? — удивилась Тора. В разговоре с ней и Йонасом полицейский офицер не указал причину смерти. — Какая лошадь?

— Она не сообщила. А я от страха онемела и даже спросить не смогла. — Вигдис испуганно посмотрела на Тору. — Думаете, нам лучше не выходить отсюда? Понять не могу, что у нас тут происходит.

— Ну, выходить или нет, каждый решает сам, — ответила Тора и успокоила: — Полагаю, действует не серийный убийца, если вы это имеете в виду. Нам ничего не известно. Возможно, смерть Эйрикюра была случайной. И это простое совпадение. — Тора ненадолго задумалась. — Полицейские не называли гибель Эйрикюра подозрительной? Не припомните, сестра не заметила ничего странного?

— Да вроде нет, — немного помолчав, сказала Вигдис. — Хотя постойте. Была странность. Прощаясь, она просила меня быть поосторожнее. Сейчас мне кажется, она что-то недоговаривала. — Страх на лице Вигдис сменился любопытством. — Но кому понадобилось убивать Эйрикюра? — произнесла она. — Достоинств у него было маловато, но и плохим человеком я бы его не назвала. Бедняга, — вздохнула она и часто-часто заморгала. Торе показалось, что администратор пытается выдавить слезу. — Иногда я была с ним несдержанной. Но и он тоже хорош гусь — видит, что у меня дел невпроворот, и все равно подходит со своими расспросами.

Тора не имела желаний вдаваться в историю явно непростых взаимоотношений администратора и чтеца ауры, поэтому не стала ни утешать Вигдис, ни имитировать сочувствие, а просто спросила:

— Он интересовался лошадьми?

— Бог мой, нет. Не могу себе даже представить, — отозвалась Вигдис. — Он был таким бледным. Мне казалось, он и из номера-то выходит, только чтобы покурить. — После чего твердо прибавила: — Он определенно не увлекался лошадьми.

— А лисами? — Вопрос был глупый, но Тора постаралась об этом не думать.

— Лисами? — изумилась Вигдис. — Зачем?

— Ну, просто так, — сказала Тора и решила продолжить тему: — Его сестра ничего не говорила про лис?

— Нет, — покачала головой Вигдис и посмотрела на Тору, словно усомнившись в здравости ее рассудка. — Я передала вам все, что знаю.

— Как вы думаете, Эйрикюр мог пойти на конюшню с какими-то целями? — спросила

Тора, оставив лис в покое. — Они с Бергюром были друзьями?

Вигдис подняла брови.

— Нет, друзьями они не были, — проговорила она и прибавила голосом профессиональной сплетницы: — Вот Бирна... Бирна и Бергюр были очень близкими друзьями.

— Да, я знаю, — сказала Тора и увидела, как лицо Вигдис помрачнело. Нужного эффекта от выдачи секрета не получилось. — Эйрикюр часто говорил с Бирной или о ней? Они держались друг с другом как друзья или как коллеги?

— Да они вообще не общались, — уверенно заявила Вигдис. — Это были совершенно разные люди. Он... ну, вроде... — Она запнулась.

— Говорите честно, — предложила Тора. — Вы никому не поможете, если нарисуете идеализированный портрет.

Вигдис явно приободрилась.

— Вы правы, — согласилась она. — Сказать по правде, Эйрикюр был тупицей и слюнтяем. Вечно ходил грязным, небритым. Судя по одежде, и пенни лишнего не имел. Нахал и наглец, он производил ужасное впечатление.

Вигдис явно не требовалось подталкивать к написанию впечатляющего портрета.

— Бирна, напротив, очень заботилась о своей внешности. Всегда чистенькая, ухоженная, опрятная — приятно посмотреть. Но только снаружи. В душе она была совершенно другой. Если ей что-то было нужно, она разговаривала ласково, но стоило отказать, сразу становилась ведьмой. Она обворожила Йонаса и вертела им как хотела. — Вигдис остановилась перевести дух. — По-моему, у них с Эйрикюром общим было только одно — жадность. В остальном они отличались как сыр от мела.

Тора слушала злобную болтовню Вигдис с самым серьезным видом, понимающе кивала и всеми силами старалась не выдать своего удивления.

— Значит, вместе время они не проводили? А Эйрикюр мог догадываться о ее намерениях не больше других?

— Абсолютно точно, — авторитетно заявила Вигдис. — Окажись они на необитаемом острове, Бирна и там не стала бы общаться с Эйрикюром.

— Понятно, — кивнула Тора. — Скажите, а как вели себя Бирна и Эйрикюр незадолго до своей гибели? Как обычно? Не вспомните, не было в их действиях каких-либо странностей?

Вигдис поразмыслила над вопросом, покачала головой и заверила:

— Вели себя как обычно. Никаких странностей я за ними не замечала. Хотя Бирну видела нечасто, но если бы она повела себя необычно, от меня бы это не укрылось. А с Эйрикюром я последний раз говорила, когда он искал Йонаса. Зашел сюда и стал о нем спрашивать. — Вигдис прикрыла ладонью рот. — Да это же было незадолго до его гибели!

У Торы перехватило дыхание.

— Ему удалось встретиться с Йонасом?

— Не знаю, — пролепетала Вигдис. — Я посоветовала ему заглянуть к нему в офис, но не могу сказать, встретились они или нет.

Об Эйрикюре спрашивать было больше нечего, и Тора вернулась к началу разговора:

— Скажите, пожалуйста, а почему за отелем с западной стороны лужайка подстрижена, а с восточной — нет?

— Я не знаю, — удивленно ответила Вигдис и подозрительно посмотрела на Тору. — А почему вы об этом спрашиваете?

— Просто интересно. Странно как-то, — пожала плечами Тора и торопливо прибавила: — Не в курсе, Йонас или, может быть, Бирна не просили проделывать в земле маленькие отверстия? Ну, чтобы почву проверить.

Лицо Вигдис приняло озадаченное выражение.

— Отверстия в земле для проверки почвы? — повторила она. — Такие маленькие ямки?

Тора кивнула:

— Ямки или отверстия, все равно. Они делаются вручную, без специального оборудования.

Вигдис энергично покачала головой:

— Абсолютно точно нет. Если бы кто-то копал на лужайке, я бы об этом знала. В мои обязанности входит следить здесь за всем. Йонас человек забывчивый, многое упускает, поэтому мне приходится быть внимательной.

— У Бирны имелся еще один рабочий кабинет помимо ее номера? — вступил в разговор Мэтью.

— Определенно не знаю, но меня бы это не удивило, — сказала Вигдис. — Она частенько уходила из отеля, утром или днем, но поблизости не бродила. Значит, где-то имела укромное местечко. — Вигдис заговорщицки подмигнула Торе. — А возможно, она в это время встречалась с Бергюром.

— Кто знает? — улыбнулась Тора и взглянула на часы. — Последний вопрос, и мы перестанем вас беспокоить. Вы не знаете, кто подстригает лужайку?

Вигдис ответила без запинки:

— Йокулл. Официантом у нас работает.

— Вы не шутите? — спросил Йокулл и огляделся, словно опасаясь скрытой камеры. — Вы действительно хотите знать, почему часть лужайки не подстрижена?

— Да, — улыбнулась Тора. — Это ведь твоя обязанность?

— Совершенно верно. Подрабатываю немного. Большую часть времени мне делать нечего — занят я, только когда в ресторан приходят постояльцы, — вот и согласился подстригать лужайку.

— Находчивый юноша, — похвалила Тора. — Но почему ты не скашиваешь всю траву? Неужели мешает большой камень?

— Нет, он мне совершенно не мешает, — пробормотал Йокулл. — Причина в другом. Почва там неровная — рытвины, бугры. Тяжело водить косилкой, да и глохнет она. Поэтому я и решил не мучиться. Пока никто не жаловался. А что, Йонас выражал недовольство моей работой?

— Нет, что ты, — успокоила его Тора и снова улыбнулась. — Кстати, ты не мог бы одолжить мне лопату?

— Честное слово, — говорил Мэтью, методично махая лопатой, — должен признать — женщина ты уникальная. Ради других я бы никогда не взялся рыть землю.

— Помалкивай и не отвлекайся.

Они находились в центре лужайки за отелем, куда пробрались очень осторожно. Первой двигалась Тора. Дойдя до едва заметного холмика земли, она приказала Мэтью копать.

— Здесь нас ждет нечто необыкновенное, — заверила она его.

Мэтью вогнал в землю лопату и обеими руками взялся за ручку. Вскоре он выкопал небольшую ямку.

— Вот тебе, — сказал он Торе. — Гляди, изучай.

Тора подошла ближе и увидела остатки фундамента.

Мэтью почесал лоб.

— По-моему, здесь находилось какое-то здание. Дом? Или хозяйственная постройка? — Он подкопал еще немного с обеих сторон каменной кладки и прошептал: — Черт подери.

Тора нагнулась и спросила:

— Надеюсь, ты видишь то же, что и я? — Она выпрямилась и подала ему руку. — Поздравляю, я была права. Это пепел. Здесь находился дом, жилой дом, но он сгорел.

— Мы видели, как он горит, на том детском рисунке, — произнес Мэтью.

— А в окне горящего дома были глаза, помнишь?

— Повесила трубку. — Тора недовольно посмотрела на экран своего мобильного. — Или связь внезапно оборвалась. — Она немного подумала и заявила: — Нет, все-таки повесила трубку.

— Ничего удивительного, — сказал Мэтью. — После того как они с братом фактически выставили тебя сегодня утром, трудно ожидать, чтобы Элин с восторгом восприняла твой звонок.

— Да, наверное, ты прав, — проворчала Тора и убрала мобильник в карман. — Нам бы очень помогло, если бы они сказали, что за здание здесь стояло. — Тора с Мэтью отошли на край лужайки, поскольку возле камня не было сигнала сети. — Может, ее дочь Берта что-то знает? — задумчиво прибавила Тора. — К счастью, она настроена ко мне не так агрессивно.

— Сомневаюсь, — отозвался Мэтью. — Как только ты станешь приставать с расспросами к ее другу, инвалиду-колясочнику, она сразу перестанет с тобой разговаривать.

— Хорошо, — согласилась Тора. — Оставим звонки и встречи на потом, а пока попробуем выяснить все о сгоревшем доме.

И они направились к отелю.

Проходя мимо того места, где Мэтью докопался до фундамента, Тора внезапно остановилась.

— Странно. Почему Бирна не дозналась о нем? Судя по записям в ежедневнике, она здесь часто бродила. И ничего не заметила?

— Неужели не понятно почему? — удивился Мэтью. — Об этом неровном участке знает один Йокулл, и ни словом не обмолвился, когда ты разговаривала с ним о Бирне. Он и ей ничего не рассказал, а поинтересоваться она не догадалась.

— Но тогда кто и что здесь искал? Если этот человек пытался найти фундамент, то оказался крайне невнимательным. Все отверстия находятся далеко от неровного участка.

— Ну, строго говоря, отверстиями их не назовешь. Небольшие лунки скорее, — проговорил Мэтью. — Но я согласен с тобой: неизвестный нам диггер скорее всего искал остатки сгоревшего дома. Нужно сказать, сыщик он неважный.

— Меня так и подмывает снова пойти в подвал и более тщательно изучить содержимое коробок, — задумчиво сказала Тора. Мысли ее блуждали где-то далеко. — Может быть, какая-то фотография или другая вещь подскажут, что тут было раньше.

— Не советовал бы отправляться туда прямо сейчас, — заметил Мэтью, посмотрев на часы. — Ты, кажется, собиралась доставить сюда детей вместе с домом на колесах?

— Дети подождут. Я недавно звонила Гульфи, пока они всем довольны. Недалеко от их стоянки есть магазин, и они туда собираются. — Она скрестила за спиной пальцы. — Надеюсь, его девушка догадается позвонить своим родителям. Потому что я этого делать не буду ни под каким видом. Они всегда начинают разговор с упреков и перечисления неприятностей, которые Гульфи доставил их малышке. И заканчивают тоже одинаково — винят во всем меня.

— А как насчет твоего бывшего? — поинтересовался Мэтью. — По-твоему, Гульфи с ним созвонился?

— Надеюсь, не додумался, — сказала Тора. — Пусть Ханнес немного поволнуется, ему полезно. В конце концов, из-за него они ударились в бега. — Она похлопала по карману, в

котором лежал мобильник, и улыбнулась. — Он мне шжук сто сообщений настрочил. Почитаю, когда будет время, или...

Внезапно ее телефон ожил, Тора вытащила его и стала слушать.

Звонила Белла.

— Привет. Как дела? — спросила Тора, нашаривая в кармане ручку и кусок бумаги. — Никакой Кристин нет, говоришь? Ладно, диктуй. — Она стала записывать, затем дала отбой и повернулась к Мэтью. — Он похоронен один. Никакой Кристин рядом нет. — Тора огорченно вздохнула. — На надгробии написано его имя, даты рождения и смерти и короткий стих.

— Занятно. Еще один стих. Ну что ж, читай его.

Ферма — лучше,
Хотя бы и маленькая,
Каждый человек любит свой дом.
Обливается кровью сердце
Каждого, кто вынужден
Вымалывать себе еду.

— По-моему, первый звоночек. Хоть какой-то смысл в отличие от первого стиха, который я никогда прежде не слышала. Нужно добраться до Интернета и посмотреть, откуда взяты эти строки. Не удивлюсь, если из «Речей Высокого».

Мэтью тронул Тору за плечо и кивнул в сторону отеля.

— Полиция вызвала подкрепление. — Он показал на подъезжавший к отелю патрульный автомобиль. — Нет, тебе совершенно точно не суждено сегодня побывать в подвале.

— Ну почему ты не хочешь выйти на улицу? — удивилась Берта и отдернула шторы. Мрачная комната осветилась. — Посмотри, какая замечательная погода! — Она с минуту смотрела в окно, затем повернулась к нему. — Пойдем, прогулки на свежем воздухе тебе полезны.

— Иди одна, — коротко ответил Стейни, подцепил пальцами здоровой руки кусочек отслоившейся от колеса резины и принялся его тереть. — Я побуду дома.

— Пойдем. Не упрячься, — уговаривала Берта, склоняясь к Стейни. Лица их оказались на одном уровне. Обычно, когда она смотрела ему в глаза, он становился мягче и спокойнее. — Обещаю, на свежем воздухе ты обязательно почувствуешь себя лучше. Тебя что-то беспокоит, но кто знает — может, тревога исчезнет, если ты отвлечешься.

— Не исчезнет, — ответил Стейни все так же угрюмо.

Берта давно привыкла к его коротким ответам. Ожоги возле рта делали его речь невнятной. Кожа там, казалось, расплавилась и стянулась комками. Берта не переставала удивляться, почему врачи не выполнили свою работу получше. Иногда она подозревала, что Стейни сам отказался от дальнейших вмешательств, — во всяком случае, с ней он не хотел говорить на эту тему. Сказал, что его сняли с очереди на операцию. Берта ему не верила. Гораздо более правдоподобным казалось ей другое объяснение: Стейни слишком хорошо помнил боль и дискомфорт, через которые ему пришлось пройти, и попросту не захотел

вновь испытать такое. Через неделю после выхода из клиники она случайно прослушала автоответчик Стейни. Физиотерапевт приглашал его в клинику для продолжения лечения. Как Берта ни настаивала, Стейни наотрез отказался перезвонить. Ему требовалось время на восстановление. К новой операции он не был готов ни морально, ни физически.

— Если хочешь, давай прокатимся на машине, — предложила Берта. — Я сделаю что угодно, лишь бы ты вышел на улицу.

— Что угодно? — спросил Стейни, не отрывая взгляда от ее лица.

— Почти, — с притворным весельем ответила Берта и поднялась. Она не знала, к чему он клонит, и не осмелилась развивать тему. Она решила вообще не развивать ее, никогда. — Ты знаешь, о чем я говорю. — Она положила ладонь на его колено. — Ну пожалуйста. Пойдем гулять.

Стейни оторвал кусок резины.

— Скажи, ты никогда не боишься? — спросил он.

— А почему я должна бояться? — удивилась Берта и улыбнулась. — Лето наступает.

Он молча посмотрел на нее и перевел взгляд на колени.

— Я плохо себя чувствую.

У Берты внутри все похолодело. Когда она видела его в таком состоянии, ее сердце разрывалось от жалости. «Ну зачем все так плохо? Ведь это же нечестно. Почему он вышел из аварии таким? Сотни людей попадают в них безо всяких последствий... А ведь я могла и не звонить ему, но позвонила. Зачем? Если бы я только знала», — думала она, стараясь удержать на лице улыбку.

— Давай отправимся в «Креппу». Там осталось еще много вещей — может, найдем среди них что-нибудь интересненькое. В прошлый раз тебе там очень понравилось, помнишь?

Стейни холодно усмехнулся.

— Понравилось, говоришь? — вздохнул он. — Ладно, мне все равно куда отправляться. В «Креппу» так в «Креппу». Пойдем.

— Отлично! — воскликнула Берта. — Обещаю — ты не пожалеешь. — Она знала: стоит им выйти из дома, как Стейни сразу повеселеет. Так было всегда.

Он неожиданно схватил ее за руку, и Берта испуганно отшатнулась.

— Ты сможешь простить меня? — слабо спросил Стейни.

— Простить? За что? — пролепетала Берта.

— Если случится худшее, ты простишь меня?

Берта недоуменно кивнула. Таких длинных предложений она не слышала от него уже несколько месяцев.

— О каком худшем ты говоришь? — Она мягко высвободила руку и встала за креслом. — Какая глупость. Ты не сделал мне ничего дурного.

— К счастью, да, — прошептал Стейни и, пока Берта открывала входную дверь и проталкивала в нее кресло, накинул на голову капюшон. — К счастью...

Торольфур, нахмурившись, прислонился к двери импровизированного офиса — комнатухи, предоставленной ему Йонасом, — и сложил на груди руки.

— Мы значительно продвинулись в нашем расследовании, — заявил он. — Считаю, дела у нас пока идут неплохо.

Тора стояла в коридоре напротив полицейского. Чтобы ожидавший их в комнате Йонас

ничего не услышал, ей пришлось говорить шепотом.

Йонас попросил Тору присутствовать во время его беседы с Торольфуром. Не успели они усесться, полицейский тотчас предупредил отельера об ответственности за дачу ложных показаний и прибавил, что как подозреваемый он имеет право не отвечать на вопросы, относящиеся к собственно обвинению. И теперь Тора яростно спорила с офицером.

— С какой стати Йонас вдруг стал обвиняемым? Что изменилось? — негодуя спросила она и тоже сложила на груди руки.

— Вчера и сегодня мы опросили массу свидетелей. Нарисованная ими картина не оправдывает вашего клиента.

— Что вы хотите сказать? Уж не собираетесь ли вы арестовать Йонаса?

— Все будет зависеть от его ответов, — пожал плечами Торольфур. — Кто знает — возможно, он предоставит убедительные объяснения.

— Какие объяснения? — спросила Тора. — Объяснения чему? Он уже достаточно рассказал.

— Как я вам говорил, вчера расследование получило дополнительное развитие, во время разговора с Йонасом вскрылись новые обстоятельства. Кроме того, на данный момент его аргументация кажется мне неудовлетворительной, — ответил Торольфур. — Когда мы начнем допрос, вы сами услышите вопросы, на которые я хотел бы получить ответы.

— Дайте мне две минуты на приватный разговор с ним, — сказала Тора. — Мне необходимо разъяснить ему причину изменения его статуса.

Торольфур просьба Торы явно не понравилась, но, вынужденный уступить, он вызвал из комнаты своего заместителя. Тора вошла и торопливо присела рядом с Йонасом. Тот недоуменно посмотрел на нее.

— Что происходит? — встревожился он. — Зачем вы с ним выходили?

Тора положила ладонь на его колено.

— Йонас, ситуация изменилась. До сих пор вас допрашивали как свидетеля, теперь же вы перешли в разряд обвиняемых.

— Кто обвиняемый, я?! — взвизгнул Йонас.

— Да, — кивнула Тора. — Времени у нас мало, поэтому давайте не тратить его попусту. Слушайте меня внимательно. — Она посмотрела ему в глаза. — Торольфур сообщил мне, что в процессе допроса свидетелей выяснились некие дополнительные обстоятельства. В результате вы превратились в обвиняемого. Вас считают причастным к преступлениям. Возможно, свидетели лгут. — Тора почувствовала, как затряслась его нога. — Йонас, свидетели могут говорить неправду, — повторила она и, пытаясь успокоить упавшего духом отельера, сжала его колено. — Теперь для вас самое главное — вразумительно объяснить, где вы находились. Все будет зависеть от того, насколько убедительными покажутся Торольфурю ваши ответы. Если они не удовлетворят его, вы рискуете быть арестованным.

Нога Йонаса замерла.

— Арестован? О чем вы говорите? — побледнел он.

— Полиция может арестовать вас, Йонас, — наклонилась к нему Тора. — Вас увезут на полицейской машине в участок, завтра утром вы предстанете перед судом, где вам объявят, что на некоторое время вы останетесь под стражей. — У Торы было всего три пустяковых дела, в которых ее подзащитные оказывались под арестом, поэтому тонкостей процесса она не знала и не решилась вдаваться в подробности, иначе Йонас догадался бы, что ее познания в этой области весьма ограничены.

— Я не хочу в тюрьму, — проговорил Йонас, трясаясь всем телом. — Просто не могу. Ведь сегодня понедельник.

— Понедельник? — удивленно переспросила Тора. — А чем он хуже остальных дней?

— Ну, видите ли, — смутился Йонас, — я просто не желаю со всем этим путаться. Понедельники для меня плохие дни.

Но Тора не позволила ему углубиться в лекцию о звездах и ауре:

— Йонас, да послушайте же! Сейчас сюда войдут полицейские и начнут допрос. К счастью для вас, вы можете ответить на все их вопросы. Если вам удастся опровергнуть собранные ими доказательства вашей вины, обещаю вам — мы выйдем отсюда вместе.

— А если мне не удастся их опровергнуть? — спросил Йонас и схватил ее за руку. — Что тогда?

— Тогда смирится с неизбежным, — ответила она и похлопала его по плечу. — Не волнуйтесь, постарайтесь в данных обстоятельствах вести себя как можно естественнее. — Тора поднялась и подошла к двери. — Вы готовы? — Она взялась за дверную ручку. Йонас молча, не глядя на нее, кивнул, однако по его испуганному виду Тора поняла: ничего из ее слов он не понял и к допросу не готов.

— Ну, я не знаю, — промямлил Йонас, косясь на сидевшую рядом Тору.

— Как же так? — театрально удивился Торольфур. — Если бы меня спросили, имел ли я половую связь с красивой женщиной в прошлый четверг, я бы не затруднился с ответом. Либо да, либо нет. Может быть, вы постоянно занимаетесь сексом?

Тора едва не застонала.

— Он предпочитает не отвечать на этот вопрос, — проговорила она с бесстрастным лицом.

— Хорошо, — охотно согласился Торольфур. — Мы затребуем анализ ДНК, поэтому ответ в принципе несуществен.

Для установления истины вовсе не требовалось делать анализ ДНК. Каждая морщинка на лице обескураженного Йонаса источала раскаяние. Всем было совершенно очевидно, что он совершал половой акт в четверг, к несчастью, в тот самый день, когда погибла Бирна.

— Во влагалище Бирны нашли сперму? — поинтересовалась Тора. — Напоминаю, что в случае задержания моего подзащитного вы обязаны предоставить мне все документы относительно данного дела, поскольку мы собираемся обжаловать ваши действия в Верховном суде.

Йонас издал слабый стон.

Торольфур задумчиво прикусил карандаш.

— Не вижу никаких препятствий к тому, чтобы объявить вам: да, во влагалище Бирны обнаружена сперма.

— Могу я спросить, не выявилась ли в результате расследования связь Бирны с одним из местных фермеров? — Тора втайне надеялась на незнание полицией данного факта.

— Нам все о нем известно. — На лице Торольфура мелькнуло странное выражение.

— Вот как? Может быть, имеет смысл допрашивать его, а не Йонаса?

— Допросим. — Торольфур ловко, как фокусник, вертел в пальцах карандаш. — Но образец спермы вашего клиента потребуется нам независимо от результатов анализа ДНК.

— Зачем? — спросила Тора. — Если анализ покажет, что сперма принадлежит фермеру, то при чем тут Йонас?

Торольфур недобро усмехнулся, и Тору вдруг озарило:

— Во влагалище Бирмы обнаружена сперма двух мужчин?

Торольфур перестал играть карандашом и, немного помолчав, тихо ответил:

— Возможно.

Тора услышала все, что ей требовалось. «Значит, Бирна в день гибели занималась сексом с двумя мужчинами. Одним из них был определенно Йонас, вторым — Бергюр или убийца. Впрочем, убийцей мог оказаться любой из ее партнеров», — раздумывала она, чувствуя, как рядом с ней Йонас застыл от страха. Хорошо зная мужчин, она понимала его чувства. Тора наклонилась к его уху и тихо, чтобы не слышали полицейские, зашептала:

— Вам нужно доказать, что первым занимались сексом с Бирной вы.

Его следовало успокоить, и, услышав ее голос, он действительно немного расслабился.

— Занимаясь сексом, вовсе не обязательно убивать партнера, — заявила она Торольфур. — На данной стадии Йонас не отрицает сексуальной связи с погибшей, то есть он сотрудничает со следствием.

— Совершенно верно, не обязательно, — отозвался Торольфур. — Но когда на теле жертвы имеются внутренние и внешние повреждения, это означает изнасилование, и дело выглядит по-другому.

Тора предпочла пропустить замечание полицейского мимо ушей.

— Что еще вы хотели бы выяснить? Или принадлежность спермы — ваш единственный необъяснимый факт?

— Есть и другие, — сказал Торольфур. — Давайте вернемся к сообщению, отправленному с мобильного телефона, Йонас. Ваше предыдущее заявление меня не удовлетворяет. Постарайтесь объяснить более убедительно. Расскажите, например, где вы находились между девятью и десятью часами вечера известного дня?

Йонас в отчаянии повернулся к Торе. Она ободряюще кивнула.

— Лучше я вряд ли смогу объяснить. Я не отправлял сообщения Бирне. В семь вечера я пошел на прогулку, телефон оставил в отеле. Возможно, кто-то выкрал его из моего офиса, пока меня там не было, и передал то самое сообщение.

— Выкрал, говорите? — заметил Торольфур с легким сарказмом. — Выкрал, а потом вернул на место?

— Да. Я не всегда беру его с собой, — бесцветным голосом произнес Йонас. — Он лежит в моем офисе. Иногда я оставляю его в других местах. В отеле всегда полно народу. Кто угодно может им воспользоваться. — Йонас потер виски, явно нервничая.

— Странно. Почему-то раньше вы об этом не говорили, — задумчиво произнес Торольфур. — Подобная деталь, однако, с трудом вписывается в общую картину. Как вы утверждаете, в отеле полно народу, и тем не менее в тот вечер никто вас не видел. Куда вы забрели во время прогулки? На пляж?

— Нет! — воскликнул Йонас, хлопая ладонью по столу. — Я прошелся вокруг отеля, затем свернул в сторону шоссе посмотреть, как работает землекоп, — я нанял его для расширения слива, — затем бродил еще примерно час. Вернувшись, я сразу направился к себе в офис, а оттуда в свой номер. Кто-то определенно должен был увидеть меня в отеле. Я ни от кого не прятался. Возвратился я незадолго до десяти часов, и, насколько помню, сеанс еще продолжался.

— Тем не менее в обозначенный период времени вас никто не видел. Ни снаружи, ни внутри. Между половиной десятого и десятью в сеансе был перерыв. Присутствовавшие на

нем оставались в отеле. Кто-то вышел покурить, другие покупали кофе, и никто из гостей не столкнулся с вами. А ведь как раз тогда вы и пришли, — проговорил Торольфур. — Ладно, давайте сменим тему. Прошлым вечером в расположенной неподалеку конюшне обнаружили еще один труп. Ответьте, где вы находились в обеденное время в воскресенье.

— Я? — переспросил Йонас. — Ездил в Рейкьявик.

— Во сколько вы туда отправились?

— Примерно в два часа. — Его голос заметно дрожал.

— Скорее всего вы ехали через туннель, не так ли?

— Да, — подтвердил Йонас, прежде чем Тора успела остановить его. Невинный этот вопрос почему-то насторожил ее, она нутром чувствовала в нем какой-то подвох.

— Ехали вы, я полагаю, в собственной машине, — продолжал допытываться Торольфур. Лицо у него вдруг засияло, как у ребенка, перед которым поставили вазу со сладостями.

— Мой клиент предпочитает не отвечать на данный вопрос, — вмешалась в разговор Тора и крепко сжала колено Йонаса.

— Хорошо, хорошо, — язвительно усмехнулся Торольфур. — Нам известно, что вы ехали в Рейкьявик через туннель. Поскольку по нему запрещено двигаться верхом на лошади, пешком или на велосипеде, мы предполагаем, что использовалось транспортное средство — автомобиль или мотоцикл.

Как Тора ни сжимала колено Йонаса, он все-таки сглупил, ответив:

— Я ехал в собственной машине.

Тора в сердцах вонзила ногти в этого остолопа. Тот тихо ойкнул, замолк и обиженно на нее воззрился. Она же, словно не замечая его взгляда, продолжала терзать его колено.

Торольфур расплылся в радостной улыбке, сменившейся презрительной гримасой. Он вытащил из лежавшей перед ним стопки какие-то листы, сложил их и швырнул на стол перед Йонасом.

— Вот перечень автомобилей, проходивших вчера по туннелю Хвальфьордур, номера и имена владельцев. Вашей машины среди них нет. — Он пристально смотрел в глаза Йонасу. — Как вы это объясните?

Разум наконец вернулся к отелю, и он догадался промолчать.

— Мой клиент предпочитает не отвечать на ваш вопрос, — заявила Тора. — Должна вам заметить, что Йонас — человек забывчивый, а в минуты волнения ему начинает изменять память.

— Я спрашиваю о вчерашнем событии, — произнес Торольфур. Тора и Йонас безмолвно взирали на него. Он пожал плечами. — Пусть так. Тогда перейдем к следующему пункту.

«Следующему? — подумала Тора, стараясь держать себя в руках. — Что еще они припасли для него?»

— Потом он поскандалил с Эйрикюром, которого позже нашли мертвым в конюшне, — рассказывала Тора Мэтью. — Сразу после ссоры Эйрикюр вышел из отеля. Кстати, в крови у него нашли большую дозу успокоительного. Того же самого, который стоит в номере Йонаса, на столике возле кровати, — вздохнула она. — Сукин сын, у него уже и ордер на арест был.

Шумно выдохнув, Мэтью спросил:

— Так ты все-таки считаешь его невиновным?

— А черт его знает, — ответила Тора. — Отпечатки его пальцев обнаружили на поясе Бирны — он определенно был с ней близок, днем или вечером в день убийства, хотя поначалу отрицал это. Потом он наврал о своей вчерашней поездке в Рейкьявик. — Она подала Мэтью список автомобильных номеров. — Они составили перечень машин, проезжавших по туннелю. Какой-то бедняга всю ночь корпел, проглядывая пленки с камер наблюдения. Торольфур забыл перечень на столе, и я тайком стянула его.

— И что теперь? — поинтересовался Мэтью. — Куда они его увезли?

— В Боргарнес, — ответила Тора. — Завтра утром он предстанет перед окружным судом Западной Исландии. Полиция хочет подержать его в камере. — Она пригладила волосы. — Ордер они, конечно, получают. Разве что судья будет пьян и не разберется, в чем там дело.

— Судья часто выпивает? — изумился Мэтью.

— Нет, это просто фигура речи, — ответила Тора, усаживаясь в кресло. — Хорошо, если бы он выпивал.

— Да, совсем забыл тебе рассказать, что со мной приключилось, пока ты отсутствовала, — оживился Мэтью. — Я отправился в бар выпить кофе, полез в карман за мелочью и нашел медаль, которую купил для тебя в Стиккисхольмюре. Я выложил ее вместе с мелочью на стойку, сидевший рядом со мной человек увидел ее и буквально озверел. Этот старик, Магнус Балдвинссон.

— Что?! — изумленно воскликнула Тора. — Что он тебе сказал?!

— Не знаю. Он говорил по-исландски, но явно недружелюбно. В конце концов он схватил медаль и зашвырнул за стойку. Потом резко поднялся и ушел. Официант смутился, нашел медаль, отдал мне и сообщил, что Магнус обозвал меня провокатором. Его, кстати, тоже шокировало поведение старика.

— Так-так, — проговорила Тора, удивленная рассказом Мэтью. — А помнишь, как он странно отреагировал, когда я пыталась расспросить его об исландских нацистах? Нацизм не получил в Исландии широкого распространения, основная масса населения не приняла его идеи. Нам следует еще разок переговорить с Магнусом, как ты думаешь? — Она потянулась к стоявшему на столе телефону. — Хотя нет, сейчас у меня есть дела поважнее — позаботиться о возвращении детей в город. Сама я домой не поеду. — Она набрала номер Гульфи. — Приветик, это мамочка. Как у вас там, в Селфоссе? Весело?

— Иди первым. — Тора легонько подтолкнула Мэтью. — Притворись любителем лошадей, ты хорошо умеешь притворяться. Тебе они поверят, потому что ты немец.

Они стояли перед фермой «Тунга», где Тора надеялась встретиться с Бергюром, ее владельцем.

По мнению Торы, на роль убийцы он подходил гораздо больше, чем официальный подозреваемый Йонас. Они направились к крыльцу дома, выстроенного просто и добротно. Он был как две капли воды похож на своих бесчисленных братьев, выросших в семидесятые годы, отличаясь только внешней неухоженностью. С крыши местами слезла краска, уступив место ржавчине; некогда желтые, а теперь поблекшие стены пестрели коричневыми разводами от стекавшей по ним во время дождя воды.

— Иди-иди, не стесняйся, — подбадривала Тора.

— Ни под каким видом, дорогая, — ответил Мэтью, морщась от запаха конского навоза. — Ну и вонища же здесь, — пробормотал он.

— Тебе не нравится старый добрый сельский аромат? — спросила Тора, словно не замечая густого навозного духа. — Это еще что. Вот когда ветер дует со стороны гниющего кита, это действительно вонь так вонь. Заходим, — снова подтолкнула она Мэтью. — Разговор поведу я. Мне кажется, в данном случае лучше не врать. — Она постучала в побитую непогодой дверь, к которой была привинчена деревянная табличка с именами обитателей: «Бергюр и Роза», — красиво выведенными яркой краской. Тора искренне надеялась, что хозяйки не окажется дома. Говорить они собирались только с Бергюром. Неизвестно, догадывалась ли Роза о его отношениях с Бирной, и если нет, выступать в роли разносчицы плохих новостей ей не хотелось. А говорить с Бергюром, не упоминая о его связи с Бирной, бессмысленно. Она скрестила за спиной пальцы.

Дверь открыл мужчина лет тридцати с небольшим. Худощавый, но хорошо сложенный и крепкий, широкоплечий, с мощными бицепсами. Тора не удивилась, что он понравился Бирне, — во всей его фигуре, черных курчавых волосах и строгом, с резкими чертами лице была особая привлекательность.

— Здравствуйте, — сказала Тора. — Вы Бергюр?

— Да, — ответил мужчина, с настороженным любопытством оглядывая гостей.

Тора улыбнулась.

— Меня зовут Тора, — представилась она. — Я адвокат, работаю на Йонаса, владельца отеля. А это Мэтью, коллега из Германии, мой, так сказать, помощник. — Тот вежливо кивнул. — Мы хотели бы перемолвиться с вами парой слов. — Тора выдержала небольшую паузу, посмотрела в глаза Бергюру и прибавила: — Об убийстве Бирны и о недавнем обнаружении еще одной жертвы.

Бергюр обжег их недовольным взглядом. Как Тора и предполагала, особой радости от их визита он не испытывал.

— Мне не о чем вам рассказать, — сухо произнес он. — Полиция меня уже неоднократно расспрашивала, и я устал от вопросов. Почитайте протоколы допросов. А мне прибавить больше нечего.

С лица Торы сползла дежурная улыбка.

— Я бы предпочла переговорить с вами лично, а не читать протоколы. К тому же

вопросы, которые я собираюсь вам задать, вы, возможно, еще не слышали... Впрочем, если вы отказываетесь с нами беседовать, мы завтра наведаемся к вашей жене. Надеюсь, она окажется не такой уставшей.

Бергюр смутился.

— Думаю, она еще меньше меня заинтересована в разговоре с вами.

— А вот это мы завтра и выясним, — парировала Тора. — Сначала я позвоню ей, объясню предмет беседы, и, уверена, она захочет встретиться. — Полагая, что подобного намека более чем достаточно, дабы Бергюр не счел это блефом, Тора сделала лучшее из своих каменных лиц.

Бергюр метнул быстрый взгляд в глубь дома и свирепо посмотрел на Тору. Мэтью он словно не замечал.

— Хорошо, — сердито буркнул он. — Я согласен поговорить с вами, только не здесь. На конюшне есть небольшая комната для отдыха, пойдете туда.

Он надел ботинки и, крикнув: «Роза! Я скоро вернусь!» — вышел на улицу, захлопнув за собой дверь. Его жена прокричала что-то ему в ответ, но Тора не разобрала ее слов. Бергюр молча повел их в конюшню.

— Вот здесь и нашли тело Эйрикюра? — громко спросила Тора, торопливо шагая за ним к относительно новой постройке, крытой рифленым железом.

Бергюр не ответил. Она повернулась к Мэтью и сделала большие глаза. Тот понял ее знак — начало разговора складывалось неудачно. Затем она помахала ладонью у рта, побуждая Мэтью вступить в разговор. В ответ он только усмехнулся и покачал головой.

Они проследовали за Бергюром к широким воротам. Он отворил одну створку и хмуро произнес:

— Заходите.

— Благодарю вас, — ответила Тора и, заметив выражение лица Мэтью, не смогла сдержать улыбки. Как только в нос ему ударил крепкий конский дух, он замер и отшатнулся.

— Прелестный запах, — тихо, чтобы не услышал Бергюр, пробормотала Тора по-английски и подмигнула Мэтью.

В комнате отдыха оказалось не намного лучше.

— Располагайтесь, — предложил Бергюр и, указав на три жестких деревянных стула у потертого кухонного стола, наклонился над маленькой раковиной, на которой стояла грязная чашка с остатками кофе.

— Спасибо. — Тора присела на один из стульев и посмотрела на Бергюра. Тот безразлично наблюдал, как Мэтью, прежде чем усесться, стряхнул ладонью со стула слой пыли.

— По-моему, вы меня не расслышали. Я спросила: это та самая конюшня, в которой нашли тело Эйрикюра?

— Та самая, — немного помолчав, кивнул Бергюр.

— И обнаружили его вы, не так ли? — осведомилась Тора. — Вы же нашли и труп Бирны. Очень странно, — заметила она.

Бергюр долго смотрел на Тору из-под своих густых черных бровей. Под его тяжелым взглядом она почувствовала себя неуютно.

— Вы на что-то намекаете? — сухо поинтересовался он. — Если так, то совершенно напрасно. Я уже говорил полиции, что ни к одной из этих смертей не имею никакого отношения.

— Убийств, — поправила Тора. — И Бирну, и Эйрикюра убили. К тому же у вас с Бирной были личные отношения. Надеюсь, они складывались замечательно?

Бергюр слегка покраснел, услышав от незнакомой женщины позорный намек на супружескую неверность.

— У нас все было прекрасно, — сказал он, поджав губы. Его голос звучал тревожно.

— Жена знала о вашей связи? Простите, как ее зовут? Нет, не нужно, я вспомнила — Роза. Она была в курсе ваших отношений?

Бергюр покраснел еще больше.

— Нет. Она ничего не знала и сейчас не подозревает. Я ее, во всяком случае, в известность не ставил.

— Это было мимолетное увлечение? — спросила Тора. — Раз вы ничего не сказали жене, значит, просто поддались порыву?

— Сначала да, но потом наша связь превратилась в нечто гораздо большее, — раздраженно ответил Бергюр. — Я собирался развестись с Розой. Ждал подходящего момента, чтобы обо всем рассказать ей.

— Понимаю, — кивнула Тора. — Теперь, учитывая случившееся, вы, наверное, не видите смысла говорить с ней об этом?

— А вот это не ваше дело, — побагровел Бергюр.

— Конечно, не мое, — согласилась Тора, устраиваясь поудобнее. — Сегодня мне сообщили о Бирне одну новость, которая в свете вашего рассказа кажется чрезвычайно странной. — Она замолчала, словно раздумывала, открывать ли Бергюру свой секрет.

— И какую же новость вы услышали? — осведомился тот с тревожным любопытством.

— Даже не знаю, стоит ли говорить вам. Возможно, это просто глупая сплетня. — Тора с напускным безразличием изучала свои ногти и подняла глаза на Бергюра. — Мне сказали, будто в день убийства Бирна занималась сексом с двумя мужчинами. Полагаю, с вами и с кем-то еще. Возможно, с убийцей, а может, и нет. Вам не кажется, что Бирна всего лишь забавлялась с вами?

Бергюр выпрямился и тяжело задышал.

— Не знаю, откуда вы черпаете свою информацию, но мне сообщили, что ее изнасиловали. Не нужно быть сверхумным ученым, чтобы заключить — второй раз это случилось против ее воли! — проревел он.

— Стало быть, вы признаете, что были близки с Бирной в тот день?

Бергюр ссутулился, привалившись к краю раковины.

— Да, — глухо сказал он. — С ее полного согласия и задолго до убийства. Мы встречались днем, а убили ее вечером.

Тора немного подумала.

— Кто, по-вашему, мог убить Бирну? — спросила она. — Должно быть, вы размышляли над этим.

— Йонас! — рявкнул Бергюр. — Кто же еще?

— Он уверяет полицию в своей невиновности. Так же как и вы, — пожала плечами Тора. — И зачем ему ее убивать? Она работала над проектом, который много для него значил. А теперь все рухнуло или по крайней мере отложилось на неопределенный срок. Я полагаю, расстались они вполне дружески, едва ли он ее ревновал. Или как?

— Между ними не было любви, — зло сказал Бергюр. — Они встречались, но и только. — Он умолк, чтобы перевести дух и успокоиться. — Йонас остро переживал разрыв

и врет, утверждая, будто это не так.

— Откуда вы знаете? — удивилась Тора.

— Бирна мне рассказывала, — бесхитростно ответил Бергюр. — Он постоянно ее преследовал. Вот почему она перестала работать в своем номере. Он постоянно к ней совался, проходу не давал.

Тора вся превратилась в слух.

— И где же она работала? Может, неподалеку?

Бергюр мгновенно догадался, чем вызван ее интерес.

Он снова умолк и, лишь вдоволь насладившись нетерпением Торы, ответил:

— Она организовала себе нечто вроде студии на ферме «Креппа», которая принадлежит отелю, но в данное время пустует. Вот Бирна там и обосновалась.

— Я знаю эту ферму, — заметила Тора. — И даже успела побывать там, но не увидела следов кабинета, — озадаченно прибавила она. — Вы не знаете, в какой именно комнате она работала?

— В одной из верхних, насколько мне известно, — ответил Бергюр, не вдаваясь в детали.

— Понятно. — Тора решила при первой же возможности еще раз побывать на ферме. «Там наверняка остались какие-то вещи. Кто знает — возможно, они и прольют свет на ее смерть. Хотя, конечно, вряд ли», — без особого оптимизма подумала она. — Скажите, вам знакома, пусть в общих чертах, история «Креппы» и «Киркьюстетт»?

— Нет, — покачал головой Бергюр. — Я живу здесь относительно недавно. Приехал с Западных фьордов, когда мне исполнилось двадцать.

— И никогда не слышали о пожаре в «Киркьюстетт»? — спросила Тора со слабой надеждой.

— Никогда, — подтвердил Бергюр. — Мне кажется, фермы сохранили свой первоначальный вид. Может быть, они когда-то и горели, но давно, и их сразу же отремонтировали. Нет, вряд ли горели. Бирна всегда восхищалась ими, изучала историю, но никогда не говорила о пожарах.

— Вот как? Она рассказывала вам их историю? — обрадовалась Тора. — А не упоминала в связи с ними нацистов?

Бергюр удивленно вскинул брови.

— Да, упоминала. Не говорила о них прямо, просто спрашивала меня о местных наци. Но что я мог о них знать? Ничего. Когда же я поинтересовался, зачем ей это, она сразу умолкла. Странно, что и вы упомянули о нацистах. Я о них уже и думать забыл.

— Вам ничего не говорит имя Кристин? — спросила Тора.

— Покажите мне хотя бы одного исландца, который раз в жизни не произносил это имя, — усмехнулся Бергюр. — Но здесь мне не доводилось слышать о Кристин.

— Хорошо. Если не возражаете, мне бы хотелось расспросить вас об Эйрикюре, чтеце ауры. — Не дожидаясь ответа, Тора продолжила: — Вы были с ним знакомы?

— Нет. Хотя видел его и знал, кем он работает. Но ничего больше. Мы даже ни разу не разговаривали.

— Скажите, как вы его обнаружили, и, если возможно, припомните какие-нибудь особенности.

— А вы сами не хотите посмотреть? Пойдемте, — предложил он.

Тора и Мэтью поднялись и последовали за Бергюром в глубь конюшни. Привыкшая к

резкому запаху Тора уверенно двигалась вперед, Мэтью же скривился, едва они вышли из комнаты. Они остановились возле стойла, имевшего более высокое ограждение, чем остальные.

— Вот здесь он лежал, — угрюмо произнес Бергюр. — В стойле находился жеребец, он и забил Эйрикюра. По крайней мере так мне представляется картина его гибели. — Он открыл дверцу. — Можете посмотреть, жеребца сейчас нет.

Тора заглянула внутрь, но не увидела ничего для себя интересного — стены и пол были чисто вымыты.

— Полиция, наверное, самым тщательным образом все здесь исследовала? — поинтересовалась она.

— Разумеется. Всю ночь работали, — подтвердил Бергюр. — Зрелище было не из приятных.

— Представляю, — кивнула Тора. — Чем вы здесь занимаетесь?

— Кормлю лошадей, — коротко сказал он и прибавил: — К сожалению.

— Почему «к сожалению»? — удивилась Тора.

— Век бы не видеть такого кошмара, — честно признался Бергюр. — Разложившаяся лиса, булавки и лужи крови. Но главное — затоптанное тело несчастного.

— Лиса? — переспросила Тора. — В стойле лежала лиса?

— Да. Она была привязана к груди бедняги. Я сначала подумал, что это парик, потом пригляделся и понял. От неожиданности я просто остолбенел. Сколько тут простоял — не помню, а потом выбежал. — Он закрыл дверцу.

— Зачем кому-то понадобилась привязывать к груди Эйрикюра лису? — задумчиво произнесла Тора. — Вы не знаете — может быть, лиса в здешних местах считается каким-то символом?

— Ни разу об этом не слышал, — пожал плечами Бергюр. — Понятия не имею, зачем ее привязали и как она вписывается в убийство. Придает дополнительное отвращение сцене? — предположил он. — Воняла она страшно. Ее явно убили задолго до того, как привязали к Эйрикюру.

Тора недоуменно покачала головой. Вся ее логика оказалась бессильной. Наличие лисы на месте преступления объяснить она не могла.

— Вы говорили про булавки, — напомнила она Бергюру. «Еще эти чертовы булавки. Мог он сам себя исколоть? Зачем? Торольфур намекал, правда, на акупунктуру, на каких-то сектантов, которые сами втыкают в себя булавки. Хоть какое-то объяснение», — размышляла она.

Бергюру явно не хотелось ворошить ужасные воспоминания. Он тяжело сглотнул и глухо ответил:

— Булавки торчали у него из ступней. — Он помолчал и, содрогнувшись, прибавил: — Бирне убийца тоже натыкал в ступни булавок. Такое может совершить только абсолютно бессердечный человек.

— Вы имеете в виду швейные булавки? — изумилась Тора.

— Да-да, — произнес Бергюр. — Давайте больше не будем об этом. Не испытываю никакой радости от постоянного пересказа одного и того же неприятного эпизода.

Тора решила не настаивать и поняла, что говорить им, собственно, больше не о чем. Она снова принялась размышлять: «Что побудило убийцу втыкать своим жертвам булавки в ступни? Может, он таким образом пытался у Бирны и Эйрикюра нужную информацию?»

Тора решила оставить разгадку на потом и сменила тему:

— Вы не скажете, где находились в то время, когда, по расчетам полиции, убили Бирну и Эйрикюра?

— Скажу. Могу отчитаться во всех своих перемещениях за несколько дней, но, как правило, я хожу один, поэтому подтвердить мои слова некому, кроме жены, которой я всегда сообщаю, куда отправляюсь.

Тора и не думала сомневаться в его словах, поскольку вел он себя и говорил куда благоразумнее Йонаса. Тот попытался сфабриковать себе алиби, которое немедленно опровергли.

— А Роза никогда не станет врать полицейскому, — холодно прибавил Бергюр, словно поведал о самом главном недостатке своей жены.

— Еще один вопрос. Что означает надпись РЕР?

Бергюр опять открыл стойло.

— Не имею ни малейшего представления, — указал он на одну из стен. — Эйрикюр нацарапал ее на рифленом железе за несколько минут до смерти.

Тора вошла внутрь, Мэтью последовал за ней. Она перевела ему слова Бергюра, и оба принялись рассматривать надпись. Тора вытащила мобильник и сфотографировала видневшиеся на металле буквы.

— РЕР, — бормотала она, покидая стойло вслед за Мэтью. — Прозвище лисы? Может он пытался написать больше и не успел?

— Не знаю, — сказал Бергюр. — Значение надписи мне неизвестно. — Он закрыл стойло. — Простите, я должен возвращаться.

В этот момент тихо скрипнула входная дверь и в конюшню нерешительно вошла женщина, ровесница Бергюра. Внешность ее неприятно поразила Тору. Она не была бесформенной уродиной, но невыразительное лицо вместе с неряшливой, безвкусной одеждой делали ее крайне непривлекательной. Прямые бесцветные волосы перехватывала на затылке давно выцветшая и обтрепанная по краям лента. На лице не было и следа косметики, а на коротеньких блеклых ресницах — туши. Внешность таких женщины забывается через пять минут после расставания с ними, и Роза, казалось, вполне это осознавала. Пока она серой тенью на фоне солнечного света стояла в дверях, Тора попыталась ободрить ее улыбкой. Роза откашлялась и низким голосом произнесла:

— Так ты идешь? — Она обращалась к Бергюру, старательно делая вид, будто не замечает Тору и Мэтью.

— Да, — холодно ответил Бергюр. — Ступай в дом.

— Ну ладно, — с напускной бодростью сказала Тора. — Нам тоже пора. — И повернулась к Бергюру. — Спасибо за возможность увидеть место преступления. — Она повернулась к женщине, полагая, что это и есть Роза. — Ваш муж любезно согласился показать нам стойло, в котором произошло убийство. Я адвокат, занимаюсь этим делом. Защищаю интересы моего клиента.

Роза безразлично кивнула.

— Здравствуйте, я Роза, — представилась она, не протягивая руки. И лишь на секунду задержав взгляд на лице Торы, снова повернулась к мужу. — Так ты идешь? — повторила она.

Бергюр не ответил.

Тора постаралась смягчить неловкую ситуацию еще одним вопросом, который, к

счастьем для нее, Мэтью не понял.

— Прошу прощения, последнее, о чем я хотела вас спросить, — проговорила она. — Возле отеля я видела молодого человека в инвалидной коляске. Думаю, он из местных. Вы, случайно, не знаете, что с ним произошло? — Бергюр и Роза потрясенно уставились на Тору, и та, полагая, что они ее не поняли, пояснила: — Вы наверняка его знаете. Молодой человек, сильно обгоревший.

Больше она ничего сказать не успела, ибо Роза вдруг разразилась проклятиями, не оставлявшими сомнений в ее знакомстве с молодым инвалидом. Крича все громче, она наступала на оторопевшую Тору, пока Бергюр, схватив жену в охапку, не потащил ее к выходу из конюшни.

Мэтью обхватил Тору за плечи.

— Ты не представляешь, как я жажду вырваться из этой помойки. Хотя, честно говоря, еще больше мне хотелось бы знать, о чем ты спросила несчастную женщину.

Магнус Балдвинссон улыбнулся. Несмотря на возраст и усталость, он порой забывал о своем тщедушном теле и чувствовал себя как в дни молодости. И сейчас был как раз один из таких моментов. Он набрал номер и, дожидаясь, пока жена возьмет трубку, сделал хороший глоток коньяка, купленного в баре, но прежде чем проглотить, подержал золотистую жидкость во рту, наслаждаясь ее теплотой.

— Привет, Фрида, — сказал он. — Все закончилось.

— Что? — спросила жена. — Ты возвращаешься? Что случилось?

— Полиция арестовала человека, подозреваемого в убийстве Бирны, — ответил Магнус, покручивая бокал перед глазами. — Передай Балдвину, что он может заехать за мной в любое удобное для него время.

— Он отправился на восток готовиться к съезду партии. Если я правильно его поняла, раньше завтрашнего вечера он не приедет, — ответила жена, и Магнус уловил в ее голосе нотку страха. — Попросить еще кого-нибудь приехать за тобой?

— Не нужно, — бодро отозвался Магнус, находившийся на вершине счастья. Избавившись наконец-то от измотавших его в последние дни напряжения и страха, он ощутил знакомую гордость за внука. — Я с удовольствием прокачусь с ним. Кроме того, мне хотелось бы из первых уст услышать рассказ о съезде партии.

— Пока ты там находишься, он постоянно спрашивается о тебе, — проговорила жена. — Он обрадуется, когда я передам твою просьбу. — Последовала короткая пауза, затем Фрида подозрительно спросила: — Вы что-то затеяли?

— Ничего, — твердо ответил Магнус. — С меня достаточно. В общем, передай Балдвину, пусть приезжает, как только появится возможность.

Они попрощались, и Магнус, положив трубку, задержал руку на белом аппарате, потом медленно убрал ее. Он так и не понял, что вернуло его к действительности — вид ли морщинистой кожи или алкоголь, — но он вдруг снова ощутил себя древним стариком. К его вящему удивлению, из глаз вытекли две слезинки, поползли по щекам и упали на брюки. Он неотрывно, смотрел на мокрые пятна и погружался в пучину вины и страха.

Кристин.

Тора потеряла глаза.

— Не знаю, чем нам это поможет, но стих, выбитый на надгробии Гримура

Торольфссона, взят из «Речей Высокого», — сообщила она, отрываясь от компьютера, и, откинувшись на спинку кресла, гордо воззрилась на Мэтью, но по его бесстрастному виду догадалась — он понятия не имеет, о чем разговор. — «Речи Высокого» — это собрание пословиц и мудрых изречений, приписываемых богу Одину, — пояснила она. — Многие из них и в наши дни кажутся вполне разумными. — Не уловив в лице Мэтью никакого интереса, Тора вспомнила свои школьные годы и первое упоминание о «Речах». — Как бы там ни было, в стихах говорится, как отвратительно чувствуют себя плохие люди, попадающие в зависимость от других.

— И что с того? Это и без стихов известно, — произнес Мэтью.

— По-моему, мы узнали достаточно много, — слабо возразила Тора. — Первое — надпись выбрана не случайно. Я уверена, текст имеет какое-то отношение к судьбе самого Гримура. — Она снова повернулась к компьютеру и продолжила поиски надписи, сделанной на камне позади отеля. Результат оказался менее продуктивным — на странице, повествующей об обычае оставлять детей, она наткнулась лишь на одну ссылку — народные сказания девятнадцатого века, собранные Йоном Арнасоном, правда, как ни старалась, открыть ее и прочитать сказания не удалось. — Стих на надгробии как-то связан с традицией оставлять детей, — сообщила она Мэтью о своей находке. — Здесь говорится, что плач брошенных умирать некрещеных детей хорошо слышен, когда ветер дует с той стороны, где их оставили. Кроме того, призраки покинутых детей могут ползком перемещаться в пространстве, приподнимаясь на одном колене и опираясь на руку. — Она взглянула на Мэтью. — Ты их видел в окно? — Мэтью нахмурился, и Тора, улыбнувшись, снова уставилась на монитор. — Когда в следующий раз наткнешься на оставленное дитя, не позволяй ему трижды проползти вокруг себя, иначе, как тут сказано, можно сойти с ума. Просто шугани — дитя исчезнет и в конце концов найдет свою мать. — Она вновь насмешливо посмотрела на Мэтью.

— Очень забавно, — проворчал тот. — Только запомни — я не шутил, рассказывая тебе о плаче. Я его слышал.

— Нужно посмотреть, что об этом говорится в сказках, — отозвалась Тора и зевнула. — Сейчас поищу. Хотя нет, не буду. Это не срочно.

— Совершенно верно, торопиться нам некуда, — согласился Мэтью. — Вот только ты так и не приблизилась к разгадке убийства.

— Кто знает? — сказала Тора, пытаясь найти информацию об эпидемии туберкулеза в Исландии. Она пролистнула несколько страниц, но ничего интересного не увидела. — Вот не везет, — вздохнула она. — Лекарства против туберкулеза появились на нашем рынке в тысяча девятьсот сорок шестом году, спустя год после смерти Гудни. — Она закрыла программу и поднялась с кресла. — Могу представить, почему ни Гудни, ни ее отец не поехали в санаторий. В те годы туберкулез лечили варварскими методами. Протыкали легкие, удаляли несколько ребер и все такое прочее. Хотя болезнь таким образом и вылечивали, но люди часто оставались инвалидами.

Мэтью похлопал Тору по плечу.

— Все это весьма занимательно, но, по-моему, тебе стоит поинтересоваться человеком, который только что сюда зашел.

Тора посмотрела в сторону вестибюля и сразу же отвела взгляд.

— Зачем она явилась? Думаешь, она меня заметила?

— Возможно, она пришла тебя побить, — прошептал ей на ухо Мэтью. — Но ты ее

наверняка победишь. Я, во всяком случае, поставлю на тебя.

Тора покосилась в сторону входа. Недалеко от него Йокулл, официант и по совместительству газонокосильщик, направлялся к жене Бергюра, возвышавшейся перед стойкой администратора. На нем была куртка с капюшоном и высокие ботинки. Приблизившись к Розе, он ласково обнял ее за плечи, и они вместе покинули отель, как показалось Торе, не обратив на них с Мэтью никакого внимания.

— Черт подери! — воскликнула она. — Что их может связывать?

— Белла, я в курсе, что тебе пора домой, — устало произнесла Тора в трубку. — И не прошу выполнить мою просьбу обязательно сегодня. Можешь проверить завтра утром. — Выслушивая жалобы секретарши, она посмотрела на Мэтью и покачала головой. — Белла, я надеялась, что моя просьба тебя заинтересует, ведь ты же обожаешь лошадей. — «Интересно посмотреть, как она со своими формами умудрится сесть на лошадь. Долго карабкается, наверное», — подумала Тора, закрыла глаза и вздохнула. — Представления не имею, что нужно искать. Просто посмотри, есть ли какая-нибудь связь между лисами и лошадьми, особенно — жеребцами. — Поскольку Белла не понимала суть проблемы, Тора решила дать ей более подробные разъяснения. — Белла, в конюшне обнаружен труп мужчины, которого насмерть затоптал жеребец. К груди убитого была привязана дохлая лиса. Подозреваю, в этом есть какой-то смысл.

Мэтью подмигнул Торе и улыбнулся. Он знал о ее непростых отношениях с секретаршей и, хотя ни слова не понимал, с большим удовольствием следил за реакцией Торы. Когда в разговоре возникла небольшая пауза, он тут же вставил:

— Передай ей большой привет от меня.

Тора скривилась как от зубной боли.

— Да, Белла, ты непременно отыщешь что-нибудь полезное. Ты прекрасно поработала на кладбище и сейчас отлично справишься. Я верю в тебя. Мэтью передает тебе большой привет, — прибавила она и бросила на него хитрый взгляд. — Он обязательно прогуляется с тобой по конюшням, когда мы вернемся в Рейкьявик. Мы недавно побывали в одной. Мэтью до сих пор в полном восторге. Теперь только и мечтает, как бы поскорее снова оказаться возле лошадок, погладить и покормить их. Знаешь, немцы обожают исландских лошадей. — Тора попрощалась и повернулась к Мэтью. — Белла пригласит тебя на конюшню, — широко улыбнулась она. — Уверена, ты не откажешься. Она тоже передает тебе привет.

— Ха-ха, как смешно. Ты бы лучше рассказала ей о своем посещении конюшни и разговоре с Розой. Ты и трех слов сказать не успела, как та превратилась в фурию.

— Мда... Согласись, она повела себя странно. Независимо от того, был ли мой вопрос уместен. Однако прежде следует разузнать о ее отношениях с Йокуллом.

— Признаю, отреагировала она весьма болезненно. Поэтому я бы посоветовал тебе не совать нос в ее дела.

— Забавнее всего, что я была предельно вежлива, попыталась сгладить обстановку. Бергюр вел себя с ней ужасно, — проговорила Тора. — А я всего лишь хотела побольше узнать о молодом человеке в инвалидном кресле.

— Как видишь, напрасно, — сказал Мэтью. — Послушай, а в Интернете о нем случайно, нет информации? Едва ли он родился с подобными травмами. Полагаю, получил их во время пожара, а пожары — это всегда большая новость. Особенно если на них кто-то гибнет или получает увечья.

— Да, конечно, только мне хотелось бы услышать все от кого-то из местных. Так и легче, и надежней. И какие пожары я стану искать в Интернете? Их там тысячи, а я даже не знаю, когда он пострадал — то ли месяц, то ли десять лет назад. В газетах говорят только о потерпевших, но о самих травмах не пишут. «Жертвы в тяжелом состоянии доставлены в больницу, врачи делают все возможное» — вот и весь репортаж. Кроме того, неизвестно, где

он получил ожоги. Возможно, и вовсе не во время пожара, а упал в горячий источник, — вздохнула она. — Нужно заняться Йонасом. Моя задача — добиться, чтобы с него сняли обвинения.

— Попробуй — может, и получится, — проворчал Мэтью. — Хотя, думаю, ты и сама сомневаешься в его невиновности.

— Ты прав, к сожалению, — отозвалась Тора. — Но больше все же не верю в его причастность к обоим убийствам.

— Тогда кто их совершил? — спросил Мэтью. — Найдешь другого подозреваемого, и твоя задача существенно бы облегчилась. Но его нет.

Тора задумалась.

— Бергюр мог бы стать кандидатом номер один, только мне непонятно, зачем ему понадобилось убивать Эйрикюра. — Они прохаживались по автостоянке, откуда Тора звонила Белле. — Может, исключить находившихся на сеансе? — предложила Тора. — Как утверждает полиция, он проходил в то самое время, когда убили Бирну.

— Никаких других подробностей о времени смерти они не обнаружили? — поинтересовался Мэтью.

— Торольфур говорит, что убийство произошло между девятью и десятью вечера в прошлый четверг, — ответила Тора. — Возможно, он основывается на результатах вскрытия. Это совпадает со временем, указанным в сообщении, отправленном с телефона Йонаса. Встреча Бирне была назначена на девять. Сеанс начался в восемь. Мы с тобой шли с берега примерно полчаса. Если бы убийца действительно находился на сеансе и пошел на берег и обратно пешком, он бы не успел вернуться в отель до десяти — скажем, в половине десятого. Дорога на автостоянку была перекопана, а коли его машина осталась на главной дороге, ему пришлось бы слишком долго до нее добираться.

— Тебе известно, кто находился на сеансе? — спросил Мэтью. — Прежде чем исключать всех присутствующих, хорошо бы хоть что-нибудь о них знать.

— Мне о них ничего не известно, но, я уверена, Вигдис нам поможет, — сказала Тора. — Многие оплачивали вход по кредитным картам, установить их имена несложно.

— Почему ты сосредоточилась на вероятных подозреваемых и выпустила из виду тех, кто вне подозрений?

— Потому что в первом случае я сразу многих исключаю из числа потенциальных убийц, к тому же автоматически складывается перечень людей, которые могли бы увидеть, как Йонас блуждал возле отеля между девятью и десятью. Таким образом, у него появится алиби. — Тора проследила взглядом за пролетевшей над ними чайкой. — Если, конечно, убийца не скрылся отсюда, — задумчиво проговорила она и воскликнула: — Море! Разве не мог преступник подойти к берегу на моторной лодке?

Мэтью не разделил ее радостного волнения.

— Опасно. Тебе не кажется? Мы же видели берег. Лично я не рискнул бы высаживаться на него с моря. Камни моментально разорвут дно лодки. Хотя, — прибавил он, — поблизости от того места есть бетонный причал. Вот там вполне можно пристать, а перед самым сеансом переправить лодку к отелю. Давай-ка пройдем туда, проверим нашу догадку.

Они спустились к небольшому причалу, находившемуся в маленькой бухточке к востоку от отеля. На берегу Мэтью обернулся и указал рукой в его сторону:

— Обрати внимание, нас никто не видит. — Из-за макушек деревьев торчала только крыша гостиницы. — Можно спокойно делать что угодно. — Он показал Торе на

пристань. — Похоже, пользуются ею не часто. Ни канатов, ни швартовых тумб. Лодку привязать не к чему.

Тора осмотрела края пристани — на углах между ними отсутствовали старые автомобильные покрышки. Здесь явно никого не было.

— Согласна, — кивнула она. — Но все равно нужно спросить Вигдис. Может, она все-таки видела в тот вечер какую-нибудь лодку. — Ветер переменялся, и их тут же окутала вонь гниющего неподалеку кита. — Господи, какой кошмар, — пробормотала Тора. — Вон он лежит! — Она махнула рукой в сторону громадной разлагающейся туши. — Видишь, ребра торчат?

Мэтью, зажав нос ладонью, покосился в указанном направлении.

— Ужас. Наверное, самый отвратительный запах на свете, — пробурчал он.

— Сходим посмотрим на него? Тут недалеко, только бухту обогнуть. Мы недолго.

— Ты серьезно? — не поверил Мэтью. — Действительно хочешь поглазеть на гниющие кишки?

— Да, конечно. Раз мы тут оказались, почему бы не пройтись до него? — ответила Тора, и в ту же секунду зазвонил ее мобильный. Увидев на дисплее номер, она нажала кнопку и холодно сказала: — Привет.

— Ты собираешься отвечать на мои сообщения или нет? — послышался раздраженный голос бывшего мужа. — Не знаю, где тебя черти носят, но мне надоело постоянно тебе звонить. Я не вчера родился и понимаю, что ты отключаешь телефон, забавляясь со своим новым мужиком.

Не упомяни он о новом мужике, Тора бы, возможно, и смолчала, но теперь рассвирепела по-настоящему и заговорила, как в лучшие дни их совместной жизни.

— Заткнись, Ханнес! И слушай внимательно! Я здесь работаю. Тут дыра несусветная, и сигналы не всегда проходят, — без запинки выпалила она, хотя о прохождении сигнала узнала совсем недавно. — Могу сказать только одно — Гульфи и Солей остановились где-то возле Селфосса, и их нужно забрать оттуда. Сига тоже там.

— И что я, по-твоему, должен делать? — проорал в ответ Ханнес. — Я тоже работаю. У меня нет возможности срываться с места и тащиться черт знает куда по каждому твоему звонку.

— Так ты поедешь за ними или нет? — не слушала его Тора. — Если нет, я звоню своим родителям. В отличие от тебя они не станут капризничать. Кроме того, это ты виноват, что дети от тебя убежали. Меньше нужно было выть в караоке. Ты их попросту достал своим «Глазом тигра». Да ты и сейчас торчишь возле установки. Вон у тебя «Последний отчет» играет. Все поп-идола из себя строишь? Не надоело еще?

В конце концов Ханнес согласился отправиться за детьми, и Тора, недовольная тем, что ему удалось вывести ее из себя, сунула телефон в карман, но через минуту снова вытащила и позвонила Гульфи. Сообщив, что за ними приедет отец, она поежилась и только через минуту, немного успокоившись, повернулась к Мэтью.

— Семейная драма, — пояснила она. — Пойдем в «Крепну», осмотрим рабочее место Бирны.

— С удовольствием, — отозвался тот. — Куда угодно, только подальше от протухшего кита. И кто знает — возможно, мы найдем на стропилах имена других убитых?

Они снова прошли вдоль пристани и уже начали подниматься к отелю, как вдруг Тора заметила отчаянно махавшего им мужчину и узнала в нем фотографа из журнала для

любителей путешествий, Робина Кохмана. Она помахала в ответ, и тот вскоре подошел к ним.

— Привет. А я вас ищу, — проговорил он.

— Вот как? — сказала Тора, убыстряя шаг. — Мы здесь уже довольно долго.

— Сегодня вечером я уезжаю. Хочу отдать вам фотографии Бирны. Узнав о случившемся, — он скорбно покачал головой, — я решил подарить снимки тем, кто ее знал. Какая страшная трагедия. Не ожидал столкнуться здесь с подобным.

— Ужасно, но бывает и такое, — проговорила Тора. — Будем надеяться, полиция поймает виновника.

— С вами уже говорили детективы? — поинтересовался Мэтью. — Они расспрашивают всех постояльцев отеля.

Робин кивнул:

— Да, мы общались сегодня утром, но что я могу сообщить? Ничего существенного.

— То есть отдавать фотографии полиции вы не захотели? — спросила Тора. — Нет, мы, конечно, возьмем их у вас, но мне просто любопытно.

— Я подумал, что это им ни к чему, — пожал плечами Робин. — Какое отношение они могут иметь к убийству Бирны? Всего лишь невинные бытовые снимки. — Он дружелюбно улыбнулся. — Кроме одного, где в объектив попала мертвая лиса.

Они сидели в баре, на столе перед ними возвышалась стопка фотографий, извлеченных Робинем из толстого плотного конверта с написанным на нем именем Бирны.

— И где вы ее снимали? — спросил Мэтью, показав пальцем на дохлую лису в центре фотографии.

Мертвый зверек лежал на боку в густой траве. Язык свешивался из пасти, роскошный светло-коричневый мех был изодран и перепачкан кровью.

— Она валялась возле тропинки, ведущей к старой ферме, расположенной неподалеку отсюда. Бирна попросила меня сходить с ней, пофотографировать. Мы долго бродили и наткнулись на лису. Бирна посоветовала мне запечатлеть и ее. Снимок, конечно, не передает всех ощущений, но там и сама лиса, и местность виделись по-другому. Несчастное животное было ранено и пыталось ползти. От охотника она, конечно, ушла, но только рана оказалась смертельной.

— Вы взяли лису с собой? — спросила Тора.

— Да вы что?! — воскликнул Робин. — Мы к ней и не приближались. Она уже начала разлагаться, у нас и мысли не было до нее дотрагиваться.

— Как вы полагаете, мог кто-то прийти туда после вас и взять лису? — продолжала расспрашивать фотографа Тора.

Робин изумленно поглядел на нее и перевел взгляд на Мэтью.

— Не понимаю, куда вы клоните, но, думаю, это вполне вероятно. Лиса была отлично видна с тропинки. Любой шедший по ней обязательно бы ее заметил. — Лицо его вдруг вытянулось. — Представления не имею, кому она могла понадобиться. Хотя, возможно, у нее ценный мех. Неужели исландцы так любят лис?

Тора улыбнулась.

— Не до такой степени, чтобы собирать их трупы. Нас с Мэтью судьба мертвой лисы интересует совсем по другой причине, но слишком долго объяснять. — Она взяла стопку фотографий и начала их просматривать. — Бирна не говорила вам, почему выбрала именно

этот пейзаж? Я смотрю, тут преимущественно виды старой фермы и ее окрестностей и только на одной изображен стальной люк, а на второй, насколько я могу судить, внутренняя стена дома. Зачем они потребовались Бирне, вы не спрашивали?

Робин склонился над фотографиями.

— Стальной люк вроде бы попал в кадр случайно, он находился на поляне недалеко от фермы, с другой стороны холма, — пояснил он. — А внутренняя стена сфотографирована здесь, в старой части отеля, в подвале. Бирна, ничего не объясняя, попросила меня снять стену на следующий же день. Относительно люка она тоже ничего не говорила. Да я и не расспрашивал — подумал, речь идет о ее архитектурном проекте. Я и сейчас не понимаю, зачем ей нужны были снимки.

— Она ничего не рассказывала вам об этом камне? — Мэтью кивнул на три фотографии валуна с надписью, обнаруженного ими позади отеля.

— Немного. Забавно, пока я фотографировал, она по моей просьбе перевела надпись. Очень необычный стишок. Я еще посмеялся и спросил: «У вас, исландцев, традиция такая — выбивать надписи на камнях?» Бирна ответила, что традиции такой нет. Она сама удивилась, увидев на камне надпись.

— Она не объяснила вам ни причину своего удивления, ни значение надписи?

— Нет вроде бы, — покачал головой Робин. — Бирна подумала, что стихи оставил кто-то из прежних обитателей фермы. Она не исключала, что камень является надгробием, поставленным на могиле домашнего любимца, только стихи сочла не совсем подходящими. Она довольно долго ломала голову над надписью, но, мне кажется, так ни к какому выводу и не пришла.

Мэтью тронул Тору за рукав.

— Посмотри, какая занятная фотография. — Он передал ей снимок Бирны, разговаривающей со стариком у входа в отель. Тора жадно схватила его. — Они могли обсуждать перестройку дома. Он же хочет жить там круглый год, — улыбнулся Мэтью.

Робин наклонился над карточкой, вызвавшей у Торы столь живой интерес.

— Ах вот вы о ком. Я снял их ради забавы. Мы возвращались со старой фермы, подошли к отелю, когда появился этот старик и о чем-то заговорил с Бирной. Он живет здесь, я его неоднократно замечал в ресторане.

Тора кивнула.

— Вы не в курсе, о чем они беседовали? — спросила она.

— Понятия не имею, — отозвался Робин. — Они говорили по-исландски. Хотя не нужно быть лингвистом, чтобы по выражению лиц определить настроение человека. Разговор был явно не дружеский. Я сфотографировал их, а вскоре они начали спорить, и я убрал фотоаппарат.

— Бирна не рассказывала вам потом о предмете спора? — вмешался Мэтью.

— Она произнесла странную фразу. Об ответственности людей за их прошлые осознанные поступки, — сказал Робин. — Она была сильно раздражена, поэтому я не стал ее расспрашивать. — Он задумался. — Она сравнила прошлые грехи со старыми долгами. Я не очень понимал ее и сменил тему.

Услышав о прошлых грехах, Тора и Мэтью вопросительно переглянулись. Им вспомнился Магнус Балдвинссон.

Медсестра подошла к кровати, на которой дремала старушка, мягко потрясла ее за

плечо и тихо проговорила:

— Малла, дорогая, просыпайтесь. Нужно принять таблетки.

Старушка открыла глаза. Она долго молча смотрела в потолок, затем часто-часто заморгала и слабо откашлялась. Медсестра знала, что иногда бабушка приходит в себя не сразу, поэтому терпеливо ждала, держа в руке небольшой пластиковый стаканчик с белыми и красными таблетками.

— Давайте приподнимемся, — сказала она, — а через минутку опять ляжем.

— Она приходила, — прошептала бабушка, продолжая рассматривать потолок и словно не замечая стоявшую возле кровати женщину, терпеливо ожидавшую, когда же больная оторвет голову от подушки.

— Кто приходил? — спросила медсестра безо всякого интереса. Она давно уже привыкла к той белиберде, которую постоянно несли старики, особенно спросонок. В такие минуты они будто уходили в далекое прошлое, когда были моложе, здоровее и не нуждались ни в ком и ни в чем.

— Она приходила, — повторила бабушка с улыбкой. — И простила меня. Она уже не сердится. Она всегда была такой ласковой.

— Вот и замечательно, — мягко проговорила медсестра. — Сердиться нехорошо. — Она потрясла стаканчиком с таблетками. — А теперь привстаньте и выпейте лекарство.

Старушка, словно не слыша, смотрела на молоденькую медсестру.

— Я ее спросила, не сердится ли она на меня, а она ответила: «А почему я должна на тебя сердиться?» — Старушка с трудом приподнялась на локтях. — Ласковая была. Всегда ласковая.

— Водичку сами подержите или мне подержать? — спросила медсестра, взяла со стола стакан и передала его бабушке.

— Я, конечно, объяснила ей, почему она должна на меня сердиться, — говорила бабушка, по-прежнему не проявляя интереса ни к водичке, ни к таблеткам. — Мне казалось, она всегда знала, что я была там. — Она удивленно покачала головой, отчего ее седые нечесанные пряди пришли в движение. — А выходит, она этого и не знала. — Старушка закрыла глаза. — Ну, все равно она меня простила.

— Прекрасно, — отозвалась медсестра, поставила на стол стаканы с таблетками и водой, подхватила бабушку под руки и осторожно подтянула к спинке кровати. — Давайте-ка сядем попрямее. — Сгорбленная спина не позволяла больной полностью выпрямляться, но для приема таблеток хватало и этого. — А вот и лекарство. Быстренько пейте, а то меня другие пациенты ждут. — Медсестра поднесла к тонким бледным губам бабушки стакан с водой.

Та послушно открыла рот, принимая таблетки. Она наизусть знала процедуру: дождалась, пока медсестра даст ей воды, и только тогда проглотила. Вытерев рот тыльной стороной ладони, Малла опять посмотрела на медсестру.

— Ласковая она была, хорошая. Приятно вспомнить. Подумать только!

— О чем мы должны подумать, дорогая Малла? — вежливо осведомилась медсестра, подозревая, что бабушка не в своем уме.

— Она же меня простила, — сказала та, не переставая удивляться. — А ведь я ничего для нее не сделала.

— А я уверена, что вы очень много для нее сделали, — улыбнулась медсестра. — Просто сейчас не все помните.

Глаза старушки недовольно сверкнули.

— Как это, не помню? Я все прекрасно помню. Она умерла. Как же я могу забыть такое?

Медсестра погладила старушку по седым волосам. Та болтала явный вздор. «Рехается потихоньку. Вот уже и мертвецы начали ее посещать», — подумала она, помогла ей лечь поудобнее и проговорила:

— Вот и все, дорогая Малла. А теперь постарайтесь уснуть.

Как только голова Маллы коснулась подушки, глаза ее закрылись.

— Убили. Повсюду зло. — Она облизнула губы и, уже засыпая, прошептала: — Милая моя доченька. Моя маленькая Кристин.

— Должно быть, именно эту лису кто-то привязал к телу Эйрикюра, — предположил Мэтью. — По крайней мере ее нигде не видно. — Они с Торой медленно шли по тропинке, ведущей к «Креппе», по которой несколько дней назад туда же направлялись Робин и Бирна. На месте, где, по словам Робина, лежал труп лисы, теперь ничего не было.

— Ты абсолютно прав. Ее, конечно, могли сожрать другие хищники, но их тут, по моему, нет, — сказала Тора. — Кроме овец, никаких иных животных в округе я не заметила, а они, насколько мне известно, лис не едят. — Она посмотрела на небо. — Или ее склевали птицы? Но тогда где же кости?

— Следовательно, убийца шел этой дорогой. — Мэтью пошарил в траве веткой, подобранной во время поисков лисы.

— А может, он ранил ее и преследовал, но появился здесь уже после того, как Робин и Бирна ушли, — предположила Тора. — Но для какой цели ему понадобилась мертвая лиса?

— Надеюсь, твоя чудо-женщина Белла это выяснит, — проговорил Мэтью. — Вероятно, лиса должна что-то означать.

— Означать? Служить посланием? — Тора с сомнением поглядела на него. — От Общества защиты животных? Или кого ты имеешь в виду?

— Убийцу. Я не исключаю, что он человек со странностями и таким необычным образом хотел передать некое сообщение. Ты не в курсе, к телу Бирны не было привязано ничего подобного?

— Насколько мне известно, нет, — отозвалась Тора. — В противном случае мне бы наверняка об этом сказали. В подошвы ее ног были точно так же воткнуты булавки, но ни о лисах, ни о других животных никто не упоминал.

Они остановились на засыпанном гравием дворе перед фермой.

— Интересно, чья это машина? — спросил Мэтью, указав на относительно новый «рено-меган», припаркованный неподалеку.

— Представления не имею, — пожала плечами Тора. — По идее здесь сейчас никого не должно быть, — проговорила она, заметив в одном из окон свет. — Хотя, может быть Элин с братом приехали забрать оставшиеся вещи. Тогда мы как раз вовремя. — Она вытащила ключ, но дверь оказалась незапертой. Тора толкнула ее и заглянула внутрь. — Здравствуйте! Есть тут кто? — позвала она.

— Здравствуйте! — раздалось в ответ, они услышали звук приближающихся шагов и увидели Берту, дочь Элин.

— О, это вы? — удивилась Тора.

На девушке была бандана, в руке — мокрая тряпка.

— А я так перепугалась, у меня чуть сердце из груди не выскочило. Заходите, пожалуйста, — сказала она. — Мама и дядя Бёркур попросили меня упаковать всякое старье. — Она продемонстрировала тряпку. — А поскольку здесь очень пыльно, то каждую вещь предварительно приходится протирать. На это уходит ужасно много времени.

Мэтью улыбнулся девушке. Приятно встретить человека, помнившего, что ты иностранец, и без труда говорившего по-английски.

— Привет. Рад вас видеть, — протянул он девушке руку.

— Взаимно, — ответила Берта. — У меня хватило сообразительности прихватить с

собой термос, — рассмеялась она, — и я только что приготовила кофе. Вы вовремя пришли. Стейни кофе не пьет, а я сварила много.

Они прошли в кухню, где в инвалидном кресле сидел молодой человек. Как и в прошлый раз, лицо его скрывал капюшон. Он бросил из-под него быстрый взгляд, но ничего не сказал.

— К нам гости, Стейни, — радостно произнесла девушка. В ответ тот пробормотал что-то неразборчивое. — Пожалуйста, наливайте себе кофе, — предложила Берта и, махнув рукой в сторону раковины, где стояли небольшие фарфоровые чашки, улыбнулась. — Я их недавно помыла.

— Спасибо, с удовольствием выпью, — сказала Тора. — Не знаю, как бы я без него жила. Спала бы, наверное, постоянно. — Она налила две чашки — одну подала Мэтью, вторую взяла себе. — Много вам еще осталось собирать вещей? — спросила она Берту, отпив глоток.

— Очень много, — вздохнула девушка. — О чем я только думала, согласившись помочь маме и дяде? Но вообще-то я не сильно сокрушаюсь. Забавно держать в руках старинные вещи, которые любили прабабушка и прадедушка.

— Охотно представляю. Знаете, мы хотели бы взглянуть на комнату, в которой работала Бирна. Нам сказали, у нее здесь где-то наверху был кабинет. Так? — спросила Тора.

— Да. Пожалуйста. Вас проводить? Только там почти пусто. Одни рисунки да всякая ерунда. Компьютера, во всяком случае, нет. У Бирны был ноутбук, но она никогда его не включала. — Девушка показала на шнур от кофеварки. — Здесь старые розетки, к ним нужен переходник. К тому же Бирна опасалась падения напряжения в сети и не хотела рисковать. Боялась, что либо компьютер выйдет из строя, либо данные на диске потеряются. Поэтому перед выходом из отеля всегда заряжала аккумулятор ноутбука.

— Это не важно, — заверил девушку Мэтью. — Нам не требуется влезать в ее компьютер. Просто интересно, чем Бирна занималась.

Глаза Берты сузились.

— Вы считаете, что убийство Бирны как-то связано со зданием, которое она проектировала? — Судя по тону, подобная идея казалась ей невероятной. — Разве не очевидно, что убийца — сексуальный маньяк?

— Нет, совершенно неочевидно, — возразила Тора, но предпочла пока не говорить девушке об аресте Йонаса. «Иначе она подумает, будто мы работаем на убийцу, замкнется и откажется помогать не только нам, но и любому, хоть немного знакомому с Бирной», — подумала она. — Маловероятна только связь убийства с ее работой по возведению пристройки. Вот мы и ищем необходимые доказательства этому.

— А, понятно, — протянула Берта. — Со дня убийства меня здесь не было, — прибавила она. — Я думала, сюда нагрянет полиция — станет все обыскивать, — поэтому решила некоторое время ничего не трогать. Правда, полицейские так и не явились — наверное, посчитали, что им нечего тут смотреть. — Она взглянула на Тору. — Вы адвокат, да? Защищаете интересы Йонаса?

— Совершенно верно, — ответила Тора, скрестив за спиной пальцы в надежде, что Бирна не станет ее спрашивать о владельце отеля.

— Тогда вы имеете полное право входить в комнату Бирны, — объявила девушка. — Ведь вы не будете мешать проведению расследования?

— Господи помилуй. Ни в коем случае, — без тени смущения заверила Тора. — У меня

и в мыслях такого нет. И мы ничего не собираемся трогать. Всего лишь оглядим комнату. — Она сделала еще глоток и улыбнулась. — Вы замечательно готовите кофе.

— Спасибо, — отозвалась Берта. — Правда, кое-кто считает, что он у меня получается слишком крепким, — покосилась она на Стейни.

— Да, он у тебя слишком крепкий, — услышался голос из-под капюшона. — Даже чересчур крепкий.

В подобных ситуациях Мэтью чувствовал себя гораздо увереннее Торы, поэтому сразу отреагировал:

— Добавьте немного молока, и кофе перестанет быть крепким. Маленькая хитрость, — рассмеялся он и продолжил своим обычным спокойным тоном: — Попробуйте. Я лично добавляю сливки.

— Мне просто не нравится кофе, — пояснил Стейни. — Я пью только кока-колу.

Берта тепло улыбнулась Мэтью, а Тора принялась лихорадочно придумывать уместную фразу. Ее трогало любовно-заботливое отношение девушки к юноше-калеке.

— Пойдемте? — неожиданно предложила Берта. — Ваш приход для нас со Стейни настоящий праздник, — прибавила она и направилась к двери, ведущей в коридор.

— Да, конечно. — Тора поставила чашку на стол. То же сделал и Мэтью. — Оставайтесь здесь, если хотите. Обещаю, мы ничего не будем трогать, — заверила она девушку.

— Не волнуйтесь, я все равно скоро закончу уборку. Работы осталось не так много.

Они гуськом поднялись по лестнице и подошли к комнате Бирны. Именно ее так и не смогла открыть Тора, когда была здесь с Мэтью.

— Я заперла комнату на ключ, как только услышала об убийстве. — Немного помучившись с замком и покачав дверь, Берта наконец открыла ее. На столе они увидели недопитую бутылку шипучки, на подоконнике стояла пепельница. Повсюду валялись различные предметы. Как и в гостиничном номере Бирны, на стене висели чертежи, в основном сделанные от руки, но было и несколько распечатанных на принтере.

Тора принялась внимательно рассматривать эскизы предполагаемой пристройки.

— А это что такое? — спросила она, показав на рисунок незнакомого здания с соснами позади него, автобусами и пешеходами. — Разве такой виделась Бирне пристройка к отелю? — Здание было выполнено из стекла и бетона и имело громадные окна. Тора с трудом представила себе человека, готового жить в гостиничном номере с окнами вместе стен.

— Едва ли, — сказала Берта. — Бирна показывала мне рисунки пристройки, и ни один из них даже отдаленно не напоминал этот. — Она взгляделась в один из углов распечатки и проговорила выпрямляясь: — Рисунок сделан неделю назад. Кстати, когда я находилась здесь последний раз — Бирна пригласила меня посмотреть на свои работы, — его тут не было.

— А когда вы запирали комнату, он висел? — поинтересовался Мэтью. — Ведь не мог же он появиться после смерти Бирны?

Берта наморщила лоб, пытаясь вспомнить.

— Честное слово, не знаю, — неуверенно ответила она. — Перед тем как закрыть комнату, я оглядела ее, но не обратила особого внимания на стены. — Она чувствовала себя виноватой, словно ребенок, уличенный в небрежности. — Но в одном я уверена: после меня сюда никто не входил.

— Когда точно вы заперли комнату? — спросила Тора.

— В субботу, после обеда. А это так важно? — встревожилась она. — Вы думаете, здесь побывал убийца?

— Нет, — покачала головой Тора. — Мне кажется, это маловероятно. К тому же немногие знали, что Бирна здесь работала.

Она подошла к столу. На нем также лежали рисунки и чертежи, между которыми валялось несколько кредитных карточек. Их осмотр не дал ничего интересного, за исключением того факта, что Бирна являлась постоянным клиентом «Эссо» и пользовалась туннелем Хвальфьордур. Стол и ящики рассохлись от времени и перекошились, так что Торас трудом их вытянула. Два оказались пустыми, в третьем она нашла карандаш, точилку и ключ на брелке с неизвестным ей логотипом. Тора взяла его в руку. Он оказался очень маленьким и вряд ли подходил к дверным или к автомобильным замкам. Никаких других запоров ей в голову не пришло.

— Вы не знаете, что это за ключ? — спросила она Берту.

— Понятия не имею. Но он принадлежал Бирне, потому что появился здесь после ее приезда. Я сама убирала комнату, за несколько часов до того как Бирна вошла сюда.

Тора сунула ключ в карман.

— Я возьму его на время, — объяснила она Берте. — Не волнуйтесь, если полиция попросит меня отдать ключ, я, разумеется, так и сделаю.

— Мне все равно, — сказала Берта. — Важно, чтобы нашли убийцу, а кто именно это сделает — меня не волнует.

— Мы как раз и занимаемся его поисками, — вставил Мэтью. — Больше в вашем доме нет вещей Бирны?

— По-моему, на кухне есть ее бокал. Да, и еще ботинки, они стоят при входе. Хотите осмотреть их?

— Нет, не хотим, — усмехнулась Тора. — Скажите вот еще что. Бирну интересовал люк, который находится недалеко от вашего дома. Вы, случайно, не знаете почему?

Берта медленно покачала головой.

— Нет, но, возможно, она думала, как бы удлинить здание. Эта мысль возникла у нее примерно за два месяца до появления здесь.

— Нет, люк заинтересовал ее совсем недавно, — возразил Мэтью. — Кстати, вы представляете, о каком именно люке мы говорим?

— Конечно, представляю. Здесь всего один люк. Показать вам его?

Тора посмотрела на Мэтью и пожала плечами.

— Почему бы и нет? — сказала она.

Направляясь к выходу, Тора воспользовалась случаем и поинтересовалась у девушки, не находила ли она среди вещей нацистские регалии и не упоминала ли о них Бирна.

Услышав вопрос, Берта замерла, потом резко повернулась к Торе и удивленно спросила:

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Видите ли, мне они попадались, когда я разбирала старые вещи в подвале отеля. Я подумала, а вдруг и вы находили что-нибудь подобное.

— Серьезно?! — воскликнула Берта, даже не пытаясь скрыть изумления. — Странно. Может быть, они не принадлежали моей семье?

— Может быть, — согласилась Тора, хотя в душе исключала подобную возможность. — Да, чуть не забыла, — спохватилась она. — Имя Кристин вам ничего не говорит?

— Вы имеете в виду Кристин Свейнсдотир? — спросила Берта не оборачиваясь, и сердце Торы подпрыгнуло от счастья. — Она моя школьная подруга. Много лет вместе учились. Правда, с тех пор мы с ней ни разу не встречались. — Только тут Берта оглянулась. — А откуда вы ее знаете?

Тора попыталась скрыть разочарование.

— Я говорила о совсем другой Кристин, которая много лет назад могла жить здесь или поблизости отсюда.

Берта покачала головой:

— Нет, ни о какой другой Кристин мне неизвестно. Про старину меня можно не спрашивать. Лучше с мамой поговорите.

«Удача оказалась призрачной», — подумала Тора.

— Это и есть тот самый люк? — Она показала на тяжелую стальную плиту с приваренной к ней ручкой, возле которой остановилась Берта. От дома их отделяло не больше двадцати метров.

— Да, — кивнула девушка. — В нем нет ничего примечательного. — Открывать будете? Пожалуйста, — махнула она рукой Мэтью, приглашая его взяться за плиту. Тот нагнулся и с трудом начал поднимать ее. Заскрипели петли, крышка отошла на несколько сантиметров от земли и замерла.

— А что там внизу? — спросил Мэтью.

— Ничего, — ответила Берта. — Насколько мне помнится, когда-то хранился уголь. С кухни туда есть вход, но я не помню, чтобы его кто-нибудь открывал. Здесь уже лет тридцать электрическое отопление.

— На подвал можно взглянуть? — Мэтью опустил плиту и вытер руки.

Берта кивнула, прибавив, что и там смотреть не на что. Она провела их вниз по лестнице в дальний конец подвала, откуда они по узкому коридору приблизились к настежь раскрытой стальной двери. Внутри действительно ничего не было, кроме мрака. В тусклом свете слабенькой лампочки они едва разглядели черные как смоль пятна, оставшиеся от когда-то хранившегося здесь угля.

— Все пусто, — сказала Берта, выходя последней и прикрывая за собой дверь. — Бирна сюда не заходила. Она вообще не интересовалась нашим подвалом. Ни разу про него не спрашивала. Хотя точно сказать не могу. Ведь она чаще всего находилась здесь одна. — Берта подошла к лестнице и обернулась. — Только зачем ей лазить по подвалам?

Оказавшись снова на первом этаже, Тора и Мэтью попрощались с Бертой, поблагодарив ее за помощь. Мэтью попросил девушку передать привет Стейни. Тора же пыталась удержаться от вопроса, что же все-таки случилось с несчастным юношей. Но любопытство все-таки взяло верх над вежливостью.

— Простите меня, Берта, — тихо проговорила она, — я все хотела спросить вас: как Стейни оказался в инвалидном кресле? Что с ним стряслось?

Берта тяжело вздохнула.

— Автокатастрофа, — пояснила она. — Стейни ехал в машине, курил, в него врезался другой автомобиль, и машина Стейни загорелась.

— Господи, какой ужас, — сочувственно произнесла Тора. — Его парализовало?

— Нет, по крайней мере позвоночник не поврежден. У него ноги плохо двигаются. Но в принципе ходить он может. Несколько мышц на лице сгорели, и он до сих пор мучается после операций по пересадке кожи. К счастью, мне удалось уговорить его пройти еще один

курс физиотерапии. Врачи уверяют, что со временем все нормализуется. — Она бросила быстрый взгляд на открытую дверь кухни, проверяя, не слышит ли их Стейни. — Самое ужасное, что автомобилем, который врезался в Стейни, управлял пьяный водитель. Стейни же был абсолютно трезв.

— Того водителя наказали? — поинтересовалась Тора. — Он предстал перед судом? Берта холодно улыбнулась.

— В какой-то мере. Он погиб. А вместе с ним и его жена. — Берта замолчала, словно не решаясь продолжить. — Они местные, жили не так далеко от нас. Родители Розы, супруги Бергюра.

«Ах, так вот оно что, — удивилась Тора. — Все дороги ведут к Бергюру с фермы „Тунга“».

Тора сидела за компьютером в офисе Йонаса, прижав к уху телефон.

— Полиция передает судье мнимые свидетельства вашей вины, я же попробую доказать их несостоятельность. Затем судья допросит вас. Отвечать на его вопросы вы не обязаны, но я бы посоветовала вам не отказываться. Только в исключительных случаях вы можете проигнорировать какой-то вопрос.

— У меня будет возможность заявить о своей невинности? — испуганно спросил Йонас. — Неужели судьи не способны отличить правду от вымысла? Ведь их же специально для этого готовят.

Как Тора ни старалась, ей не удалось сдержать смех. Предусмотрительно прикрыв трубку ладонью и вволю повеселившись, она наконец продолжила:

— Йонас, судьи — обычные люди и тоже могут делать неправильные выводы. Кроме того, они обязаны принимать во внимание предоставленные доказательства, и если в них имеется прямое указание на вину или сокрытие каких-либо фактов, судья трактует их не в пользу обвиняемого, как бы убедительно тот ни говорил о своей невинности.

— Черт подери, я боюсь, — с чувством произнес Йонас.

И Тора пожелала, чтобы и на следующий день, в суде, он так же горячо не признавал себя виновным. «Кто их знает, этих судей. Глядишь, его страстность и подействует», — подумала она.

— Я прекрасно вас понимаю, Йонас, — заверила Тора. — Только постарайтесь держать себя в руках. Помните — завтра я буду рядом с вами, и давайте надеяться на лучшее.

— А вы что скажете? — поинтересовался Йонас. — У вас есть какая-нибудь новая информация?

— Я не люблю торопить события. Кое-что должно произойти сегодня вечером, но к десяти утра, когда вы предстанете перед судьей, мне, к сожалению, не удастся обнаружить ничего нового.

Молчание, повисшее на другом конце провода, свидетельствовало об охватившем Йонаса отчаянии.

— Однако я сделаю все, что в моих силах. Обещаю вам.

— Сделайте хоть что-нибудь! — взмолился Йонас. — Неужели так сложно найти настоящего убийцу или другого обвиняемого?

— Конечно, несмотря на все мои усилия. Я бы и актера наняла, готового признаться в несовершенном преступлении, но где ж его взять? — Она подвигала по столу мышкой, и экран монитора засветился. — Какой у вас пароль, Йонас? Я включила ваш компьютер, но не могу войти без пароля.

— «Травка», — сказал Йонас. — Маленькими буквами.

Тора застонала.

— Вы с ума сошли! Я обязательно его сменю. Если полиция конфискует ваш компьютер, такой пароль сразу насторожит их. Я придумаю что-нибудь более невинное.

Прежде чем закончить разговор, она заменила пароль «травка» на «амнистия».

— Маленькими буквами, — прошептала Тора, печатая его.

— Вы с кем сейчас разговариваете? — спросил Йонас. — С привидением?

Тора с улыбкой посмотрела на Мэтью.

— Да, именно с ним. Жду, когда оно назовет мне имя убийцы. Возможно, до завтрашнего утра и успеет.

Мэтью вальяжно развалился в кресле напротив Тора. Перед ним лежала внушительная стопка бумаг.

— Мне удалось идентифицировать несколько машин, — сообщил он.

Тора взяла бумаги. Мэтью с утра около часа блуждал по автостоянке, записывая номера автомобилей постояльцев и сотрудников отеля, после чего занялся главным — проверил, нет ли их в списке машин, проезжавших по туннелю Хвальфьордур в тот день, когда под копытами жеребца погиб Эйрикюр.

— Как это ты умудрился так быстро все закончить? Сколько машин вообще в списке?

— Примерно пятьсот, но полицейские оказались любезнее, чем я предполагал, — отметили красным фломастером номера автомобилей, которые, по их мнению, могут быть причастны к преступлению. Некоторые среди них принадлежат служащим отеля, — ответил Мэтью. — Проблема возникла с арендованными машинами, поскольку их владельцем считается сама фирма.

— Значит, ты проверил все номера с автостоянки? — переспросила Тора.

— Да. Кое-каких арендованных машин в полицейском списке нет. Кстати, я воспользовался услугами Вигдис, администратора. Мы вместе ходили по автостоянке, и она называла мне имена владельцев, — прибавил Мэтью. — Память у нее просто удивительная, всех помнит. — Он потянулся к стопке, взял несколько листов и проглядел их. — К сожалению, наши труды отчасти напрасны. Все владельцы арендованных машин — иностранцы и находятся вне подозрений. Между прочим, ни японцы, отец и сын, ни фотограф Робин в тот день по туннелю не проезжали.

— Робин был в районе западных фьордов, — напомнила Тора. — Ему незачем было ехать по туннелю. Японцы, как утверждает Вигдис, вообще никуда не ездят. А как насчет остальных?

— Не знаю, чем это нам поможет, но полиция засекала машину Бергюра. Он проезжал по туннелю туда и обратно до обеда, поэтому не стоит выпускать его из поля зрения, — проговорил Мэтью, не отрываясь от списка. — Травмированного брокера в списке нет, в его состоянии водить опасно. Наш байдарочник Тростур уехал отсюда в шесть утра, а убийство, как мы знаем, произошло примерно в обед. Следовательно, он вне подозрений, поскольку вернулся много позже.

— И как долго он отсутствовал? Есть ведь и другой путь, вокруг Хвальфьордура. Он длиннее. Байдарочник мог утром направиться отсюда через туннель, затем вернуться кружным путем, убить Эйрикюра и снова уехать этим же маршрутом. — Она поморщилась. — Звучит, конечно, не слишком правдоподобно. Если он проехал по туннелю за полчаса или даже за час до убийства, то просто не мог за такое короткое время возвратиться, затащить Эйрикюра в конюшню, убить, уехать и вернуться. Точное время смерти Эйрикюра неизвестно. Полиция утверждает, что умер он примерно в полдень.

Мэтью уточнил по списку, когда Тростур находился в туннеле.

— В сторону Рейкьявика он проехал в шесть утра, обратно — через два с половиной часа.

— Ну, тогда совсем другое дело. Он вполне мог убить Эйрикюра, — резюмировала Тора. — Нам следует разыскать байдарочника. Если он не убивал, возможно, ему что-то известно. Давай рассказывай об остальных.

— Сотрудники, похоже, в основном оставались здесь. В списке указано лишь несколько машин, принадлежащих им. Разумеется, я мог кого-то и проглядеть, но пока заметил только двоих, пользовавшихся в тот день туннелем. Йокулл проехал по нему отсюда и вернулся через два часа, то есть он один из возможных кандидатов. Полиция засекала в туннеле еще одну машину, принадлежащую сотруднице отеля. Вигдис назвала мне ее имя. Зовут ее Сольдис, работает здесь горничной. По туннелю она проезжала вскоре после обеда, то есть почти сразу после преступления. По словам Вигдис, она ездила в Рейкьявик, отдавала машину в автомастерскую, но с кем вернулась, администратор не в курсе. Не знаю ни саму Сольдис, ни того, кто ее подвозил.

— Сольдис — юная девушка. Совсем не похожа на убийцу, — сказала Тора. — Я с ней как-то разговаривала. Производит приятное впечатление. Ведет себя как хорошо воспитанный ребенок. И если мы считаем, что оба преступления совершил один человек, то, думаю, следует исключить женщин, — прибавила она. — Бирну перед убийством изнасиловали.

— Возможно, ты и права, но полиция отметила красными крестиками не только мужские, но и женские имена, — возразил Мэтью. — Мужчина убивал, но женщины могли предоставить ему свои машины. Впрочем, как и мужчины. Если полиция засекала в туннеле чей-то автомобиль, то это вовсе не означает, что за рулем сидел его владелец.

— Ты абсолютно прав, — согласилась Тора. — Но тогда какой толк от наших поисков по списку?

— Не торопись впадать в панику, — улыбнулся Мэтью. — Я тщательно изучил список, поскольку никогда не знаешь, о чем думает полиция, и установил следующее: Бёркур и Элин, продавшие Йонасу землю, незадолго до обеда проезжали по туннелю в нашу сторону. Обрато они не возвращались. Берта миновала туннель в сторону Рейкьявика примерно за час до убийства и тоже в тот день не вернулась.

— Считаешь, с Эйрикюром могли разделаться брат с сестрицей? — удивленно спросила Тора. — Уж кого-кого, а их я заподозрила бы в последнюю очередь. Не могу представить, зачем им понадобилось убивать чтеца ауры.

— А кто его знает? — пожал плечами Мэтью. — Между прочим, я порасспросил Вигдис об этом старичке, Магнусе Балдвинссоне, и она поведала, что сюда он приехал не на своей машине. Его привез внук. И как бы мало он ни годился на роль убийцы, я все же замечу — в тот день Магнус никуда не уезжал.

— Есть еще Бергюр и его жена, — задумчиво сказала Тора. — Мне плохо верится, что практически под носом у них происходит убийство, а они об этом ни сном ни духом. Бирна была его любовницей, он нашел ее труп. Потом обнаружил Эйрикюра, да еще у себя на конюшне. У жены Бергюра имелись все основания убить Бирну. Правда, непонятно, зачем ей убивать еще и Эйрикюра. — Тора посмотрела на Мэтью. — Как ты думаешь, могла Роза убить Бирну? Сегодня она вела себя странно. А изнасиловать Бирну мог ее помощник.

Мэтью пожал плечами.

— Вполне возможно. Вопрос в том, кто выступил в роли помощника. Может быть, Йокулл?

Тора, вздохнув, отвернулась к компьютеру.

— Все, хватит. — Она посмотрела на часы в углу экрана. — Давай лучше проверим, какие блюда предлагают сегодня в ресторане. И желательно поторопиться, иначе кухню закроют. Компьютер никуда не убежит.

Мэтью положил листы с номерами автомашин на стол, и они вышли из офиса. Тора заперла дверь. Она не боялась потерять список — в случае необходимости полиция дала бы ей копию, ведь никто не видел, как она его стащила. «Только в копии уже не станут отмечать красным фломастером нужные номера и имена, а выискивать их среди пятисот других — задача кошмарно сложная», — мелькнула у нее мысль.

— Надеюсь, они приготовят устрицы, — мечтательно произнесла Тора. — Или фрикадельки.

— Мое воображение рисует сочный сэндвич и кружку пива, — отозвался Мэтью. — По крайней мере мяса кита в нем не будет, да и тебе не придется делиться со мной устрицами. — Он замолчал, почувствовав, как Тора тихонько потянула его за рукав, и посмотрел на нее. Та кивнула на юную девушку, входившую в вестибюль с пожилой женщиной.

— Это и есть Сольдис, — прошептала Тора. — Та самая, из списка. Привет, Сольдис! — дружески обратилась она к девушке.

Сольдис и ее спутница остановились, и горничная выдавила слабое подобие улыбки.

— А, это вы... Привет!

Тора протянула пожилой женщине руку:

— Я адвокат. Работаю на владельца отеля, Йонаса. Сольдис любезно помогла мне в некоторых вопросах.

Женщину звали Лара.

— Если ты не торопишься, я бы хотела задать тебе еще пару вопросов, — с улыбкой обратилась Тора к Сольдис.

— Мы никуда не спешим, — ответила за нее Лара. — Я приехала сюда, чтобы отвезти ее домой. Время у нас есть. Можешь спокойно отвечать, Сольдис.

— Хорошо, задавайте свои вопросы, — согласилась девушка с подростковой беспечностью. Она жевала резинку, поэтому немного растягивала слова. — О чем вы хотели бы узнать?

— В общем, ничего особенного в моих вопросах нет, — начала Тора. — Просто нам в руки попал список автомобилей, проезжавших в воскресенье по туннелю. В нем есть и твоя машина.

— Правильно, — ответила девушка. — Я отогнала ее в ремонт. Получу только в среду. Пока меня возит бабушка, — кивнула она на пожилую женщину.

— А с кем ты вернулась сюда в то воскресенье? Мы пытаемся установить, кто, где и когда в тот день находился.

Судя по выражению лица, вопрос показался Сольдис странным.

— Меня подвез Тростур, — ответила она.

— Байдарочник? — уточнила Тора, удивленная не меньше Сольдис.

— Да. Я услышала, что ему нужно по-быстрому смотаться в Рейкьявик, и спросила, не подкинет ли он меня оттуда. Он сказал: «Нет проблем». — Она надула из жвачки большой пузырь и, когда тот лопнул, накрыв ее губы, ловко втянула клочки в рот. — Стейни меня подвел, хорошо хоть Тростур согласился помочь.

— Стейни? — переспросила Тора. — А кто такой Стейни?

— Мой друг, — ответила девушка. — Ну, типа друг. Он собирался довезти меня, но в последний момент отказался. Он вообще парень со странностями. Раньше таким не был, но после аварии стал немного... — покрутила она пальцем у виска.

— Ты говоришь о том парне в инвалидном кресле с обожженным лицом? — Тора с трудом сохранила спокойствие. — Разве он может водить машину?

— Конечно, может, — заверила Сольдис. — У него только правая часть лица обожжена, руками он отлично двигает. Ноги, правда, все перемолоты, но его машина оборудована какой-то штуковиной, которая помогает ему нажимать на педали. К тому же у него коробка-автомат.

— Вот как? Да, в таком случае разумеется, — пробормотала Тора, подавляя волнение. Ей и в голову не приходило, что Стейни способен управлять машиной. Он казался абсолютно беспомощным, полностью зависимым от посторонних. — И давно ты с ним познакомилась?

— Да я его с шести лет знаю, мы вместе в школе учились. Причем в одном классе. Мы одноклассники, потому нас вместе и записали. После аварии он переехал в другой дом, недалеко отсюда, и я стала навещать его. Поначалу из жалости, а потом мы подружились.

— Нормальный он парень? — спросила Тора. — Я встречалась с ним дважды — он производит впечатление очень сдержанного человека.

— Парень он клевый. Не такой, как все эти приезжие. — Сольдис снова хлопнула пузырем из жвачки. — Думаю, он чувствует себя неуютно, когда видит, как на него смотрят. Да к нему и ходят-то только двое: я и его двоюродная сестра Берта.

— Я и с ней познакомилась, — проговорила Тора. — Вы тоже дружите?

— Конечно. Ее я раньше не знала, она же из Рейкьявика. Мы встретились у Стейни. Она тоже клевая и к нему хорошо относится.

— Какая страшная трагедия, — вступила в разговор бабушка Сольдис, Лара. — Такие редко случаются. Трое местных попадают в аварию, двое погибают, а третий становится инвалидом.

— Вы имеете в виду пожилую пару, жившую рядом с фермой? — уточнила Тора.

— Да, именно. И наверное, самое ужасное, что Гвендур был пьян. Будь он трезвым, ничего бы не случилось. Их дочь Роза сильно переживала. Собственно говоря, гибель родителей ее и подкосила. Она и раньше-то общительной не была, а с тех пор стала совсем нелюдимой. Замкнулась в себе. Хотя ее-то никто ни в чем не винит.

— Значит, вы тоже из местных? — улыбнулась Тора.

— А как же. Здесь родилась и живу уже много лет, — произнесла Лара. Сольдис была очень на нее похожа. Лица их, несмотря на разницу в шестьдесят лет, имели много общего. — В молодости я уезжала в Рейкьявик, но скоро вернулась. Здесь мне нравится больше. С годами я все лучше понимаю: незачем куда-то отправляться, все равно ничего прекраснее не найду.

— Понимаю вас. Знаете, я тут столкнулась с массой любопытных вещей. Кстати, вам не доводилось знать бывших владельцев двух соседних ферм?

— Вы говорите о «Креппе» и «Киркюстетт»? Разумеется, я их знала, — гордо заявила Лара. — Гудни с фермы «Киркюстетт» была моей лучшей подругой. Вот почему я приезжаю сюда, хотя порой мне горько смотреть на здешние перемены. Жалко, что старое так быстро уходит.

— Вы помните прошлые времена? — Тора приготовилась задать самые важные вопросы.

— Да. Хотя, конечно, память моя, как и все остальное, ухудшается, но вот что интересно — давно прошедшее я помню лучше и отчетливее. Спрашивайте обо всем, не

стесняйтесь. Гримур и его брат Бьярни были людьми неординарными, поэтому меня не удивят даже самые необычные вопросы. Вся жизнь на здешней ферме была странной.

Тора готова была расцеловать бабушку Сольдис.

— Какое счастье, что я вас встретила! — обрадовалась она. — Измучилась искать людей, готовых говорить со мной об этих вещах. Одни ничего не помнят, другие не желают рассказывать, — выпалила она, переведя дух, и с места в карьер спросила: — Не знаете, имела ли ферма какие-нибудь связи с нацистами? Я нашла в подвале флаг, другие атрибуты и крайне удивилась — откуда тут, в сельском районе Исландии, взялись подобные вещи? Неужели здесь кто-то сочувствовал нацистам?

Лара горько вздохнула.

— К сожалению, да. Бьярни загорелся этими идеями. Однако не забывайте: после смерти жены Адалгейдур — она умерла году в тридцатом — он стал совсем другим человеком. Она для него много значила, и, потеряв ее, он потерял и часть разума, и часть своей рассудительности. — Неожиданно Лара хитро усмехнулась. — Но нет, как утверждают, худа без добра. Фактически на своей странности он и сделал громадные деньги. Вкладывал средства в такие дикие проекты, что все просто за голову хватались и ждали, когда же он обанкротится. Однако вот чудеса — все вложения приносили ему немалую прибыль, а ситуации складывались в его пользу. Вскоре после того как он занялся инвестициями, разразилась война, и деньги к нему потекли рекой. Все ему было на руку — и оккупация, и взлет рождаемости. А вот Гримуру, всегда отличавшемуся рассудительностью, не везло катастрофически.

— Он обанкротился?

— Нет, гораздо хуже, хотя, думаю, находился на грани банкротства. По образованию он был врачом, но поскольку в наших местах уже имелся доктор, практику Гримур не нашел и мало-помалу был вынужден заняться фермерством. Постепенно он и вовсе забросил медицину, решил расширить хозяйство, но так и не нашел работников. Все тогда рвались в Рейкьявик, где иностранные военные власти платили несравненно больше, чем здесь. От банкротства Гримура спас его брат Бьярни. Выкупил его собственность, но позволил Гримуру и впредь распоряжаться ею по своему усмотрению. Учтите — в те времена отношения между ними были весьма прохладными. Полагаю, Гримуру было тяжело принимать помощь от брата, но он не имел выбора. В довершение всего примерно тогда же умерла жена Гримура Криструн, оставив его с маленькой дочкой на руках. Криструн была психически больной женщиной. Я не очень хорошо ее помню, да она и сама нечасто на люди показывалась. — Лара немного помолчала и, набравшись сил, продолжила: — Теперь относительно нацизма. К Бьярни наезжали какие-то люди из Рейкьявика, хотели сделать его лидером националистического движения Западной Исландии. В задачу его входило вербовать юношей и девушек, чтобы создать из них политическую организацию. Подобные объединения, насколько мне известно, существовали на севере и на юге Исландии, правда, чисто номинально. Никакого влияния на политическую жизнь они не оказывали.

— Ну и как Бьярни? Справился с задачей? Много набрал молодежи?

— Вы знаете, начал он неплохо и даже преуспел, — снова улыбнулась Лара. — Только успех его крылся не в привлекательности нацистских идей, не в символике и знаменах, а в красоте и формах Гудни, его дочери. Она нравилась юношам больше, чем все нацистские символы, вместе взятые. Можно сказать, они по ней с ума сходили.

— Гудни и есть ваша лучшая подруга? Вы о ней упоминали? — спросила Тора.

— Она самая, — кивнула Лара. — Тогдашняя дружба отличалась от нынешней. Мы редко виделись с Гудни, но тем не менее были самыми настоящими близкими подругами. — Ее мечтательный взгляд устремился вдаль. Казалось, она забыла о стоявшей перед ней Торе. Затем Лара тряхнула головой и снова заговорила: — Гудни была красавицей и в детстве, и в юности. Вся в мать. Юноши боготворили ее. Только из-за нее и ходили на ферму. Они бы не только нацистами, кем угодно согласились стать на один вечер, лишь бы побыть рядом с ней. А в нацистской идеологии, по-моему, они и не пытались разобраться.

— Гудни присутствовала на встречах своего отца с молодежью?

— Боже упаси! — всплеснула руками Лара. — Она готовила кофе, сервировала стол. Иногда я ей помогала. Мы рассматривали ребят и тихонько хихикали. — Лицо Лары внезапно опечалилось, она покачала головой. — Не знаю, чем бы все обернулось, если бы не вмешалась судьба. Вскоре случилось непоправимое.

— Вы имеете в виду туберкулез? — спросила Тора.

— И туберкулез, помимо всего прочего, — ответила женщина. — Бьярни заболел и закрылся ото всех, то есть и от Гудни тоже, — вздохнула она. — Спустя некоторое время я уехала в Рейкьявик. Мы не встречались, только обменивались письмами. Игры в нацистов прекратились.

— Вы верите слухам, что Бьярни сожительствовал с Гудни? — брякнула Тора.

Лара посмотрела ей в глаза, набрала в грудь воздуха и медленно выдохнула.

— Господи, сколько лет прошло, а сплетни все живут, — проговорила она. — Вы знаете, как ни странно, в последнее время я много думала о Гудни. — Она кивнула на внучку, продолжавшую целеустремленно жевать резинку. — Как только Сольдис начала здесь работать, мне постоянно кто-нибудь напоминал о связи Бьярни с Гудни. — Она на секунду замолчала и пристально посмотрела в лицо Торы. — Бьярни обожал свою дочь. Он ее пальцем никогда не трогал, даже в приступе ярости. Он был странным человеком, но прекрасным отцом. Гудни тоже очень его любила — это видно из ее писем. Нет, я не верю грязным сплетням. Такого не могло быть. — Она вдруг опустила голову. — Потом письма от Гудни стали приходиться все реже и реже, и я поняла — что-то случилось. А в своем последнем письме, написанном вскоре после смерти Бьярни, она призналась мне, что у нее есть дочь. На тот момент ей исполнилось четыре годика. В то время иметь внебрачного ребенка считалось позором. Гудни боялась сказать мне об этом раньше. Она родила дочку, когда ей было всего шестнадцать. Об отце она ни словом не обмолвилась, пообещав рассказать все позже. А вскоре до меня дошло известие о ее смерти.

— Если не Бьярни, то кто же мог быть отцом ребенка? — удивилась Тора.

— Видите ли, я даже не знаю, на кого и думать, — пожала Лара плечами. — Люди обходили их ферму стороной — опасались туберкулеза. Вполне понятно — и болезнь заразная, и лечить ее тогда не умели. Как только отец Гудни отказался ехать в Рейкьявик, чтобы лечь в клинику, они практически ни с кем не встречались. Уезжать Гудни не захотела, осталась с отцом. Единственным человеком, навещавшим их регулярно, был Гримур, брат Бьярни. Если честно, я всегда подозревала, что именно он изнасиловал Гудни, но открыто заявить об этом не решалась — не было доказательств. Кроме одного — он отвратительный человек.

— Простите, а кого родила Гудни, мальчика или девочку?

— Девочку. Как сложилась ее судьба, понятия не имею. Ни разу о ней не слышала. Священник, возможно, крестивший ее, умер незадолго до моего возвращения сюда. Все, кого

я спрашивала, не видели ли они здесь маленьких девочек, отвечали: «Нет». Кое-кто, правда, слышал, что Гудни будто бы заказывала предметы детского обихода. Ходили слухи о смерти малышки от гриппа или туберкулеза. Тогда-то и пошла гулять эта история про инцест, но к тому времени и Гудни, и Бьярни уже умерли. Возможно, тут и я отчасти виновата: лезла ко всем со своими расспросами о девочке, начала даже разыскивать ее.

— С Гримуром вы тоже говорили об этом? — спросила Тора.

— Пыталась, но он и слушать не захотел. Вскоре после моего приезда сюда он переехал в Рейкьявик. Докопаться до истины я так и не смогла, поскольку инцест считался фактом позорным, о нем никто и упоминать-то не желал.

— Не помните, как звали девочку?

— Кристин. Во всяком случае, Гудни писала мне в своих письмах о маленькой Кристин, — сказала Лара. — Я везде искала надгробный камень с ее именем, но не нашла. Больше ничего о девочке не знаю.

— Кристин, — повторила Тора. — Значит, она все-таки жила здесь.

— Почему жила? Я не теряю надежды ее увидеть. Наверное, Гудни нашла для нее хороший дом, но держала все в тайне. Думаю, ей не хотелось, чтобы ее дочь тоже заразилась, а другие люди от нее шарахались. Она могла попросить Гримура позже зарегистрировать свидетельство о рождении девочки или просто подделать его. Думаю, Кристин увез Гримур, поскольку родилась она уже в тот период, когда Бьярни и Гудни все перестали навещать. — Лицо Лары посуровело. — Гудни была девушкой богобоязненной и никогда не похоронила бы дочь в неосвященной земле. Если она умерла, могилу ее следует искать только на местном кладбище. А раз ее там нет, значит, она жива. Во всяком случае, я продолжаю в это верить.

Тора кивнула.

— Разумеется, — проговорила она. «Никакая мать в здравом уме не похоронит своего умершего ребенка где попало, если есть кладбище. Кристин, должно быть, пережила свою мать». Тора не стала рассказывать старой женщине о камне, надпись на котором содержала намек на убийство Кристин. «Пусть думает, что девочка жива», — решила она и сменила тему: — Вы не знаете, позади отеля стояло какое-нибудь здание? Возможно, оно сгорело много лет назад.

— Здание? — удивилась Лара. — Здание тут одно, оно и сейчас стоит, хотя и включено в новый отель. — Она призадумалась. — Вы, наверное, имеете в виду амбар. Его действительно нет. — Она посмотрела в окно, выходящее на площадку позади отеля. — Да, да, совершенно верно. С той стороны стояли амбар и коровник. Они, возможно, и сгорели, только случилось это, должно быть, очень давно, до моего возвращения сюда, потому что я никакого пожара здесь не помню. Я даже не могу сказать, стояли ли они здесь, когда я вернулась.

— Полагаю, мой вопрос покажется вам странным, но все равно задам его, — проговорила Тора. — Вы не помните никаких событий, связанных с угольным бункером на ферме «Креппа»? Он находится под землей, но войти в него можно как с улицы, через люк, так и изнутри дома.

Лара, крайнее удивленная, немного подумала и ответила:

— Не припоминаю. А что с ним может быть связано?

Тора собралась было продолжить расспросы, но тут Сольдис недовольно воскликнула:

— Вот это да! Совсем обалдели! Ведь стоит же на дороге знак, запрещающий въезд

сюда таким машинам. У нас не кемпинг, а национальный природный заповедник.

— Только не это, — в отчаянии пробормотала Тора, увидев в окне вползавшего на автостоянку джипа лицо сына. Джип с жилым автоприцепом, взревев двигателем, сделал еще несколько мощных рывков и остановился.

Выбравшись из джипа, Гульфи открыл задние двери. С сиденья спрыгнула Солей, за ней тихонько выползла Сига. Гульфи предусмотрительно усадил ее сзади, чтобы в случае аварии надувная подушка не ударила ей в живот. «Слава Богу, он хотя бы о ее безопасности не забыл», — подумала Тора. Она и сама опасалась за здоровье Сиги, но еще больше боялась, что внук головкой будет походить на своего отца — головы новорожденных Гульфи и Солей сильно напоминали тыкву. Тора недолго билась над вопросом, как поступить с детьми, чуть больше времени занял поиск предлога, под которым следовало отослать их обратно. Однако, вспомнив, что уже десять вечера, она пришла к компромиссу: «Ладно, пусть остаются на ночь».

И направилась навстречу детям.

— Вы почему не уехали с отцом? — на ходу крикнула она сыну, не дожидаясь, когда тот подойдет к ней. — Он собирался забрать вас из Селфосса.

— Просто не уехали — и все, — ответил Гульфи, старательно запирая дверцы машины. — Мы не хотели возвращаться ни к нему, ни к родителям Сиги. Немного отдохнули, а потом решили добираться до тебя. А отца я убедил в бесполезности его поездки. Я с ним общался, если тебя именно это беспокоит.

Ни сам Ханнес, ни его настроение Тору совершенно не волновали, потому что она знала: бывший муж поедет куда угодно, хоть на край света, только бы избежать скандала. Сейчас ее больше заботило другое — перспектива крутиться как белка в колесе между Йонасом, Мэтью и детьми, с которыми прибыла и ее будущая беременная невестка.

— Как чувствуешь себя? Не устала? — поинтересовалась она у Сиги, тоненькой и хрупкой словно прутик. Солей, с улыбкой до ушей, прилипла к ней, обхватив за ноги.

— Спина немного побаливает, — отозвалась Сига, и Тора замерла от ужаса.

— Думаешь, скоро схватки должны начаться? Тогда тебе тем более нельзя здесь оставаться.

— Нет, мам, — ответил за нее Гульфи, не имевший представления о преждевременных родах. — Еще же не прошло девяти месяцев.

— Заходите, — сказала Тора, приглашая незваных гостей в вестибюль. — О твоих эскападах, Гульфи, мы обязательно поговорим, но позже. Даже думать о них не хочется. Ты не представляешь, как меня разочаровал, — шепотом пообещала она на ухо сыну и прибавила громче, для остальных: — Я сейчас спрошу, остались тут свободные номера или нет. Хватит по обочинам таскаться. Вот родится ребенок, тогда и путешествуйте сколько угодно. — Тора представила себе Гульфи с младенцем на руках за рулем джипа и похолодела от страха. Чтобы отогнать гнетущую мысль, она быстро уточнила: — Когда ребенок пойдет в школу.

Улыбающийся Мэтью стоял в дверях отеля. Тора сделала большие глаза и замотала головой.

— Дети, помните, я вам рассказывала о Мэтью? — обернулась она к следовавшей за ней цепочке. — Вот познакомьтесь. Он помогает мне в работе. Ведите себя прилично и не мешайте, у меня и без вас дел по горло. Ничего не ломайте и далеко не уходите. — Тора едва сдержалась, чтобы не сказать Сиге: «И не вздумай здесь рожать». Она понимала, что и первые-то две заповеди выполнить им будет чрезвычайно сложно.

— Не переживай, — успокоил ее Мэтью, когда они снова оказались в офисе Йонаса и уселись за компьютер. — Все идет как нельзя лучше. Твои детишки мне понравились. Они нас развлекут, хотя не такого отпуска я ожидал, — заговорщицки подмигнул он ей. — Кстати, здесь, наверное, можно нанять сиделку? Хотя бы на то время, пока мы ходим в ресторан и вдоволь насладимся органически выращенными сорняками.

Тора пристально смотрела на экран.

— Представляешь? В Интернете нет сборника сказок Йона Арнасона, — недовольно пробурчала она.

— Я могу принять твой ответ как «да»?

— О чем ты? — рассеянно спросила Тора, не переставая листать страницы. — Где только не искала — нет сказок, и все тут. Придется идти в библиотеку.

— Сейчас уже поздно, — взглянул на часы Мэтью. — Послушай, неужели этот стишок так важен?

Тора посмотрела на него и ответила:

— Нисколько. Мне просто нечего делать, вот я и убиваю время, ищу любую соломинку, за которую можно будет завтра уцепиться. Только нет их, соломинок.

— Если убийца — Бергюр или его жена, а совсем недавно ты сама склонялась к этой мысли, то какое отношение имеет к ним камень? — проговорил Мэтью. — Может быть, разумней сконцентрироваться на чем-нибудь другом? — Он подошел к окну и увидел подъезжающий к отелю автомобиль. Тот проехал по гравийной дорожке и припарковался прямо под окном. Водитель выключил фары и двигатель. — Постой, где там список?

Тора изумленно взглянула на него.

— Ты запомнил все номера? Там же тысячи машин, — потянулась она к перечню.

— Машин с личным номером не много, — ответил Мэтью, торопливо проглядывая список. — Вот он. Через час после гибели Эйрикюра эта машина проехала по туннелю из Рейкьявика. — Он вручил Торе бумаги. — Убедись сама. Номер с надписью «VERITAS». Я запомнил его, потому что сразу начал гадать, кем работает владелец автомашины с таким девизом. Ничего не придумал, поскольку в моем сознании с истиной связана только одна профессия — учитель математики.

Тора взяла список.

— Ты оказался не прав. Машина принадлежит политику, Балдвину Балдвинссону, внуку Магнуса, с которым мы уже беседовали. Зачем ему понадобилось вторично приезжать сюда?

— Навестить дедушку, — предположил Мэтью. — С барабанным боем оповестить с сокрушительной победой на выборах.

— Пойдем узнаем у него самого, — предложила Тора. — Судя по номерному слогану, соврать он не должен.

Балдвин стоял в вестибюле, барабанил пальцами по стойке администратора в ожидании, когда Вигдис, сидевшая за компьютером и что-то увлеченно печатавшая, наконец обратит на него внимание. «Боже, да она работает круглосуточно. Значит, Йонас платит ей неплохо», — подумала Тора.

— Вы, по-моему, и перерывов не делаете, — сказала она, останавливаясь рядом с Балдвином. — Как ни посмотрю — постоянно здесь. — Сразу набрасываться на политика с расспросами Тора не стала — решила вначале перекинуться парой фраз с Вигдис. Балдвин

ожидал, когда та закончит, и Тора могла не опасаться, что он вдруг уйдет.

Вигдис через плечо кинула на нее беглый взгляд.

— Приходится. Йонас обещал меня подменить, но сами знаете... Он хотел нанять еще одного администратора, только подходящий человек не попадался. — Она повернулась к Балдвину. — Можете занять четырнадцатый номер. Он как раз рядом с комнатой вашего дедушки. — Она подала Балдвину ключ.

— Так вы внук Магнуса? — с деланным изумлением посмотрела на него Тора. — Один из городских советников?

Балдвин искренне удивился. Выглядел он усталым и поразительно походил на деда. Тора вспомнила фотографию молодого Магнуса из газеты и подумала, как, должно быть, неуютно чувствует себя человек, видя, насколько годы изменяют его лицо.

— Да, — ответил Балдвин. — Мы знакомы?

— Нет, но я много слышала о Магнусе. Я подруга Бирны. — Тора протянула ему руку. Он пожал ее, и Тора, не отпуская его ладонь, спросила: — Вы ведь тоже знали ее, не так ли?

Балдвин на секунду застыл, словно увидел перед собой удава, но тут же взял себя в руки.

— Как вы сказали? Бирна? К сожалению, у меня нет знакомых с таким именем.

— На самом деле? — сказала Тора, но продолжать тему не стала. Все еще удерживая ладонь Балдвина, она почувствовала, как та покрывается потом. — Странно. Ведь вы же были здесь в воскресенье?

Балдвин напрягся, то ли от неожиданного вопроса, то ли от слишком длительного рукопожатия.

— Я? В воскресенье? Нет, вы ошибаетесь.

— Разве? — Тора изобразила еще большее удивление. — Мне кажется, я ехала по туннелю за вашей машиной. Хотя, возможно, это не так. — Она наконец отпустила Балдвина, и тот отпрянул от нее как от прокаженной.

— Должно быть, вы перепутали. — Он поблагодарил Вигдис и, повернувшись к Торе, сверкнул жемчужной улыбкой: — Рад был познакомиться.

«Прожженный политик. Явно врет», — подумала она и, улыбнувшись в ответ, прощбетала:

— Я тоже. — А когда Балдвин ушел, спросила Вигдис: — Помните его? Он же был здесь вечером в воскресенье.

— Нет, не был. Я видела его здесь дважды — днем, когда он привез сюда деда, и вечером, незадолго до сеанса.

Тора вцепилась в край стола.

— Он был здесь в тот вечер?

— Ну я ведь только что сказала. — Вигдис удивленно посмотрела на Тору. — Они с дедом поужинали и отправились на сеанс, но, по-моему, им там не понравилось и они ушли задолго до перерыва.

Тора выразительно взглянула на Мэтью, и тот, поняв ее знак, собрался было перехватить инициативу и вступить в разговор с Вигдис, как вдруг Тора заметила в ее руке небольшой ключ, очень похожий на тот, что они нашли в ящике стола в «Креппе».

— Какие-нибудь проблемы? — спросила Вигдис, заметив странный взгляд Торы. — Дети хорошо устроились?

— Отлично, — заверила та, не отрывая глаз от ключа. — Можно мне взглянуть? — Она достала из кармана ключ, взятый на ферме. — Я нашла очень похожий, но не знаю, что им

открывают.

— Личный ящик для вещей, — объяснила Вигдис, неохотно протягивая Торе ключ. — Если вы нашли такой же, значит, его посеял кто-то из наших сотрудников. Люди часто теряют вещи, особенно маленькие.

— Этот ключ принадлежит не сотруднику, — возразила Тора. — Вы не знаете, у Бирны тоже был свой ящик для личных вещей?

Вигдис задумалась.

— Насколько мне известно, нет, но с другой стороны... Ящики установили совсем недавно. Она сама выбирала модель, сама же и заказывала. Возможно, оставила один для себя. — Вигдис обошла стол и направилась в коридор. — Пойдемте проверим, — бросила она на ходу Торе и Мэтью. — Ящиков не много — посмотрим, подойдет ли ваш ключ к какому-нибудь из них.

Они последовали за Вигдис в комнату для сотрудников, где вдоль одной из стен расположились высокие узкие ящики.

— Можно начинать? — спросила Тора, подходя к крайнему из них.

— Конечно, — кивнула Вигдис. — Только седьмой не открывайте, это мой.

Торе не потребовалось много времени на поиски — ключ подошел к третьему. Дверца его тихонько скрипнула и распахнулась. Тора посмотрела на Мэтью и заглянула внутрь. От волнения у нее перехватило дыхание, однако ненадолго.

— Пусто, черт подери, — разочарованно проговорила она.

— Разрешить? — попросил Мэтью. Тора отошла в сторону, уступая ему место. Мэтью сунул голову в ящик и замер. — Что ты там увидел интересного? — Тора нетерпеливо хлопала его по спине.

— У тебя, случайно, с нет собой пинцета? — вопросом на вопрос ответил Мэтью.

— Зачем он тебе понадобился?

— Затем, что нам не следует оставлять отпечатков пальцев, — ответил Мэтью, появляясь из ящика.

— У вас нет поблизости аптечки? — спросила Тора у Вигдис и, не дожидаясь ответа, еще раз внимательно осмотрела внутренность ящика. На сей раз заметила небольшой бумажный прямоугольник, приклеенный скотчем. Кончики его немного отходили от металлической стенки. «Что бы это могло быть?» — подумала Тора. Вигдис протянула ей пинцет, и она принялась отдирать скотч. Вигдис и Мэтью напряженно следили за ее движениями.

— Бинго! — воскликнула Тора, демонстрируя им бумажный прямоугольник в пинцете, оказавшийся фотографией. Тора повернула ее изображением вверх, и все они ахнули от удивления.

— Господи помилуй! — воскликнула Вигдис. — Да это же Балдвин Балдвинссон. А я и не знала, что он неонацист!

— Это не Балдвин, — поправила Тора и положила снимок на столик, за которым сотрудники пили кофе во время кратких перерывов, — а его дед Магнус.

— Да, точно. Они ж похожи как две капли воды. На месте Магнуса, ну или Балдина, не важно, я бы эту фотографию давно сожгла.

— Будь у них такая возможность, они бы именно это и сделали, — отозвалась Тора и повернулась к Вигдис. — Пожалуйста, не рассказывайте никому о нашей находке.

— Господи, о чем вы говорите? Разумеется, — заверила та, припоминая телефон Гуллы

и график работы Каты, косметолога. Она несколько не сомневалась, что слово «никому» не распространяется на ее лучших подруг, которым она смело может довериться. Вигдис быстренько собрала сумочку и поспешила к своему рабочему месту. Проходя мимо Мэтью, она положила руку ему на плечо и дружески сообщила, что исландцы — люди образованные, не склонные к предрассудкам, и не следует верить всей той белиберде, которую о них рассказывают. Ошеломленный неуместной фамильярностью, Мэтью промолчал, проводив Вигдис долгим взглядом.

— О чем она говорила? — спросил он у Торы, когда администратор скрылась из вида.

Тора сразу догадалась: данная им сексопатологом Стефанией клятва относительно конфиденциальности бесед, не стоила и ломаного гроша, — но разочаровывать Мэтью не стала, а, изобразив непонимание, отделалась рекомендацией:

— Не принимай близко к сердцу. Они тут все малость с приветом. — И с мягкой улыбкой прибавила: — Мне пора укладывать Солей. А когда сама лягу, я даже не знаю. Ты же видишь, как развиваются события.

Тора вновь уселась за компьютер Йонаса.

— Все сходится, — бормотала она, просматривая ссылки, выданные ей «Гуглом» на запрос «Балдвин Балдвинссон». Она открыла несколько ссылок, но безрезультатно. И все же Тора продолжала свои попытки, одновременно беседуя с Мэтью.

— Как сходится? — спросил тот. — Бирна не хотела, чтобы фотографию нашли, потому и спрятала ее в таком месте. Единственный человек, которого она могла заинтересовать, — Магнус, но для убийства он слишком стар. Да и зачем Магнусу убивать Бирну, даже зная, что фотография у нее в руках?

— Он не единственный кандидат на роль убийцы, — ответила Тора. — Обнародуй Бирна фотографию, Балдвин потерял бы много больше. Судя по статье, которую я просматриваю, будущей весной он собирается участвовать в парламентских выборах. Кстати, здесь тоже упоминается о его разительном сходстве с дедом, как внешнем, так и внутреннем. Представляю реакцию его потенциальных избирателей, увидевших фотографию Магнуса в нацистской униформе. Они бы приняли его за Балдвина — и конец избирательной кампании. — Она оторвала взгляд от монитора. — Гляди, какой пижон. Разъезжает в авто с личным номером «VERITAS». Создает о себе самое благоприятное впечатление. И вдруг — нацизм. Все знают, что он, как искусственный спутник, постоянно вертится вокруг своего деда, и если подмочить его репутацию, это неизбежно отразится на Балдвине.

— Какую цель, по-твоему, преследовала Бирна? Почему не отдала фотографию? Предполагала шантажировать их? Ни Магнус, ни Балдвин не производят впечатление очень богатых людей. «VERITAS» на стареньком джипе. — Мэтью пожал плечами.

— Думаю, она наткнулась на снимок случайно, перебирая старье в подвале. Взяла его просто из любопытства, безо всякой задней мысли. А потом неожиданно поняла, что вполне может извлечь из него пользу. Нет, полагаю, ей нужны были совсем не деньги, — проговорила Тора, открыла следующую ссылку и, пробежав глазами, сказала: — Довольно интересно. Оказывается, наш Балдвин занимается в совете поиском архитектора для возведения новой автостанции в Рейкьявике. Помнишь рисунок на стене «Креппы»? Здание из стекла и бетона с автобусами и пешеходами? Лесистых пейзажей в Исландии не много. Один из предполагаемых районов для строительства — холм Оскьюхлид. — Тора взмахнула рукой. — Все ясно: она намеревалась получить контракт. Вот чем объясняется ее звонок

Балдвину.

Мэтью с сомнением покачал головой:

— Бирна шантажировала Балдвина? Заставляла его склонить совет к принятию ее проекта? Ты на это намекаешь? Верится с трудом.

— Учти, в Исландии получить заказ такого масштаба — то же, что крупно выиграть в лотерею. Огромная удача. Одно здание в густонаселенном месте — и архитектор становится известным на всю страну. К нему выстраивается очередь из клиентов. Такая уж у нас система, да и не только у нас, а во всем мире.

— Не может один человек уговорить городской совет принять тот или иной проект, — настаивал Мэтью.

— Не может, верно, — согласилась Тора. — Только ему и не придется никого особенно уговаривать. Он имеет доступ ко всей информации, знает всех участников конкурса, достоинства и недостатки проектов. Приемная комиссия, конечно, знакома с выдвигаемыми требованиями, и побеждает проект, наиболее им соответствующий. К примеру, если архитектор узнает, что комитет хотел бы получить здание попросторнее и повыше, он такое и предложит. Что тут непонятного? Архитектор, посвященный в тонкости, имеет явное преимущество. На этом фоне речистому политику пара пустяков доказать своим коллегам целесообразность принятия именно этого проекта. Кстати, на одном из сайтов я вычитала, что еще в колледже Балдвин два года подряд занимал первые места на конкурсных дебатах. Думаю, говорить он умеет, и весьма убедительно.

— К чему ты, собственно, клонишь? По крайней мере меня твой монолог не убеждает. Не вижу никакой связи ни с убийством Бирны, ни с гибелью Эйрикюра.

— Помнишь, мы видели в ежедневнике Бирны электронный адрес Балдвина?

— Помню. Уж не хочешь ли ты написать ему письмо? — удивился Мэтью.

— Нет, — ответила Тора, — у меня есть идея получше. — Она потянулась к телефону. — Я попрошу полицию покопаться в компьютере Бирны, поискать копии писем, направленных на электронный адрес Балдвина. Сейчас компьютер в их полном распоряжении, и я уверена — они уже наткнулись на эти копии.

Когда после долгого ожидания Торе наконец ответили, она, представившись, постаралась говорить как можно солиднее:

— Не могли бы вы соединить меня с Торольфуром Кьяртанссоном? Я звоню по поводу убийств в Снайфелльсне. Мне необходимо передать ему важное сообщение, а лучше, если возможно, побеседовать с ним.

Дождаясь переключения, она тихонько насвистывала под игравшую мелодию. Звучала та несколько минут, после чего послышался усталый голос Торольфура:

— Да, слушаю. Что случилось?

Тора лежала в кровати, обняв дочь. Из комнаты, где находились Гульфи и Сига, она унесла ее, крепко спавшую, к себе, не столько желая оставить потенциальных молодоженов одних, а скорее из страха, что у юной мамы начнутся схватки и Солей перепугается. Мэтью безропотно переехал в свой номер. Тора мысленно поблагодарила его за понимание, поскольку ей и без него было над чем поломать голову. Ее заботил главным образом будущий день, она боялась, что Торольфур не заглохнет наживку, и тогда в защите Йонаса придется полагаться только на свое красноречие. Столь жалкая перспектива пугала.

Множество мыслей теснилось в ее голове. «Если Бирну убил Магнус либо Балдвин, то

кому выгодно избавиться от Эйрикюра? Он безвреден для обоих политиков. Мог ли чтец ауры быть сообщником Бирны? С какой целью к нему привязали лису и как понять надпись „PEP“? Если, конечно, она что-то означает».

Однако больше всего ее мучила мысль о неизвестной Кристин. Пока Тора определенно знала одно — это дочка Гудни и на первый взгляд никакого отношения к событиям не имеет. Появились и другие мысли, совсем отвлеченные, но Тора к тому времени слишком устала, чтобы сосредоточиться, и вскоре они превратились в единую массу из угля и стен, лошадей и продажи собственности со скрытыми дефектами, зависших дел и сломанной ноги...

Проснулась она внезапно, от странного звука, напоминавшего детский плач. Еще в полусне, охваченная гнетущими ночными размышлениями, она вытянула руки из-под посапывающей дочери и приподнялась. Звук повторился. Тора встала с кровати и подошла к окну, но в полутьме ничего не разглядела. Издалека снова послышался плач, затем прекратился так же неожиданно, как и начался. Тора закрыла окно и плотно задернула шторы. Вдруг перед глазами ее возник жуткий образ, которым она дразнила Мэтью, — младенец в окровавленной распашонке скачет, отталкиваясь от земли одной рукой. Как ни странно, картина показалась ей не столь уж и абсурдной. Она торопливо забралась под одеяло и поклялась ни единой душе не рассказывать о страшном видении. Сквозь закрытое окно уже не долетали ни горький детский плач, ни жалобные стоны.

Вторник, 13 июня 2006 года

Судья в черной мантии, отделанной сатином, впился взглядом в Тору. Он слушал ее, прикрыв рот сложенными лодочкой ладонями, то ли тайно показывая язык, то ли скрывая насмешку. Так по крайней мере думалось Торе.

— Представитель защиты, пожалуйста, можете продолжать, — прогремел голос судьи. — Все, что вы нам сообщили, чрезвычайно интересно.

Тора вежливо улыбнулась.

— Повторяю, что на улику наткнулась совершенно случайно и сразу сообщила о ней в полицию. Я возражаю против заявления представителя следствия, будто я обязана была уведомить полицию о находке, не дотрагиваясь до нее. Прежде всего я не знала, что именно нашла, и не представляла значимость улики для дальнейшего расследования. То, что это фотография, я поняла, уже сняв ее со стены. Уверяю вас, я приняла все меры предосторожности и брала только пинцетом.

— Методика, позаимствованная из фильма «Полиция Майами»? — Судья отнял ладони ото рта, и Тора увидела его улыбку.

— Совершенно верно, — улыбнулась она в ответ.

Судья повернулся к представителю следствия, который настаивал на дальнейшем содержании Йонаса под стражей.

— Выходит, расследование проведено поверхностно? Так почему же вы, вместо того чтобы прислушаться к советам защиты, отвергаете их? С вашей стороны было бы правильное поблагодарить ее за содействие. Если бы не ее активность, улика осталась бы найденной.

Представитель следствия попросил слова.

— Мы, несомненно, приветствуем усилия защиты по поиску новых доказательств и, конечно же, тщательно исследуем предоставленную фотографию. Несмотря на позднее время, отдел расследований направил офицера на место ее обнаружения сразу после полученного сообщения. — Он откашлялся. — Однако наша позиция остается неизменной — мы не видим оснований для освобождения подозреваемого из-под стражи. Невзирая на данные им исчерпывающие объяснения, мы считаем его причастным к тяжким преступлениям. Обнаруженный снимок ничего не меняет.

— У вас есть возражения? — спросил судья Тору.

— Фотография не является единственной уликой. Машина Балдина Балдвинссона проехала по туннелю Хвальфьордур в воскресенье в семнадцать часов пятьдесят одну минуту. Хотя сам Балдин Балдвинссон в разговоре со мной отрицал поездку, я считаю, времени для совершения второго убийства было вполне достаточно. Предположительно у полиции есть перечень автомобилей, проехавших по туннелю в день убийства Бирны. Насколько мне известно, автомобиль вышеуказанного Балдина фигурирует и в нем.

В тот вечер он присутствовал на сеансе в отеле, но ушел задолго до перерыва — иными словами, у него была реальная возможность убить Бирну. В руках полиции, несомненно, находится электронная переписка между Балдином и Бирной, с которой, правда, мне еще не дали ознакомиться. Из всех документов я имею только список автомашин, проехавших по туннелю в воскресенье, любезно предоставленный мне полицией.

Краем глаза Тора заметила, как заерзал на своем стуле Торольфур. Он явно горел желанием опровергнуть ее слова, но не мог этого сделать, поскольку тогда ему пришлось бы

признать небрежное обращение со следственной документацией — ведь он сам оставил список на столе, чем не преминула воспользоваться Тора.

— Я также обращаю ваше внимание на тот факт, что Эйрикюр, возможно, пытался написать на стене сокращенное название Рейкьявика, «РЕК», — продолжила между тем Тора, — но силы покинули его и последняя буква превратилась в Р. Не следует забывать, что, пока он выводил буквы, его бил копытами обезумевший жеребец. Возможно, «РЕК» означает «рейкьявикский комитет», а Балдвин, как известно, состоит членом комитета по строительству. — Тора на минуту умолкла и посмотрела на судью.

Тот медленно покачал головой:

— Прошу вас воздержаться от скоропалительных выводов. Балдвин Балдвинссон — член городского совета, а его дед Магнус — бывший министр. Нам следует быть крайне осторожными в своих действиях, дабы не нанести вред репутации людей, возможно, чистых перед законом. Призываю вас не разглашать данные сведения, поскольку не вижу для этого никаких причин.

— Мой клиент находится в таком же положении. Ему столь же дорога собственная репутация. — Тора мысленно поблагодарила звезды за то, что полиция еще не добралась до компьютера Йонаса, а она сообразила сменить в нем пароль. — Мой клиент признался, что имел половую связь с убитой в день ее гибели, но задолго до убийства. Именно фактом связи объясняется наличие на ее одежде его отпечатков пальцев. В тот день она не переодевалась — по крайней мере у меня нет доказательств обратного. Более того, мой клиент дал убедительные объяснения относительно своего местонахождения в дни убийств, хотя досконально проверить их у меня не было возможности. В разговоре с полицией он попросту забыл упомянуть о своей воскресной поездке в Рейкьявик, поскольку счел это событие незначительным — подобные рейсы он совершает часто и не заостряет на них внимания. Поэтому я прошу не судить его строго за обычную рассеянность.

Судья кивнул представителю следствия. Тот поднялся и заговорил:

— Как явственно показывает сегодняшнее заседание, расследование далеко от завершения и улики еще продолжают поступать. На данном этапе мы видим еще меньше оснований для освобождения подозреваемого из-под стражи. Неизвестно, что может выясниться в самое ближайшее время. Сколь бы увлекательной ни казалась нам версия о причастности к убийствам Балдина Балдвинссона, она не снимает подозрений с основного обвиняемого, присутствующего здесь. Кроме того, защита не привела нам ни одного убедительного доказательства связи Балдина с Эйрикюром. Поэтому мы настаиваем на продлении содержания обвиняемого под стражей еще на четырнадцать дней.

— На основании параграфа первого статьи сто третьей Уголовного кодекса, — возразила Тора, — мы считаем обвинения, выдвинутые против нашего клиента, недостаточными, а просьбу следствия — необоснованной из-за отсутствия прямых улик против него. Полагаю несостоятельными и утверждения полиции, будто мой подзащитный, находясь на свободе, воспрепятствует проведению объективного расследования, уничтожив улики, которые, как мы видим, продолжают поступать. К примеру, знай он о представленной здесь фотографии, то либо уничтожил ее, либо, напротив, сделал достоянием гласности. Мой подзащитный не мешал и никоим образом не помешает следствию. Учитывая сказанное, прошу отклонить просьбу полиции о продлении содержания моего клиента под стражей или, если таковое невозможно, об уменьшении срока дополнительного содержания до нескольких дней. Кроме того, я требую в самое

кратчайшее время ознакомить меня со всеми документами, собранными полицией в ходе расследования обоих дел.

— Ваша честь, — вмешался представитель следствия. — От руки убийцы погибли два человека. У нас есть достаточные основания подозревать находящегося здесь человека. Нам кажется неразумным выпускать из-под стражи подозреваемого в совершении особо опасных для общества деяний на основании одних только домыслов в отношении других людей.

На этом судья объявил прения сторон законченными и поднялся. Он сообщил, что вынесет свое решение до полудня, и попросил присутствующих не удаляться от зала суда. В сопровождении секретаря он вышел, и Тора обернулась к Йонасу.

— Остается только ждать и надеяться, — тихо проговорила она.

— Вы не предполагаете, каким будет его решение? — зашептал он в ответ. — Вы так красиво говорили, к тому же сегодня расположение планет для меня вполне благоприятное, если не сказать больше. Не могу поверить, что судья поддержит смехотворную просьбу следователей. — Лицо его стало серьезным. — Поразительно, сколько статей и параграфов хранится в вашей памяти, — восхищенно произнес он.

Тора улыбнулась. Приятно, что наконец-то хоть кто-то по достоинству оценил ее познания. Однако каким же долгим оказался ее путь к успеху. Только две малости омрачали столь торжественный момент — похвалил ее человек, подозреваемый в двойном убийстве, для которого расположение планет имело куда большее значение, чем вся юриспруденция, вместе взятая.

— Это еще что, — вздохнула Тора. — Видели бы вы меня, когда я перечисляла параграфы и статьи, касающиеся отверстий для писем в дверях и расположения почтовых ящиков.

Тора плюхнулась в стоявшее у входа в отель плетеное кресло и со стоном опустила на стол тяжелую папку с документами по двум делам об убийстве. Их ей передал служащий окружного суда в пакете из супермаркета.

— К сожалению, все мои доводы оказались бессильны, — сообщила она Мэтью, устроившемуся рядом. — Еще семь дней Йонас проведет в городской тюрьме. — Она оглядела территорию перед отелем и спросила: — Да, кстати, а где мои дети?

— Пошли посмотреть на дохлого кита. Я пытался их отговорить, но, по-моему, они меня не поняли. Думаю, зрелище неприятно удивит их.

Тора в этом не сомневалась.

— Они явно тебя не поняли, — согласилась она. Своих детей она знала отлично: никто из них и не подумал бы посмотреть на кусок гнилого мяса, тем более такой гигантский. Загадкой оставалась только реакция Сиги, поскольку она еще не успела как следует познакомиться с девушкой. — Зато мне удалось вырвать у них все документы по делам, — хлопнула Тора по оранжевому пакету. Торольфур попытался было затянуть передачу: заявил, что сначала нужно отправить их в Рейкьявик и сделать ксерокопии, — но судья попросил своего секретаря скопировать все прямо в здании суда, — победно улыбнулась она. — Нужно как можно быстрее все проштудировать — возможно, удастся найти неизвестные факты.

— Надеюсь, дополнительного вреда Йонасу они не принесут, — проговорил Мэтью. — Как думаешь, может полиция иметь новые улики против него, кроме уже существующих?

— Не думаю, а уверена — ничего больше у них против него нет. Они выложили все

факты, рассмотрели их так и эдак во время прений. — Торе казалось, что она не ошибается, тем более это подтверждало и решение судьи, сократившего срок пребывания Йонаса под стражей с двух недель до недели. — Бедный Йонас. Он так расстроился, услышав о продлении срока.

— Ничего удивительного, — сказал Мэтью. — Где он сейчас?

— Полиция отвезла его в тюрьму Литла-Храун. К сожалению, там содержатся и уголовники. Расположена довольно далеко от Рейкьявика, — сообщила Тора и прибавила: — А уж отсюда ехать совсем долго.

— Ты не собираешься в Рейкьявик в ближайшее время? — поинтересовался Мэтью.

— Нет, пока мне лучше оставаться здесь, — покачала головой Тора. — Торольфур не будет допрашивать Йонаса два ближайших дня. За это время они опросят свидетелей, отсутствовавших в отеле. Ему очень не понравилось замечание судьи о небрежно проведенном расследовании.

— Какие дополнительные улики они собираются тут обнаружить? — удивился Мэтью. — Мы и фотографию-то нашли совершенно случайно, наткнувшись на ключ от ящика. Подобные удачи дважды не бывают.

— Не уверена, — возразила Тора. — Есть у меня неприятные предчувствия. Я имею в виду нестыковку фактов. В их цепочке определенно не хватает каких-то звеньев. — Подхватив пакет, она прижала его к груди и поднялась. — Пойду быстренько просмотрю документы — может, обнаружится какая-нибудь зацепка, способная кардинально изменить все дело. Между прочим, я побывала в библиотеке, сделала копию сказки, откуда взят выбитый на камне стишок. Так, на всякий случай. Глядишь, поможет и ему найти какое-то объяснение, — проговорила она. — Я недолго. Да, если появятся мои дети, сделай любезность, отправь их в очередной поход «Миссия невыполнима».

Спустя два часа Тора выходила из офиса Йонаса. Несмотря на все старания, работа ее успехом не увенчалась. Она прочитала бесчисленные свидетельские показания, результаты двух патологоанатомических вскрытий и данные нескольких экспертиз. В папке не было заключения о тестах на ДНК спермы, обнаруженной в теле Бирны, но имелись запросы на их предоставление и данные о группе крови двух источников семени. Тора не смогла понять — вскрылся ли данный факт случайно или кто-то с самого начала подозревал, что Бирна имела половой контакт с двумя мужчинами, и потому запросил медицинское подтверждение. Недоумевала Тора и по другому поводу: из каких соображений Бирна пошла на близость с двумя мужчинами в один день. Следующей неожиданностью стало обнаружение во влагалище Бирны, помимо спермы, органического вещества, обозначенного в отчете как *A. Barbadensis Mill*, *A. Vulgaris Lam*. Тора записала название, намереваясь расспросить о нем Мэтью, но на вразумительный ответ не надеялась. «Может, Бирна сама засунула в себя это, непонятно, правда, с какими целями?» — недоумевала она.

Помахав Мэтью, сидевшему в баре за бокалом пива, Тора направилась к нему, положила на стол изученную папку и села рядом.

— Детей пока еще трое? — поинтересовалась она.

— Зрелище кита их, по-моему, впечатлило, — ответил Мэтью. — По крайней мере Гульфи и Солей вернулись с берега зеленые. Нормально выглядела только беременная девушка. Я купил им кока-колы, и они отправились к себе смотреть видео.

— Я спросила, сколько их — трое? Четвертый не появился? — повторила вопрос Тора,

подзывая официанта.

— А, вон ты о чем. Нет, бабушкой ты еще не стала. Можешь расслабиться. — Он чокнулся с ней и повел бокалом в сторону папки. — Отыскала что-нибудь интересное?

— Ничего. Одни подтверждения известных фактов и наших с тобой догадок. Булавки или иголки, воткнутые жертвам в ступни, лиса, привязанная к телу Эйрикюра, убитая, согласно заключению, несколькими часами раньше. Точнее, застреленная из ружья. Никаких объяснений по этому поводу. Зачем ее привязали к Эйрикюру — неизвестно.

— Твоя драгоценная Белла на связь еще не выходила? — спросил Мэтью. — Ты вроде просила ее разузнать о лисе.

— Черт подери, я совсем о ней забыла! — спохватилась Тора, потянувшись к стоявшему неподалеку телефону.

— Привет, — послышался голос Беллы. «Вот дает. Как дружку из постели отвечает. Ни названия конторы, ни „Слушают вас“, ни почтения к предполагаемому клиенту, — подумала Тора, но сдержалась. — Я ей все потом выскажу».

— Привет, Белла. Это Тора, — отозвалась она. — Не удалось выяснить ничего относительно лис и лошадей?

— О чем это ты? — удивилась Белла. — Ах да... — Она замолчала, и Торе показалось, будто она чувствует запах табака и видит, как секретарша выпускает изо рта дым. — Белла, я же запретила тебе курить в офисе! — возмутилась она.

— Да ты что? Я и не думала курить, — ответила секретарша, и Тора уловила легкое потрескивание табака. «Неужто перешла на трубку? Совсем наша девушка спятила. Или мне действительно мерещится?» Прежде чем она поделилась с Беллой своей догадкой, та продолжила: — В общем, так. Поболтала я со своими знакомыми лошадиниками, те ничего вразумительного не сказали, но посоветовали обратиться к охотникам. Я нашла одного и кое-что из него вытянула, но не много.

Тора моментально забыла о табаке.

— Говори, не тяни, — нетерпеливо произнесла она, втайне надеясь, что Белла хотя бы иногда может оказаться полезной.

— Так вот, — меланхолично бубнила та. — Лошади, как объяснил мне охотник, чую дохлую лису, начинают паниковать и даже могут взбеситься. Особенно сильно на них действует запах разлагающейся лисы.

— Об этом знают только охотники? — возбужденно спросила Тора. — Лошадиникам данный факт неизвестен, или твои собеседники просто недостаточно информированы?

— Недостаточно информированы о ком? О лисах? — съязвила Белла. — Может быть. Но в лошадях, насколько я смогла убедиться, они разбираются отлично. Слушай, на кой черт тебе сдалась эта лиса?

— Спасибо, Белла, — ушла от ответа Тора. — Можешь идти домой.

Предложение это не было особенно щедрым, поскольку отсутствие секретарши никак не сказывалось на работе конторы. Тора повернулась к Мэтью.

— Убийца привязал лису к Эйрикюру, чтобы напугать лошадь и довести ее до бешенства. По его расчетам, жеребец должен был не травмировать Эйрикюра, а забить насмерть. Сделал это охотник — только они знают, как ведет себя лошадь при виде дохлой лисы. — Немного подумав, она прибавила: — Интересно, Бергюр охотится на лис? Он собирает гагачий пух, но в его комнате я видела коробку охотничьих патронов. — Она пристально посмотрела на Мэтью.

Тот ответил ей таким же твердым взглядом.

— Может быть, Эйрикюр хотел написать не «РЕР», а «БЕР», но первая буква у него не получилась? Не удивительно: ведь он выводил их под копытами взбесившейся лошади. — Он вытащил свой мобильный и нашел сделанную им фотографию надписи. Затем увеличил ее, выведя буквы в центр экрана.

— Черт возьми, похоже, я прав! Взгляни сама, — передал он телефон Торе. — Видишь, нижняя диагональная линия первой буквы не такая прямая, как у третьей.

Тора внимательно рассмотрела снимок, положила телефон на стол и снова подняла глаза на Мэтью.

— Торольфур, думаю, тоже обратил внимание на разницу в написании букв. Он, конечно, и бровью не повел, но, мне кажется, остался доволен. Полагаю, он в самое ближайшее время навестит Бергюра.

— Или его жену, — поправил Мэтью и многозначительно сказал: — Кто его знает?

— Совершенно верно, никто не знает, — согласилась Тора. — Всякое случается. Я читала результаты вскрытия — они показывают, что Бирна стала жертвой изуверского изнасилования. Женщина, конечно, могла присутствовать на месте преступления, но скорее всего в качестве сообщницы. Если Роза замешана в убийстве, роль насильника выполнял явно не Бергюр. Сама мысль, что они, сговорившись, вдвоем убивали Бирну, мне кажется невероятной.

В этот момент к ним подошла Сольдис:

— Моя бабушка хочет поговорить с вами и попросила позвонить ей. Это по поводу вашей вчерашней беседы. — Она посмотрела на носки своих ботинок. — Можете, конечно, и не звонить, но вот на всякий случай ее номер, — протянула она Торе бумажку и быстро пошла из бара.

Тора немедленно подняла трубку. Ответили ей после первого же звонка.

— Здравствуйте, Лара, это Тора, адвокат Йонаса. Сольдис передала мне ваш телефон.

— Да-да, здравствуйте. Рада, что вы позвонили. Простите, вчера я не все вспомнила о Гудни, а мне так хотелось бы знать о ее дальнейшей судьбе. Может быть, вам удастся что-нибудь выяснить. — Говорила Лара ровным голосом, но Тора чувствовала, как сильно она волнуется. — У меня в руках письмо, о котором я вам рассказывала. Вчера, приехав домой после нашего разговора, я долго его искала и наконец нашла среди старинных безделушек. Храню их, они напоминают мне о прошлом. Я несколько раз перечитала письмо, обдумала и, как мне кажется, кое о чем догадалась.

— И что же это? — спросила Тора.

— В одном месте Гудни сообщает, что ребенок очень похож на своего отца. Раньше, когда ходили все эти слухи о кровосмешении, я почти поверила, что в этой строке содержится намек на Бьярни или дядю Гудни. Кроме того, она спрашивает, известно ли мне местонахождение одного молодого человека, который очень ей тогда нравился, до моего отъезда в Рейкьявик. Гудни пишет, что хотела бы послать ему весточку. — Лара замолчала. Тора слышала ее прерывистое возбужденное дыхание. — Теперь, став старше, я смотрю на ее слова совершенно иначе. Вряд ли Гудни стала бы с такой любовью рассказывать мне о ребенке, рожденном в кровосмесительстве. Что касается молодого человека, о котором она спрашивает, то я уверена — он и есть отец Кристин. Он переехал в Рейкьявик вслед за мной, а через год-полтора я случайно столкнулась с ним на улице, попыталась заговорить, но он отшатнулся, сделав вид, будто не узнал. Тогда его реакция показалась мне странной,

но сейчас я понимаю причину — он думал, что мне известно о беременности Гудни или о ее ребенке, и испугался. Ничем иным его поведения я объяснить не могу. Он шел под руку с молодой женщиной.

— Кто этот человек? — спросила Тора. — Он еще жив?

— Да, — ответила Лара. — Когда он умрет, все газеты выйдут с траурной полосой. Когда-то он был министром.

Тора непроизвольно сжала трубку. Рука ее вспотела.

— Вы говорите о Магнусе Балдвинссоне? — как можно спокойнее проговорила она.

— Да, а как вы догадались? — изумилась Лара. — Вы тоже его знаете?

— Он сейчас гостит в отеле Йонаса, — сказала Тора и тут же поправилась: — Или уже уехал. Внук приезжал за ним вчера поздно вечером.

— Очень странно, — заметила Лара. — Все эти годы он никогда не оставался здесь надолго. Приедет и в тот же день вернется в Рейкьявик.

— Наверное, решил пожить в родных местах, — предположила Тора, не придумав ничего более вразумительного. — Если он так не хотел ребенка, то, наверное, мог... — Она замолчала, подыскивая подходящее слово. «Взрослого еще как-то можно понять, но ребенка...» — ...после смерти Гудни взять дочь на воспитание, — продолжила она. — Или попытаться избавиться от нее, — выдавила Тора, надеясь, что это прозвучит как «передать в другие руки».

— Не знаю, — протянула Лара. Голос ее дрогнул, она уловила тайный смысл сказанного. — Господи, не поверю, чтобы кто-то смог поднять руку на ребенка. Да, Магнус был человеком слабовольным. Но настолько дурным? Я просто не знаю. Я вообще не могу вспомнить никого из местных, склонного к преступлению. Таких людей у нас сейчас не щадят, а в прошлом — тем более. — Лара едва сдержала слезы. — Теперь о вашем вопросе про угольный бункер. О нем я тоже размышляла и припомнила, что обе фермы перешли на электричество незадолго до моего отъезда в Рейкьявик. В то время это считалось роскошью. Бьярни установил электрогенератор возле одного из водопадов, к северу от основной автострады. Не знаю, помогут ли вам мои сведения, но обе фермы тогда же перестали канителиться с углем и бункеры с тех пор не использовались. — Беседа на приземленную тему несколько успокоила Лару. — В коробке, где я храню письма, оказалась старая фотография. На ней изображены мы с Гудни у задней стены фермы. Я рассмотрела ее повнимательнее и увидела крышку от бункера.

— Простите, — перебила Тора, — вы какую ферму имеете в виду? «Креппа» или «Киркьюстетт»?

— «Киркьюстетт», — ответила Лара. — В «Креппу» мы в ту пору нечасто ходили. Бьярни и Гримур почти перестали общаться, разговаривали, насколько мне помнится, только о генераторе, от которого обе фермы питались электричеством.

— Точно такой же угольный бункер имелся и в «Креппе»? — спросила Тора. — Почему же мы не заметили за отелем люк? Может, его скрыла пристройка?

— Нет, она не должна была его скрыть, — возразила Лара. — Если я ничего не путаю, люк находится далеко от дома, за тем местом, где теперь стоит пристройка, — на лужайке, позади отеля. Обе фермы имели одинаковое расположение. Тогда считалось престижным иметь громадный бункер и размещать его подальше от дома. Сваливали уголь в подвалы только бедные. Бункер в отдалении стоил дороже, потому воспринимался еще и как символ богатства. Высшим шиком было иметь два входа в бункер: один через люк, и второй — из

подвала дома.

Тора смотрела на Мэтью широко раскрытыми глазами. Беседа с Ларой закончилась, теперь предстояло исследовать подвал дома, чтобы отыскать дверь в бункер. Прежде чем положить трубку, Тора пообещала собеседнице обязательно сообщить, найдется ли дверь в хранилище угля и как пойдут поиски таинственно исчезнувшей девочки.

— Мне нужно срочно позвонить, — бросила она Мэтью, набирая номер тюрьмы. — Потом все объясню.

Тора вспомнила, что Бирна просила Робина сфотографировать стену подвала, но тем не менее не слишком надеялась отыскать в нем дверь. Когда Йонаса подвели к телефону, она сразу заговорила о главном:

— Послушайте, Йонас, мне потребуется пробить одну из стен в подвале старой части отеля. Надеюсь, вы не станете возражать? Да, кстати, как вы там? У вас все в порядке?

Тора, Мэтью и Гульфи стояли напротив подвальной стены, по их общему мнению, выходящей на лужайку, раскинувшуюся позади отеля. Много времени ушло на спор, откуда начинать работу. В конце концов Мэтью поднял Солей к потолку, и та, посмотрев в грязное окно, обрисовала им открывшийся пейзаж. Участники решили, что намеченная ими стена больше других похожа на нужную, изображенную на фотографии Бирны. Придя таким образом к единому мнению, они приступили к делу. Мэтью отложил фотографию и взялся за кувалду. Тора отошла в сторонку, присоединившись к Солей и Сиге, взволнованно наблюдавшим за происходящим. Гульфи встал рядом с Мэтью, готовый перехватить у немца кувалду, когда тот устанет.

Гульфи настоял на своем участии из сострадания к матери, увидев, как та с лопатой на плече шагала рядом с Мэтью, выискивая люк. Солей и Сига присоединились к искателям от любопытства и скуки. Копать не пришлось, люк они обнаружили почти сразу, сантиметрах в тридцати от знакомого им камня с надписью. Открыть крышку, за десятилетия сильно проржавевшую, Мэтью даже не пытался, вспомнив о своем опыте в «Крепке». Они решили пойти в подвал и поискать дверь, по их расчетам, находившуюся где-то там.

— Что ты, собственно, ожидаешь увидеть? — скептически спросил Гульфи.

— Честно говоря, сама не знаю, — ответила Тора. — Ясно одно — здесь стену возвели не случайно. За ней явно что-то скрывается. Сам подумай: зачем так основательно преграждать доступ в люк? Дверь можно было закрасить, забить досками. Так нет же: поставили сплошную стену, чтобы и следа не осталось.

— А если мы ничего не найдем? — осведомился Гульфи. — Владелец дома на нас не обидится?

— Никоим образом, — заверила Тора. — Он знает о наших действиях. В худшем случае ему придется всего лишь увеличить площадь здания на пару квадратных метров. — Ну? Начинаем?

Ей не пришлось повторять дважды — Гульфи и Мэтью немедленно принялись разбивать стену. Солей и Сига зачарованно смотрели на работающих мужчин, но вскоре зрелище им надоело. Дело оказалось не из легких. Солей примостилась на ящики и минут через сорок уснула. Сига тоже беспрестанно зевала. Дыра в стене между тем росла, и через час в нее уже можно было свободно пролезть. Мэтью и Гульфи, мокрые от пота, с ног до головы покрытые пылью, тяжело дышали в ожидании кульминации.

— Я пойду первой, — сказала Тора и заглянула в отверстие. — Как же здесь пыльно! И

гарью пахнет...

— Давай я, — предложил Гульфи, но Тора, хорошо знавшая сына, поняла, что это всего лишь демонстрация мужества перед Сигой.

— Ладно. Пусть первым будет Мэтью, — проговорила она, подтолкнув немца к пролому в стене. — Где фонарь? У тебя? Тогда вперед.

Тора с сыном протиснулись в отверстие вслед за ним. Тонкий луч фонарика слабо освещал мрачный подземный коридор. Мэтью часто останавливался, и его исландские спутники налетали на него в кромешной тьме. Увидев дверь, он повернулся и осветил фонарем лицо снизу. Шутка удалась — Тора с Гульфи замерли, похолодев от страха. Насладившись произведенным эффектом, Мэтью перевел луч света на дверь.

— Как поступим? — спросил он. — Будем открывать?

Торе и Гульфи следовало бы сказать «нет».

— Разумеется, останки, как и фотографию, вы тоже нашли совершенно случайно? — спросил Торольфур. — Ненароком зашли в подвал с кувалдой и стали ломать стену исключительно для улучшения интерьера?

Тора вытащила из волос застрявшую там щепку.

— По-моему, — заметила она, — я вам внятно все объяснила.

— Хочется верить, что вы думаете о деньгах налогоплательщиков и не отправляете нас по ложному следу. У вас был только один способ обосновать свою догадку — докопаться до отгороженной части подвала. Признаться, такого поворота я не ожидал.

Тора молча пожала плечами, пропуская вперед детективов, один из которых вез тачку с темными обгоревшими костями. Отель кишмя кишел следователями и полицейскими офицерами, съехавшимися сюда, похоже, со всей округи. Даже из Рейкьявика прибыло несколько экспертов.

По мнению Торы, большинству из них делать здесь было нечего и привело их в отель чистое любопытство.

— Я уже говорила вам, что ожидала найти скелет ребенка, а не кости животных.

— То есть вы сразу поняли, на что наткнулись? Случайно, да? О костях животных вы и не думали? — продолжал расспрашивать Торольфур.

— Первой мне на глаза попала детская варежка, — твердо ответила Тора. — Из нее торчала небольшая кость, поэтому я и предположила, что среди прочего здесь находятся и останки ребенка. Кроме кисти в варежке я больше ничего не нашла. Потом гора костей рассыпалась. Думаю, теперь что-то можно обнаружить, только перебрал все до последнего. На вашем месте я бы приказала своим людям действовать осторожно, поскольку внизу может оказаться... — Она запнулась.

— Как вы наверняка заметили, мы работаем медленно и тщательно все просматриваем. — Торольфур оглядел возившихся неподалеку полицейских. — Мы точно соблюдаем инструкцию по обследованию места преступления независимо от того, есть там останки или нет. Нам необходимо установить, что именно произошло, поскольку в данном случае мы сталкиваемся с не совсем обычным способом сокрытия преступления и тела жертвы. Поэтому прошу вас не ходить здесь, дабы не уничтожить улики. Я бы посоветовал вам подумать о судьбе Йонаса, ибо ваша новая находка не снимает с него вины.

— Да я же говорила вам, что здесь находится скелет незаконнорожденного ребенка, убитого в годы Второй мировой войны, отцом которого является Магнус Балдвинссон.

— Ну и что из того? — с наигранным безразличием протянул Торольфур. — Вы же не думаете обвинить его в убийстве собственного ребенка и в желании скрыть преступление под грудой костей животных? — Он усмехнулся. — Или по-вашему, он приехал сюда через шестьдесят лет, чтобы вспомнить о пережитом?

— Мне безразлично, как вы все это воспринимаете, но отцовство должно быть доказано. Останки ребенка следует отдать на анализ ДНК. И хотя он не поможет определить убийцу, факт установления отцовства вызовет шквал вопросов к Магнусу Балдвинссону, и чувствовать себя он будет очень неуютно.

— Иначе говоря, вы продолжаете настаивать на своей версии? Вы считаете, что Бирну и Эйрикюра убили Магнус или Балдвин? — уточнил Торольфур.

Тора вытащила из волос еще одну щепку.

— Сначала мне казалось, что это сделал либо Бергюр, либо его жена с помощником. — И Тора поведала Торольфуру о своей беседе с Мэтью несколькими часами ранее, посвященной ружью, лисам и таинственным буквам РЕР, начертанным Эйрикюром. — Мы с Мэтью видели, как она выходила из отеля в обнимку со здешним официантом. Мне показалось, что они очень близки, — сообщила Тора. — А значит, Роза могла соблазнить его и уговорить помочь ей расправиться с Бирной. Причина убийства — любовная интрижка с ее мужем.

Брови Торольфура поползли вверх.

— Вы видели жену Бергюра? Неужели она производит впечатление соблазнительницы?

— Ну в общем, нет, — признала Тора. — Но кому-то, возможно, и нравится. Красота женщины зависит от того, кто на нее смотрит.

Торольфур презрительно усмехнулся.

— Того официанта, случайно, зовут не Йокулл Гудмундссон? — поинтересовался он.

— Да, — ответила Тора. — Насчет фамилии не уверена, но имя его точно Йокулл. Вы обнаружили между ними какую-то связь?

— Обнаружили, — улыбнулся Торольфур. — Это родные брат и сестра. Вот почему они иногда ходят в обнимку.

Тора молчала. Теперь ей стала ясна причина антипатии Йокулла к Бирне. Какому брату понравится, если муж его родной сестры станет от нее погуливать. Потому-то он так болезненно отреагировал на вопрос о Стейни. Ведь его отец спровоцировал аварию, сделавшую парня инвалидом.

— Тогда картина немного меняется, — наконец произнесла она.

— Вот как? — фальшиво удивился Торольфур. — Возможно. Только я, так и быть, скажу вам: мы до сих пор не исключаем участия Бергюра в этом деле, — прибавил он, не уточнив, правда, рассматривает ли полиция Бергюра в качестве подозреваемого или подозревают они только Йонаса. — Сообщу вам еще одну вещь, по-моему, не имеющую отношения к делу: калибр пули в теле лисы совпадает с калибром ружья Бергюра. У нас в Исландии нет оборудования, которое позволило бы точно определить, из какого оружия она была выпущена, но мы отправили их на исследование за границу. К сожалению, ответ придет только через несколько дней, однако нам есть чем заняться. Без дела мы сидеть не собираемся. Простите, покину вас. Пойду в подвал погляжу, как там продвигается работа.

Когда Торольфур ушел, Тора направилась к Мэтью, допрос которого уже заканчивался. Продолжался он довольно долго, поскольку полицейский офицер, хоть и знал английский, предпочел разговаривать через переводчика.

— Как думаешь, мы не окажемся в одной камере с Йонасом? — шутливо осведомился Мэтью, когда они с Торой выходили из подвала. — Вид у меня для тюрьмы вполне соответствующий, — оглядел он свою перепачканную одежду.

Тора взяла его под руку и улыбнулась:

— Давно так не пачкался?

— С детства, — ответил Мэтью. — Мы, знаешь ли, не часто ломаем стены в банке. А горы костей на нас сваливаются и того реже.

Тора поежилась и рассказала, как ошибалась, приняв Розу и Йокулла за парочку маньяков-убийц.

— Знаешь, я абсолютно уверена в одном — человек, насыпавший кости, отлично знал,

что именно он пытается скрыть.

— Отсюда следует вывод — ребенок умер не своей смертью. Иначе зачем все прятать? — сказал Мэтью, наблюдая, как Тора открывает дверь в свою комнату. — Кроме того, ни один человек в здравом уме не оставит тело ребенка в таком неподходящем месте. Разве что с единственной целью — скрыть все следы.

— Я подозреваю, это сделал Магнус, — заявила Тора, распахивая дверь, и направилась к столику у кровати, на котором стоял телефон. — Я собираюсь позвонить Элин и спросить, известно ли ей что-нибудь о тайном захоронении. Может, они с братом вспомнят, кто набросал туда костей.

— Думаешь, она захочет с тобой разговаривать? — усомнился Мэтью.

— Вряд ли Элин бросит трубку, услышав о детском скелете, обнаруженном на территории их владений. Эта земля принадлежала им десятилетия, здесь жили ее дед и его брат, — уверенно проговорила Тора. — К тому же я перехитрю ее, позвоню с местного телефона, а то она действительно узнает номер моего мобильного.

Элин ответила, и она вежливо поздоровалась.

— Что вам еще от меня нужно? — раздраженно спросила Элин, и Тора услышала, что она говорит из машины.

— Во-первых, хочу сообщить, что на территории вашей бывшей фермы обнаружено громадное количество костей. В основном это кости животных, но среди них, по всей вероятности, находится детский скелет.

— А я-то здесь при чем? — взвизгнула Элин. — Я не имею никакого отношения к давним событиям. С тех пор как Йонас приобрел у нас фермы, там то и дело находят то трупы, то кости. Я слышала по радио, что он задержан, не так ли?

— Так, — ответила Тора, проклиная в душе журналистов и стараясь не выказать раздражения. — Только вот как раз к нему детский скелет не имеет никакого отношения. Он находился здесь задолго до того, как Йонас купил у вас эту землю. Насколько мне известно, ферму построила ваша семья и, кроме нее, здесь никто не жил. Так что у вас и у вашего брата неприятностей может быть побольше, чем у Йонаса.

— О чем вы говорите? — пронзительно закричала Элин. — Какой скелет? Какого ребенка?

Торе показалось, что она не только сильно удивлена, но и очень взволнована.

— Какого ребенка? — повторила Элин.

— Останки уже изучает полиция, — холодно сообщила Тора. — Вас определенно скоро будут допрашивать, так что мне лучше лишний раз не вмешиваться. Я всего лишь хотела узнать одну вещь... — Она сделала паузу, но Элин молчала и Тора продолжила: — За домом, с восточной стороны, лежит огромный камень, на нем выбиты стихи, полагаю, из какой-то сказки. Вы не знаете, кто мог его туда привезти?

— Камень? — изумленно повторила Элин. — А он-то ко всему какое отношение имеет?

— Возможно, никакого, — сказала Тора, в душе уверенная в обратном. — Я просто хотела бы выяснить, откуда он там взялся. Только после этого буду точно знать, что он тут совершенно ни при чем. — Она скрестила пальцы. Ее надежды оправдались — Элин не заметила подвоха в вопросе.

— Камень здесь ни при чем, — доказывала Элин. — Его установила моя мать почти полвека назад. Она называла его свадебным подарком, заранее сделанным самой себе. Дальше можете не спрашивать, я все равно ничего больше о нем не знаю. Будьте уверены

— он не имеет никакого отношения к смерти чьего-то ребенка.

Тора постаралась скрыть свое удивление действиями Малфридур, дочери Гримура, непонятно зачем поставившей камень со странными стихами.

— Хорошо. Тогда последнее. Чем вы и ваш брат занимались вечером в воскресенье? У меня имеется список автомобилей, проезжавших в тот день по туннелю. В нем есть и ваши машины.

— Мы приезжали, чтобы встретиться с вами, — недовольно проговорила Элин. — Не помните? Вы были у нас в понедельник. Мы решили избежать утренних пробок и поехали в Стиккисхольмюр накануне вечером. Надеюсь, вы не думаете, будто мы с Бёркуром причастны к убийствам?

Торе пришлось признать ее правоту.

— Данный вопрос я уже вычеркнула из своего списка как решенный.

— Можете вычеркнуть еще один — Бёркур не ездил на запад в четверг и никого в тот день не убивал, — съязвила Элин.

Тора ничего не ответила, чтобы не выдать себя, ведь она и понятия не имела, куда в тот день мог ездить Бёркур. «Элин, наверное, думает, что у меня есть список машин, проезжавших по туннелю в четверг, — догадалась она. — Пусть думает». И осторожно поинтересовалась:

— А зачем он приезжал в четверг?

— Полагаю, он не придет в восторг, если я вам расскажу о причине его поездки, — ответила Элин. — Я сама еле-еле вытянула ее из него. — Послышался длинный автомобильный гудок и скрежет тормозов. — Черт подери, какой дурак дает водительские удостоверения старым пердунам?! Они же того и гляди окочурятся прямо за рулем, — яростно проговорила она. — Я скажу вам, зачем он приезжал и чем занимался, чтобы наконец отвязаться от вас и не выслушивать больше дурацкие, ничем не обоснованные подозрения.

— Ваша мотивация меня не интересует, — прервала ее Тора. — Можете сразу переходить к делу. Так чем он здесь занимался?

— Встречался с агентом по продаже недвижимости. Тот заинтересовался нашей оставшейся собственностью и предложил свою помощь в ее продаже, — сказала Элин. — Я избавиться от нее не тороплюсь, поэтому брат все сделал втайне от меня. Если вы сомневаетесь в моих словах, обратитесь к агенту — он наверняка подтвердит их.

Тора попрощалась и повесила трубку.

— Камень в центре лужайки поставила их мать, — сообщила она Мэтью. — Странная публика. Хотя чему удивляться, если их предки страдали душевными болезнями. И дед, и бабушка были со сдвигом. Правда, к обоим преступлениям они скорее всего непричастны. По крайней мере она вполне убедительно объяснила, где они с братом находились в это время. — Тора взяла пакеты с многотомным собранием сказок Йона Арнасона. — Если здесь есть тот стих, то к нему обязательно должны быть комментарии. Вот они-то нам многое и прояснят. Вероятно, тогда мы поймем, зачем их мать поставила камень и сделала на нем надпись. — Она водрузила пакеты на стол. — Не забыть бы по возвращении в Рейкьявик вернуть книги. На штрафы за задержку книг, которые я уже заплатила, можно, наверное, расширить библиотеку.

— Ты же не собираешься читать все эти тома? — любопытствовал Мэтью, наблюдая, как Тора выкладывает на стол увесистые фолианты. — Если да, то я вполне успею принять

душ.

— Не волнуйся, много времени это у меня не займет, — пообещала Тора. Открыла первый том, прочитала содержание и сразу же наткнулась на ссылку «Оставленные дети». — Ну вот, пожалуйста! — обрадовалась она и принялась листать книгу в поисках нужной страницы. — Называется «И свадьба у меня должна была быть». Похоже, то самое. — Тора пробежала глазами коротенький рассказ и опустила раскрытый том на колени.

— Ну как? — спросил Мэтью. — Судя по твоему виду, значение фразы не сильно тебя обрадовало.

— Совершенно верно, — согласилась Тора. — Здесь говорится о матери, оставившей свою новорожденную дочь. Через несколько лет у нее родилась вторая девочка. Когда она выросла и достигла брачного возраста, один юноша попросил ее руки. Она согласилась. Свадьба была в самом разгаре, когда вдруг раздался стук в окно и послышался голос, пропевший те самые стихи: «Мне нужно бы зерна сеять, / И ферма предназначалась мне, / И свадьба у меня должна была быть, / Такая же как и у тебя». — Тора посмотрела на Мэтью. — Это дух оставленной девочки явился напомнить о себе своей сестре.

— То есть девушка наслаждается тем, что по праву принадлежит не ей, а умершей сестре? В этом состоит смысл стиха?

— Очевидно, так, — сказала Тора. — Могла у Гудни родиться еще одна дочь? — спросила она и покачала головой. — Нет, едва ли.

— Но кто тогда получил не принадлежащие ему блага? — удивился Мэтью. — Предположительно оставленный ребенок должен был унаследовать все от своей матери?

Тора набрала в грудь побольше воздуха и медленно его выпустила.

— Все, разумеется, зависит от того, когда умерла Гудни. Если ее дочь скончалась первой, ни о каком праве на наследство не имеет смысла говорить. Но вот если она скончалась после Гудни, то все обстоит иначе. Отец Гудни умер раньше ее. Поскольку он был вдовцом, а Гудни его единственный ребенок, наследницей всего имущества является она. А после ее смерти наследницей становится уже ее дочь.

— В таком случае кто-то выиграл от смерти ребенка, — произнес Мэтью. — Получил наследство Гудни, которое должно было перейти к ее дочери. Кому могла быть выгодна смерть девочки?

— Ближайшим родственникам Гудни, — ответила Тора. — Гримуру, ее родному дяде. — Она захлопнула книгу. — Лара, бабушка Сольдис, упоминала о его финансовых затруднениях. Поэтому он мог убить девочку до ее совершеннолетия, поскольку потерял бы все права на наследство, как только она вышла бы замуж.

— Чудовищный поступок, — заметил Мэтью. — Однако камень на лужайке поставил не он. Его дочь Малфридур, мать Элин и Бёркура, должна была знать о лежащем под ним теле. Камень в таком месте и многозначительная надпись на нем не случайность.

— Малфридур, — задумчиво повторила Тора. — Она унаследовала то, что по праву принадлежало убитой девочке. Если, конечно, под камнем действительно лежит ребенок, которого родила Гудни.

— Мне кажется, здесь слишком много «если», — произнес Мэтью. — Хотя твоя версия звучит вполне правдоподобно. А не могла убить девочку сама Малфридур, а не ее отец Гримур?

— Маловероятно — во время войны она была совсем маленькой. К тому времени, когда Лара вернулась сюда, на запад, после войны, ребенок Гудни уже бесследно исчез. Разумно

предположить, что дочь Гудни звали Кристин и именно о ней говорит надпись, нацарапанная на стропиле под крышей фермы. И если мы правы, то скорее всего сделала ее Малфридур. Это она написала: «Папа убил Кристин. Я ненавижу папу». Возможно, она просто догадалась, или стала свидетельницей убийства, или же он сам ей обо всем рассказал.

— Похоже, ты стоишь у разгадки давнишнего преступления. — Мэтью направился в ванную. — Жаль только, это ничем не поможет Йонасу, — крикнул он оттуда сквозь шум воды. — Вряд ли между убийством ребенка и убийствами Бирны и Эйрикюра существует какая-то связь.

— Как знать, — возразила Тора. — Допустим, Бирна каким-то образом докопалась до убийства девочки, вследствие чего кто-то посчитал необходимым убрать ее. Кто? Человек, которому совершенно не нужно, чтобы правда о давнем деле вылезла наружу. Бирна копалась в старых вещах, наткнулась на фотографию Магнуса. Может быть, она обнаружила еще что-то, давшее ей ключ к разгадке?

Мэтью появился в дверях ванной с полотенцем в руках.

— Но кому потребовалось убивать Бирну из-за давно забытых событий? Элин и Бёркуру?

— Сомневаюсь, — задумчиво проговорила Тора. — Едва ли они продали бы фермы, если бы хотели сохранить все в тайне.

— Возможно, они ничего не знали о смерти предполагаемой Кристин. — Мэтью пожал плечами и вернулся в ванную. — Хотя Бирна могла им все рассказать и попытаться шантажировать. Ведь мы же допускаем, что она шантажировала Магнуса с Балдвином.

— Возможно и такое, — отозвалась Тора. — Только у меня складывается впечатление, что ни о чем она не догадывалась. Судя по записям в ежедневнике, ее интересовали происходящие в доме странности, но она нигде даже косвенно не упоминает ни о девочке, ни о ее убийстве. — Тора достала ежедневник и начала неторопливо листать страницы. — Ты помнишь, в каком месте на плане находится пристройка к ферме «Креппа»? По-моему, она включает в себя ту часть лужайки, где расположены и камень, и крышка люка.

Мэтью представил рисунок.

— Думаю, да, — кивнул он. — А почему ты спрашиваешь?

— Как считаешь, могли Бирну убить с целью приостановить возведение пристройки? Как только начались бы экскаваторные работы, обнаружилась бы скрытая часть подвала. В этом случае убийство — превентивное действие. Вспомни, кто-то же там все ископал. Зачем? Искал крышку люка? Надеялся извлечь останки ребенка до того, как начнется строительство, но не преуспел и решился на отчаянный шаг — покончить с Бирной как инициатором строительства? — проговорила Тора.

— Твое предположение возвращает нас к тому вопросу, с которого мы начали свои рассуждения. Кто хотел сохранить в тайне давнишнее убийство? — сказал Мэтью. — Это в первую очередь Элин и Бёркур — им крайне невыгодно, если оно вдруг всплывет. Кому понравится иметь в дедушках детоубийцу и очутиться в центре внимания? Только, по-моему, это все-таки не причина для совершения двух убийств. Весьма необычная форма сокрытия преступления.

— Прежде всего они никогда бы не продали землю, если бы хотели все скрыть. И я согласна: неразумно идти на крайности только ради того, чтобы избежать скандала. — Тора закрыла глаза. — Я что-то упускаю. Какой-то очевидный факт... — Она потянулась к

перечню номеров и пролинула его. — Не знаю даже, где искать и кого.

Мэтью подошел к ней и взял со столика у кровати список с номерами автомашин, проехавших по туннелю Хвальфьордур.

— Убийца не обязательно должен быть членом семьи, — сказал он. — Он может входить в число знакомых, решивших заступиться за кого-то. Такое тебе в голову не приходило?

Тора подняла на него глаза.

— Кого ты имеешь в виду?

Мэтью ткнул пальцем в один из регистрационных номеров.

— Сегодня утром я говорил с Сольдис. Кстати, спросил у нее полное имя Стейни. Я подумал: раз он умеет водить машину, значит, может оказаться в списке. Проверил — и вот, пожалуйста! Номер автомашины, владелец которой — Торстейн Кьяртанссон — проехал по туннелю со стороны Рейкьявика. Помнишь, Сольдис попросила подбросить ее до Рейкьявика, но он ответил, что не едет туда? На самом же деле он туда не только ездил, но еще и возвращался через туннель. — Мэтью выдержал паузу и прибавил: — Примерно за час до убийства Бирны.

— Думаешь, он убил ее ради Берты? Чтобы оградить от скандала? — спросила Тора. — Смешно. Кроме того, он ведь инвалид, на ногах стоит с трудом.

— Со всех сторон только и слышится — инвалид, инвалид. Мне кажется, не такой уж он беспомощный и немощный, как мы с тобой полагаем, — возразил Мэтью. — А вот другой лист из списка. Взгляни на него — в нем отмечен номер автомашины Берты, она также проехала по туннелю, только в сторону Рейкьявика, примерно в то же время, когда Стейни возвращался сюда. Может, он обеспечивал ей алиби, а убийство совершил в ее отсутствие здесь. Бессмысленно убивать Бирну и Эйрикюра, навлекая подозрение на Берту.

Тора нахмурилась.

— Даже если он и не такой уж жалкий калека, я все равно не могу представить, как ему удалось затащить на конюшню Эйрикюра и закинуть в стойло к дикому жеребцу.

— Возможно, Эйрикюр мог двигаться самостоятельно, — предположил Мэтью. — Он находился под воздействием наркотиков или сильнодействующих таблеток, но в сознании. У него была нарушена координация, но он слышал и подчинялся командам Стейни. А тот, убивая Эйрикюра в конюшне Розы, таким образом мстил ей за аварию, виновником которой стал ее отец, а заодно и Бергюру. Надеялся сделать их главными подозреваемыми. Видишь, мотивов здесь несколько — не только защита Берты, но и месть.

Тора задумчиво кивнула.

— А как ты объяснишь изнасилование Бирны? Она не была под воздействием наркотиков. — Тора достала заключение патологоанатома и начала его просматривать. — Как полагает полиция, на Бирну напали сзади, ударили, скорее всего камнем... — Она вдруг замолчала, затем спросила: — Послушай, ты, случайно, не знаешь, что такое «*A. Barbadensis Mill, A Vulgaris Lam*»? Это вещество нашли во влагалище Бирны.

— Представления не имею. «*Vulgaris*» означает «обыкновенный», об остальном ни разу не слышал. Посмотри в Интернете.

— Обязательно, — пообещала Тора. — Я бы и раньше посмотрела, да времени не было. Попрошу Гульфи, пусть поищет. Дам ему возможность заняться делом, а то он, наверное, уже заскучал после нашей операции в подвале. — Она позвонила сыну и продиктовала задание. — Сейчас он засядет за компьютер для гостей и все выяснит, — сообщила Тора,

вешая трубку, и улыбнулась. — В двенадцать лет дети перестают выполнять родительские просьбы сразу, но говорят: «Сейчас сделаю». Отец рассказывал мне, что и я тоже так отвечала. Кстати, он говорил то же самое моему деду. Как ты считаешь, это у нас наследственное?

— Не знаю. Может, нам следует повстречаться со Стейни или даже Бертой? — спросил Мэтью. — А вдруг удастся выудить у них факты, подтверждающие нашу версию? Она, конечно, обожает Стейни, но вряд ли в подобных обстоятельствах станет его выгораживать.

— Наверное, ты прав. — Тора отложила бумаги и поднялась. — Все, я готова. Ты ломал для меня стену, и я чувствую себя обязанной пусть в малой степени, но отблагодарить тебя — составить компанию и проверить твою сумасшедшую версию.

— У тебя всегда найдется способ отблагодарить меня, — улыбнулся Мэтью.

Тора молча смотрела в раскрытую книгу сказок, затем подняла голову и взволнованно произнесла:

— Постой, Мэтью. Ты только посмотри, что здесь написано!

Тора возбужденно тыкала пальцем в текст. Мэтью подошел к ней, взгляделся и ничего не понял.

— Я случайно открыла страницу перед рассказом об оставленных детях и свадьбе и вот что нашла. — Она прочитала вслух: — «Дабы призрак усопшего не бродил по земле, следует в подошвы мертвого тела воткнуть иголки». — Тора захлопнула книгу. — Убийца явно пытался застраховать себя от встречи с призраками своих жертв.

— И ты в это веришь? — скептически осведомился Мэтью.

— Сейчас не важно, верим ли мы с тобой в призраков. Главное, что преступник не сомневается в их существовании, — ответила Тора и покраснела, вспомнив жалобные звуки, похожие на рыдания брошенного на верную смерть ребенка. До сих пор она твердо держалась своего обещания никому о них не рассказывать, даже Мэтью.

— Почему ты покраснела? — спросил он. — Начинаешь верить в духов? В таком-то возрасте? — Он коснулся ее руки. — А может быть, тоже слышала плач? Признайся, ведь слышала?

Тора не умела лгать людям, которых любила, поэтому не стала притворяться и изображать непонимание.

— Да, нечто похожее на детский плач, — откровенно сказала она и тут же поправилась: — Конечно, никакого не оставленного. Просто ребенка.

— Замечательно, — довольно произнес Мэтью. — Надеюсь, ты была достаточно осторожна и не позволила малышу проползти вокруг себя трижды? Хотя сумасшедшей тебя не назовешь. Напротив, ты производишь впечатление вполне нормального человека.

Тора показала ему язык.

— Пошли, у нас есть дела поважнее разговоров о привидениях. Мы же собирались найти Берту или Стейни.

— Постарайся мысленно направить ползущее дитя к его матери, — продолжал подтрунивать над ней Мэтью.

— Самый лучший способ отделаться от него, — согласилась Тора.

Больше всего ей хотелось поскорее выбраться на улицу. Висевший в воздухе неприятный запах, исходивший от обгорелых костей, казалось, пропитал все здание. Проходя мимо Вигдис, Тора собралась было прикрыть нос ладонью, но взяла себя в руки и, прибавив шаг, задержала дыхание. Проскочив стойку администратора, она столкнулась с Тростуром Лауфейрсоном и буркнула, едва не потеряв равновесие:

— Простите.

— Ничего страшного, — хмуро ответил байдарочник, одетый в сухой водолазный костюм. Волосы у него были мокрыми. — Не байдарка, не сломаюсь, — недовольно прибавил он.

— Вы повредили свою байдарку? — удивилась Тора и, увидев лицо Тростура, непроизвольно воскликнула: — Я не дотрагивалась до нее, уверяю вас!

— Я знаю, — кивнул тот.

— Задержитесь, пожалуйста, — обратилась к нему Тора. — Мне нужно задать вам пару вопросов. — Она схватила его за плечо и удивилась, таким оно было мускулистым и крепким. — Мне никак не удастся поговорить с вами, — умоляюще произнесла она.

— О чем именно? — Он обернулся, и Тора немедленно убрала руку с его плеча. — Не падал ли я с байдарки и не ударялся ли об ее днище головой? Нет, не падал и не ударялся.

Тора изумленно вскинула брови.

— Ничего подобного. Меня интересуют происшедшие здесь два убийства. Наверняка вы о них слышали.

На лице Тростура отразилось раздражение, тут же сменившееся мрачным предчувствием. Двери отеля распахнулись, и он увидел полицейских, несших гору костей.

— Что там происходит? — удивился байдарочник.

— Очень многое, но ничего хорошего, — ответила Тора. — Так есть у вас время на беседу со мной? — Она надеялась, что вид костей произведет на Тростура нужное впечатление и он разговорится.

— Ладно, — неожиданно согласился тот. — На встречу с полицейскими я не опоздаю. И если уж моя байдарка повреждена, молчать дальше нет смысла.

— Молчать о чем? — осведомилась Тора, приглашая байдарочника в небольшой садик, где стояли лавочки, плетеные стулья и столы. Они устроились за одним из них. Тора представила байдарочнику Мэтью и начала расспросы: — Какую информацию вы собирались сообщить полиции?

Лицо Тростура помрачнело.

— Утром в пятницу я, как обычно, отправился на тренировку, — взволнованно начал он, — подошел к байдарке и остолбенел. Она была вся в крови. Ну, не то чтобы вся — весла, сиденье и частично днище. Поскольку кровь была не моя, думаю, она имеет какое-то отношение к убийству.

Глаза Торы едва не вылезли из орбит.

— Сегодня уже вторник. Почему вы никому не рассказали об этом раньше?! — воскликнула она.

— Потому что об убийстве узнал только в воскресенье — случайно услышал разговор у стойки администратора. Но к тому времени я уже смыл кровь, — раздраженно ответил Тростур.

— Всю? Ни капельки не осталось? — Тора очень надеялась, что байдарочник пропустил хотя бы крошечное пятнышко, на котором может сохраниться отпечаток пальца преступника.

— Всю, — подтвердил Тростур и пояснил: — Я готовился к соревнованиям на Кубок мира, перед которыми все байдарки тщательно осматривают. Я не имел права рисковать и счистил все до последней капли. Так мне по крайней мере кажется. Только напрасно старался — байдарка оказалась поврежденной. Теперь прощай победа.

Тора не завидовала Тростуру, которому предстояла очень серьезная беседа с Торольфуром.

— Почему прощай? — спросила она.

— Идиот, забрызгавший мою байдарку кровью, определенно плавал на ней и ударился днищем о камни. Я все не мог понять, почему у меня плохие результаты на тренировках. Оказалось, в днище байдарки есть вмятины. Я увидел их только сегодня. В начале прошлой недели оно было абсолютно целым. Таким образом, убийца лишил меня возможности участвовать в мировом первенстве. — Тростур откинулся на спинку стула и сложил на груди руки. — Полиция скорее всего конфискует байдарку, а привыкать к другой у меня уже нет времени.

Больше всего Тростура удручало не убийство, а повреждения, нанесенные его байдарке.

— Возможно, вы не понимаете, что, если бы сообщили о крови в своей байдарке сразу или хотя бы в субботу, полиция смогла бы предотвратить второе убийство, случившееся вечером в воскресенье.

— Да ну, — отмахнулся Тростур. — Не так уж много в ней было крови. — Он посмотрел на Мэтью, ища у него поддержки, а не найдя, сменил тему: — Когда убийцу поймают, я обязательно предъявлю ему иск. Пусть компенсирует мне расходы на ремонт байдарки. Ведь если бы не он, я точно бы выиграл.

— Подумать только: такая досада. — Тора постаралась скрыть сарказм. — Последний вопрос. Вы проезжали по туннелю Хвальфьордур вечером в воскресенье?

— Да, — ответил Тростур. — У меня закончилась протеиновая добавка, и я ездил за ней. Приличная продается не везде, пришлось еще поискать хорошую аптеку. — Он окинул Тору вызывающим взглядом. — Вы мне не верите? Могу показать рецепт и чек.

— Верю, верю, — безучастно сказала Тора, думая совсем о другом — об ошибке, которую они допустили с самого начала, исключив из своего списка присутствовавших на сеансе и служащих отеля. — Сколько времени требуется, чтобы отсюда доплыть на байдарке до бухты, где произошло первое убийство? — спросила она.

— Минут пять, если идти морем. — Тростур индифферентно пожал мощными плечами. — Расстояние небольшое, не нужно огибать прибрежные скалы. В смысле мне потребуется минут пять, если море спокойное. Человеку, никогда не плававшему на байдарке, как минимум десять.

— А легко управлять байдаркой, если раньше на ней не плавал? — поинтересовался Мэтью, до этого безмолвно присутствовавший при разговоре.

— Да, если руки не совсем кривые, — ответил Тростур. — Чтобы плавать хорошо, конечно, нужно учиться. А так, добраться из пункта А в пункт Б может каждый, и большого умения тут не требуется. Нужна только сила. — Он поднялся. — Пойду приму душ перед разговором с полицией. Дело у меня серьезное: естественно, на преступника я буду подавать в суд, — поэтому следует подготовиться. — Он с шумом задвинул кресло под стол и зашагал было к гостинице, но через несколько шагов оглянулся. — Да, там еще стояла машина, а в ней сидел какой-то парень. Он должен был меня запомнить, и его наверняка не сложно найти.

— Какой парень? О чем вы говорите? — спросила Тора.

— Выехав из туннеля, я увидел машину, припаркованную на обочине. Я подумал, что случилась какая-то неполадка, и подъехал. Водителем оказался молодой парень, инвалид, весь изуродованный. Я предложил подбросить его куда нужно, но он отказался — мол, никуда не едет, просто отдыхает, а с машиной все в порядке. Потом он закрыл окно, и я уехал.

— В каком часу это было? — спросил Мэтью.

— Примерно около шести, — ответил Тростур. — Возвращаясь назад поздним вечером, я его не увидел. Наверное, надоело отвечать на расспросы желающих помочь. Я не единственный подъезжал к нему, была еще одна машина. — И он устремился к дверям отеля.

Мэтью выразительно посмотрел на Тору.

— Стейни наверняка проехал за Бертой по туннелю, убедился, что она укатила, постоял немного на обочине, потом вернулся и прикончил Эйрикюра. Тростур заметил его, когда тот просто выжидал время. Как видишь, все сходится.

— Не сходится. Очень зыбко и хлипко, — возразила Тора. — Если он в шесть находился возле туннеля со стороны Рейкьявика, ему пришлось бы, добираясь сюда, преодолеть приличное расстояние. И когда бы он приехал? Поздним вечером?

— Нам неизвестно точное время смерти Эйрикюра, — напомнил Мэтью. — Полиция утверждает, что он умер приблизительно в обед. А обедают люди по-разному. — Мэтью поднялся. — Пойду за списком автомашин. Хочу посмотреть, когда он проехал на юг. Забыл сделать это раньше, обнаружив номер его машины.

Тору мысль о возвращении в вонючий холл не вдохновляла, и она решила остаться в саду. Мэтью вскоре вернулся с пачкой бумаг.

— В сторону Рейкьявика в пяти машинах от него следовала Берта! — торжествующе объявил он, опускаясь на стул. — Все сходится, я абсолютно прав. Стейни хотел убедиться, что Берты нет возле места преступления. — Мэтью хлопнул бумагами по столу. — Нужно немедленно поговорить с ней, и картина станет полной.

— Только если она что-то знает и захочет с нами поделиться, — скептически заметила Тора. — У меня нет никакой уверенности в ее горячем желании выдать Стейни. Не думаю, что она запрыгает от радости, когда мы назовем ее родственника и друга убийцей. Ей потребуется время осознать, какой ужасный поступок он совершил. Если он вообще совершал его.

Тора хлопнула себя по лбу.

— Фу, наконец-то я поняла, что меня все время так мучило! Порядок наследования. Когда ребенок переживает мать и деда, имущество может попасть в плохие руки. Разумеется, Гримур ничего бы не получил, останься ребенок жив.

Они сидели в машине напротив «Креппы», где надеялись застать Берту. Однако парковка перед входом, как и сама ферма, выглядела безлюдной.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Мэтью. — Разве не старший родственник все наследует после смерти матери, деда ребенка и его самого?

— Нет, — покачала головой Тора. — Все достается отцу ребенка.

— В данном случае — Магнусу? Такое мне просто в голову не приходило, — признался он.

— Гримур, конечно же, ничего не получал. Вот почему он взял девочку к себе и впоследствии постарался, чтобы все сведения о ней исчезли. — Тора задохнулась от волнения. — Больше того, если бы его собственная дочь Малфридур знала об убийстве, и ее права на наследство являлись бы незаконными.

— Неужели? — удивился Мэтью. — Если ее отец завладел наследством преступным путем, она не имеет на него никаких прав?

— Не могу сказать точно, но, по-моему, все зависит от того, знала она о преступлении или нет. Правда, согласно моей версии она была в курсе. Кстати, Малфридур жива. Дети по выданной ею доверенности заключили от ее лица сделку с Йонасом — продали ему землю. В доверенности говорилось, что мать является официально признанной единственной владелицей земли, доставшейся ей по наследству. То есть пункт о соучастии в мошенничестве к ним неприменим.

— В любом случае они многое теряли, — отозвался Мэтью. — Немало выигрывал и отец ребенка, старый Магнус.

— Да, совершенно очевидно, что ему абсолютно незачем убивать Бирну, ведь она

ничего не знала о девочке. Напротив, убийство привлекло к нему ненужное внимание. — Тора рассматривала старую ферму в лобовое стекло. — Другое дело Элин и ее семья. Берте, к примеру, не досталось бы дома в западной части Исландии. Когда на Гримура свалились финансовые затруднения, Бьярни спас его, дом в Стиккисхольмюре перешел к нему, как и ферма Гримура, — продолжала Тора. — Если бы у Берты не было в здешних местах дома, Стейни пришлось бы несладко. — Она повернулась к Мэтью. — Может быть, переговорить с ним? Кто знает, появится ли здесь сегодня Берта. Но мы ее найдем без проблем. Сольдис наверняка знает, где она живет.

— Торольфура будем ставить в известность? — поинтересовался Мэтью. — Попросим его сюда приехать или нет?

Тора ненадолго задумалась.

— Нет, не стоит. Получится как со стеной. Давай не будем создавать ему дополнительных проблем, у него и так есть чем заняться. Сначала нужно убедиться в справедливости наших предположений.

Мэтью и Тора ждали, когда Стейни откроет дверь.

— Иду! — крикнул он изнутри, но с тех пор прошло почти десять минут.

— Похоже, он нездоров, — заметил Мэтью, плотнее запахиваясь в куртку. Температура понизилась, стало холодно, и Мэтью с Торой продрогли до костей. — Сейчас точно июнь? Ты ничего не перепутала?

Прежде чем Тора успела ответить, дверь приоткрылась.

— Что вам нужно? — послышался голос из-под знакомого капюшона.

— Здравствуйте, — мягко произнесла Тора. — Вы нас не помните? Мы приезжали вчера в «Креппу», разговаривали с вами и встречались возле бухты.

— Я вас помню. Что вам нужно? — повторил он невнятно, словно говорил с набитым ртом.

«Ему, наверное, трудно открывать рот. Надеюсь, хотя бы не больно, — подумала Тора. — Что бы он там ни сделал, парню можно только посочувствовать».

— Мы хотели поговорить с вами, — пояснила она, ожидая приглашения войти. — О воскресном вечере.

Кресло откатилось, и дверь распахнулась.

— Проходите, — бесстрастно сказал Стейни.

Тора с Мэтью обменялись быстрыми взглядами и через прихожую направились в глубь дома.

— Давно вы тут живете? — поинтересовалась Тора, приветливо улыбнувшись Стейни, когда они вошли в скромную гостиную.

Жилище Стейни показалось им мрачным. Везде царили чистота и порядок, но оставалось впечатление, будто здесь никто не жил: ни фотографий, ни личных вещей или любимых безделушек. Лишь у двери в гостиную, чуть более уютную, чем прихожая, стояли костыли. Унылую обстановку несколько скрашивала ваза с полевыми цветами на столе. «Наверное, Берта принесла, — решила Тора. — Маловероятно, чтобы он сам собирал цветочки. Своими скрюченными руками он до них просто не дотянется с коляски».

— Да, — сухо ответил Стейни и умолк.

— Понятно, — снова улыбнулась Тора. — Давайте сразу перейдем к делу. — Мы с Мэтью долго ломали голову, действительно ли вы проехали по туннелю вечером в

воскресенье. По данным полиции — да. Номер вашей машины есть в составленном ими списке автомобилей, проходивших через туннель.

Стейни продолжал молчать, опустив еще ниже голову. Он сидел так несколько минут, потом неожиданно заговорил:

— Да, именно я проезжал по туннелю.

Голос его по-прежнему оставался бесстрастным.

— Могу я поинтересоваться, зачем вы ездили в Рейкьявик? — спросила Тора.

— Нет. — Стейни, приподняв голову, посмотрел ей в лицо. Торе понадобилась вся ее выдержка, чтобы не вздрогнуть. — Вы думаете, это я убил того человека? — Он явно кипел от злости. — Ведь правда? Думаете? — Он поднялся с инвалидного кресла. Он стоял на одной ноге, пошатываясь, цепко ухватившись за подлокотники, чтобы не упасть. Вторая его нога не доставала до пола, была сильно искривлена и намного тоньше другой.

— Нет-нет, ни в коем случае, — торопливо проговорила Тора. — Мы так не думаем, — соврала она, пытаясь скрыть замешательство. — Мы предположили, что кто-то мог попросить вашу машину. Мы всего лишь выясняем, кто где находился, когда убили Эйрикюра.

— Меня здесь не было. И когда убили Бирну, меня здесь тоже не было, — произнес Стейни и рухнул в кресло.

Тора, привыкнув к его странному голосу, уже разбирала каждое слово. Он еще не остыл от ярости и дышал прерывисто. «Как бы с ним приступ не случился или еще что-нибудь», — подумала Тора.

— На территории старой фермы, возле отеля, обнаружена могила, — сообщила она в надежде удивить его и одновременно успокоить.

— Уходите, — вдруг сказал он. — Я не хочу больше вас видеть. — И покатил кресло на Тору.

Мэтью, не понимавший разговора, тем не менее сразу догадался, что он принял нежелательный оборот и визит пора прекращать.

— Ну что ж, тогда мы пойдем. — Он протянул Торе руку, та поднялась, и они заторопились к двери. Пропустив Тору вперед, Мэтью обернулся, поблагодарил хозяина за беседу, и они вышли на улицу. Дверь за ними сразу же закрылась.

— Встречей я доволен, но только отчасти. Теперь мне совершенно ясно, что Стейни физически не мог совершить убийств.

— Все правильно, но почему он так нервозно отреагировал на мое сообщение о найденной могиле? Довольно странно. О его поездке по туннелю я уже и не говорю — тут вообще все сомнительно. Может, он покрывает убийцу, как ты считаешь?

— Думаю, нет, — ответил Мэтью, открывая Торе дверцу машины. — Если он не убивал, значит, это сделал Бергюр или Балдвин. Исходя из твоей версии об аварии Стейни имеет большой зуб на Бергюра, но нам неизвестно, знает ли он Балдвина. В любом случае он не станет их покрывать.

— Проклятие, такая хорошая версия лопнула, — огорчилась Тора, устало откидываясь на спинку кресла. — В одном я с тобой согласна — совершить убийство Стейни не мог. У него бы не хватило на это сил. Однако я не верю, что его совершил Бергюр. Да, он мог и в отель прийти, и байдарку взять, и до бухты на ней добраться. Только зачем? Нелогично, ведь он спокойно доехал бы туда и на машине. И как ему удалось стянуть у Йонаса телефон? Когда? Нет, — покачала она головой. — Придется нам и его вычеркнуть из списка

потенциальных убийц. А вот Балдвин находился в то время в отеле и имел возможность стащить телефон Йонаса. Он присутствовал и на сеансе, но ушел задолго до его окончания. Он мог добежать до пристани, на байдарке добраться до бухты и напасть на Бирну. Мотивов у него вполне достаточно.

У Торы в кармане заиграл телефон.

— Привет, — послышался голос Гульфи. — Я нашел то, о чем ты меня просила. Это латинское название растения алоэ вера.

Поблагодарив его, Тора посмотрела на Мэтью, пристегивавшего ремень безопасности.

— Слушаю, — проговорил он, почувствовав на себе ее взгляд.

— Зачем, по-твоему, женщине вводить себе во влагалище растение алоэ вера?

Мэтью рассмеялся.

— Прости, но я не всезнайка. Обратись лучше к своей подруге — сексопатологу. — Отъехав от дома, он сообщил Торе: — Когда мы уезжали из отеля, автомобиль с номером «VERITAS» находился на стоянке. Перемолвимся парой слов с его владельцем?

— Неплохая мысль, — улыбнулась Тора. — Уж он-то нам скажет правду, как думаешь?

Мэтью повел машину по узкой гравийной дороге. Колеса вязли и скользили, то и дело норовя отправить их в кювет.

— Уверен. Он же политик.

Мэтью громко постучал в номер Магнуса. У Балдвина им никто не ответил, и они решили, что тот находится у деда. «VERITAS» стоял на своем обычном месте, следовательно, подумали они, и Балдвин должен быть где-то поблизости. Услышав за дверью легкий шум, Тора довольно потерла руки. На пороге появился Магнус. Увидев, кто явился к нему в гости, он явно разозлился. Правда, из-за обилия морщин и неизбежной усталости лицо Магнуса не выглядело угрожающим. Казалось, его просто загримировали, чтобы придать выражение ярости, но очень неряшливо и неумело.

— Что вам нужно? — проворчал он.

— Вообще-то мы ищем Балдвина, — вежливо ответила Тора. — Он у вас?

— Кто меня спрашивает? — послышалось из глубины комнаты.

— Адвокат и этот немец, — ответил Магнус.

— Пусть заходят, — сказал Балдвин. — Нам с тобой скрывать нечего.

Магнус открыл дверь, и Тора с Мэтью вошли внутрь.

— Присаживайтесь, — показал Балдвин на два кресла. Сам он сел в третье, а его дед примостился на кровати. — Что вам угодно? — осведомился он, положив на стол мускулистые руки.

Тора сразу же вспомнила замечание Тростура, что управлять байдаркой может любой сильный человек. «С такими руками он с байдаркой справится, вне всякого сомнения, даже в беспокойном море», — подумала она.

— Я хотела бы задать вам пару вопросов, — сказала Тора. — Полагаю, вы знаете, чьи интересы я представляю. Если нет, сообщаю: Йонаса, владельца отеля, в настоящий момент задержанного полицией по подозрению в совершенных здесь убийствах.

— Все это нам известно, — оборвал ее Магнус. — Если вы явились, чтобы обвинить нас, то можете сразу уходить. Ни я, ни Балдвин не имеем к ним никакого отношения. Полиция правильно сделала, арестовав Йонаса. Убийца именно он. Вот так-то, дорогуша. Я бы посоветовал вам принять данный факт и перестать надоедать нам.

— Успокойся, — сказал Балдвин деду и улыбнулся Торе. — Простите, но мы оба несколько раздражены из-за невозможности вернуться домой. Старший полицейский офицер попросил нас задержаться, он желает с нами побеседовать. Лично я не знаю, виновен ваш клиент или нет, но, находясь в здравом уме и твердой памяти, готов заявить где угодно и кому угодно, что мой дед к убийствам не причастен. Пожалуйста, задавайте свои вопросы, и, возможно, мне удастся вас убедить.

— Зачем вы прибыли сюда в воскресенье вечером? — напрямик спросила Тора. — Ваша машина проехала по туннелю Хвальфьордур.

Балдвин откинулся на спинку кресла и убрал со стола руки.

— Вижу, мягкость вам не свойственна, — заметил он. — Я не собирался убивать того несчастного, если вы на это намекаете.

— Тогда зачем? — не отступала Тора. — Вряд ли вам захотелось повидаться с дедушкой.

— Нет, конечно, — согласился Балдвин. — Так и быть, я вам признаюсь. То же самое расскажу и полиции. Хотя гордиться мне нечем, я не стану ничего скрывать. Полагаю, вы нашли фотографию. Насколько я могу судить из предварительного разговора с полицией, вы

знаете, что Бирна пыталась шантажом заставить меня обеспечить ей победу в конкурсе архитекторов на получение выгодного заказа по созданию проекта автобусной остановки. — Тора кивнула. — Бирна была на редкость алчной женщиной, — продолжил Балдвин и торопливо прибавил: — Не подумайте, что я оправдываю убившего ее человека. Ни в коем случае. Она преследовала меня, звонила деду. В конце концов он не выдержал, прервал лечение и приехал сюда, чтобы поговорить с ней. Он был подавлен. Но не фактом из своей далекой молодости, а вероятностью поставить под вопрос мою дальнейшую карьеру.

— Какая жалость, — не скрывая сарказма, заметила Тора. — Только вы так и не ответили, с какой целью явились сюда в воскресенье.

— С целью проникнуть в номер Бирны, — не моргнув глазом ответил Балдвин. — Я узнал, что полиция обыскивала комнату, и решил воспользоваться ситуацией в надежде найти фотографию. Ее там не оказалось.

— Теперь расскажите, где вы были в четверг вечером, — проговорила Тора. — Вы ушли с сеанса практически сразу после его начала и обратно не вернулись. Почему?

Балдвин показал на Магнуса.

— Дедушка почувствовал себя плохо, и я увел его в номер. Мне все это неинтересно, и пошли мы туда, только чтобы увидеться с Бирной.

— Кто-нибудь может подтвердить ваши слова? — осведомилась Тора.

— Разумеется, — спокойно ответил Балдвин. — Я отвел деда в номер и вызвал медсестру. Та дала мне телефон своего коллеги, дежурившего в местной больнице. Врач приехал примерно в девять вечера, а уехал отсюда около десяти.

Заявление Балдвина исключало и его, и деда из списка подозреваемых. Тора сочла ненужным уточнять имя врача, не сомневаясь, что тот все подтвердит. «Пусть Торольфур этим занимается», — решила она.

— Все ясно. — Она посмотрела на Мэтью. — Думаю, больше нам тут делать нечего. Впрочем, еще один вопрос. К вам, Магнус. Скоро здесь найдут скелет ребенка, дочери Гудни Бьярндоттир, Кристин. Вашей дочери.

— Что?! — прохрипел старик. — Моей дочери?

— Да. Гудни писала вам о ней, — сказала Тора, надеясь, что так и было. — Мы полагаем, Гримур, брат Бьярни, живший на соседней ферме, убил девочку с целью завладеть наследством брата. В противном случае оно досталось бы либо Кристин, либо вам.

— Мне? — переспросил Магнус. Лицо его посерело. «Интересно. А ведь он не отрицает наличия ребенка», — отметила про себя Тора.

— Да, по праву наследования — вам, — повторила она, не давая ошарашенному старику прийти в себя. — Однако, отказавшись признать ребенка, вы автоматически лишились и права на наследство. О существовании Кристин вы знали. Вам следовало бы признать дочь, тогда вы могли бы смело заявить о своих претензиях на имущество. Вообще-то вам стоило бы многим поинтересоваться, и прежде всего судьбой девочки. Но начинать нужно было с усыновления. — Она направилась к дверям. Мэтью двинулся следом. — Полагаю, выполни вы свой долг, полиция не нашла бы сейчас в подвале детский скелет.

— Пойдите... но я... — растерялся старик. Балдвин смотрел на деда в немом изумлении. — Откуда вам все известно? — слабо проговорил Магнус.

Тора, уже стоя в дверях, обернулась.

— Гримур знал, что у Кристин есть отец, поэтому и убил девочку, — холодно произнесла она. — Всего доброго. Приятно было познакомиться.

Они вышли. Хозяева же продолжали сидеть неподвижно, словно обратились в камни.

— Итак, у нас остается только один подозреваемый — Бергюр, — вздохнула Тора. — Причем он меньше всего подходит на роль убийцы. Слабо себе представляю, как он справляется с байдаркой и тем более втыкает булавки в ступни жертвам.

— Жизнь полна неожиданностей. — Мэтью положил руку на ее плечо. — Кто бы подумал, что я смогу полюбить женщину в грязных кроссовках?

Тора полюбовалась своими замызганными кроссовками и усмехнулась. Туфли Мэтью, как обычно, сверкали зеркальным блеском.

— Кто бы подумал? — лукаво повторила она. — Да тот же, кому придет в голову вообразить меня рядом с обувным фетишистом.

Тора ходила взад-вперед по комнате, пытаясь обдумать ситуацию, но не могла сосредоточиться. Мэтью, развалившись в кресле у окна с бокалом пива, наблюдал за ней.

— Бергюр. Больше никому, — сказал он и поставил бокал на стол. — Или Йонас. Третьего не дано.

Тора вздохнула.

— Если так, то мы пропали. — Продолжая бродить по комнате, она сжала руками голову. — Неужели нет других вариантов?

— Не думаю. Мужчин у нас с тобой больше не осталось. Бергюр и Йонас — вот и все претенденты, — отозвался Мэтью.

— Жаль, что убийцей не может быть женщина. Мне понравилась бы парочка Роза и Йокулл. Они похожи на Бонни и Клайда. Вся прелесть исчезла, когда я узнала, что они близкие родственники. — Внезапно Тора остановилась как вкопанная и уставилась на Мэтью. — Послушай, ты никогда не слышал о криминальном дуэте брата с сестрой?

Тот покачал головой.

— Нет, только о братьях. Братья Далтон, к примеру.

— Наверное, маловероятно, чтобы Роза случайно наткнулась на Бирну, после того как ту изнасиловали, и в порыве ревности убила ее, а? — задумчиво спросила Тора и сама же отвергла свою мысль: — Нет, не годится. Очень слабо.

В дверь постучали. Тора предполагала увидеть Гульфи или Солей, но, к ее изумлению, гостем оказалась Стефания.

— Здравствуйте, — сказала сексопатолог и смущенно улыбнулась. — Принесла вам одну забавную вещицу. Надеялась, что ты сама ко мне зайдешь, но не дождалась, и вот решила навестить. Ты, наверное, стесняешься меня посещать. — Она помялась, держа руки за спиной.

«Интересно, что она мне притащила?» — подумала Тора.

— Знаешь, я могу вам помочь. — Стефания одарила Тору еще одной улыбкой.

«Точно, приперлась давать нам с Мэтью сексуальные рекомендации. — Она нервно сглотнула. — Сейчас с ней спорить или уверять, что она меня не поняла, бесполезно. Все равно ничего не поймет».

— Громадное спасибо, — только и смогла выдать Тора, намереваясь ни под каким видом не пускать Стефанию в номер. «Если она заговорит с Мэтью, я пропала», — лихорадочно думала она.

— Я вижу, вы заняты, — продолжила сексопатолог. — Тогда просто оставлю вам это. — Она протянула Торе небольшую коробочку. — Если сами не разберетесь, как

пользоваться, позвонишь мне, я объясню. Моя визитка находится внутри, вместе с инструкцией. Устройство довольно простое. Это вибратор, но самой последней модели. Через некоторое время из кончика впрыскивается гель. Очень актуально, — расцвела она новой улыбкой.

Тора недоуменно смотрела на коробку.

— Гель? — переспросила она. — Ага, понятно. Замечательно. — И тут на нее нашло озарение. Сунув коробочку Стефании, она торопливо вошла в комнату, бросив ей через плечо: — Постой, Стефания, не уходи. — Та и не собиралась удаляться, изумленно глядя на Тору, которая вскоре вернулась к ней с коробкой, полученной у администратора для переноса вещей из подвала.

— Это такой же вибратор? — спросила она, демонстрируя надпись: «С использованием алоэ вера».

Стефания смотрела на Тору, гадая, в своем ли та уме.

— Не совсем, — наконец ответила она, заметив, как энтузиазм Торы сменяется разочарованием. — Не огорчайся — тот, что я принесла, намного лучше. А коробка из-под старой модели. Пользовалась большой популярностью, но уже распродана. А последний экземпляр у меня кто-то выкрал, — прибавила Стефания. — На прошлой неделе. Взломали замок в моей кладовке и взяли. Я как раз собиралась подарить его вам. — Она продолжала удивленно взирать на Тору. — Не нужно так расстраиваться, я принесла очень хорошую модель. Ничем не хуже старой. Отличается только составом геля.

— Кто-то забрался в твою кладовку? — пробормотала Тора. — Когда?

— На прошлой неделе, — повторила Стефания. — Постой, сейчас вспомню точно. Да, во вторник я уезжала — все было в порядке, а вернувшись в пятницу, увидела, что замок сломан. Точно, я же отсутствовала, когда убили Бирну. На первый взгляд все было на месте, и только сегодня, подбирая для вас вибратор, я обнаружила пропажу.

Тора, не выпуская из рук коробку, снова метнулась в комнату.

— Ты представляешь?! — воскликнула она. — Роза снова в нашем списке! Причем под первым номером.

Мэтью спокойно наблюдал за разволновавшейся Торой.

— Каким образом она опять туда попала? — осведомился он.

— Бирну убил не мужчина, ее убила женщина, а изнасилование не более чем спектакль, призванный сбить полицию с толку. — Тора поставила коробку на пол. — Кто способен на подобные действия? — спросила она и сама же ответила: — Женщина, конечно, причем ничего не зная о начинке вибратора алоэ вера.

— Версия разумная, но требует дополнительных разъяснений, — хладнокровно изрек Мэтью и снова приложился к бокалу.

Тора взяла файл с документами, предоставленными полицией, пробежала глазами и, вытащив нужную бумагу, передала Мэтью.

— Вот, пожалуйста. Фотокопия вибратора, найденного на пляже недалеко от места преступления. Полицейские не придали ему значения, отбросили со всякой ерундой, но догадались сфотографировать. — Тора взглянула на коробку, в которой переносила из подвала старые вещи для осмотра. — Видишь картинку? Та же самая модель. А теперь подумай, откуда у меня такие широкие познания в секс-игрушках, — рассмеялась она.

Мэтью, усмехнувшись, осмотрел коробку.

— Картинку вижу, но не все понимаю. Каким образом ты выстраиваешь логическую

цепочку?

— Очень просто. Согласно инструкции, из вибратора впрыскивается гель на основе алоэ вера, — принялась объяснять Тора. — И хотя во влагалище Бирны обнаружили сперму двух мужчин, ни один из них не является насильником.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Мэтью. — Между двумя половыми актами мог быть довольно значительный промежуток.

— Мужчины здесь совершенно ни при чем, — парировала Тора. — Убийца, женщина, создала видимость изнасилования, использовав вибратор. Только так можно объяснить присутствие во влагалище Бирны алоэ вера. Женщина после двух половых контактов едва ли отправится на пляж, прихватив вибратор. А изнасилование понадобилось имитировать затем, чтобы сбить с толку полицию. Одно это доказывает, что убийца — женщина.

— Предположим, доказывает, — согласился Мэтью. — Но почему именно Роза? Здесь есть и другие женщины, ненавидевшие Бирну.

— Верно, — кивнула Тора. — Вот только мотивов у Розы больше, чем у остальных.

— Ты права, — сказал Мэтью и осекся, удивленно глядя на Стефанию, уставшую ждать Тору за дверью. Улыбаясь, она подошла к Мэтью и вручила ему коробку. Тот растерянно ее принял. Тора тихо застонала. Увлечшись объяснением своей версии, она совсем забыла о сексопатологе.

— Это мой вам подарок. Берите, берите. Можете мне поверить — он помог многим мужчинам, оказавшимся в подобной ситуации, — сказала она на ломаном английском и, попрощавшись, вышла из комнаты.

Мэтью недоуменно смотрел на сюрприз. Когда дверь за Стефанией закрылась, он повернулся к Торе.

— Надеюсь, ты не сообщила ей, что я импотент?

— Да как ты мог подумать?! — искренне возмутилась Тора. — У меня бы язык не повернулся сказать о тебе такое! — Она засуетилась. — Ладно, все. Пошли искать Торольфура. Сообщим ему о наших выводах, а уж он пусть сам связывает все нити воедино, если еще этого не сделал.

— С подобной назойливостью Стефания могла всех здесь обеспечить своими умными машинками, — проговорил Мэтью, опустил на пол коробку и поднялся.

Сидевшая за стойкой Вигдис объявила им, что Торольфур вместе с другим полицейским офицером отправился на берег искать байдарку, намереваясь увезти ее с собой. «Видимо, они все-таки надеются найти в ней следы крови». Тора мысленно пожелала Торольфуру успехов, хотя Тростур и заверил ее в том, что дочиста все отмыл. Пока они с Мэтью стояли возле Вигдис, размышляя, сообщать ли о своей версии кому-то из оставшихся в отеле полицейских, в холле показался брокер. Сильно прихрамывая, он с трудом волок за собой большой чемодан на колесиках.

— Постой здесь, — бросила Тора Мэтью. — Я помогу вон тому китайцу. — Она метнулась к Тейтуру и, подскочив к нему, сказала: — Привет! Давайте я доведу ваш чемодан!

— Большое спасибо, — проговорил тот с явным облегчением. — До сих пор неважно себя чувствую. Однако делать нечего, мне пора домой.

— За вами кто-то приехал? — поинтересовалась Тора. — Вряд ли вы сумеете вести машину самостоятельно.

— Да, брат довезет меня до Рейкьявика. А свою машину я заберу позже. Кстати, вам в

город не нужно? Могу захватить.

— Нет, благодарю вас, — вздохнула Тора, вспомнив о своем внедорожнике с домом-прицепом. Гульфи она машину доверять не собиралась — значит, придется самой садиться за руль.

— Чертова кобыла. Надолго она вывела меня из строя, — пробормотал Тейтур. — Больше никогда не сяду на лошадь.

— Да, не повезло вам, — посочувствовала Тора. — С другой стороны, могло быть и хуже. Не понимаю, почему они не дали вам скакуна поспокойнее. Кстати, а кто предоставил вам лошадь?

— Одна дама, владелица конюшни. По-моему, ее ферма называется «Тунга». Да, именно так. Но дама ни в чем не виновата, ее саму очень расстроило случившееся. Еще бы, неважное начало для бизнеса.

— «Тунга»? — переспросила Тора. Вам дали лошадь Бергюр и Роза? Послушайте, случайно, не того полудикого жеребца? — обеспокоилась она.

— Ну нет. Я еще с ума не сошел, — рассмеялся Тейтур. — Они дали мне вполне безобидную лошадку. Мне на самом деле крупно не повезло. Случайно наткнулся на мертвую лису. Лошадь взбесилась, я не справился с ней и в конце концов свалился.

Тора замерла.

— Лису? Где она валялась? Возле дороги, ведущей на старую ферму?

— Да, — кивнул Тейтур. — Мертвая лиса лежала рядом с дорогой. Я, признаться, не ожидал от лошади такой странной реакции. До сих пор не понимаю, в чем причина подобной ненависти к лисам.

— А вы не рассказывали о ее необычном поведении владельцам фермы? — спросила Тора, стараясь говорить как можно спокойнее, но ее волнение не ускользнуло от Тейтура.

— Рассказал, конечно, — ответил он, удивленно глядя на Тору. — Я вернулся к ним и сообщил, что их лошадь взбесилась, сбросила меня и ускакала в чистое поле черт знает куда.

— А вы упомянули, почему это произошло и где? — продолжала допытываться Тора. — Про лису говорили?

— Разумеется, — пожал плечами Тейтур. — Женщина пришла в ужас. Она и за меня беспокоились, и за лошадь.

— Скажите, а как зовут женщину? Случайно, не Роза? — осведомилась Тора.

Тейтур кивнул.

— Кроме нее, ваш рассказ никто не слышал? Может быть, ее муж.

— Нет, она была одна в доме и, по-моему, сильно расстроилась. — Он испытующе оглядел Тору. — Зачем вы меня спрашиваете об этом эпизоде?

— Просто так, — рассеянно ответила та. — Желаю вам скорейшего выздоровления. Надеюсь, дома вы поправитесь быстрее, чем здесь, — пробормотала она и поставила чемодан.

— Я тоже надеюсь, — сказал Тейтур, полез в карман и вытащил бумажник. У Торы глаза на лоб полезли: она решила, что добрый китаец собирается материально отблагодарить ее за помощь, — но тот достал визитную карточку. — Если задумаетесь об инвестициях, свяжитесь со мной. Я умею обогащать клиентов за счет выгодных вложений.

Тора взяла карточку и, прочитав текст, сунула в карман. Инвестировать она не собиралась, да и нечего было инвестировать. Интересно, сколько ей лет пришлось бы работать круглосуточно и ничего не есть, чтобы в конце концов накопить денег на

инвестиции?

— Спасибо. Кто знает — может, когда-нибудь мне и потребуются ваши советы.

— В твоей версии есть одна неясность, — сказал Мэтью. — Нам неизвестно, была ли Роза на сеансе, поэтому мы не можем утверждать, что именно она воспользовалась телефоном Йонаса и байдаркой.

Тора следила за входной дверью, боясь пропустить Торольфура. Однако того все не было. В отель вошла молодая пара, толкая перед собой чемодан. Тора оглядела толпящихся возле стойки администратора новоприбывших гостей и повернулась к Мэтью.

— Телефон стащил Йокулл и отправил с него сообщение Бирне.

— А байдарка? Кто плавал на ней и повредил днище? Нет, Роза должна была находиться здесь, — возразил Мэтью. — В противном случае байдарка попросту никому не нужна. Но кто-то ведь ее брал.

— Возможно, Роза и приходила сюда, — согласилась Тора. — В отель, но не на сеанс.

Мэтью счел ее возражения неубедительными.

— Понимаешь, байдаркой воспользовались, чтобы сократить время. Кто-то, незаметно выскользнув с сеанса, добрался до нее, в считанные минуты доплыл до бухты, совершил убийство и вернулся в отель еще до окончания. Возможно, есть иное объяснение, но я его пока не вижу.

Тора поднялась и кивнула в сторону Вигдис.

— Пойду переброшусь с ней словечком.

Она дождалась, когда администратор закончит регистрацию молодой пары, и обратилась к Вигдис:

— Вы не знаете, как выглядит сестра Йокулла?

Вигдис вытащила из принтера лист бумаги и потянулась к дыроколу.

— Ирис или как там ее зовут? Да, знаю, — ответила она, пробивая лист. — А зачем вы спрашиваете? Ищете ее?

— Ее зовут Роза, — поправила Тора. — Нет, мне она не нужна. Меня интересует, видели ли вы ее в отеле в четверг вечером. Она, случайно, на сеанс не приходила?

— Нет, — заверила Вигдис. — Ее здесь не было. — Она открыла папку и подшила туда пробитый лист. И вдруг замерла, уставившись на Тору. — Хотя постойте. Я вспомнила — она приходила сюда.

— Вот как? — Тора старалась говорить как можно спокойнее.

— Да. Я ей еще посочувствовала. Она принесла букет цветов для одного нашего постояльца, Тейтура, который упал с лошади, он недавно уехал. — Тора кивнула. — Она пешком добралась со своей фермы, потому что дорога была раскопана.

— Это точно было в четверг? — переспросила Тора.

— Абсолютно, — подтвердила Вигдис. — Я не успела с ней поболтать — люди потоком шли на сеанс, приходилось вертеться. Взяла цветы и обещала передать Тейтуру. Она поблагодарила меня и отправилась на кухню, к своему брату.

— Вы видели, как она выходила из отеля?

— Нет, не заметила. — Вигдис закрыла папку и убрала на стеллаж. — Мне самой жутко хотелось попасть на сеанс, поэтому я оставила на столе записку, указав, где нахожусь, и взяла радиотелефон, чтобы отвечать на звонки.

— Она не была знакома с Эйрикюром, чтецом ауры? — спросила Тора.

Вигдис медленно покачала головой.

— Не думаю. Нет. А Эйрикюр подходил ко мне, когда направлялся к Йонасу скандалить относительно оплаты. Расспрашивал о местных землевладельцах. О брате с сестрой... Элин, что ли... Как зовут брата, забыла. Ему понадобился их телефон.

— Брата зовут Бёркур, — подсказала Тора. — Эйрикюр не сказал, зачем они ему?

— Понятия не имею. Думаю, он хотел поговорить с ними о привидении. Он был в восторге от всей этой шумихи вокруг него. Во всяком случае, их телефон я ему не дала, потому что его у меня не было, но записала ему номер Берты, молоденькой девушки, которая ходит на старую ферму собирать вещи, и предложила позвонить ей. Эйрикюр пытался дозвониться до нее отсюда, но не смог. Тогда я дала ему телефон других землевладельцев.

— Кого именно? — удивилась Тора.

— Той самой Розы. — Вигдис достала из стопки лежавших на ее столе бумаг объявление о прогулке на лошадях и вручила Торе. — Здесь и имя ее, и телефонный номер. Эту рекламку мне принес Йокулл и попросил повесить на стене. — Вигдис забрала листок. — Только после того как брокер получил травму, я его сняла. Не хватало еще, чтобы наши постояльцы возвращались с прогулки верхом инвалидами.

Вигдис заметила, что Тора внимательно ее слушает.

— Вы не подумайте, я обо всем рассказала полиции. Ведь все случилось незадолго до убийства Эйрикюра в конюшне.

— Не знаете, дозвонился он до Розы? — перебила Тора.

— Понятия не имею. Я записала оба телефона и отдала ему. — Администратор перегнулась через стол. — А звонил он вон оттуда, — показала она на полутемную нишу в противоположной стене холла, отгороженную старинным буфетом. — Там есть телефон, но, по-моему, только Эйрикюр им и воспользовался. Во всяком случае, больше к нему, насколько мне помнится, никто не подходил. — Она выпрямилась. — Я слышала его голос — стало быть, он дозвонился. — Вигдис черкнула на бумажке два номера и протянула Торе. — Пожалуйста, можете сами справиться у Розы или Берты.

Аппарат стоял за буфетом, под громадной головой лося, повешенной для своих размеров слишком низко. Тора осторожно, чтобы не наткнуться на лосиные рога, подошла к телефону, сняла трубку и нажала кнопку вызова последних номеров. Первый оказался неизвестным, вторым был домашний телефон Розы, а третьим — мобильный Берты. «По первому звонили совсем недавно, к Эйрикюру он отношения не имеет, — подумала Тора. — Он пытался дозвониться до Берты, но безуспешно, и тогда связался с Розой».

Теперь в ее версии все сходилось.

— Как видишь, я права, — торжествующе объявила Тора, опускаясь в кресло.

— Считаешь, пора отправляться на поиски Торольфура? — Мэтью взглянул на часы. — Ждем мы его здесь уже давно, и я опасаюсь, как бы он не уехал.

— Его, возможно, задержал туман, — предположила Тора. — Ничего не видно. — Она повернулась ко входу в подвал и в ту же секунду его дверь распахнулась. — Что такое? — удивилась Тора. — Они все еще там?

В подвале явно происходило нечто важное. Кости животных, видимо, убрали, поскольку полицейские появились с пустыми руками. Они прошли мимо Торы и Мэтью, даже не посмотрев в их сторону, затем вновь направились в подвал, но уже с видеокамерами, пылесосом, лопатами и щетками.

— Полагаю, они обнаружили детский скелет, — проговорил Мэтью.

Тора содрогнулась.

— Не представляю, каким нужно быть человеком, чтобы так поступить с ребенком: закрыть в угольном бункере, обречь на смерть — и все ради наследства.

— Гримур был ненормальным, ты же знаешь, и логику его действий разумному человеку понять невозможно, — произнес Мэтью, следя за полицейским, спускавшимся в подвал с большой дуговой лампой.

Появился Торольфур, заметил их, подошел и опустился в свободное кресло.

— Вы, наверное, меня разыскиваете? Есть какие-нибудь новости? — кивнул он в сторону подвала. — Времени не много, я должен быть там. Поэтому излагайте побыстрее.

Тора вручила ему тонкую папку с документами по расследованию убийств.

— Мне кажется, я знаю, кто убил Бирну и Эйрикюра, — сказала она. — На объяснение потребуется всего десять минут, но вы, полагаю, сочтете мой рассказ бессмысленной тратой времени.

Торольфур недовольно заворчал.

— Откуда такая уверенность? Говорите, я вас слушаю. — Он откинулся на спинку кресла и быстро прибавил: — Только самое существенное, по пунктам и без фантазий.

Закончив свое короткое повествование о Розе, лисе, алоэ вера и телефонном звонке Эйрикюра, Тора заключила:

— Убийцей, несомненно, является Роза. Брат либо помогал ей, либо непосредственно участвовал в событиях. У вас в отличие от меня есть все возможности для полного расследования.

Торольфур задумчиво разглядывал Тору. Он терпеливо ее выслушал, не задав ни единого вопроса.

— Я беседовал с ней в том числе и о звонке Эйрикюра, — наконец заговорил он. — Тот интересовался местонахождением конюшни, спрашивал, расположена ли она на территории фермы.

— Для чего?

— Не знаю, — пожал плечами Торольфур. — Мне это показалось странным. Ваше сообщение о цветах и вибраторе с гелем крайне интересно. — Он поднялся, подавил зевету. — Когда же этот суматошный день закончится? Хорошо, я съезжу к нашей парочке еще раз. Останки ждали своего часа несколько десятилетий, лишние полчаса ничего не изменят.

Тору обрадовало, что детектив воспринял ее рассказ серьезно.

— Спасибо вам, Торольфур. Вы не могли бы держать меня в курсе?

Торольфур подал знак полицейскому офицеру, чтобы тот подошел к нему.

— Я вам ничего не обещаю, — сказал он и, не прощаясь, удалился.

Тора размяла картошку с рыбой для дочери, внимательно следившей за тем, чтобы масло распределилось равномерно. Знай шеф-повар, как Тора поступит с его блюдом, он бы наверняка не стремился создать шедевр кулинарного искусства. Посетителей в ресторанчике было не много, и Мэтью с Торой и ее выводком обслужили довольно быстро.

— Вряд ли я буду это есть, — проговорила Сига, брезгливо рассматривая устриц. — По-моему, я заказывала макароны.

Гульфи, которому уже принесли макароны, уставился в свою тарелку, напряженно

размышляя, должен ли поделиться едой с матерью своего нерожденного ребенка. В результате устрицы переключались к Мэтью в качестве добавки к большому стейку. Тора сунула вилку в рыбно-картофельную мешанину и, пододвинув ее дочери, потянулась к своей тарелке. От постоянных мучительных выяснений, кто, когда и что сделал, она сильно проголодалась.

Тора благодарила звезды за встречу с брокером и его неоценимый вклад в ее расследование. Беседа с ним дала больше результатов, чем все ее усилия за последние дни. Внезапно она озадаченно отложила нож и вилку.

— Послушай, а как же он смог вернуться назад?

— Кто? — удивился Мэтью.

— Да Тейтур, брокер. Он повредил ногу, не в силах управлять машиной. Каким же образом добрался до отеля? Ему должен был кто-то помочь.

— Действительно, — согласился Мэтью. — И что из этого следует?

Сига и Гульфи, ничего не понимая, тем не менее сосредоточенно вслушивались в разговор.

Солей, напротив, не обращала на них никакого внимания, сравнивая уровень газировки в своем бокале и бокале Гульфи.

— Тот, кто довел или подвез его, тоже знал о реакции лошади на мертвую лису и видел место, где та лежит. — Она потянулась к своему мобильнику и вытащила из кармана визитную карточку Тейтура.

— Здравствуйте, это Тора, адвокат из отеля. Я хотела спросить, кто довез вас обратно на ферму?

— Здравствуйте, здравствуйте, — обрадовался Тейтур. — А я уж было подумал, что вы собрались сделать вложения. Кстати, и время сейчас весьма подходящее.

— Спасибо, пока воздержусь, — ответила Тора. — В данный момент я занимаюсь расследованием здешних происшествий.

— О'кей, — разочарованно произнес Тейтур. — Обратно меня довезла девушка. Мне казалось, я упоминал о ней в наш первый разговор. Строго говоря, она спасла меня от разъяренной лошади. Заметив лису, та буквально взбесилась.

— Какая девушка? Вы знаете ее имя?

— Знал, но забыл. Она оказалась там случайно. Проезжала мимо, везла старые коробки на ферму. Я иногда с ужасом думаю, что могло бы случиться, окажись лиса подальше от дороги. Девушка ничего бы не заметила, и лошадь бы меня забила. Кошмар. В общем, девушка помогла мне сесть в свою машину и довезла до фермы, где я брал эту кобылу.

— Ее, случайно, не Берта зовут? — бесстрастно спросила Тора, хотя внутри у нее все кипело.

— Точно! — воскликнул Тейтур. — Конечно, Берта.

— РЕР, БЕР, — пробормотала Тора и положила мобильник на стол.

Мэтью, Гульфи и Сига молча ждали ее объяснений.

— Оказывается, не только Роза, — в полной тишине проговорила Тора. — О лисе знала еще и Берта.

— Но это совсем не значит, что она виновна в убийствах, — заметил Мэтью.

Гульфи и Сига внимательно следили за разговором.

— Есть кое-что поважнее лисы. Во-первых, Берта теряла больше всех, вместе со своей матерью Элин, конечно, и дядей Бёркуром. Она присутствовала на сеансе и верит в привидения, то есть могла воткнуть булавки в ступни жертв, чтобы не дать их душам бродить по земле.

— Не забывай, что Берты не было здесь во время убийства Эйрикюра, — напомнил Мэтью. — Она уезжала в Рейкьявик, номер ее машины есть в полицейском списке. Или ты считаешь, что убийства совершили два разных человека?

— Нет, не считаю, — ответила Тора. — Если хорошо подумать, то никуда она не ездила. Здесь она находилась, а не в Рейкьявике.

Брови Мэтью поползли вверх.

— Полагаешь, она дала кому-то свою машину?

— Нет. Она поменялась машинами со Стейни, — вздохнула Тора. — Тебе не кажется странным, что оба они сначала едут в Рейкьявик, а потом обратно. По-моему, это не простое совпадение. Стейни не провожал ее, как утверждает. Он выехал первым, остановился на противоположной стороне туннеля и стал дожидаться Берту. Когда та подъехала, они поменялись машинами, и Берта вернулась, чтобы расправиться с Эйрикюром. Стейни приехал сюда, остановился на обочине и снова стал ее ждать. В этот момент его и заметил байдарочник Тростур. Отъезжая, он увидел, как к Стейни подъехала еще одна машина, в которой находилась Берта. Таким образом, Стейни обеспечил ей алиби.

— И сам подпал под подозрение, — вставил Мэтью.

Тора покачала головой.

— Никоим образом. Кто поверит в причастность к убийству инвалида? Ты же его видел. Разве он смог бы справиться с Эйрикюром? Затащить его в стойло к жеребцу? Нет, конечно. А вот Берта могла. Она же здоровая как бык. Сколько времени она возит Стейни в коляске? Руки у нее должны быть очень сильные. — Тора хлопнула себя по лбу. — Помнишь фотографию ее покойной родственницы, Гудни? Она стоит у меня на тумбочке, рядом с кроватью. — Мэтью кивнул. — Они очень похожи, особенно если представить Берту с такой же прической.

— Честно говоря, я и лица-то Гудни не помню, а уж прическу — тем более, — улыбнулся Мэтью.

— Неважно. Теперь я понимаю, какая фотография ошеломила Йонаса. Портрет Гудни. Он утверждал, будто бы увидел в своем номере привидение, очень похожее на девушку с фотографии. — Тора закрыла глаза, вспоминая красивое лицо Гудни. — Только видел он не привидение, а Берту. Пока он был в ванной, она тихонько зашла к нему. Зачем? Пока не знаю. Допустим, явилась за его снотворным. Или за чертежами пристройки, а снотворное увидела случайно. Йонас, заметив ее в зеркале, подумал, будто видит привидение, и

остолбенел. Возможно, Берта намеревалась подмешать снотворное Бирне, но передумала, испугавшись, что Йонас обратил внимание на мелькнувший в зеркале силуэт. Эйрикюра она убила, поскольку знала, что находится в полной безопасности. На таблетки она не надеялась, поэтому и разработала хитрый план с конюшней. Берту принимали за привидение и когда она в тумане искала на лужайке крышку люка. Вероятно, пыталась добраться до скелета Кристин, прежде чем его обнаружит полиция.

— И что ты теперь собираешься делать? — осведомился Мэтью. — Твоих догадок, пусть даже очень правдоподобных, явно недостаточно. Ну, прежде всего, зачем ей потребовалось убивать Эйрикюра?

Тора шумно выдохнула.

— Не знаю. Он или обоснованно подозревал Берту, или видел, как та убивала Бирну. Только она сама может рассказать о своих мотивах.

— Пойдешь со своими выводами в полицию? — спросил Мэтью. — Торольфур показался мне неплохим человеком. Думаю, он не обидится, если ты подкинешь ему новую работенку. — Мэтью усмехнулся. — Он уже около часа беседует с Розой, и уверенность в ее виновности внушила ему ты.

Вздыхнув, Тора поднялась.

— Я обязана встретиться с ним, и чем быстрее, тем лучше.

— Cat! — внезапно громко произнесла Солей. Мэтью и Тора вздрогнули от неожиданности. Девочка улыбнулась, довольная произведенным эффектом. — Мам, скажи ему, что я тоже умею говорить по-английски.

— Молодец, солнышко. Обязательно скажу. — Тора провела рукой по светлым волосам дочери. — Я сейчас отлучусь ненадолго, а ты пока поболтай с Мэтью.

— Dog! — выкрикнула ободренная похвалой матери Солей.

Тора поспешила к выходу.

Лара устроилась поудобнее на жестком деревянном стуле и аккуратно, чтобы не помять, положила на колени пальто. Цветы, купленные накануне, так и не ожили, хотя всю ночь простояли в воде. Они печально поникли в металлической вазе на столике у кровати. Лара поздоровалась с постаревшей Малфридур Гримсдоттир и пожалала ее сухонькую ладонь.

— В последнее время ни о чем другом не могу думать, — призналась Лара. — С тех пор как моя внучка Сольдис устроилась работать в отель, там, на западе, ко мне постоянно приходят воспоминания. Ты знаешь правду и, я надеюсь, все мне расскажешь. Пока еще не поздно. — Она оглядела жалкую фигурку лежащей в кровати пожилой женщины.

Люди стареют по-разному. Малфридур была намного моложе Лары, но выглядела гораздо хуже и почти лишилась сил. Она не могла ходить и с трудом держала голову. Глядя на нее, Лара надеялась, что ей не придется так же медленно и мучительно угасать.

Глаза Малфридур увлажнились.

— Надеюсь, Господь простит меня, — проговорила она, опуская веки. По щекам ее заструились слезы. — Тогда я была очень молоденькой. Не осмеливалась послушаться отца. Потом он заболел, и на меня свались другие заботы.

— Я ни в чем тебя не обвиняю, дорогая Малфридур, — ласково сказала Лара, сжимая ее ладонь. — Понимаю, у тебя не было сил поговорить со мной тогда, но теперь время убегает от нас обеих, и мне страшно подумать, что я покину этот мир, так ничего и не узнав о дочери Гудни. Я в долгу перед ней.

Слезы ручьями текли по щекам Малфридур.

— Кристин умерла, — с трудом проговорила она. — Ее убил мой отец... — Лара терпеливо ждала, когда подруга успокоится. — Закрывл ее в угольном бункере. Я ходила в «Киркьюстетт» за ее любимой куклой, по которой она так скучала, и все видела из окна. Боже милостивый, — прошептала Малфридур и умолкла. При мысли о гибели девочки слова застревали в горле. Она собралась с силами и продолжила: — Из-за невыносимого запаха он сжег дворовые постройки, завалил костями животных угольный бункер и заложил дерном крышку люка. Вход в бункер из подвала он сначала забил досками, а потом возвел стену, чтобы скрыть дверь.

— Какой ужас. Зачем он это сделал? — потрясенно спросила Лара.

— Скотина началадохнуть от голода. После смерти отца Гудни не могла ухаживать за ней. Она ослабела, лежала при смерти. Когда отец в конце концов пришел на их ферму, спасти животных было уже невозможно. Вонь стояла ужасная. Он поджог все сараи, коровники и свалил кости в угольный бункер. Так он скрыл, что не пришел на помощь своему брату Бьярни и племяннице. Конечно, ему следовало ухаживать за скотом, когда Гудни слегла. — Старая женщина закрыла глаза. — Но он ни разу не ходил туда, даже когда скот начал падать. К его приходу живой оставалась всего одна корова. Я видела ее несчастные глаза. Передо мной до сих пор стоит эта жуткая картина.

— Я не о животных спрашивала и не о дворовых постройках. Зачем он убил дочь Гудни? Вот этого я понять не могу. — Лара заплакала.

— Кристин, — сказала Малфридур, пристально глядя в белый потолок палаты. — Отец ненавидел ее. Сначала я не понимала почему. Ведь она была такая милая, ласковая. Очень тихая, послушная девочка. Она прожила у нас всего несколько дней и все это время ни на шаг не отходила от кровати, где лежала ее смертельно больная мать. Отец не заходил к ним в комнату, боялся заразиться. Кристин подавала матери воды, кормила ее, поправляла постель. Как могла заботилась о ней, пока однажды ночью ее мама не умерла. Кристин была особенной девочкой, но отец не замечал этого. Мне она нравилась. Наивная, я думала, что после смерти матери она останется жить с нами. А произошло все совсем не так. — Малфридур замолчала. — Отец не только пошел на убийство, но и уничтожил все следы пребывания Кристин в нашем доме и вообще на земле. Когда Кристин родилась, он надеялся, что она заразится туберкулезом от своего деда и рано умрет, во всяком случае, не достигнет совершеннолетия. Кроме того, она была незаконнорожденной. Это считалось позором для семьи. Поэтому отец не выправлял ей свидетельство о рождении. Впоследствии его предусмотрительность сыграла ему на пользу.

— Зачем он убил ее? — вновь повторила Лара. — Я бы с радостью приняла девочку и заботилась о ней как о собственной дочери.

Малфридур повернулась к Ларе.

— Его угнетала зависимость от нее. Ведь мой отец незадолго до того потерял все свое имущество. Брат помог ему, выкупив ферму и гарантировав возврат его долгов. Однако вместо радости и благодарности за щедрость и благородство брата в сердце его закралась ненависть. Она его в конце концов и уничтожила. Обезумев от презрения к себе, совершившему убийство ради денег, снедаемый позором, он повесился. За день до самоубийства отец во всем мне признался. Подтвердил то, в чем я его всегда подозревала. Мне кажется, он ждал от меня отпущения грехов, но я не могла простить и не простила его. Меня ошеломила жестокость отца. Он внушал мне отвращение. Хотя я и была

свидетельницей происшедшего и все понимала, но тем не менее пришла в ужас от его рассказа.

Малфридур снова перевела взгляд на потолок.

— На его могильном камне я сделала надпись, соответствующую прожитой им жизни. У меня сердце кровью обливается, когда я о нем вспоминаю. А у него сердца не было. — Она слабо откашлялась. — Гибель Кристин повлияла на всю мою судьбу. Предав ее, я жила в постоянном страхе, все ждала, что она вернется и станет меня преследовать. Хотя отчасти так и случилось. До сих пор я испытываю угрызения совести. А теперь она приходит ко мне во сне.

— Я должна откопать ее, — проговорила Лара, поднимаясь. — Хватит ей мучиться. Похороню ее рядом с матерью, и до тех пор, пока не сделаю это, не смогу спать спокойно.

Малфридур приподнялась с подушки, впервые за время беседы с Ларой.

— Не нужно. Я обо всем позаботилась.

Лара посмотрела на нее непонимающе.

— Девочку еще не нашли, — удивилась она.

— Значит, что-то у нее не заладилось, — произнесла Малфридур. — Я обо всем рассказала Берте, дочери Элин, и та обещала мне отыскать Кристин. — Она слабо улыбнулась Ларе. — Странно, своим детям я ничего о девочке не говорила, только Берте. Когда внучка приходила навестить меня. Она так похожа на Гудни. Душа у нее такая же добрая. Она совершит благое дело, когда отыщет Кристин.

Лара поднялась и гневно посмотрела на Малфридур.

— Не удивлюсь, если она окажется больше похожей не на Гудни и ее дочь, а на своего деда, — жестко заявила она.

— Будем надеяться, сердце Малфридур Гримсдоттир выдержит, когда она узнает страшную правду. Возможно, она не совсем искренна или просто не осознает, какие испытания судьба уготовила ей и ее внучке, — сказала Тора и нажала на тормоз. Больше никаких доказательств не требовалось. Телефонный звонок Лары все расставил по местам, подтвердив виновность Берты. Тора отправилась в путь сразу же после разговора с ней и теперь со скоростью улитки ехала сквозь туман к ферме «Тунга». Местами пелена немного прояснялась, и тогда на покрытой мхом лаве появлялись загадочные тени, причудливые и пугающие. Потом туман снова сгущался, поглощая таинственные образы, и у Торы мороз пробегал по коже. Она надеялась, что едет правильной дорогой. Ферма находилась недалеко, но увеличить скорость мешала плохая видимость, вынуждая медленно тащиться по едва заметной дороге. Порой казалось, что она теряет ощущение времени. Наконец из тумана выплыл столб, и на нем рука с раскрытой ладонью. Это был указатель. Тора облегченно вздохнула. «Значит, я все-таки еду правильно». Свернув на подъездную дорогу, она чуть увеличила скорость и через пару сотен метров увидела сквозь туман очертания фермы.

Возле дома стояла пустая машина Торольфура. Тора припарковалась рядом и направилась ко входу. Она уже поднималась по ступенькам, как вдруг из густоты тумана донесся детский плач. Тора замерла, пытаясь определить источник звука, но безуспешно. Плач прекратился так же внезапно, как и начался. Тора поежилась, стараясь унять охватившую ее дрожь. «Кто это, черт подери, рыдает? Может, какая-то женщина бродит в тумане с малышом на руках?» Она пристально вгляделась во мглу в той стороне, где, по ее предположениям, находилась конюшня, и заметила какое-то движение. Любопытство

пересилило страх, и Тора двинулась в том направлении, осторожно ступая по гравию.

Подойдя к конюшне, она вновь услышала плач и огляделась, но никого не увидела. Сзади раздался громкий стук, заставивший ее вздрогнуть. Дверь в конюшню была распахнута и при каждом порыве ветра била в противоположную стену.

«Кто-то намеренно оставил ее открытой?» Тора прижалась к стене, надеясь остаться в тумане незамеченной для находившегося в конюшне. Спустя минуту она разглядела неясный силуэт. Человек вышел из конюшни, притворив за собой дверь. Прятаться больше не имело смысла.

— Привет, Берта, — сказала она. — Зачем ты ходила в конюшню?

Застигнутая врасплох, девушка замерла на месте, потом повернулась и с ужасом посмотрела на Тору. Несколько мгновений она непонимающе глядела на нее, затем пробормотала:

— Я? Просто так.

— Я видела, как ты выходила из конюшни. Ты знакома с ее владельцами?

Из тумана снова послышался плач, и Берта повернулась в его сторону.

— Я услышала, как кто-то плачет, и отправилась проверить, не потерялся ли чей малыш, — запинаясь проговорила девушка.

— Проверить? В конюшню? — удивилась Тора. — Звук явно идет снаружи, а не изнутри. — Она пристально смотрела на нее. — Берта, ты должна понять — все кончено, — спокойно проговорила она. — Тело Кристин нашли. Бессмысленно оттягивать неизбежное. Пойдем со мной, поговорим с Торольфуром. Полицейский сейчас находится в доме. — Она махнула рукой в сторону фермы, уже неразличимой в продолжавшем сгущаться тумане.

— О чем вы говорите? — спросила Берта. Безразличный вид никак не вязался с ее дрожащим голосом. — Я вас не понимаю...

Плач звучал все громче и настойчивее.

— Наверное, это рыдает призрак ребенка, брошенного на произвол судьбы, — холодно произнесла Тора. — Возможно, Кристин, ваша родственница. Думаю, бабушка уже видела ее. — Тора надеялась, что Берта всерьез воспримет ее слова, поскольку, как она считала, верит в привидения. Во всяком случае, Лара упоминала о снах Малфридур, в которых ей является Кристин. — Пойдем, — сказала она. — Дома нам будет спокойнее, чем здесь. Не стоит дожидаться, пока младенец трижды проползет вокруг нас. Думаю, один круг он уже сделал.

Берта испуганно глядела на Тору. Она побледнела, глаза ее покраснели.

— Как им удалось обнаружить Кристин? — едва слышно проговорила она.

— Неважно, — ответила Тора. — В конце концов, это должно было когда-нибудь случиться. Главное — ее нашли, и теперь пришла пора держать ответ.

— Мы с мамой все потеряем, — бесстрастно произнесла Берта. Торе показалось, что она говорит сама с собой. — У Стейни ничего не будет. Он живет в нашем доме. Родители его перебрались в Рейкьявик. Ему придется уехать к ним. — Она всмотрелась в туман и вздохнула. Тора увидела на ее висках капельки пота. Плач начал стихать и вскоре прекратился. Берта, казалось, немного успокоилась.

— Есть вещи похуже, чем потеря собственности, — заметила Тора и, не удержавшись, прибавила: — Например, потеря жизни.

Берта резко повернулась к ней.

— Бирна не имела права жить, и Эйрикюр тоже. Они были плохими людьми. Бирна

шантажировала старика, а Эйрикюр пытался выманить у меня деньги. Он позвонил мне и сказал, что видел, как я уходила с сеанса. Он угрожал сообщить обо всем моей матери, если я не заплачу ему. Он думал, что коли у нас полно недвижимости, значит, мы очень богаты. Я согласилась заплатить, мы договорились о встрече... остальное вы знаете.

— К сожалению, знаю, — кивнула Тора, удивленная самообладанием девушки, хотя та едва держалась на ногах от волнения и страха. — Я читала заключение патологоанатома о смерти Бирны. Ее несколько раз ударили по лицу острым предметом, предположительно — камнем. Ты хотела обезобразить его, чтобы никто не смог ее опознать?

— Нет, — задыхаясь ответила Берта. — Я собиралась ударить ее по затылку, но она вдруг обернулась — видимо, услышала мои шаги, — и мне пришлось бить ее в лицо. Я хотела представить все так, будто она сильно стукнулась затылком во время изнасилования, но удар в лицо все мне испортил. А ведь я замечательно все спланировала. Выбрала подходящий день, когда шел сеанс, ходила по отелю у всех на глазах. Я обеспечила себе отличное алиби. Села в заднем ряду, и, как только медиум целиком захватил внимание зрителей, тихонько выскользнула из зала. Потом добралась до берега, села в байдарку и уже через несколько минут была в бухте, рядом с Бирной. О байдарке я узнала от Сольдис, она же мне сообщила о скором отъезде. Действовать пришлось очень быстро.

Берта до скрипа стиснула зубы.

— Сольдис много болтает, — продолжала она. — Рассказала мне и о лекарстве в номере Йонаса, и о его привычке оставлять свой мобильник где попало. Она же говорила о сексопатологе и о других вещах, которые впоследствии мне очень пригодились. — Берта вздохнула. — Я все продумала. План был безупречен и тем не менее пошел насмарку. Бирна не умерла после первого удара, и мне пришлось бить еще и еще. — Она опустила голову, разглядывая свои туфли. — Потом налетели чайки и начали сильно кричать. Я перепугалась и даже хотела убежать.

Тора сама была близка к обмороку, к горлу подступила тошнота, но она справилась с собой и продолжила задавать Берте вопросы, отчетливо понимая, что другого шанса поговорить с девушкой начистоту у нее уже не будет.

— Зачем ты воткнула ей в ступни булавки?

— Чтобы призрак ее не блуждал по земле. Подобные раны опасны и живым, и мертвым, — ответила Берта и пошатнулась.

— С тобой все в порядке? — встревожилась Тора. — И все-таки, зачем ты пришла в конюшню?

«Может быть, Берта приняла какое-то лекарство и оно начинает действовать? — подумала она и сразу же отвергла свою мысль. — Нет, она осознает, что загубила свою жизнь — и свою, и чужие».

— Я сажала коноплю, — бесстрастно призналась Берта. — Надеялась таким образом навлечь на Розу и Бергюра новые подозрения. На случай если бы Йонаса отпустили. Ведь полиция могла выяснить, что сообщение Бирне отправлял не он. — Девушка снова вздохнула и посмотрела на Тору. — Мне удалось украсть его телефон. Как только я окончательно решилась, сделать это оказалось довольно легко. Бирну следовало остановить. Я пыталась вразумить ее, говорила о неудачном выборе площадки для строительства, но она меня не слушала. А последуй она моему совету подыскать другое место, ничего бы не случилось. — Берта немного помолчала. — Я все делала ради Стейни... — Тора не могла понять — то ли она оправдывается перед ней, то ли заглушает голос собственной совести. — Как я еще

могла ему помочь? На мне лежит вина за все случившееся с ним. Это я позвонила ему в тот вечер и попросила подбросить. Он отправился за мной и попал в аварию. А в Рейкьявике он жить не сможет. Он считает себя виновным в случившемся — думает, из-за него я пошла на убийства. И постоянно просит у меня прощения. Только он ни в чем не виноват, я сама так решила. Ради него. Не за что ему извиняться. Только ради него... — проговорила Берта, ноги ее подкосились, и она упала в обморок.

— А вот я так не думаю, — проворчала Тора, помогая девушке подняться. — Я считаю совершенно иначе...

Поддерживая под руку, Тора повела Берту к дому. Та пошатывалась, и Тора опасалась, как бы она снова не рухнула. До них снова долетел жалобный плач и так же внезапно стих. Тора чувствовала себя неуютно, ее бил озноб. Берта и вовсе дрожала как осиновый лист. Немного успокоились они, только добравшись до фермы. Тора нажала на дверной звонок и оглянулась. Ей хотелось, чтобы им открыли как можно быстрее. На ее счастье, дверь почти сразу распахнулась, и на пороге показалась Роза. Она не удивилась и ничего не сказала. Взгляд ее был устремлен куда-то мимо них. Тора снова обернулась, со страхом ожидая увидеть ползущего по ступенькам окровавленного младенца.

— Гули, Гули! — неожиданно завопила Роза. — Ты где шляешься, негодник? — В ту же секунду, когда затих ее визгливый голос, умолк и плач. — Кис-кис-кис, — позвала она мягким фальцетом. — Иди скорее ко мне, глупышка. — Из тумана вышел огромный кот и, мурлыча, вальяжно зашагал по ступенькам. Роза смотрела на него с нежной улыбкой.

Прохладительный напиток в баре стоил очень дорого, но Торе было все равно. Она поставила на столик недопитую банку и потуже затянула пояс халата. Затем подошла к приоткрытому гостиничному окну, приподняла штору и, выглянув на улицу, осмотрела площадь Аустурволлюр, предрассветную и пустую. Лишь изредка мелькали, исчезая во мгле, силуэты припозднившихся гуляк и удачливых любовников. Тора улыбнулась, опустила штору и вернулась в кровать, где крепко спал Мэтью. Тора считала, что ей крупно повезло. Наконец-то удалось встретить не тайного выпивоху, опасливого разведенца или спортивного фаната, а нормального мужчину, иностранца, ни под каким видом не желавшего переселяться в Исландию. Не в последней степени именно из-за этого нежелания он так ей и понравился.

Она услышала тихий звонок своего мобильного. Забыв, куда его сунула, Тора дождалась второго звонка и определила местонахождение телефона — тот лежал в ее сумке, висевшей на спинке стула у кровати. Она торопливо выудила его оттуда.

— Привет, что случилось? — зашептала Тора и, дабы не разбудить Мэтью, метнулась в ванную, закрыв за собой дверь.

— Мама! Мама! — заорал в трубку Гульфи. — Сига умирает.

Тора чертыхнулась и закрыла глаза. Она оставила Гульфи и Сигу дома вместе с Солей, чтобы провести ночь с Мэтью, улетающим днем в Германию. Схватки у Сиги, по ее расчетам, должны были начаться позже, поскольку в последние дни признаков их приближения не наблюдалось, и девушка вполне могла присмотреть за семилетней девочкой.

— Гульфи, дорогой, с Сигой все в порядке, — успокоила она. — Это приближаются роды. — В трубке послышались стоны Сиги.

— Она умирает, мам. На самом деле. Ты только послушай! — Стоны усилились. — Она то стонет, то прекращает. Опять стонет и опять прекращает, — сообщил Гульфи.

— Начинаются родовые схватки, — хладнокровно объяснила Тора, хотя была далека от спокойствия. — Не волнуйтесь, я еду к вам. Одевайтесь и одень Солей. Сига тоже пусть оденется, а если не сможет, пускай сидит в чем есть. — Тора открыла дверь ванной и прошла в комнату. — Она позвонила своей матери? Та уже едет? — расспрашивала она сына, собираясь.

— Нет, не звонила, — ответил Гульфи. — Сига просит меня ей позвонить, но я с кошмарной бабой говорить не буду, — твердо произнес он.

Тора прекрасно понимала сына, но все-таки упростила его позвонить будущей теще.

— Ее родители наверняка захотят находиться рядом с ней в такой момент, — убеждала она и прибавила: — Если ты не позвонишь, это станет для нее последней каплей. Она окончательно озверевает. А я уже еду. Будьте готовы. Если родители Сиги прибудут первыми и захотят отвезти ее в больницу, не сопротивляйся. Пусть везут. Сам можешь с ними не ехать, а дожидаться меня. Солей я тоже заберу. — Она дала отбой и застегнула молнию на юбке.

Как ни странно, Тора взяла с собой множество нарядных вещей, даже шпильки прихватила. Ей хотелось отметить конец расследования и порадовать Мэтью своим цивилизованным видом, хотя бы перед его отъездом. Она посмотрела на колготки, висевшие на телевизоре, поморщилась, но решила все же надеть их.

— Мэтью, — осторожно потрясла его Тора. — Мне нужно уехать. У Сиги начались

схватки.

Мэтью приподнял голову и сонно уставился на нее.

— Не понял? — пробормотал он.

— Я уезжаю. Повезу Сигу в больницу. Рожает она, понимаешь? Не переживай, я недолго. Позвоню попозже, когда все закончится.

Тора надеялась добраться до дома раньше родителей Сиги, поэтому ехала быстрее обычного. Сворачивая на подъездную дорожку, она улыбнулась, вспомнив, с каким невежеством Гульфи и Сига рассуждали о родах, переваривая информацию, почерпнутую в Интернете. «Скоро сама узнает, что это такое», — думала Тора. Прослушав начальный курс для будущих родителей, оба отказались ходить на занятия. Сига вогнала акушерку в ступор, поинтересовавшись, можно ли во время родов смотреть MTV.

— А вот и я! — воскликнула Тора, входя в дом, но за стенами Сиги ее никто не услышал. «Сайентологи не одобрили бы такого поведения», — подумала она.

— Что-то с ней не так! — закричал трясущийся от волнения Гульфи, увидев мать. — По-моему, младенец пытается вылезти боком, точно тебе говорю.

— Нет, сынок, все идет как должно, — вздохнула Тора. — К сожалению, детишки рождаются в муках. — Она подошла к Сиге, сидевшей в гостиной за столом, положив голову на сложенные руки.

— Бедр у нее слишком узкие, — в отчаянии объявил Гульфи. — Все говорят, что с такими рожать трудно.

— Гульфи, дорогой, бедра здесь совершенно ни при чем, — успокоила Тора и наклонилась к Сиге: — Не бойся, ничего страшного не происходит. Старайся дышать глубже. Вставай потихоньку, пойдем в машину. Околоплодная жидкость уже отошла?

Сига медленно повернула к Торе бледное лицо и спросила:

— Какая околоплодная жидкость?

— Все понятно. Поднимайся и пойдем. — Тора ласково похлопала ее по руке. — Объяснять нет времени, да ты и сама скоро все узнаешь.

Она помогла Сиге выйти на улицу. Гульфи суетливо бегал вокруг них, потом рванулся открывать дверь и, выскочив первым, придержал ее. Замыкала процессию полусонная, ничего не понимающая Солей.

— Если предложат эпидурал — соглашайся, — внушала Тора. — Сейчас он в большой моде.

Она подвела Сигу к машине и уложила на заднее сиденье. Внедорожник Тора решила все-таки продать, поскольку другого способа рассчитаться с долгами не видела, хотя он нравился ей больше старой развалюхи — был и вместительней, и комфортней. Тора села за руль и включила двигатель, но едва тронулась с места, как Сига истошно закричала. Она резко нажала на тормоз и вместе с Гульфи, сидевшим рядом с ней, повернулась к Сиге. Увидев под ней лужу, Тора вздохнула. «Придется скинуть цену. Кто же станет за такие деньги покупать машину, заднее сиденье которой пропитано околоплодными водами?» — уныло подумала она.

Солей сидела, болтая ногами. Больше в приемном отделении заняться было нечем. Тору ее спокойствие поражало, тем более что томились они здесь почти три часа, ожидая, когда Сига наконец разродится. Присутствие ее отца не столько скрашивало тоску ожидания, сколько нагоняло еще большую. С ними он не разговаривал, бросая на Тору презрительные

взгляды, поэтому она даже обрадовалась, когда гнетущую тишину нарушил звонок ее мобильного. Она вытащила телефон и вышла в коридор.

— Здравствуйте, Тора. Это Лара из Снайфелльсна, бабушка Сольдис, — раздался в трубке низкий голос. — Простите, если я не вовремя.

— Все нормально, не беспокойтесь. Мне очень приятно вас слышать, — заверила Тора. — Я собиралась вам позвонить. Пришлось срочно уезжать, и мне не удалось повидаться с вами.

Пять дней прошло с ареста Берты и Стейни, и все это время Тора разбирала завалы, накопившиеся за время ее отсутствия в офисе. Узнав, что за привидение принял Берту, Йонас, к счастью для Торы, не стал возбуждать дело против Элин и Бёркура.

— Вы знаете, Кристин нашли, — сказала она.

— Да, поэтому-то я и решила с вами связаться, — ответила Лара. — Я собираюсь похоронить ее рядом с матерью. Надеюсь, вы сможете приехать на похороны? Только благодаря вашим усилиям ее и обнаружили. Большого наплыва родственников я не ожидаю, и очень не хотелось бы, чтобы присутствующих было всего двое — я да священник. Думаю, это важно.

— Почту за честь, — торжественно, но с искренней теплотой в голосе произнесла Тора.

— Прекрасно, — сказала Лара. — Я вам попозже сообщу дату. — Она вежливо откашлялась. — Теперь второе. Ко мне недавно заезжал полицейский, который вел расследование.

— Торольфур? — удивилась Тора. — И зачем вы ему понадобились?

— Он привез мне письмо, точнее, копию письма... — Лара замолчала. — Оно шло ко мне шестьдесят лет. Его мне написала Гудни.

— Вот как? Где его нашли? — взволнованно спросила Тора. — Неужели в угольном бункере?

— Оно находилось в кармане куртки Кристин... — Торе показалось, что Лара вот-вот расплачется, но когда та вновь заговорила, голос ее звучал ровно. — Письмо очень личное, касается меня одной, но с частью его я могу вас познакомить. Хотите?

— Разумеется, — ответила Тора. — Думаю, оно прольет свет на некоторые обстоятельства.

— Когда Гудни писала свое письмо, она понимала, что умирает и другого шанса рассказать мне все у нее не будет. Начала она с извинений: не могла заставить себя написать раньше — боялась, что я приеду к ней и заражусь туберкулезом. В Рейкьявике я начала новую жизнь, и Гудни не хотела расстраивать меня жалобами на свою горькую судьбу.

— Она, наверное, имела в виду болезнь, — предположила Тора. — Вряд ли, говоря о горькой судьбе, Гудни имела в виду свою малышку.

— Да, конечно, — подтвердила Лара. — Она называет дочку лучиком света в кромешной тьме, солнышком и так далее. Хвалит ее, послушную и воспитанную, несмотря на окружающую обстановку. Ведь она росла, не видя никого, кроме матери и деда. Гудни, бесспорно, переживала и испытывала жгучий стыд из-за дочери, считавшейся незаконнорожденной, но всегда любила Кристин.

— Дети удивительно быстро приспосабливаются к любым обстоятельствам, — заметила Тора, вспомнив о своем внуке или внучке, выходящем в мир, возможно, боком.

— Совершенно верно, — согласилась Лара. — Кристин невероятно повезло с матерью, она всей душой любила ее. Поэтому ни в ком больше не нуждалась. — Лара замолчала.

«Наверное, читает письмо. Опускает личное, выскивает нужные строки», — решила Тора. — Гудни открыто называет имя отца девочки, Магнус Балдвинссон, — продолжала Лара. — Они встретились только раз, когда тот приезжал к ним по делам, касавшимся создания националистической партии. Гудни от него забеременела. Других мужчин, как она пишет, у нее не было и, как безрадостно шутит дальше, «теперь уже не будет».

— Она не говорит, известно ли отцу о ребенке? — спросила Тора. — Если да, то он мог серьезно претендовать на имущество.

— Как она рассказывает, он уехал в Рейкьявик. Она писала ему о рождении Кристин, но ответа не получила, — вздохнула Лара. — Гудни болела душой за свою дочь, а не за себя, это ясно из текста письма. Вы знаете, мне кажется, Магнус не любил ее. Если бы любил, все сложилось бы совсем по-другому.

— Да, бывают в человеческих отношениях ошибки, исправить которые невозможно, — произнесла Тора и подумала, что самой страшной из них является отказ признать собственного ребенка.

— В своем письме Гудни просит меня забрать ее дочь, — продолжила Лара. — К тому моменту отец ее уже умер и она вместе с девочкой жила у своего дяди Гримура. Гудни называет его сумасшедшим и не доверяет ему. Говорит, он смотрит на них с дочерью с такой ненавистью, что она начинает опасаться за ее жизнь. Больше всего на свете она не хочет доверять ему свою девочку и даже просит меня подумать, как бы помочь собственной дочери Гримура, судьба которой тоже ее волнует. Хотя та была старше Кристин и уже могла позаботиться о себе.

— Все ясно, — проговорила Тора. — Как вы думаете, мог Гримур догадаться о желании Гудни передать вам на воспитание свою дочь? — спросила она. — Теряя Кристин, он одновременно терял и все права на имущество.

— Не знаю, — ответила Лара. — Гудни ничего об этом не сообщает. Ни единого намека. Правда, в одном месте она опасается, дойдет ли до меня ее письмо. Она не верит Гримуру и говорит, что ему письмо передавать не собирается, а вручит его дочери и попросит отдать кому-то из взрослых, а уж тот его отправит. С Кристин она все обговорила, рассказала ей, какая я добрая и, возможно, скоро приеду и возьму ее к себе. Она очень надеется на Кристин. Девочка хоть и маленькая, но исполнительная и умная, поэтому обязательно выполнит ее просьбу.

— Кроме того, она, как я понимаю, умела молчать, — вставила Тора. — Во всяком случае, Гудни удалось сохранить письмо в тайне от дяди.

— Да, — расплакалась Лара. — Мы с вами поговорим еще об этом письме, когда вы приедете на похороны, — произнесла она сквозь слезы. — Для первого раза, думаю, вполне достаточно.

— Конечно, конечно, — согласилась Тора. — Можете быть абсолютно уверены, я обязательно приеду. — И она попрощалась.

Разговаривая, Тора взад-вперед ходила по коридору, не обращая внимания на происходящее вокруг, и только теперь поняла — почти за каждой дверью принимали роды. Крики, доносившиеся из одной операционной, показались ей удивительно знакомыми. Она подошла ближе в надежде услышать плач младенца, но за стенами ничего не разобрала. Вполне естественно: разве мог малютка перекричать свою мать? Внезапно сквозь стоны прозвучала внятная фраза.

— Я не так все себе представляла! — отчаянно выкрикнул кто-то.

«Разумеется», — усмехнулась Тора. Стоны усилились, и вдруг Тора уловила жалобный детский писк. Глаза ее наполнились слезами. Смущало только отсутствие радостных возгласов Гульфи. «Как бы с ним обморок не случился», — встревожилась она.

— Фу! Уберите от меня этот ужас! — донеслось вдруг из-за двери. Ошеломленная Тора замерла. К действительности ее вернул резкий окрик матери Сиги.

— Не дури! Они же тебе плаценту показывают. Умные люди ее высушивают и мастерят полезные вещи из нее. Абажуры например.

Тора вздрогнула. Не хватало только, чтобы мамаша Сиги одарила ее на Рождество подобным сувенирчиком.

Дверь открылась, и из операционной, тяжело отдуваясь, вышел Гульфи. Он бросился к матери и обнял ее.

— Отвратительное зрелище, — сияя, прошептал он. — Зато я стал отцом. У меня родился сын!

Тора расцеловала его в обе щеки.

— Мой дорогой Гульфи, — говорила она между поцелуями, — поздравляю от всего сердца. Пусть твой сын будет таким же красавчиком. Как он тебе? Понравился?

— Не очень. Какой-то весь мучнистый и скользкий, — передернуло Гульфи. — И еще эта пуповина висит... — Не закончив фразу, он схватился за дверную ручку. — Пойдем, сама посмотришь! — И, схватив мать за руку, потянул ее за собой.

Тора решила не вламываться в операционную вместе с сыном. Лучше появиться достойно и вести себя сдержанно. Она поправила костюм, стараясь успокоиться, вошла в комнату и огляделась. Проигнорировав будущую сватью, она устремила взгляд на новоиспеченную мать с младенцем на руках.

«Вот и случилось это долгожданное событие. Я стала бабушкой», — подумала Тора, увидев внука. Ей захотелось немедленно помчаться к Мэтью и поделиться с ним своей радостью.

Подошла очередь Тору приблизиться к открытой могиле. «Пепел к пеплу, прах к праху», — тихо проговорила она, бросила в нее горсть земли и торопливо перекрестилась. Несколько человек, пришедших в маленькую церковь и затем молча последовавших к месту погребения, стояли под мелким морозящим дождем. Тора шла рядом с Ларой, взяв ее под руку, и отпустила только возле гроба, позволив отдать последнюю дань давно усопшей девочке. Два человека из всех скорбящих особенно остро переживали печальный обряд — Лара и высокий старик. Его страдальческий вид вызывал у всех пронзительную жалость. Это был Магнус Балдвинссон. Он приехал в церковь к началу службы и сел на самой дальней скамье. Магнус шел позади короткой процессии, в нескольких шагах от Тору, обеими руками сжимая шляпу, с потупленным взором. Тора сочувствовала ему, собралась было подойти, но сочла, что Лара больше нуждается в ее поддержке. Кроме того, она не знала, как Магнус воспримет ее порыв.

Пастор, прикрыв глаза, читал старинную молитву. Тора повторяла за ним слова. Ей почему-то подумалось, что молитва Кристин понравится:

Я ложусь и засыпаю,
Душу Господу вверяю.
Если я умру во сне
Пусть возьмет ее к себе.

Присутствующие стали расходиться. Поодиночке, получив благословение пастора.

Через несколько минут на кладбище остались только трое: Лара, Тора и Магнус. Он продолжал стоять поодаль, все так же опустив голову.

— Пойдемте ко мне? — предложила Лара. — Я сварю вам кофе. — Она взяла Тору под руку. — И еще мне хочется показать вам последнее письмо от Гудни. Надеюсь, вы не торопитесь?

— Нет, — ответила Тора.

Они направились к выходу. У могилы своей давно умершей дочери застыл Магнус Балдвинссон. Тора мягко улыбнулась, услышав тихий детский плач, донесшийся с застывшей лавы. «Опять этот чертов котище воет, — подумала она и внезапно вспомнила: — Да я же видела его совсем недавно, возле фермы „Тунга“. Как он мог за столь короткое время преодолеть такое расстояние?» Плач становился все жалобнее и горше.

— Вы не возражаете, если мы пойдем чуточку быстрее? — спросила Тора, крепче прижимая к себе тонкую руку Лары. — Холодно, что-то меня знобить начинает.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Наконец-то (*нем.*).

Пожалуйста, госпожа (нем.).

Издается и распространяется бесплатно организацией «Гидеонс интернэшнл». Обязательная принадлежность номера в отеле или мотеле.